

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН

ВОСХОДЯЩАЯ ТЕНЬ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 4

Колесо Времени

Роберт Джордан
Восходящая Тень

«Азбука-Аттикус»

1992

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Джордан Р.

Восходящая Тень / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус»,
1992 — (Колесо Времени)

ISBN 978-5-389-18962-1

Ранд ал'Тор, наконец-то завладевший созданным в древности мечом Калландором, который наделяет его обладателя невиданной силой, объявлен Драконом Возрожденным. Исполнилось одно из пророчеств, явился тот, кто призван спасти народы от Темного, источника и породителя хаоса. Но возрождение Дракона-спасителя создает не только новые нити в плетении мирового Узора, оно притягивает к Ранду ал'Тору пузыри зла, и Ранд становится мишенью для темных сил. Сам мир меняется резко, рвутся родственные связи, распадаются союзы, воины из Айильской пустыни захватывают Тирскую Твердыню, а в Белой Башне города Тар Валон происходит кровавый переворот. И есть много таких людей, кто не готов признавать за Рандом его новую ипостась, и эти люди опасны не менее прислужников Темного. В настоящем издании текст романа «Восходящая Тень», как и в других романах, составивших знаменитую эпопею «Колесо Времени», заново отредактирован и исправлен.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-18962-1

© Джордан Р., 1992
© Азбука-Аттикус, 1992

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	36
Глава 3	62
Глава 4	75
Глава 5	81
Глава 6	88
Глава 7	102
Глава 8	113
Глава 9	124
Глава 10	135
Глава 11	145
Глава 12	158
Глава 13	165
Глава 14	172
Глава 15	179
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Роберт Джордан

Колесо Времени. Книга 4

Восходящая Тень

Robert Jordan

THE SHADOW RISING

Copyright © 1992 by The Bandersnatch Group, Inc.

Maps by Ellisa Mitchell

Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell

All rights reserved

Серия «Звезды новой фэнтези»

Перевод с английского Виталия Волковского

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки Сергея Шикина

Издательство благодарит за помощь в работе над циклом «Колесо Времени» Бориса Германовича Малагина, Дмитрия Александровича Духина, а также всех участников сетевого содружества «Цитадель Детей Света», способствовавших выходу в свет настоящего издания.

© В. Э. Волковский (наследники), перевод, 1997

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Роберту Марксу —

писателю, учителю, ученому, философу, другу и вдохновителю

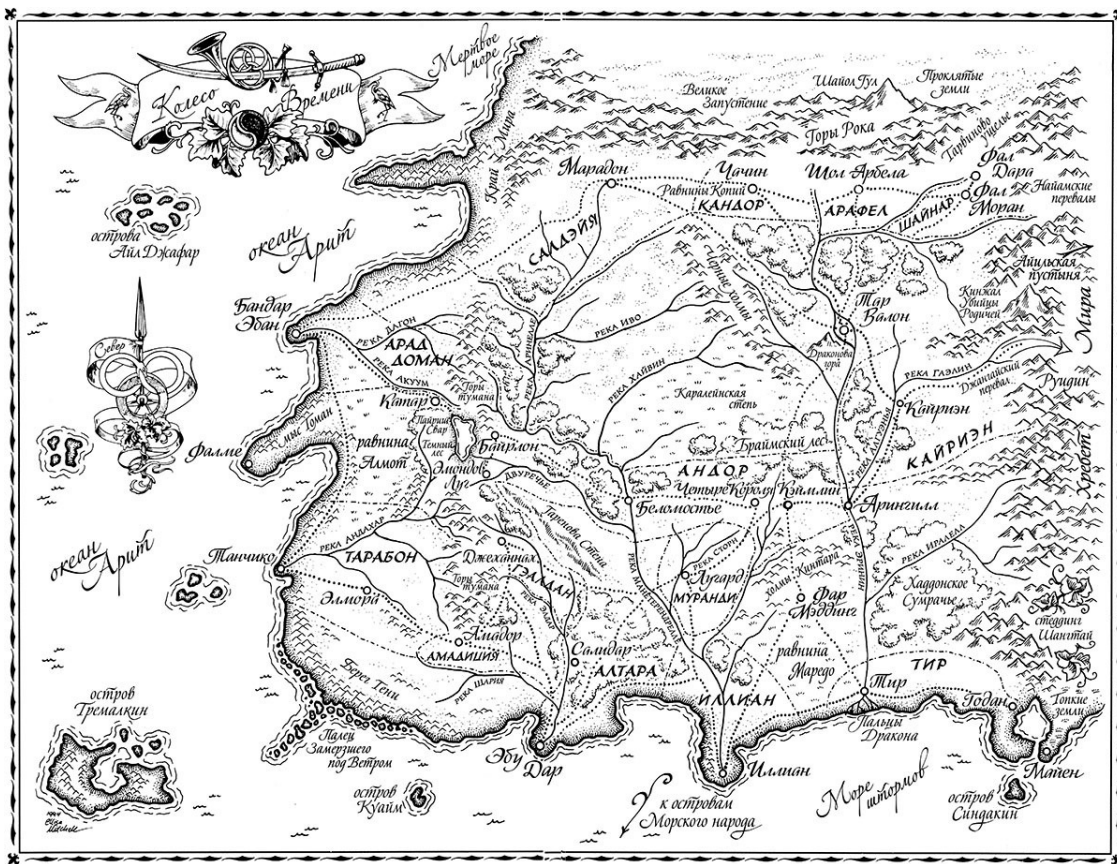
Восстанет над миром Тень и затмит всю землю от края до края,
и нигде не будет ни Света, ни безопасного пристанища.

И он, тот, кто будет рожден Рассветом, рожден Девойю, как
возвещает Пророчество, возденет руки свои наперекор Тени, и возопит
мироздание, в страдании обретая спасение.

Да будет славен Творец, и Свет, и он, родившийся вновь.

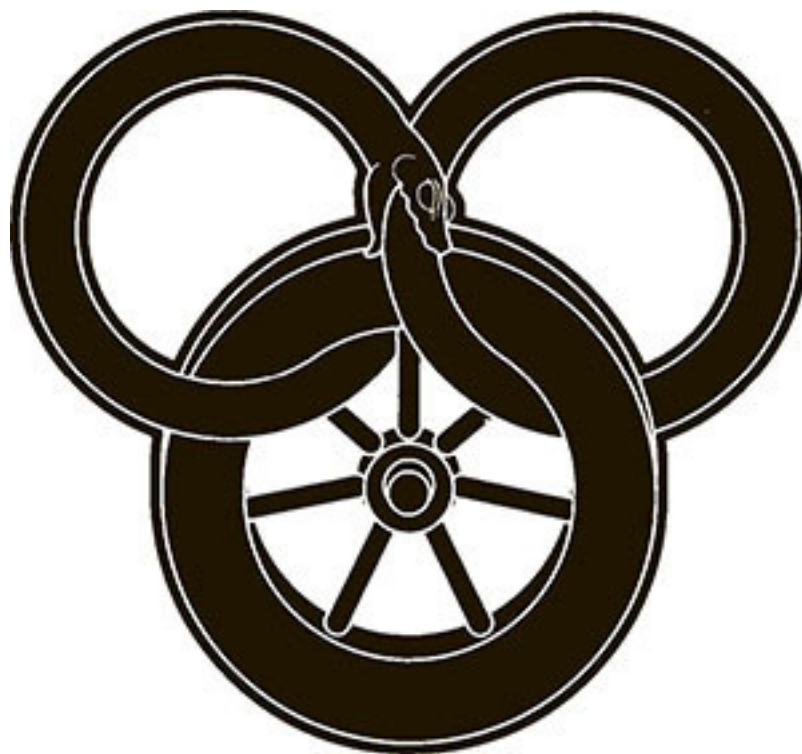
И да спасет Свет нас от него.

Из «Комментариев к Кариатонскому циклу» Серейне дар Шамелле
Мотара, сестры-советницы при Комайлле, верховной королеве
Джарамайде (ок. 325 г. после Р. М., Третья эпоха)

Глава 1

Семена Тени

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, эпоху, которая еще грядет, эпоху, которая давно миновала, ветер поднялся над великой равниной, прозванной Каралейнской степью. Ветер не был началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

Ветер дул на северо-восток под ранним утренним солнцем над растянувшимся на бесчисленные мили морем колышущейся травы с редкими купами деревьев, над быстрой рекой Луан, минуя напоминавший обломанный клык исполинский утес – Драконову гору, гору легенд, вздымавшуюся так высоко, что облака собирались, не достигнув вершины окутанного дымкой пика; Драконову гору – гору, где некогда пал Дракон, а вместе с ним, как утверждали, ушла в небытие и Эпоха легенд, и где, согласно пророчествам, он возродится вновь. Или уже возродился. Ветер дул на северо-восток, над селениями Джуалде, и Дарейн, и Алиндейр, откуда мосты, подобно каменному кружеву, перекинуты к Сияющим Стенам – величественным белым стенам Тар Валона, который многие считали величайшим городом мира, к стенам, которых каждый вечер касалась тень, отбрасываемая Драконовой горой.

В кольце стен высились здания, воздвигнутые огирами более двух тысячелетий назад. Казалось, они выросли из земли и обрели свои очертания благодаря многовековой работе воды и ветра, ибо более напоминали причудливые творения природы, нежели дело рук, пусть даже искуснейших рук легендарных каменотесов-огиров. Некоторые строения наводили на мысль о летящих птицах, другие же походили на огромные раковины из неведомых дальних морей. Взметнувшиеся ввысь башни, рифленые и спиралевидные, парили над городом, соединенные висячими мостами длиной в сотни футов, часто лишенными перил. Нужно было прожить в

Тар Валоне долгие годы, чтобы перестать изумленно таращиться на эти диковины, подобно простаку из захолустья, никогда не покидавшему родной деревушки.

Господствовала над городом величайшая из всех Белая Башня, поблескивавшая на солнце, словно выточенная из поделочной кости. «Колесо Времени вращается вокруг Тар Валона, – поговаривали горожане, – а сам Тар Валон вращается вокруг Башни». Первым, что открывалось взору приближавшихся к Тар Валону путников, еще до того как их кони достигали мостов, первым, что замечали капитаны речных судов, прежде чем сам остров вырисовывался на горизонте, была Башня, отражавшая солнечный свет, подобно маяку. Неудивительно, что обнесенная стеной площадь перед Башней казалась маленькой, а люди у подножия массивной твердыни выглядели крохотными, словно насекомые. Но будь Белая Башня даже самой маленькой в Тар Валоне, одного того, что она являлась средоточием мощи Айз Седай, было бы достаточно, чтобы держать в благоговейном страхе расположенный на острове город.

Как ни многолюден был город, толпы народа никогда не подступали к Башне настолько близко, чтобы заполнить площадь. По краям ее бурлил нескончаемый поток людей, спешащих по своим повседневным делам, но чем ближе к подножию, тем меньше становилось народу, и мало кто ступал на полосу чисто выметенной каменной мостовой шириной шагов в пятьдесят, что окружала возносящиеся ввысь белые стены. Разумеется, в Тар Валоне чтили Айз Седай, и та, что занимала Престол и звалась Амерлин, правила и Айз Седай, и городом, но немногие осмеливались приближаться к средоточию мощи Айз Седай, если в том не было особой нужды. Одно дело – гордиться большим камином в гостиной, и совсем другое – совать голову в огонь.

И совсем немногие подходили еще ближе, к широкой лестнице, ведущей к украшенным причудливым орнаментом воротам Башни, столь огромным, что в них, встав плечом к плечу, разом могла пройти дюжина человек. Эти ворота всегда оставались распахнутыми, словно приглашая войти. И всегда находились люди, нуждавшиеся в помощи или столкнувшиеся с вопросами, ответы на которые, как они полагали, ведомы только Айз Седай. Потому просители стекались сюда как из самых дальних краев, так и из окрестных земель – Арафела и Гэалдана, Салдэи и Иллиана. Многие и впрямь получали в Башне помощь и наставление, но часто совсем не те, на какие рассчитывали.

Мин набросила на голову широкий капюшон плаща, так что лицо ее невозможно было разглядеть. День стоял теплый, но плащ был достаточно легкий и не привлекал особого внимания к женщине, по всей видимости – изрядно робевшей. Такие чувства испытывали многие из тех, кто направлялся в Башню. В облике Мин не было ничего бросающегося в глаза. Волосы ее подросли, с тех пор как она посещала Башню в прошлый раз, хотя все же не достигали плеч, а простое голубое платье со скромной отделкой из джайрекрузских кружев по вороту и манжетам вполне подошло бы дочери зажиточного хуторянина, принарядившейся ради такого случая. Так поступила бы любая женщина, решившаяся приблизиться к широким ступеням Башни. Во всяком случае, Мин надеялась, что не слишком отличается от прочих просительниц. Ей приходилось подавлять в себе желание всматриваться в окружающих, вновь и вновь убеждая себя в том, что она вовсе не выделяется ни походкой, ни манерой держаться. «Я справлюсь с этим», – твердила она себе. Понятно, что, проделав весь этот долгий путь, она не могла повернуть назад. В платье ее наверняка не узнают. Может быть, ее и запомнили в Башне в тот раз, но ведь тогда она была коротко острижена и одета в мужские куртку и штаны. Никто не видел ее в платье. Надо думать, оно сослужит ей добрую службу. Выбора у нее не было. Действительно не было.

По мере приближения к Башне Мин охватывала дрожь, руки ее судорожно прижимали к груди матерчатый узел. В нем лежали все ее пожитки – обычная одежда и исправные сапоги, больше у нее ничего не было, кроме разве что лошади, оставленной на постоялом дворе неподалеку от площади. Если повезет, то всего через несколько часов славная лошадка понесет ее к Острейнскому мосту и дальше, по дороге на юг.

Честно говоря, Мин вовсе не улыбалось вновь взобраться на лошадь – после долгих-то недель, проведенных в седле без единого дня передышки. Но ей не терпелось поскорее убраться восвояси. Белая Башня никогда не казалась Мин очень гостеприимной, а сейчас представлялась почти такой же зловещей, как узилище Темного в Шайол Гул. Девушка поежилась, стараясь отогнать мысли о Темном.

«Интересно, неужто Морейн думает, что я поехала сюда лишь потому, что она меня попросила? Вразуми меня Свет, я веду себя как глупая девчонка! Глупая девчонка, которая потеряла голову из-за глупого мужчины!»

С тяжелым сердцем Мин поднялась по широким ступеням – на каждой из них приходилось делать два шага – и не задержалась у входа, как другие просители, с благоговейным трепетом озиравшие Башню. Ей хотелось, чтобы все это поскорее кончилось.

Внутри Башни располагался круглый приемный зал с купольным потолком. Стены его почти по всей окружности прорезали многочисленные арочные проемы. В середине зала, нерешительно переминаясь с ноги на ногу на истертых каменных плитах, толпились оробевшие посетители. Никто из них не мог и подумать о чем-либо, кроме того, где он находится и почему. Поселянин с одетой в грубошерстное платье женой, не разнимавшие натруженных рук, оказались рядом с разряженной в шелк и бархат купчихой, за которой следовала служанка с серебряной шкатулочкой для рукоделия – вне всякого сомнения, подношением ее госпожи Башне. В любом другом месте купчиху возмутила бы дерзость деревенского люда, осмелившегося чуть ли не толкать ее, да и сами поселяне предпочли бы поспешно извиниться и отойти. Но не сейчас. И не здесь.

Мужчин среди просителей было немного, и Мин это вовсе не удивило. Большинство мужчин предпочитали не иметь дела с Айз Седай. Все знали, что некогда были и мужчины Айз Седай и именно на них лежала ответственность за Разлом Мира. Три тысячи лет минуло с той поры, но время не смогло ослабить память о прошлом, хотя с годами многие подробности исказились до неузнаваемости. Детей по-прежнему пугали страшными историями о мужчинах, способных направлять Единую Силу и потому обреченных на безумие, ибо Темный навел порчу на мужскую составляющую Истинного Источника. Самыми жуткими были предания о Льюсе Тэрине Теламоне, Драконе, Льюсе Убийце Родичей, положившем начало Разлому. По правде говоря, эти предания пугали не только детей. Было предречено, что в час, когда человечество окажется перед лицом величайшей опасности, Дракон возродится, чтобы сразиться с Темным в Тармон Гай’дон – Последней битве, однако, каково бы ни было пророчество, оно едва ли меняло отношение большинства людей к любой возможной связи мужчины с Единой Силой. Теперь же любая Айз Седай станет отслеживать мужчину, способного направлять Силу; а среди всех семи Айя Красная этим не ограничивалась.

Правда, за помощью к Айз Седай мужчины все равно обращались, хотя и чувствовали себя при этом не в своей тарелке. Большинству становилось не по себе, даже когда заходила речь о возможности встречи с Айз Седай. Исключение составляли лишь Стражи, ведь каждый Страж был связан неразрывными узами с одной из Айз Седай. Их и обычными мужчинами-то трудно было назвать. «Ежели мужик руку занозит, то скорей отрубит ее, чем попросит Айз Седай занозу вытащить», – говорили в народе. Многие женщины вспоминали это изречение, сетуя на мужское упрямство, но Мин не раз слышала, как иные мужчины говаривали, что потерять руку и впрямь не самое худшее.

Мин подумала о том, как повели бы себя все эти люди, знай они то, что известно ей. Не иначе как разбежались бы кто куда, голося от страха. А если бы дознались, зачем она сюда заявила, то ее, скорей всего, препроводили бы под стражей в темницу, а может, избавились бы от нее раньше. У Мин были подруги в Башне, но ни одна из них не обладала властью или влиянием. Окажись ее намерения раскрытыми, едва ли они смогли бы ей помочь. Скорее наоборот – следом за ней угодили бы в руки палача, а то и на виселицу. Такой исход представ-

лялся более вероятным. О Мин говорили, что она рождена для испытаний, она же полагала, что, если дело обернется худо, ей придется умолкнуть задолго до суда.

Собравшись с духом, девушка приказала себе не думать ни о чем подобном.

«Я сделаю это, я справлюсь, и пусть Свет спалит Ранда ал'Тора за то, что из-за него я влипла в такую историю!»

Три или четыре принятых – молодые женщины, ровесницы Мин или чуточку старше – ходили по залу, тихонько переговариваясь с просителями. Они не носили никаких украшений, и единственной отделкой их белоснежных одеяний служила кайма из семи цветных полосок – семь цветов семи Айя. То и дело в зале появлялась одетая в белое послушница – молодая женщина или девушка – и приглашала кого-нибудь из просителей проследовать за ней вглубь Башни, и люди повиновались со смешанным чувством: в глазах их светился восторг, но робость сковывала движения.

Пальцы Мин вцепились в прижатый к груди узел с пожитками, когда перед ней остановилась одна из принятых.

– Свет да осияет тебя, – не слишком торжественным тоном промолвила кудрявая женщина. – Меня зовут Фаолайн. Чем Башня может помочь тебе?

По выражению терпеливой скуки на круглом смуглом лице Фаолайн было видно, что вместо этой нудной работы она охотнее потратила бы время на что-нибудь другое. Из того, что Мин знала о принятых, готовящихся стать Айз Седай, она тоже охотнее посвятила бы эти часы занятиям. Но для самой Мин важно было другое. Двух из находившихся в зале принятых она встречала, когда посещала Башню прежде, но, к счастью, те ее не узнали.

Тем не менее она склонила голову, будто робея перед служительницей Башни. Это должно было показаться естественным: деревенский люд по большей части понятия не имел, как велика разница между принятой и полноправной Айз Седай. Прикрывая лицо краем плаща, Мин отвела глаза в сторону.

– Я должна предстать перед Престолом Амерлин, чтобы обратиться к ней с вопросом... – начала девушка и осеклась, увидев, что из арочных проемов, ведущих в приемный зал, появились три Айз Седай – две из одного и одна из другого.

Принятые и послушницы учтиво приседали в реверансе, когда, обходя посетителей, оказывались неподалеку от сестер, но продолжали, не отвлекаясь, делать свое дело, хотя, возможно, чуть расторопнее. Иное дело просители: казалось, у всех до единого перехватило дыхание; похоже, многим в этот миг захотелось оказаться подальше от Белой Башни и Тар Валона. У всех трех женщин были юные цветущие лица, но их взоры и стать говорили о зрелости – они были куда старше, чем можно было предположить, глядя на их гладкие щеки. Впрочем, это было обычным для обитательниц Башни. Прожитые годы не сказывались на внешности женщин, долгое время имевших дело с Единой Силой. Все в Башне узнавали Айз Седай с первого взгляда: не было нужды даже смотреть, носит ли женщина кольцо Великого Змея.

По толпе пробежало волнение: женщины приседали, мужчины отвешивали неуклюжие поклоны, двое или трое упали на колени. Даже богатая купчиха, как видно, растерялась, а стоявшая рядом с ней деревенская чета потрясенно взидала на легенду, воплотившуюся в реальность. Большинство собравшихся понятия не имели, как следует держаться в присутствии Айз Седай, все их познания были основаны на слухах. Вряд ли кому-нибудь, кроме разве что жителей Тар Валона, вообще доводилось хоть раз в жизни видеть Айз Седай, да и местный люд в большинстве своем не отваживался к ним приближаться.

Однако Мин оборвала свою речь не потому, что увидела Айз Седай. Порой, хотя и не очень часто, у нее бывали видения. Взглянув на человека, она могла увидеть ауру или какой-то образ. Как правило, видения являлись лишь на мгновение – вспыхивали и тут же исчезали. И иногда Мин знала, что означает то или иное видение. Правда, такие озарения случались редко

и значение многих образов так и оставалось для нее загадкой. Однако, если образ указывал на то, что должно случиться, это случалось непременно.

В отличие от подавляющего большинства обычных людей, все Айз Седай и их Стражи постоянно были окружены аурами. Порой перед взором Мин представало множество беспрерывно меняющихся причудливых образов, так что у нее начинала кружиться голова. Что все это значит, она узнавала нечасто, во всяком случае не чаще, чем когда дело касалось обычных людей. Но на сей раз она знала, знала больше, чем хотела, и то, что она узнала, повергло ее в дрожь.

Из трех Айз Седай Мин была знакома одна, по имени Ананда, – стройная женщина с ниспадавшими на плечи черными волосами, принадлежавшая к Желтой Айя. Вокруг нее трепетало болезненное, блеклое коричневатое свечение, испещренное то расширявшимися, то сужавшимися разрывами и изломами, как будто оно распадалось прямо на глазах. Рядом с Анандой стояла невысокая светловолосая женщина из Зеленой Айя, о чем можно было судить по шали с зеленой бахромой. Когда она на миг повернулась спиной, перед глазами Мин промелькнул знак – Белое Пламя Тар Валона. И на плече этой женщины Мин увидела череп, словно угнездившийся среди виноградных гроздьев и цветущих яблоневых ветвей, вышитых на шали. Маленький женский череп, тщательно очищенный и отбеленный солнцем. Третья женщина, миловидная и пухленькая, не носила шали – многие Айз Седай надевали их только на церемонии. Ее осанка и горделиво поднятый подбородок указывали на уверенность и внутреннюю силу. Но Мин привиделось, что холодные голубые глаза Айз Седай глянули сквозь изорванную завесу кружев, плетенных из крови. Кровь струйками стекала по ее лицу.

Кровь, череп и свечение задрожали в неистовом кружении, исчезли, возникли вновь и опять растаяли. Просители с благоговейным трепетом взирали на Айз Седай. Они видели трех женщин, способных коснуться Истинного Источника и направлять Единую Силу. Никто, кроме Мин, не видел ничего больше. Никто, кроме Мин, не знал, что этим трем женщинам предстоит умереть. Всем трем – в один день.

– Амерлин не может встречаться со всеми, – промолвила Фаолайн с плохо скрываемым нетерпением. – Следующая аудиенция будет только через десять дней. Скажи, в чем заключается твое дело, и я устрою тебе встречу с сестрой, которая постарается помочь тебе наилучшим образом.

Мин уставилась на узел, который сжимала в руках. Ей не хотелось поднимать глаза – она страшилась вновь увидеть то, что только что видела. «Все, все три сразу! О Свет!» Как может случиться, чтобы три Айз Седай расстались с жизнью в один день? Но она знала: так будет. Она это чувствовала.

– Я имею право изложить свою просьбу Престолу Амерлин. Лично. – (Редко случалось, чтобы кто-то настаивал на этом праве – кто бы осмелился? – однако такое право действительно существовало.) – Любая женщина имеет на это право, и я прошу дать мне им воспользоваться.

– Ты что же, считаешь, что Престол Амерлин может лично беседовать со всеми, кто приходит в Белую Башню? Уверена, что и другая Айз Седай сумеет тебе помочь. – Слова «Престол Амерлин» и «Айз Седай» звучали в устах Фаолайн так, словно она надеялась грозным значением этих титулов превозмочь упорство назойливой просительницы. – Расскажи, зачем ты пришла. И назови свое имя, чтобы послушница доложила о тебе.

– Меня зовут... Элминдред. – Мин непроизвольно поежилась. Она терпеть не могла свое настоящее имя, а Амерлин была одной из немногих, кому доводилось его слышать. Хорошо, если она его запомнила. – Я имею право поговорить с Амерлин. И свой вопрос я могу задать только ей. Такое право у меня есть!

– Элминдред? – Брови принятой изогнулись дугой, а губы подернулись в усмешке. – Вот как? И ты настаиваешь на своем праве. Ну что ж, прекрасно. Я доложу хранительнице летописей, что госпожа Элминдред желает предстать перед Престолом Амерлин.

Фаолайн выговаривала имя «Элминдреда» так, что Мин захотелось вклеить ей хорошую оплеуху, но девушка лишь пробормотала:

– Благодарю тебя.

– Пока не за что. Пройдет время, прежде чем хранительница летописей соблаговолит тебе ответить; надо полагать, немало часов. И конечно же, она сообщит тебе, что задать свой вопрос матери ты сможешь только на следующей публичной аудиенции. Так что наберись терпения, Элминдреда. – Смерив Мин на прощание насмешливой улыбкой, принятая повернулась и ушла.

Стиснув зубы, Мин крепче сжала свои пожитки и отошла к стене между двумя арочными проемами. Больше всего на свете ей хотелось вжаться в стену и слиться с белесой каменной кладкой. «Никому не доверяй и старайся, чтобы тебя не узнали, пока не попадешь к Амерлин», – наставляла ее Морейн, а Морейн была единственной Айз Седай, которой Мин верила. Почти всегда. А уж это был, конечно, добрый совет. Единственное, что ей нужно, это добраться до Амерлин – и тогда все завершится благополучно. Она сможет надеть свою одежду, повидаться с друзьями и уехать. И больше не надо будет прятаться.

Оглядевшись, Мин с облегчением увидела, что Айз Седай ушли. Три Айз Седай, обреченные умереть в один день. Это невысказано, такого просто не могло быть, и все же это неизбежно. Мин знала: что бы она ни говорила и ни делала, ничего не изменится, но она обязана рассказать обо всем Амерлин. Возможно, это известие окажется не менее важным, чем те новости, которые просила сообщить Морейн, хотя в такое трудно поверить.

Между тем на смену ушедшим у входа в зал появилась еще одна Айз Седай. Мин подняла глаза, и ей показалось, что перед лицом женщины возникла решетка. Девушка вновь уставилась в каменный пол. Она хорошо знала эту сестру, наставницу послушниц Шириам, но отвела глаза не только из опасения быть узнанной. В тот миг, когда взгляд ее упал на цветущее лицо Айз Седай, ей привиделось, что оно покрылось синяками и кровоподтеками. Шириам, всегда спокойная, властная и уверенная в себе, казалась столь же неколебимой, как сама Башня. С трудом верилось, что с ней может приключиться беда. И тем не менее ее ждали тяжкие испытания.

Еще две сестры прошли через зал к арочному проему – незнакомая Мин Айз Седай, укутанная в шаль Коричневых Айя, сопровождала к выходу дородную женщину в платье из тонкой узорчатой красной шерсти. Та, несмотря на свою полноту, ступала легко, словно девушка, и на лице ее светилась довольная улыбка. Коричневая сестра улыбалась в ответ, но на глазах Мин аура ее истаяла, подобно огоньку оплывшей свечи.

Смерть! Раны, пленение и смерть! Значение увиденного было очевидно для Мин, будто она читала раскрытую книгу.

Девушка вновь, в который раз, опустила глаза. Она не хотела больше ничего видеть. «Только бы она вспомнила!» – взмолилась Мин про себя. Прodelав долгий и нелегкий путь от Гор тумана, она ни разу не позволила себе поддаться отчаянию, даже когда у нее дважды чуть не увели лошадь, но сейчас она была близка к этому. «Свет, только бы Амерлин вспомнила это проклятое имя!»

– Госпожа Элминдреда?

Мин вздрогнула. Перед ней стояла черноволосая послушница. Она была такой молоденькой – с виду лет пятнадцать, от силы шестнадцать, – что приходилось только удивляться, как родители отпустили ее из дому. Девушка из всех сил старалась напустить на себя важный вид.

– Да? Я... Это мое имя.

– А меня зовут Сахра. Если пойдете сейчас со мной, – в тоненьком голосе девчушки звучали нотки удивления, – то Престол Амерлин примет вас в своем кабинете.

Мин облегченно вздохнула и последовала за послушницей.

Ее капюшон был по-прежнему надвинут на глаза, но он не мешал видеть, и чем больше девушка подмечала, тем сильнее стремилась поскорее попасть к Амерлин. К вершине Башни вел широкий, вившийся спиралью коридор, пол которого был выложен разноцветной узорчатой плиткой, а стены украшали шпалеры и золоченые светильники. Народу по пути попадалось не так уж много – Башня могла вместить куда больше людей, чем в ней обитало, – но ауры почти всех встречных говорили о подстерегавшей их грозной опасности.

Мимо, едва достаивая двух женщин взглядом, спешили по своим делам Стражи, волчья поступь которых бросалась в глаза прежде, чем их смертоносные мечи. Взору же Мин их лица представляли окровавленными, тела – покрытыми зияющими ранами, копья и клинки скрещивались над их головами. Ауры вспыхивали, трепетали и угасали, словно в агонии. Мимо проходили живые мертвецы – Мин точно знала, что они погибнут тогда же, когда и Айз Седай, встреченные ею в приемном зале, в крайнем случае на день позже. Даже многие слуги – мужчины и женщины с нашитым на одежду знаком Белого Пламени Тар Валона – были отмечены видениями, предвещавшими роковую участь. Промелькнувшая в боковом проходе Айз Седай предстала перед Мин закованной в цепи, а на шее другой, пересекавшей коридор перед Мин и ее спутницей, блеснул серебристый ошейник. При виде этого Мин обмерла, и у нее едва не вырвался крик.

– У нас в Башне много такого, что ошеломляет тех, кто приходит сюда впервые, – сказала Сахра, безуспешно стараясь показать, что ей-то Башня близка и знакома, словно родная деревня. – Но ни о чем не тревожьтесь, вы в безопасности. Престол Амерлин все уладит. – При упоминании Амерлин девичий голосок зазвенел.

– О Свет, хоть бы и впрямь вышло так, – пробормотала Мин.

Послушница ободряюще улыбнулась ей.

Путь до просторного зала перед покоями Амерлин показался Мин бесконечным. Торопясь, она едва не наступала на пятки шедшей впереди Сахре. Только необходимость делать вид, что она здесь впервые, заставляла ее сдерживать желание пуститься бегом.

Одна из дверей, ведущих во внутренние покои Амерлин, распахнулась, и размахисто шагнувший наружу молодой человек с золотисто-рыжими волосами чуть было не налетел на Мин и ее проводницу. Рослый, подтянутый, сильный, в голубом, расшитом золотом по обшлагам и вороту кафтане, Гавин из Дома Траканд, старший сын королевы Андора Моргейз, с головы до пят выглядел настоящим лордом – величавым и горделивым. И этот лорд был явно не в духе. Мин не успела опустить глаза – юноша стоял перед ней и смотрел прямо на нее.

Глаза принца расширились от изумления и сузились, превратившись в полосы голубого льда.

– Значит, ты вернулась. Может, знаешь, куда подевались моя сестра и Эгвейн?

– А разве их здесь нет? – Нахлынувшая волна паники заставила Мин позабыть обо всем. Сама не понимая, что делает, она рванулась навстречу принцу и ухватила его за рукав – тому пришлось отступить на шаг. – Гавин, они уже несколько месяцев как отправились в Башню! И Илэйн, и Эгвейн, и Найнив. С ними была Верин Седай и... Гавин, я... я...

– Успокойся, – отозвался юноша, мягко высвобождая свой рукав. – Свет! Вот уж не думал, что так тебя перепугаю. Они были здесь, прибыли благополучно, но ни словом не обмолвились, где пропадали и почему. Во всяком случае, мне. Сдается, что и на тебя нет надежды.

Мин попыталась сделать непроницаемое лицо, но Гавин поймал ее взгляд и проговорил:

– Так я и думал. В этом месте больше загадок, чем... Но дело не в этом, а в том, что они снова пропали. И Найнив тоже. – Найнив он упомянул без особого интереса, мимоходом. Упомянул на тот случай, если окажется, что Мин с ней дружила. Для самого Гавина она ничего не значила. В голосе принца вновь послышались суровые нотки: – И опять никто мне ничего не сказал. Ни слова! Вполне возможно, что они просто работают где-нибудь в захолустье, отбы-

вают наказание за свой побег, но я никак не могу выяснить где. Амерлин ни в какую не хочет ответить мне прямо.

Мин вздрогнула – на миг лицо принца превратили в зловещую маску полосы запекшейся крови. Для девушки это был двойной удар. Ее подруги исчезли, а ведь куда легче было отправиться в Башню, рассчитывая найти их здесь. И Гавин – она поняла, что он будет тяжело ранен в тот самый день, когда погибнут Айз Седай.

Несмотря на овладевший девушкой страх, несмотря на мрачные видения, посетившие ее в Башне, ничто до сих пор не угрожало самой Мин. Опасность, нависшая над Башней, могла распространиться и далеко за пределы Тар Валона, однако это не задевало Мин напрямую – она к Башне не имела никакого отношения и не собиралась иметь. Но Гавина она знала, он нравился ей, и его подстерегала опасность куда большая, чем телесные раны. Только сейчас Мин с содроганием осознала, что если несчастье обрушится на Башню, то пострадают не только непостижимые Айз Седай, которые никогда не были ей особенно близки, но и ее друзья. Ведь они-то *связаны* с Башней.

Отчасти Мин была даже рада, что Эгвейн и остальных здесь нет. Рада, что не может прочесть на их лицах знаки неотвратимой смерти. Но с другой стороны, ей хотелось бы взглянуть на своих подруг, ничего не увидеть и удостовериться в том, что они будут жить. Куда же, во имя Света, они запропалились? Она хорошо знала всех трех и потому предположила: если Гавину неизвестно, где они находятся, значит они не хотели, чтобы он это знал. Скорее всего, так оно и есть.

Неожиданно Мин вспомнила о цели своего прихода в Башню, а заодно и о том, что беседует с Гавином отнюдь не наедине. Похоже, Сахра позабыла, что нужно вести просительницу к Амерлин, она вообще позабыла обо всем на свете, кроме юного лорда, и не сводила с него восторженных глаз, чего он попросту не замечал. Но Мин уже не надо было притворяться, что она впервые в Башне. Она стояла у самых дверей в покои Амерлин, и теперь ничто не могло ее остановить.

– Гавин, я не знаю, куда они подевались, но если они и впрямь отбывают наказание на какой-то ферме, то они потные, чумазные, по пояс в грязи. И неудивительно, что им не хочется, чтобы их видели такими, а уж ты – тем более.

По правде говоря, отсутствие подруг встревожило Мин не меньше, чем Гавина. Слишком многое из уже случившегося и из того, что происходило сейчас, могло отразиться на их судьбе. Хотя, кто знает, может, их действительно послали в деревню – каяться в своих прегрешениях?

– Гавин, ты вряд ли поможешь им тем, что разгневаешь Амерлин.

– А я не уверен, что они где-то на ферме. И даже не уверен, живы ли они. Зачем вся эта скрытность и недомолвки, если они всего-навсего пропалывают грядки? Если что-то случилось с моей сестрой... или с Эгвейн... – Юноша покраснел. – Я ведь должен приглядывать за Илэйн. И как же, спрашивается, я могу ее защитить, если даже не знаю, где она?

Мин вздохнула:

– А ты думаешь, ей нужно, чтобы за ней приглядывали? Или это нужно Эгвейн?

На самом деле Мин понимала, что, если Амерлин отправила девушек с каким-нибудь поручением, приглядеть за ними было бы совсем не лишним. Амерлин ничего не стоило по каким-то своим соображениям послать женщину в медвежью берлогу, вооружив хворостиной, и ждать, пока та не принесет медвежью шкуру или не приведет медведя на поводке – в зависимости от того, что ей было велено. Но говорить об этом Гавину значило лишь разжигать лишние страсти и усиливать его беспокойство.

– Гавин, они сами попросились в Башню и не поблагодарят тебя за вмешательство.

– Я знаю, что Илэйн не ребенок, – терпеливо отозвался юноша, – хоть она и сама не знает, чего хочет, – мечется туда-сюда, то сбежит, то играет в Айз Седай. Но как бы то ни было, она – *моя* сестра, а главное, дочь-наследница Андора. Она станет королевой после матери. И

Андору нужно, чтобы именно она, и никто другой, благополучно заняла трон. И Андору вовсе не нужна еще одна война за престолонаследие.

Играет в Айз Седай? Мин поняла, что, по всей видимости, Гавин не подозревает, каким даром обладает его сестра. Испокон веков Андор посылал дочь-наследницу обучаться в Башню, но у Илэйн – единственной из всех принцесс – обнаружились способности, позволявшие вырастить из нее Айз Седай, причем могущественную Айз Седай. И уж конечно, Гавин не догадывается, что Эгвейн отмечена столь же могучим даром.

– Стало быть, ты собрался защищать ее, хочет она того или нет? – Мин произнесла это нарочито невозмутимым тоном, чтобы дать Гавину понять, что он совершает ошибку, но юноша пропустил мимо ушей намек и кивнул в знак согласия:

– Это стало моим долгом с того дня, как она появилась на свет. Я обязан защищать ее до последней капли крови. Я поклялся в этом, когда она еще лежала в колыбели. Гарет Брин растолковал мне, в чем состоит мой долг. И я не нарушу своей клятвы. Андор нуждается в ней больше, чем во мне.

Гавин говорил об этом со спокойной убежденностью, как о чем-то само собой разумеющемся, и на Мин повеяло холодком. Она привыкла думать о нем как о смешливом юнце, склонном к мальчишеским выходкам, а сейчас он показался ей совсем незнакомым. Видно, Творец устал, когда пришло время создавать мужчин, подумала девушка, все-то у них не людски.

– Ну а Эгвейн? Какой обет ты дал насчет нее?

Лицо юноши не изменилось, но он беспокойно переступил с ноги на ногу:

– Меня заботит судьба Эгвейн, а как же иначе? И Найнив тоже. Ведь то, что случится со спутницами Илэйн, может случиться и с ней самой. Мне кажется, что они и сейчас вместе, как держались тут вместе и раньше. Они всегда были неразлучны.

– Матушка советовала мне выходить замуж за мужчину, который не умеет врать, и ты на эту роль вполне годишься. Только вот, думаю, найдется такой, что и тебя по этой части обставит.

– Чему быть, того не миновать, – негромко откликнулся юноша, – правда, бывает, кое-что и не случается. Знаешь, Галад совсем пал духом, оттого что Эгвейн пропала.

Галад приходился Гавину сводным братом. Обоих в свое время отправили в Тар Валон изучать воинское искусство под руководством Стражей. Это была еще одна андорская традиция. Галадедрид Дамодред был из тех, кто, ни в чем не зная удержу, способен загубить любое доброе дело. Однако Гавин не находил в своем сводном брате никаких недостатков, и, разумеется, он не стал бы признаваться в чувствах женщине, которой отдал свое сердце Галад.

Мин захотелось как следует встряхнуть Гавина, чтобы он малость образумился, но времени на это уже не было – то, что она должна была сообщить Амерлин, не терпело отлагательства, а тут еще эта Сахра с ошалевшими глазами.

– Гавин, мне назначена аудиенция у Амерлин. Где я смогу найти тебя, когда она меня отпустит?

– Я буду на плацу для ристалищ. Только там, пока я упражняюсь на мечах с Хаммаром, я могу отвлечься от своих тревог. – (Страж Хаммар был мастером клинка и учил молодых лордов обращаться с оружием.) – Я остаюсь там до самого заката почти каждый день.

– Хорошо. Я приду, как только смогу. А ты все-таки постарайся следить за своим языком. Если Амерлин разгневается на тебя, то не поздоровится ни Илэйн, ни Эгвейн. Будь благоразумен.

– А вот этого не могу обещать, – решительно ответил Гавин. – Что-то неладное творится в мире. В Кайриэне междоусобица, а в Арад Домане и Тарабоне и того хуже. Лжедраконы. Кругом раздор, отовсюду слухи – один тревожнее другого. Не стану ручаться, что за всем этим стоит Башня, но только и здесь дела обстоят не лучшим образом. И не так, как кажется со

стороны. Исчезновение Илэйн и Эгвейн – далеко не все, что меня беспокоит. И все же их судьба заботит меня. Я узнаю, где они. И если с ними что-то стряслось... если они погибли...

Юноша нахмурился, и лицо его на миг вновь превратилось в кровавую маску. Более того: над его головой сверкнул меч, а позади промелькнуло развевающееся знамя. Меч был таким, какими обычно пользовались Стражи, с длинной рукоятью и слегка искривленным клинком, помеченным клеймом в виде цапли – знаком мастера клинка. Мин не смогла определить, принадлежал ли этот меч Гавину или угрожал ему. На знамени красовался герб Гавина – атакующий белый вепрь, но почему-то на зеленом поле, а не на красном, которое было цветом Андора. И знамя, и меч растворились в кровавом мареве.

– Будь осторожен, Гавин. – Произнося эти слова, Мин имела в виду больше, чем могла объяснить даже себе самой. – Тебе нужно быть очень осторожным.

Юноша внимательно посмотрел ей в глаза и как будто уловил, что за ее предупреждением кроется нечто глубокое и серьезное.

– Я... постараюсь, – ответил он после непродолжительного молчания. Гавин ухмыльнулся – это была почти та мальчишеская ухмылка, которую так хорошо помнила Мин, но было очевидно, что далась она Гавину с трудом. – Ладно, пожалуй, мне пора на плац, раз уж я собрался посостязаться с Галадом. Сегодня утром я выстоял против Хаммара в двух поединках из пяти, но когда в прошлый раз Галад соблаговолит заглянуть на плац, он выиграл три. – Неожиданно юноша взглянул на Мин так, будто только сейчас впервые ее увидел, и улыбнулся, на сей раз искренне. – Знаешь, тебе надо почаще надевать платье – оно тебе очень даже к лицу. Помни, я буду там до заката.

И он зашагал прочь упругой походкой, почти неотличимой от исполненных смертоносной грации движений Стражей. Мин поймала себя на том, что оправляет складки платья, и тут же спохватилась. «Да испепелит Свет всех мужчин до единого!»

Сахра глубоко вздохнула, как будто все это время не смела перевести дух.

– Какой он симпатичный, правда? – мечтательно произнесла она. – Конечно, не такой, как лорд Галад, но... И выходит, вы с ним знакомы? – Отчасти это был вопрос, но лишь отчасти.

На вздох послушницы Мин ответила столь же глубоким вздохом. Девчонке будет о чем посудачить с подругами в спальне. И о ком же, как не о принце королевской крови, особенно если его окружает некий ореол, словно героя из песен менестрелей. А уж неизвестная женщина, которая знает с королевскими сыновьями, непременно оживит эти толки. Впрочем, тут уж ничего не поделаешь. «Во всяком случае, – рассудила Мин, – повредить мне болтовня послушниц уже не может».

– Престол Амерлин, должно быть, удивляется: что нас задержало? – проговорила она.

Сахра тут же спохватилась – она судорожно сглотнула, глаза ее расширились от испуга. Схватив Мин за рукав, она поспешно подтолкнула ее к двери. Оказавшись в приемной, послушница поспешно присела в неловком реверансе и выпалила, трепеща от страха:

– Я привела ее, Лиане Седай! Это госпожа Элминдреда. Желает ли Престол Амерлин принять ее?

В приемной находилась высокая смуглая женщина, узкий, в ладонь шириной, голубой палантин хранительницы летописей указывал на то, что она возвысилась до своего сана из Голубой Айя. Подбоченившись, она дождалась окончания доклада послушницы и отпустила ее, сурово промолвив:

– Ты не очень-то торопилась, дитя мое. Ступай, возвращайся к своим обязанностям.

Сахра еще раз неуклюже присела и выскочила так же поспешно, как и появилась.

Мин стояла, потупив глаза. Капюшон был по-прежнему надвинут на лоб. Уже то, что Сахра отметила и запомнила ее, было достаточно скверно, но та, во всяком случае, не знала ее имени. Другое дело – Лиане: она-то знала Мин лучше всех в Башне, за исключением самой Амерлин. Мин была уверена в том, что теперь это уже не имело значения, но после всего, что

видела в коридоре, утвердилась в намерении следовать наставлениям Морейн до тех пор, пока не окажется наедине с Амерлин.

Но на сей раз предосторожности оказались напрасными. Лиане шагнула вперед, откинула с головы девушки капюшон и хмыкнула. Вид у нее при этом был прямо-таки ошарашенный. Мин подняла голову и с вызовом глянула на Айз Седай, стараясь не подать виду, что пыталась проскользнуть мимо нее незамеченной. На лице хранительницы летописей, обрамленном прямыми темными волосами, чуть длиннее, чем у Мин, появилось странное выражение: она была удивлена и раздосадована тем, что не сумела скрыть свое удивление.

– Стало быть, ты и есть Элминдреда? – отрывисто проговорила Айз Седай. Лиане всегда отличалась живостью натуры. – Должна сказать, что в этом платье ты похожа на нее больше, чем в своем обычном... одеянии.

– Просто Мин, Лиане Седай, если вам будет угодно. – Мин пыталась изобразить на лице смирение, но ее выдавал блеск глаз. В голосе хранительницы летописей отчетливо прозвучало недоумение.

«Если матушке вздумалось назвать меня именем героини преданий, – подумала Мин, – то почему она выбрала имя женщины, которая всю жизнь вздыхала по мужчинам, но так и не сумела вдохновить их на сложение песен о ее глазах и улыбке?»

– Хорошо. Значит, Мин. Я не стану расспрашивать тебя ни о том, где ты была, ни о том, почему вернулась, да еще в платье. Видно, тебе есть о чем просить Амерлин. Во всяком случае, пока не стану расспрашивать. – Выражение лица хранительницы летописей не оставляло сомнений в том, что она рассчитывает порасспросить Мин позже и намерена получить ответы на свои вопросы. – Полагаю, матери известно, кто такая Элминдреда? Ну разумеется. Мне следовало догадаться об этом, когда она велела провести тебя прямо к ней и оставить вас наедине. Одному Свету ведомо, почему она тебя терпит. – Лиане нахмурилась. – В чем дело, девочка? Ты что, захворала?

– Нет-нет, со мной все в порядке, – с нарочитым безразличием отозвалась Мин. На миг лицо Айз Седай перед ее глазами словно раздвоилось, и хранительница летописей смотрела сквозь полупрозрачную маску – ее собственное лицо, искаженное в отчаянном крике. – Можно мне войти, Лиане Седай?

Лиане окинула девушку долгим изучающим взглядом и кивнула в сторону двери, ведущей во внутренние покои:

– Ступай.

Мин повиновалась этому кивку с поспешностью, которая обрадовала бы любую наставницу.

Столетиями на Престоле Амерлин восседали великие и могущественные женщины, и многое из сохранившегося в покоях напоминало об их вкусах и пристрастиях – от высокого нерастопленного камина, сложенного из золотистого кандорского мрамора, до стенных панелей из твердого, как железо, светлого дерева с причудливыми разводами, покрытых резьбой, изображавшей невиданных зверей и диковинных птиц. Эти панели были вывезены из таинственных земель, лежащих где-то за Айильской пустыней, более тысячи лет назад, а камин был раза в два древнее. Пол был выложен полированными каменными плитами из красного камня, который добывали в Горах тумана. На балкон выходили высокие стрельчатые окна, обрамленные камнем, искрившимся всеми цветами радуги и светившимся изнутри, словно жемчуг. Его собрали среди руин великого города, поглощенного Морем штормов во время Разлома Мира. Никто и никогда не видел ничего подобного.

Нынешняя обительница покоев, Суан Санчей, родилась в семье простого тирского рыбака, и потому подобранная ею обстановка была незамысловата, хотя вся мебель искусно сработана и тщательно отполирована. Амерлин сидела в массивном кресле за солидным, но незатейливым столом – такой вполне мог бы стоять и в фермерском доме. Помимо кресла,

в комнате находился всего один стул – такой же непритязательный, как и стол. Обычно он был отставлен к стене, но сейчас стоял напротив стола, на маленьком тайренском коврике, украшенном незатейливым узором. На высоких пюпитрах, расставленных по комнате, лежало несколько раскрытых книг. Над камином висела картина: крохотные рыбацкие лодочки в тростниковых зарослях дельты, называемой Пальцами Дракона. Наверное, именно так выглядела и лодка ее отца.

На первый взгляд Суан Санчей, несмотря на обычный для Айз Седай цветущий вид, казалась под стать мебели в ее покоях. Это была крепкая женщина, по-своему привлекательная, хотя ее и нельзя было назвать красавицей. Одетая она была без намека на щегольство. Единственным, что указывало на ее сан, был широкий палантин Амерлин, с семью цветными полосами – по одной на каждую Айя. Возраст ее, как и всех Айз Седай, невозможно было определить по внешности: в ее черных волосах не было и проблеска седины. Но острый взгляд голубых глаз свидетельствовал о проницательности, а твердый подбородок указывал на решительный и суровый характер самой молодой женщины из когда-либо избиравшихся Амерлин и занимавших Престол. Вот уже более десяти лет Суан Санчей обладала властью, позволявшей ей призывать к себе могущественных владык, и те являлись по ее зову, даже если они ненавидели Белую Башню и боялись Айз Седай.

Когда Амерлин поднялась из-за стола, Мин опустила на пол свой узел и смущенно присела, пытаясь изобразить реверанс и внутренне проклиная все на свете из-за необходимости так поступать. Не то чтобы она не желала выказать почтение Амерлин – подобное при встрече с Суан Санчей никому бы и в голову не пришло, – просто Мин не была уверена, правильно ли она делает реверанс. А виной всему – привычка носить мужской наряд: обычно она лишь кланялась, а в платье поклон выглядел бы глупо.

Присев и приподняв юбки, Мин замерла – неловко, точно лягушонок. На мгновение величественная Суан Санчей предстала перед ней обнаженной, распростертой на полу, и нечто странное было в ее облике, однако необычная картина исчезла прежде, чем девушка успела разобрать, что это такое. Видение было одним из самых ярких, какие случались у Мин, но что оно значит – она не понимала. Растерянность Мин не укрылась от Суан Санчей.

– Опять у тебя видения? – спросила Амерлин. – Ну что ж, мне доводилось извлекать пользу из этой твоей способности. Пока тебя не было, я пользовалась тем, что знала о твоих прошлых откровениях. Но не будем об этом: что было, то было. Колесо плетет так, как угодно Колесу. – Амерлин натянуто улыбнулась. – Так что кончай с этим, пока я не велела содрать с тебя кожу на перчатки. И давай-ка, девица, поднимайся. Довольно с меня и Лиане, из-за которой я каждый месяц участвую в стольких церемониях, что любой мало-мальски разумной женщине хватило бы на год. У меня на это времени нет. Во всяком случае сейчас. Ну говори, что тебе на сей раз привиделось?

Мин медленно выпрямилась. Она испытывала некоторое облегчение оттого, что вновь оказалась в обществе женщины, знавшей о ее даре, пусть даже это была сама Амерлин. И конечно же, не следует скрывать от Амерлин то, что она увидела. Отнюдь не следует.

– Вы... вы были... На вас не было никакой одежды. Я... Мать, я не знаю, что это значит.

Амерлин выдавила из себя короткий невеселый смешок:

– Надо полагать, это значит, что я заведу любовника. Правда, на это у меня тоже нет времени. Некогда строить глазки мужчинам, когда в лодке течь и нужно вычерпывать воду.

– Может, и так, – медленно произнесла Мин. В конце концов, видение можно было истолковать и таким образом, хотя девушке это представлялось сомнительным. – Этого я просто не знаю. Но, мать, у меня были видения с того момента, как я вошла в Башню. Дурные предзнаменования: случится что-то ужасное.

Мин начала со встречи с Айз Седай в приемном зале и рассказала обо всем, что видела, и о том, что означало увиденное, в тех случаях, когда была в этом уверена. О чем она умолчала,

так это о содержании своего разговора с Гавином – по крайней мере, о большей его части. Что толку было просить принца не гневить Амерлин, если бы Мин сделала это за него. Все остальное она выложила начистоту. С трудом сдерживаемый страх отчасти вышел наружу, и, когда девушка заканчивала свой рассказ, голос ее дрожал.

Выражение лица Амерлин не изменилось.

– Стало быть, ты говорила с юным Гавином, – сказала она, выслушав Мин. – Ну ладно, думаю, я сумею убедить его держать язык за зубами. Что же до Сахры, то, судя по тому, что я помню про эту девчонку, ей не повредит отправиться на некоторое время в деревню. Пусть-ка помотыжит грядки, вместо того чтобы распускать сплетни.

– Ничего не понимаю, – отозвалась Мин. – Чего это ради Гавин должен держать язык за зубами? О чем он должен молчать? Я ведь ему ничего не рассказывала... И при чем тут Сахра?.. Может быть, мать, я недостаточно ясно выразилась? Айз Седай и Стражей ждет смерть! Должно быть, предстоит сражение. И если вы не отошлете Айз Седай и Стражей куда-нибудь подальше – и не только их, но и слуг, слуг я тоже видела ранеными и убитыми, – сражение разразится здесь! В Тар Валоне!

– Ты и это видела? – требовательно спросила Амерлин. – Я имею в виду битву. Ты строишь догадки или знаешь это благодаря своему... дару?

– А что же еще это может быть? По меньшей мере четыре Айз Седай все равно что мертвы. Мать, с момента возвращения в Башню я успела увидеть девятерых сестер, и четырех из них ждет гибель! И Стражей тоже... Что же еще может к этому привести?

– Множество разных причин, – печально ответила Амерлин. – Их столько, что мне даже думать об этом не хочется. Когда? Сколько времени осталось до того, как... *это* случится?

Мин покачала головой:

– Я не знаю. Многое из того, что я видела, произойдет через день-другой. А может быть, и завтра, или через год, а то и через десять лет.

– Остается только уповать на то, что этот час настанет через десять лет. Если все случится завтра, я мало что успею предпринять, чтобы это предотвратить.

Мин поморщилась. Помимо самой Суан Санчей, всего две Айз Седай знали о ее способностях: Мореин и Верин Матвин. Они пытались изучить ее дар, но узнали о его природе не больше, чем Мин. Единственное, что им удалось выяснить, так это то, что он никак не связан с Единой Силой. И по-видимому, только Мореин сумела понять: если Мин знает, как истолковать видение, оно неизбежно воплощается в реальность.

– Мать, возможно, за всем этим стоят белоплащники. Я много их видела в Алиндейре, когда переправлялась через мост.

На самом деле Мин не верилось, что Чада Света имеют к этому отношение. У нее были предположения, но такие жуткие, что она даже боялась о них думать. Тем более что это были всего лишь предположения.

Однако Амерлин начала отрицательно качать головой прежде, чем Мин успела договорить.

– Они непременно попытались бы, если б смогли. Не сомневаюсь, что они были бы рады нанести удар по Башне, но Эамон Валда никогда не выступит открыто без приказа своего лорда капитан-командора, а Пейдрон Найол не отдаст такого приказа, пока не найдет у нас уязвимого места. Он слишком хорошо знает нашу мощь и не допустит подобной глупости. Белоплащники ведут себя так уже тысячу лет. Ждут хотя бы намек на слабость Айз Седай – так шуки-серебрянки таятся в камышах, выжидая, пока в воде не появится хотя бы капля крови. Но до сих пор им этого не удавалось. И не удастся, пока я в силах этому помешать.

– А если все-таки Валда вздумает предпринять что-нибудь на свой страх и риск?.. – предположила Мин, но Суан оборвала ее:

– Послушай, у него близ Тар Валона осталось не более пяти сотен воинов. Остальных он отослал несколько недель назад – мутить воду где-то еще. Сияющие Стены в свое время остановили айильцев. И Артура Ястребиное Крыло тоже. Пока Тар Валон не падет сам, Валде в него не ворваться. – Голос Амерлин ничуть не изменился, когда она продолжила: – Но тебе очень хочется убедить меня в том, что угроза исходит от белоплащников. Почему? – Взгляд ее не сулил ничего доброго.

– Потому что я сама хочу верить в это, – пробормотала Мин, облизывая пересохшие губы, и невольно заговорила о том, о чем говорить не собиралась: – На шее одной из Айз Седай я видела серебряный ошейник. Мать, он был похож на... те ошейники, которые... с помощью которых шончан управляют женщинами, умеющими направлять Силу.

Мин заметила, что губы Суан искривились от отвращения и голос ее дрогнул.

– Мерзость! – буркнула Амерлин. – К тому же разумные люди не верят большей части всех этих баек про шончан. Но в любом случае я скорее поверю в то, что к этому причастны белоплащники. Если шончан высадутся где-нибудь на побережье, голубиная почта известит меня об этом в считанные дни, а от побережья до Тар Валона путь неблизкий. Боюсь, за твоими видениями кроется нечто худшее, чем шончан. Боюсь, в этом замешаны Черные Айя. Мало кому известно об их существовании; и по мне, чем меньше таких людей – тем лучше. Ведь именно они представляют непосредственную угрозу для Белой Башни.

Мин вцепилась в юбку так, что пальцам стало больно. Во рту пересохло, словно она наглоталась пыли. Белая Башня всегда отрицала сам факт существования тайной Айя, предавшейся Темному. Лучшим способом разозлить Айз Седай было упомянуть о чем-нибудь подобном. И оттого что Престол Амерлин вот так, походя, признала реальность Черной Айя, у девушки мурашки побежали по коже.

Между тем Амерлин продолжила как ни в чем не бывало:

– Но ведь ты проделала весь этот путь не ради своих видений. Какие новости от Морейн? Я знаю, что все земли от Арад Домана до Тарабона, мягко говоря, ввергнуты в хаос.

Это действительно было мягко сказано. Между сторонниками и противниками Возрожденного Дракона завязалась жестокая борьба, в обеих странах пылала усобица. Равнина Алмот переходила из рук в руки. Правда, судя по тону Суан, для нее все это не имело особого значения.

– Но я уже несколько месяцев ничего не слышала о Ранде ал'Торе. Все нити тянутся к нему. Так где же он? Как там управляется с ним Морейн? Да ты садись, садись. – Амерлин указала на стоявший перед столом стул.

Не чуя под собой ног, Мин приблизилась к стулу и повалилась на него. «Черная Айя! О Свет!» Считалось, что все Айз Седай – на стороне Света. Даже если Мин и не вполне им доверяла, она знала, что Айз Седай всей своей мощью поддерживают Свет и противостоят Тени. Так было всегда. И вот оказывается, что этого утверждать нельзя.

Мин едва слышно пролепетала:

– Он на пути в Тир.

– В Тир? Значит, он отправился за *Калландором*. Морейн хочет, чтобы он добыл в Тирской Твердыне Меч-Которого-Нельзя-Коснуться. Клянусь, я подвешу ее подсушиваться на солнце! Она как о милости будет молить о дозволении снова стать послушницей! Он еще не готов к этому!

– Но... – Мин поперхнулась и умолкла. – Морейн здесь ни при чем. Ранд отправился по своему почину, он бросил нас и удрал посреди ночи. Остальные кинулись его догонять, а меня Морейн послала к вам, чтобы я обо всем рассказала. Наверное, они уже добрались до Тира. Вполне возможно, что Ранд уже взял Калландор.

– Чтоб ему сгореть! – рявкнула Суан. – Вполне возможно, что сейчас он уже мертв! Как по мне, то лучше бы он ни одного пророчества о Драконе не слышал. Будь моя воля, он бы ни единого слова из них не услышал.

– Но почему? Разве он не обязан исполнить предназначения? Я не понимаю.

Амерлин устало склонилась над столом:

– Если бы хоть кто-нибудь понимал большую часть того, что предназначено. Ведь пророчества еще не делают его Драконом Возрожденным, они лишь дают ему возможность увидеть в себе Дракона, и, должно быть, так и случилось, раз уж он отправился за Калландором. Пророчества ниспосланы, чтобы возвестить миру, кто он таков, подготовить и его, и мир к тому, что грядет. Если Морейн сумеет сохранить над ним какой-никакой контроль, она приведет его к исполнению тех пророчеств, значение которых нам ясно, – но лишь тогда, когда он будет готов. А что до остального – нам остается надеяться, что сделанного им достаточно. Положимся на это. Ну да что говорить, судя по всему, он уже взялся исполнять пророчества, суть которых не введома никому из нас, а Свет ниспослал их во множестве.

– Стало быть, вы вознамерились управлять им? Он говорил, что вы пытались его использовать, но сегодня вы впервые в этом признались. – Мин почувствовала предостерегающий холодок внутри, но, не сдержавшись, добавила: – Не слишком-то вы в этом преуспели, и вы, и Морейн.

Казалось, усталость свалилась с плеч Суан. Она выпрямилась и глянула на Мин сверху вниз:

– На твоём месте я бы лучше надеялась на то, что мы все же преуспеем. Неужели ты думаешь, мы оставим его без присмотра? Он человек своевольный, упрямый, необученный и неподготовленный, к тому же я не исключаю того, что он уже охвачен безумием. Разве можно положиться на Узор, на то, что ему *суждено* сохранить жизнь, будто в каком-то предании? Ведь мы имеем дело не с древней легендой, да и Ранд вовсе не тот непобедимый герой, о которых слагают песни. Если нить его жизни, вплетенная в Узор, оборвется, Колесо Времени продолжит вращение, не заметив его ухода, и Создатель не совершит никаких чудес ради нашего спасения. Если Морейн не зарифит осмотрительно его паруса, он пустится по воле волн и неизбежно погибнет. И что тогда будет с нами? Что будет со всем миром? Темный в заточении, но оковы его слабеют с каждым днем, их падение – лишь вопрос времени. Он вновь явит себя миру; и если Ранд ал’Тор не сможет противостоять ему, если своевольный молодой дуралей погибнет прежде, чем наступит час Последней битвы, мир обречен. Снова разразится Война Силы, но на сей раз не будет ни Льюса Тэрина, ни его Ста спутников. Тень и пламя воцарятся навеки. – Суан неожиданно умолкла и вгляделась в лицо Мин. – Постой-ка, кажется, я знаю, откуда ветер дует. Ты и Ранд – вот оно что! Признаться, такого я не ожидала.

Мин энергично затрясла головой, чувствуя, как щеки ее заливают румянец:

– Нет! Конечно же нет!.. Я... представила себе Последнюю битву, представила, что Темный вырвался на свободу. Да одного упоминания о Темном хватило бы, чтобы и Стража пробрало до мозга костей. А тут еще Черная Айя...

– Не увличай, – отрезала Амерлин. – Думаешь, я в первый раз вижу женщину, которая волнуется за жизнь любимого? Так что лучше тебе сознаться.

Мин заерзала на стуле, чувствуя себя неуютно под буравящим пронизательным взглядом Амерлин.

– Ладно, – выдавила она из себя наконец, – расскажу вам все, авось это пойдет на пользу нам обоим. Когда я впервые встретила с Рандом, то увидела над ним три женских лица, и одно из них было моим. У меня никогда не было видений, касавшихся меня самой, – ни прежде, ни потом. Но тогда я поняла, что это значит. Я полюблю его. И я, и остальные. Мы все влюбимся в него – все трое.

– Вот как! А кто те две? Ты их знаешь?

В ответ Мин горько улыбнулась:

– Нет. Лица их расплывались. Понятия не имею, кто они такие.

– А что-нибудь указывало на то, что он ответит на твою любовь?

– Ничего! Он ни разу даже не задержал на мне взгляда. По-моему, он относится ко мне как... к сестре. Так что вряд ли вам удастся сделать из меня поводок для Ранда. Ничего не получится.

– Но ведь ты его любишь.

– У меня нет выбора, – произнесла Мин, стараясь, чтобы голос ее звучал бодро. – Я бы и рада обратить все в шутку, но теперь мне не до смеха. Вы можете мне не верить, но, если я знаю, что означает мое видение, оно непременно сбывается.

Амерлин приложила палец к губам и задумчиво посмотрела на девушку.

Мин этот взгляд изрядно встревожил. Она вовсе не собиралась привлекать к себе внимание и уже рассказала куда больше, чем хотела. Правда, кое о чем она умолчала, поскольку усвоила: не стоит давать в руки Айз Седай рычаг влияния, хоть даже и сама Мин не знает, как именно они могут его употребить. Пора бы ей усвоить: кто-кто, а Айз Седай – мастерицы все обращать в свою пользу.

– Мать, я доставила послание Морейн и рассказала все, что знаю о своих видениях. Теперь мне незачем задерживаться, я могу снова надеть свою одежду и уйти.

– Уйти? Куда?

– В Тир.

После разговора с Гавином Мин все время пыталась убедить себя в том, что он, конечно же, не совершит никакой глупости. Жаль, что она так и не осмелилась спросить, куда подевались Эгвейн и остальные, но маловероятно, чтобы Амерлин сказала ей правду, ничего не ответив брату Илэйн. Тем временем Суан Санчей продолжала сверлить ее взглядом.

– В Тир или в любое другое место – туда, где может оказаться Ранд. Может, это и глупо, но я не первая женщина, которая делает глупости из-за мужчины.

– Ты первая, которая делает глупости из-за Возрожденного Дракона. Это ведь очень опасно – оказаться поблизости от Ранда ал'Тора в то время, когда мир узнает, кто он такой. А если он уже завладел Калландором, об этом станет известно довольно скоро. И чуть ли не полмира будет пытаться убить его, как будто таким образом можно предотвратить Последнюю битву или воспрепятствовать освобождению Темного. И те, кто окажется рядом с Рандом, погибнут. Пожалуй, тебе лучше остаться здесь.

Голос Амерлин звучал сочувственно, но Мин ей не верила. Она не верила, что Суан Санчей способна на сочувствие.

– Я рискну. Кто знает, может, я сумею помочь ему. Скажем, тем, что у меня бывают видения. А Башня не такое уж безопасное место, пока в ней останется хотя бы одна Красная сестра. Как только Красные Айя прослышат про мужчину, способного направлять Силу, они вмиг позабудут и о Последней битве, и обо всех пророчествах насчет Дракона.

– И не только они, – прервала ее Суан. – Айз Седай так же трудно отбросить укоренившиеся предрассудки, как и всем прочим.

Мин озадаченно взглянула на Амерлин. Похоже, женщина, восседавшая на Престоле Амерлин, приняла сторону Мин.

– Ни для кого не секрет, – продолжила девушка, – что я дружна с Эгвейн и Найнив, и всем известно, что они из одного селения с Рандом. Для Красной Айя это достаточно тесная связь. Как только в Башне прознают, кто он такой, меня тут же возьмут под стражу, я и глазом не успею моргнуть. Так же поступят с Эгвейн и Найнив, если только вы не упрячете их подальше.

– Значит, постарайся, чтобы тебя не узнали. Ежели рыбка заметит невод, она в него не угодит. Советую тебе на время забыть о своем мужском наряде. – Амерлин улыбнулась, как кошка, завидевшая мышку.

– Какую же рыбку вы рассчитываете поймать, сделав меня наживкой? – спросила Мин слабым голосом. Она думала, что ответ ей известен, но отчаянно надеялась, что ошибается. Однако ее надежда не оправдалась.

– Черных Айя, – ответила Амерлин. – Тринадцать из них сбежали, но кое-кто остался здесь. Я не знаю, кому можно доверять, а стало быть, не могу доверять никому. Впрочем, я знаю, что ты не приспешница Тьмы, и твои необычайные способности могут на что-то сгодиться. И уж на худой конец я смогу на тебя положиться.

– Вы задумали это, как только я вошла. Вот почему вы хотите, чтобы и Гавин, и Сахра молчали. – Мин чувствовала, как в ней нарастает раздражение. Эта женщина привыкла, чтобы все плясало под ее дудку. К сожалению, так обычно и бывало. Но с Мин этот номер не пройдет – она не марионетка, которую дергают за веревочки. Наконец девушка не выдержала и спросила: – Что же все-таки случилось с Эгвейн, Найнив и Илэйн? Вы послали их отслеживать Черных Айя? Я бы этому не удивилась!

– Дитя, занимайся своими сетями и предоставь этим девицам заниматься своими. Считай, что они отбывают наказание в деревне, если уж это так тебя волнует. Я достаточно ясно выразилась?

Амерлин не сводила с нее глаз, и Мин невольно поежилась. Легко было представлять себе, что можно противостоять Амерлин, но лишь до тех пор, пока не испытаешь на себе пронзительный взгляд ее холодных голубых глаз.

– Да, мать. – Кроткий ответ дался Мин с трудом, но взгляд Амерлин заставил ее не выказывать своих чувств. Она вцепилась в подол своего платья. – Что ж, наверное, не будет ничего худого в том, что я поношу этот наряд малость подольше.

И вдруг в глазах Суан промелькнуло лукавство. Мин почувствовала, как у нее мурашки побежали по коже.

– Боюсь, этого будет недостаточно. Если присмотреться, тебя можно узнать в любом наряде – будь то платье или кафтан. Ты же не сможешь все время носить плащ с капюшоном. Нет, тебе придется измениться во всем. Главное, впредь ты должна называться Элминдредой. В конце концов, это ведь твое настоящее имя.

Мин вздрогнула.

– Волосы у тебя отросли, они уже почти такие же длинные, как у Лиане. Теперь их вполне можно завить. Что же до всего остального... Я-то сама никогда не пудрилась и не румянилась, зато Лиане не забыла, как это делается.

С каждым словом Амерлин глаза Мин становились все шире.

– О нет! – выдохнула она.

– Никто не признает в тебе Мин, которая привыкла ходить в штанах, после того как Лиане сделает из тебя настоящую Элминдреду.

– О-о, НЕТ!

– И объяснить, почему легкомысленная молодая женщина, не имеющая ничего общего с Мин, осталась в Башне, совсем нетрудно. – Амерлин задумалась, не обращая внимания на попытки Мин вставить слово. – Да. Я устрою так, что пойдут толки о некоей госпоже Элминдре, которую до такой степени одолели двое искателей ее благосклонности, что ей пришлось искать убежище от них в Башне. Там она и останется, пока не решит, кого из них предпочесть. Каждый год женщины обращаются к нам с просьбами об убежище, и причины выставляют столь же нелепые. – Лицо Амерлин приняло суровое выражение. – Но если ты все еще не оставила мысли о Тире, то подумай как следует. Рассуди, где от тебя будет больше пользы Ранду – здесь или в Тире. Если Черная Айя ниспровергнет Башню или, хуже того, поставит ее себе на службу, я уже ничем не смогу ему помочь. Так что решай: ты женщина или просто влюбленная девчонка?

Попалась. Мин ощущала это так ясно, будто за ней захлопнулся капкан.

- Мать, вы всегда добиваетесь своего?
- Улыбка Амерлин стала еще холоднее.
- Как правило, дитя мое. Как правило.

Задумчиво теребя красную бахрому своей шали, Элайда не спускала глаз с двери в покои Амерлин, за которой исчезли две молодые женщины. Послушница почти тут же выскочила в приемную. Она глянула на Элайду и проблеяла что-то невнятное, точно насмерть перепуганная овечка. Элайде показалось, что лицо послушницы ей знакомо, хотя имени ее она припомнить не могла. В ее обязанности не входило наставлять вздорных девчонок, на ней были дела поважнее.

- Как тебя зовут?
- Сахра, Элайда Седай, – еле слышно пропищала девчушка.

Элайда редко снисходила до того, чтобы обращать внимание на послушниц, но уж если это случилось... Ее нрав был известен всем.

Услышав имя, Элайда припомнила, что знает эту девицу. Рассеянная, с весьма скромными способностями, вряд ли она обретет когда-нибудь настоящую силу. Сомнительно, чтобы она вызнала и поняла хоть что-нибудь сверх того, что видела и слышала Элайда. Скорее всего, эта дуреха заметила и запомнила только улыбку Гавина. Небрежным жестом Элайда отпустила послушницу.

Девица присела в таком глубоком реверансе, что едва не ткнулась носом в пол, а затем помчалась прочь, будто сама смерть гналась за ней по пятам.

Элайда не смотрела ей вслед. Едва отвернувшись, Красная сестра тут же забыла о послушнице. Размашистым шагом Элайда невозмутимо направилась вниз по спиральному коридору, ничем не выдавая обуревавших ее чувств. Она не замечала слуг, послушниц и принятых, которые при виде ее жались к стенам и испуганно кланялись, и чуть было не сбила с ног сестру из Коричневой Айя, шествовавшую по коридору с ворохом бумаг. Пухленькая Коричневая сестра едва успела отскочить в сторону с вскриком, которого Элайда даже не услышала.

Она сразу узнала молодую женщину, которая вошла в покои Амерлин, хоть та и была в платье. Это была Мин, та самая Мин, которой при ее прошлом посещении Белой Башни Амерлин, неизвестно по какой причине, уделила исключительно много времени и внимания. Та самая Мин, которая была близкой подругой Илэйн, Эгвейн и Найнив. А эту троицу Амерлин где-то спрятала – на сей счет у Элайды сомнений не было. Правда, ходили слухи, что неразлучные подруги отбывают наказание в какой-то дальней деревне. Сведения эти, хотя и исходили от самой Амерлин, всегда передавались через третьи-четвертые руки, что позволяло Суан Санчей допустить искажение истины, не прибегая ко лжи. К тому же весьма энергичные попытки Элайды выяснить, где находится эта деревня, ни к чему не привели.

– Испепели ее Свет! – На миг лицо Элайды исказилось от нескрываемой ярости. Произнося проклятие, она даже не знала, кого имеет в виду – Суан Санчей или дочь-наследницу. В конце концов, обе того заслуживали. Оказавшаяся рядом худощавая принятая, услышав брань, отпрянула в страхе и побледнела как полотно. Элайда пролетела мимо, не удостоив ее взглядом.

Помимо всего прочего, Элайда выходила из себя оттого, что никак не могла найти Илэйн. Порой Элайде удавалось предвидеть будущее. Случалось это довольно редко, да и предзнаменования были смутными, тем не менее они оправдывались чаще, чем у любой Айз Седай со времен почившей уже два десятилетия назад Гайтары Моросо. Первое ее предвидение пришлось на ту пору, когда Элайда была всего лишь принятой, но уже тогда у нее хватило ума сохранить его в тайне. Ей открылось, что ключевую роль в Последней битве и низвержении Темного сыграет некто, в чьих жилах течет кровь королевского Дома Андора. Поэтому, как только стало ясно, что андорский трон унаследует Моргейз, Элайда постаралась сблизиться с ней и год за годом терпеливо и настойчиво усиливала свое влияние на королеву. Если бы

не это, она сама вполне могла бы стать Амерлин, но она посвятила всю себя Андору. Неужто теперь, после стольких жертв, все ее усилия пойдут прахом? И только из-за того, что Илэйн подевалась невесть куда.

Элайде потребовалось некоторое усилие для того, чтобы вернуть свои мысли к тому, что было важно именно сейчас. И Эгвейн, и Найнив были родом из того же селения, что и этот странный молодой человек – Ранд ал’Тор. И Мин, конечно же, его знает, хотя изо всех сил старается это скрыть. Да, все дело в нем, в этом Ранде ал’Торе.

Элайда видела его всего один раз, – кажется, он простой пастух, родом из Двуречья, что в Андоре, но с виду этот парень вылитый айилец. И стоило Элайде взглянуть на него, как ее посетило предвидение. Он был *та’вереном*, одним из немногих, чьи судьбы не вплетаются в Узор, следуя обращению Колеса Времени, а, напротив, заставляют Узор формироваться вокруг себя – во всяком случае, на какое-то время. И, глядя на него, Элайда узрела хаос, смятение и ожесточенную борьбу – за власть над Андором, а возможно, и над всем миром. Андор надлежало уберечь от смуты – первое явившееся ей откровение непреложно убеждало Элайду в этом.

В хитросплетениях Узора достаточно нитей для того, чтобы поймать Суан в сотканную ею же паутину. Если верить слухам, та’веренов трое, а не один, причем все они родом из одного селения, из этого, как его там, Эмондова Луга, да еще вдобавок ровесники. Все эти странные обстоятельства не могли не вызвать в Башне всевозможных толков. Ведь когда Суан ездила в Шайнар, а с тех пор минул уже год, она встречалась с этими та’веренами и даже беседовала с ними – с Рандом ал’Тором, Перрином Айбара и Мэтримом Коутоном. Говорили, что это вышло случайно, дескать, простое совпадение. Правда, те, кто подхватывал эти толки, не знали того, что знала она, Элайда.

А она помнила, что стоило ей увидеть этого самого Ранда ал’Тора, как Морейн – именно Морейн – убедила его поскорее скрыться неизвестно куда. А ведь как раз Морейн сопровождала его и двух других та’веренов в Шайнар. Морейн Дамодред, которая была ближайшей подругой Суан Санчей еще во времена их послушничества. Будь Элайда из тех, кто по любому поводу бьется об заклад, она могла бы заключить пари относительно того, что никто в Башне, кроме нее, не помнит об этой дружбе. Как только Суан и Морейн были возвышены до ранга Айз Седай – как раз в ту пору закончилась Айильская война, – они отдалились друг от друга, и теперь вряд ли кто-нибудь помнил о том, что когда-то они водили дружбу. Но когда они проходили послушничество, Элайда была принятой, она наставляла их, наказывала за нерадение – и ничего не забыла. Трудно представить, что нити этого сговора тянутся так далеко в прошлое – тогда Ранда ал’Тора и на свете-то не было, – но он был единственной ниточкой, позволявшей связать все воедино. Для Элайды этого было вполне достаточно.

Что бы там ни задумала Суан, ее необходимо остановить. Хаос и сумятица множатся во всем мире. Несомненно, скоро Темный вырвется на свободу, – одна мысль об этом заставила Элайду поежиться и закутаться в шаль. Чтобы противостоять Темному, Башня должна оставаться в стороне от мирских распрей. Башне необходимо сплотить народы, сохраняя рычаги власти и не отвлекаясь на тот сумбур, который мог внести в ход событий Ранд ал’Тор. Стало быть, его надлежит остановить – пока он не разрушил Андор.

Элайда ни с кем не делилась тем, что знала о Ранде ал’Торе. Она решила разобраться с ним потихоньку, по возможности избегая лишнего шума. Совет Башни уже наполнился разговорами о том, что надо выждать, а тем временем попытаться управлять та’веренами. Обитатели Башни ни в какую не соглашались избавиться от них, особенно от Ранда, хотя это следовало сделать для блага Башни – и для блага всего мира.

При этой мысли Элайда чуть не застонала. Ох уж эта Суан – она всегда была чересчур упрямой, воображала о себе невесть что, а сама-то всего-навсего дочка голоногого рыбака. Неужто она дошла до того, что готова впутать во все это Башню, не поставив в известность

Совет? Ведь она, как и все Айз Седай, знала о надвигающихся событиях. По глупости она решилась на это или, хуже того...

Элайда неожиданно остановилась, уставившись в пустоту. А что, если Ранд ал'Тор способен направлять Силу? Он или кто-то другой из та'веренов? Нет, скорее всего, это Ранд ал'Тор. Но нет, только не это. Даже Суан не позволила бы себе связаться с кем-нибудь из таких...

– Хотя кто знает, на что способна эта женщина? – пробормотала Элайда. – Я-то всегда знала, что Суан недостойна восседать на Престоле Амерлин.

– Элайда, ты что, сама с собой разговариваешь? Знаю, вы, Красные, не дружите с сестрами не из вашей Айя, но среди своих-то у вас наверняка есть с кем словом перемолвиться.

Обернувшись, Элайда увидела Алвиарин. Айз Седай с лебединой шеей взирала на нее с холодной надменностью, отличавшей Белую Айя. Белые и Красные сестры не слишком жаловали друг друга – вот уже тысячу лет они восседали на противоположных скамьях в зале Совета. Белые были заодно с Голубыми, а Суан Санчей вышла из Голубой Айя. Белые же всегда кичились своей рассудительностью и беспристрастностью.

– Пойдем потолкуем, – предложила Элайда. Алвиарин помедлила, размышляя, но все же пошла с ней рядом.

Когда Элайда начала излагать свои подозрения насчет Суан, Белая сестра поначалу пренебрежительно приподняла бровь, однако под конец сосредоточенно нахмурилась.

– У тебя нет никаких доказательств чего-либо... предосудительного, – заметила Алвиарин, когда Элайда наконец умолкла.

– Пока нет, – сурово заявила Элайда. Она выдавила из себя натянутую улыбку, и Алвиарин кивнула в ответ.

Ну что ж, начало положено. Так или иначе, Суан нужно остановить прежде, чем она уничтожит Башню.

Надежно укрывшись в зарослях на северном берегу реки Тарен, Дэйн Борнхальд распахнул плащ с вышитым на груди пылающим золотым солнцем и поднес к глазам сделанную из жесткой кожи раздвижную подзорную трубу. Вокруг него вилось облако мошек кусименя, но он не обращал на них внимания. Он смотрел за реку – туда, где виднелись каменные дома селения Таренский Перевоз, стоявшие на высоких фундаментах, защищавших от случавшихся каждую весну половодий. Жители селения, высунувшись из окошек или облепив крылечки, глазели на облаченных в кольчуги и латы всадников в белых плащах. Несколько мужчин и женщин – судя по всему, выборные от селения – переговаривались с командирами латников. Насколько мог видеть Борнхальд, они слушали Джарета Байара, и это было совсем неплохо.

В ушах Борнхальда словно зазвучал голос его отца. «Пусть эти людишки думают, что у них есть шанс, тогда наверняка найдется простофиля, который попробует за него ухватиться. Прольется кровь, какой-нибудь недоумок возьмется отомстить, и крови прольется еще больше. Сперва нужно добиться того, чтобы Свет внушал всем трепет. Пусть знают: никто их не тронет, если они во всем покорятся нашей воле. И тогда у тебя не будет хлопот».

Вспомнив о погибшем отце, Борнхальд стиснул зубы. Он готовился рассчитаться за смерть отца и не собирался с этим тянуть. Борнхальд не сомневался в том, что только одному Байару известно, отчего он согласился принять под свое командование отряд, направлявшийся в никому неведомое андорское захолустье, так же как и в том, что Байар будет держать язык за зубами. Байар с собачьей преданностью служил отцу Дэйна, а теперь перенес эту преданность на сына. Потому-то Борнхальд, не колеблясь, взял Байара себе в заместители, когда Эамон Валда поставил его во главе отряда.

Байар повернул коня и въехал на палубу парома, который тут же отчалил. Сидя на коне, Байар свысока взирал на опасливо поглядывавших на него паромщиков, суетливо возившихся с канатом. Похоже, все идет как по маслу, решил Борнхальд.

– Лорд Борнхальд?

Борнхальд опустил подзорную трубу и обернулся. Мужчина с резкими чертами лица смотрел ему прямо в глаза из-под стального шишака. Даже после долгого пути из Тар Валона – а Борнхальд не устраивал привалов – его начищенная броня сверкала, а плащ с вышитым на нем знаком солнечной вспышки поражал ослепительной белизной.

– Слушаю тебя, чадо Айвон.

– Меня послал сотник Фарран, милорд. По поводу Лудильщиков. Трех из них расспрашивал Ордейт, и теперь никого из них нигде не могут найти.

– Кровь и пепел! – Борнхальд резко повернулся на каблуках и зашагал к рощице. Айвон следовал за ним по пятам.

В стороне от реки, разбившись на небольшие группы и укрывшись за соснами и миртами, ждали своего часа всадники в белых плащах. Луки и копья они держали с привычной небрежностью опытных вояк. Кони нетерпеливо фыркали, помахивали хвостами и переступали копытами. Всадники вели себя с флегматичной невозмутимостью: переправляться вглубь чужой территории было для них не внове, к тому же на сей раз они не ожидали отпора.

А позади всадников на большой поляне расположился табор Лудильщиков – Туата'ан, Странствующего народа. Около сотни запряженных лошадьми кибиток – крохотных домиков на колесах – были выкрашены в такие яркие цвета и в таких невероятных сочетаниях, что могли понравиться разве только Лудильщикам. Но и разноцветные кибитки не шли ни в какое сравнение с невообразимой пестротой нарядов Странствующего народа. Сидевшие на земле близ своих кибиток Лудильщики молча, с опаской взирали на всадников. В воздухе повисла напряженная тишина. На пискнувшего было младенца тут же шикнула мать. Неподалеку валялись сваленные в кучу трупы мастифов, над которыми вились мухи. Лудильщики не признавали насилия, не брали в руки оружия даже для самозащиты, и собаки их были, скорее всего, такими же безобидными, как и они сами, но Борнхальд хотел быть уверенным в том, что ему не преподнесут неожиданностей, и на всякий случай приказал перебить собак.

Лудильщиков сторожило всего шестеро воинов – Борнхальд полагал, что этого более чем достаточно. И эти-то шестеро, хотя изо всех сил напускали на себя суровый вид, выглядели несколько смущенными. А рядом с кибитками, чуть поодаль от шестерых стражников, сидел на коне седьмой – низкорослый, худощавый, длинноносый мужчина в темно-сером кафтане словно с чужого плеча, несмотря на изящество покроя. Бородатый сотник Фарран, здоровенный детина, удивительно подвижный для своего огромного роста и веса, стоял неподалеку, поглядывая на всех семерых. При виде Борнхальда он приветственно приложил к груди закованную в латную рукавицу ладонь.

– Нам надо поговорить, мастер Ордейт, – обратился Борнхальд к костлявому коротышке.

Тот поднял глаза, окинул Борнхальда долгим испытующим взглядом и, лишь выдержав паузу, спешился. Фарран невнятно заворчал, но Борнхальд держался невозмутимо, и голос его звучал спокойно:

– Трех из этих Лудильщиков никак не могут найти. Вот мне и подумалось: может, вы исполнили то, что давеча предложили?

Когда Ордейт впервые увидел Лудильщиков, он заявил: «Перебить их всех – все равно от них никакого проку». Борнхальду случалось, конечно, убивать людей, но указанная Ордейтом причина представлялась ему недостаточно веской.

Ордейт почесал пальцем свой длинный нос:

– Ничего подобного, с чего бы мне их убивать? Тем более что вам мое предложение пришлось не по вкусу. – Сейчас он говорил с заметным лугардским акцентом, акцент этот то появлялся, то пропадал, – похоже, Ордейт сам этого не замечал, но Борнхальда подобная странность беспокоила.

– Выходит, вы позволили им сбежать, так, что ли?

– Ну, если на то пошло, я действительно отвел кое-кого из них в сторонку, чтобы без помех выяснить, что им известно.

– И что же вы узнали? Да что, во имя Света, Лудильщики могут знать такого, что принесло бы нам пользу?

– Так ведь пока не расспросишь, и не выяснишь. Но я их и пальцем не тронул – порасспросил о том о сем да велел убираться в свои фургоны. Кто же знал, что у них хватит духу удрать, хотя кругом ваших караульщиков понатыкано.

Борнхальд поймал себя на том, что скрежещет зубами. Этого странного типа ему навязали. Он должен был встретиться с ним, чтобы получить через него инструкции. Борнхальду все это очень не нравилось, однако грамоты были подлинные – с личной печатью и собственноручной подписью Пейдрона Найола – лорда капитан-командора Детей Света.

Но и эти грамоты не разъясняли всего. Само положение Ордейта оставалось неопределенным. Согласно инструкциям, Борнхальду предписывалось сотрудничать с ним и пользоваться его советами. Судя по тону приказов, лорд капитан-командор считал, что Борнхальду и впрямь потребуются советы этого типа. Все это не вызывало восторга. Оставалось неясным, находится ли Ордейт в его, Борнхальда, подчинении. Строго говоря, непонятно было и то, ради чего такой большой отряд Детей Света послали в это захолустье. Распространять Свет и искоренять приспешников Темного – это-то ясно и без слов. Однако риск для ордена был слишком велик. Послать чуть ли не половину легиона вглубь Андора – страшно и подумать, что будет, если весть об этом дойдет до королевы в Кэймлине. И те невразумительные разъяснения, которые были даны Борнхальду, никак не уравнивали этого риска.

И снова мысли Борнхальда вернулись к Ордейту. Он не мог взять в толк, как лорд капитан-командор мог довериться подобному человеку, – ох уж эта его кривая ухмылка, высокомерный взгляд, неожиданные приступы ярости и прочие причуды, не говоря уже о том, что у него то и дело меняется акцент. От такого типа никогда не знаешь, чего ждать. Полсотни чад, сопровождавших Ордейта, были самыми хмурыми и угрюмыми солдатами, каких Борнхальду доводилось встречать. Наверное, Ордейт подбирал спутников себе под стать, и то, что он ухитрился собрать воедино столько кислых рож, кое-что о нем говорило. Да и имечко у него подходящее, ведь Ордейт на древнем языке означает «попынь», «горечь». Так или иначе, у Борнхальда были причины желать быть там, где он находился. И он будет сотрудничать с этим человеком до тех пор, пока этого не избежать. Но только до тех пор.

– Мастер Ордейт, – промолвил он нарочито спокойным тоном, – попасть в Двуречье можно только этим паромом.

Однако тут Борнхальд слукавил. Если верить карте, которой его снабдили, другой возможности действительно не было, поскольку перебраться вброд через подступавшие с юга плесы Манетерендрелле было невозможно, а с востока путь преграждали непроходимые топи. Но должен был существовать и западный путь, через Горы тумана. Этой дальней окраины не было на карте. Борнхальд имел этот путь в виду лишь на крайний случай, понимая, что многие из его людей не вынесут трудного перехода, и он не хотел, чтобы Ордейт догадывался о такой возможности.

– Если, когда придет время переправляться, я увижу на том берегу андорских солдат, вы приступите к переправе в первых рядах. Думаю, вам будет интересно поглядеть, каково форсировать такую широкую реку под вражескими стрелами.

– Вы ведь, кажется, впервые командуете отдельным отрядом? – В голосе Ордейта послышалась легкая насмешка. – На карте эти земли отмечены как владения Андора, но Кэймлин уже долгие годы не посылал так далеко на запад даже сборщиков податей. Если эти трое и поднимут тревогу, кто будет слушать каких-то Лудильщиков? А коли вам покажется, что опасность слишком велика, советую вспомнить, чьими печатями скреплены полученные вами приказы.

Фарран бросил взгляд на Борнхальда и потянулся к рукояти меча, но Борнхальд едва заметно покачал головой, и сотник опустил руку.

– Я намерен переправиться через реку, мастер Ордейт. И переправлюсь, даже если узнаю, что Гарет Брин со всей королевской гвардией будет здесь еще до заката.

– Несомненно, – отозвался Ордейт неожиданно мягким тоном. – А здесь можно стяжать не меньшую славу, чем в Тар Валоне, уж поверьте. – Его ввалившиеся темные глаза устремились куда-то вдаль. – Хотя и в Тар Валоне для меня есть кое-что небезынтересное.

Борнхальд молча покачал головой: «И с этим человеком я должен сотрудничать».

Подъехал Джарет Байар и, соскочив с седла, встал рядом с Фарраном. Смуглый, узколицый Байар, с глубоко посаженными темными глазами, ростом не уступал Фаррану, но выглядел очень поджарым – будто из него было вытоплено все сало до последней унции.

– Милорд, в селении безопасно. Луселлин следит за тем, чтобы никто не сбежал, но особой нужды в этом нет. Они там все здорово стухнули, стоило мне упомянуть приспешников Тьмы. Уж в нашей-то деревне, говорят, таких отродясь не выдывали. Зато дальше к югу живет народ, сильно смахивающий на приспешников Темного. Так и сказали.

– Значит, дальше к югу? – отрывисто переспросил Борнхальд. – Ну, посмотрим. Байар, пошли три сотни за реку. Фарран переправляется первым, остальные – после того, как переправятся Лудильщики. И приглядывай, чтоб никто не улизнул, ясно?

– Мы очистим Двуречье, – неожиданно встрял Ордейт, брызжа слюной. Злоба перекосила его узкое лицо. – Мы их перетрясем, выпотрошим и испечем их душонки! Клянусь, он от меня не уйдет! Ни за что не уйдет!

Борнхальд кивнул Фаррану и Байару – пусть выполняют приказ.

«Сумасшедший, – подумал он. – Лорд капитан-командор навязал мне на шею сумасшедшего. Но в конце концов, у меня своя цель. Я разыщу Перрина из Двуречья, чего бы мне это ни стоило, и поквитаюсь за смерть отца!»

С окаймленной колоннадой террасы на вершине холма верховная леди Сюрот окинула взглядом покрытую рябью чашу Канторинской гавани. Виски ее были высоко подбриты, черные волосы пышной волной ниспадали на спину. Руки высокородной леди опирались о каменную балюстраду, такую же белоснежную, как ее просторное, все в складках платье. Сюрот машинально постукивала по камню ноготками дюймовой длины; ногти указательного и среднего пальцев на каждой руке были покрыты голубым лаком.

В прохладном бризе с океана Арит ощущался запах морской соли. За спиной высокородной леди у стены, держа в руках опахала, стояли на коленях две молодые женщины, готовые обмахивать верховную леди, если ветерок стихнет. Еще две девушки и четверо юношей замерли в раболепных позах в ожидании распоряжений своей повелительницы. Все восемь – и юноши, и девушки – были босы и носили полупрозрачные туники, чтобы радовать взгляд госпожи четкими линиями гибких тел и грацией движений. Однако сейчас Сюрот обращала на слуг не больше внимания, чем на мебель.

Она смотрела на шестерых гвардейцев. Стражи Последнего часа статуями застыли по обе стороны колоннады, сжимая в руках черные лакированные щиты и копья, древки которых были украшены черными кистями. Стражи Последнего часа, отборные гвардейцы императрицы. Такой эскорт полагался лишь высшим сановникам, представлявшим персону самой государыни. Оказаться под охраной этих гвардейцев, которые не щадили ни чужой, ни своей крови и готовы были бестрепетно пойти на смерть по первому повелению, значило добиться величайшего триумфа, но в этом таилась и величайшая опасность. «На высотах все пути вымощены кинжалами», – гласила древняя пословица.

Ноготки Сюрот ритмично постукивали по балюстраде. Да, она балансировала на лезвии бритвы, и каждый неверный шаг мог оказаться последним.

Она окинула взглядом заполнявшие гавань за молом корабли Ата'ан Миэйр, Морского народа, казавшиеся слишком узкими в сравнении с длиной их корпусов. Из-за сильной качки суда плясали на воде, их мачты и реи клонились под немыслимыми углами. Палубы были пусты – команды свезли на берег и заключили под стражу. Так же поступили и со всеми жителями этих островов, которые умели ходить под парусом. Выход в море был перекрыт мощными крутобортыми кораблями шончан, а один корабль, ребристые паруса которого были наполнены ветром, гнал к порту целую стайку рыбацких лодчонок. Вздумай рыбаки броситься врассыпную, кому-то из них, возможно, и удалось бы скрыться, но на борту шончанского корабля имелась *дамани* – достаточно было один раз продемонстрировать ее возможности, чтобы и самые отчаянные головы отказались от мыслей о побеге. У входа в гавань и сейчас можно было видеть выброшенный на берег обугленный корпус судна Морского народа.

Сюрот не знала, долго ли ей удастся хранить в тайне то, что она завладела этими островами, – и от других поселений Морского народа, и от проклятых жителей материка.

«Долго, достаточно долго, – твердила она себе, – столько, сколько нужно будет».

То, что она совершила, было своего рода чудом. Она ухитрилась собрать под своим командованием почти все, что уцелело от шончанской армады верховного лорда Турака, подвергнувшейся сокрушительному разгрому при Фалме. Большая часть рассеявшейся было флотилии признала ее верховенство, и никто не оспаривал права верховной леди командовать *Хайлине*, Предвестниками. И если удача ей не изменит, никто на материке не заподозрит, что острова и порт заняты шончан. А тем временем шончан будут поджидать удобного случая, чтобы вернуть отнятые некогда земли и по приказу императрицы осуществить *Коринне* – Возвращение. Доверенные люди Сюрот уже разведали что нужно. Если все и дальше пойдет столь же успешно, высокородной леди не придется возвращаться ко Двору Девяти Лун, чтобы принести извинения императрице, к тому же за неудачу, в которой она не была повинна.

При одной только мысли об этом Сюрот проняла дрожь. Все эти покаянные церемонии всегда были унизительны и воспринимались болезненно, но более всего верховная леди боялась того, что императрица откажет ей в праве уйти из жизни и вынудит жить так, будто ничего не случилось, тогда как и Высокородные, и даже чернь будут знать о ее позоре. Юный милый слуга, напряженно следивший за госпожой, стараясь угадать ее желание, подскочил к ней и протянул бледно-зеленое одеяние, расшитое изображениями птиц наслаждения с их роскошными плюмажами. Сюрот сунула руки в рукава, обратив на слугу не больше внимания, чем на комок грязи возле своей бархатной туфельки.

Чтобы избежать покаянной церемонии, она обязана вернуть шончан земли, утраченные ими тысячу лет назад. А для этого ей необходимо разобраться с тем странным молодым человеком, который, как доносили лазутчики, объявил себя Возрожденным Драконом. «И если я не сумею совладать с ним, неудовольствие императрицы будет не самым худшим, что меня ожидает».

Плавнo повернувшись, Сюрот прошла в длинную комнату, примыкавшую к террасе. Выходившая к морю стена комнаты была прорезана множеством высоких дверей и стрельчатых окон, сквозь которые проникало дуновение ветерка. Всю обстановку, принадлежавшую прежде владельцу покоев, правителю Канторина из Морского народа, Сюрот приказала убрать, остались лишь приглянувшиеся ей стенные панели из светлого полированного дерева, переливавшиеся, точно атлас. Теперь комнату разгораживали высокие ширмы, расписанные главным образом изображениями цветов и птиц. С одной из ширм на нее взирал огромный, размером с доброго пони, пятнистый кот – такие звери водились в Сен Т'джоре, с другой – черный горный орел. Хохолок из белоснежных перьев венчал голову царственной птицы, распростершей украшенные по краям такой же белоснежной каймой крылья на целых семь футов. Вообще-то, такие ширмы считались вульгарными, но Сюрот любила животных. И раз уж нельзя было

взять с собой из-за океана свой зверинец, она распорядилась изобразить своих любимцев на ширмах. Сюрот не привыкла в чем-либо себе отказывать.

Прислужницы дожидались там, где она их оставила, – две стояли на коленях, третья распростерлась на голом полу, выложенном светлыми и темными паркетными плашками. Женщины, стоявшие на коленях, были в темно-синих платьях – отличительной одежде *сул'дам*. На груди и бедрах были нашиты полосы пурпурной ткани, на которых красовались вышитые серебряной канителью раздвоенные молнии. У одной из них, Алвин, голубоглазой женщины с резкими чертами лица и недобрым взглядом, голова слева была выбрита, а оставшиеся справа волосы заплетены в светло-каштановую косу, падавшую на плечо.

При виде Алвин Сюрот поджала губы. До сих пор ни одной из *сул'дам* не удавалось высидеться до ранга *со'джин* и попасть в наследственную касту высших служителей Высокородных. В лучшем случае они становились глашатаями Высокородных, но для возвышения Алвин была причина – она слишком много знала.

Внимание Сюрот обратилось к распростертой на полу женщине в простом темно-сером платье. Шею ее плотно охватывал ошейник из серебристого металла, соединенный поблескивающим поводком с браслетом из того же материала на запястье второй *сул'дам* – Тайсы. С помощью браслета и ошейника, *ай'дам*, Тайса могла держать под контролем женщину в сером. А ее следовало держать под контролем: она была дамани – женщиной, способной направлять Силу, и, стало быть, слишком опасной, чтобы позволить ей разгуливать на свободе. Минула уже тысяча лет, но воспоминания о Воинстве Ночи были еще живы в памяти шончан.

Сюрот перевела взгляд на обеих *сул'дам*, и глаза ее настороженно сверкнули. Она больше не доверяла никому из *сул'дам*, но сейчас ей приходилось полагаться на них, ибо выбора у нее не было. Без *сул'дам* невозможно управлять дамани, ну а без дамани... О таком и подумать немислимо. Мощь шончан, все могущество Хрустального трона зиждилось на умении управлять дамани и пользоваться их силой. Что поделать, Сюрот нередко оказывалась в положении, когда у нее не было выбора. Взять хотя бы Алвин – приходится терпеть эту наглую особу, которая ведет себя так, будто и на свет родилась *со'джин*. Да что там *со'джин* – у нее такой вид, будто она сама из Высокородных и стоит на коленях только потому, что ей так вздумалось.

– Пура, – произнесла верховная леди. Должно быть, прежде, когда нынешняя дамани еще не угодила в руки шончан и была одной из ненавистных Айз Седай, у нее было другое имя, но Сюрот никогда его не слышала, да и не стремилась узнать. Лежавшая на полу женщина напряглась, но не подняла головы, она была хорошо вымуштрована.

– Пура, я к тебе обращаюсь. Скажи, каким образом Белая Башня управляет человеком, именующим себя Возрожденным Драконом?

Дамани слегка повернула голову и бросила испуганный взгляд на Тайсу. Она знала: если ее ответ не устроит высокородную леди, *сул'дам* заставит ее испытывать нестерпимые муки, не шевельнув и пальцем, – для этого служил *ай'дам*, серебристый браслет.

– Башня никогда бы не стала использовать Лжедракона, верховная леди, – промолвила Пура, едва дыша. – Сестры захватили бы его и усмирили.

Тайса устремила на верховную леди вопросительный взгляд, в котором сквозило возмущение. Дамани посмела уклониться от прямого ответа, более того, позволила себе намекнуть, что слова одной из Высокородных могут не соответствовать истине. Сюрот едва заметно покачала головой – она не хотела ждать, пока дамани оправится от боли, – и Тайса, безмолвно повинувшись, склонила голову.

– Я еще раз спрашиваю тебя, Пура, что тебе известно о том, как Айз Седай... – Рот Сюрот скривился от отвращения, будто она осквернила его, вымолвив эти слова. Алвин недовольно хмыкнула. – Как Айз Седай помогают этому человеку? Не вздумай отрицать это, наши солдаты сражались в Фалме с женщинами из Башни, с женщинами, способными направлять Силу.

– Пура... Пура не знает, верховная леди. – Судя по тому, как жалобно и неуверенно звучал ее голос, дамани изо всех сил старалась, чтобы ей поверили. Она бросила отчаянный взгляд на Тайсу. – Может быть... Может быть, Амерлин... или Совет Башни... Нет, они ни за что бы не стали. Пура не знает, верховная леди.

– Этот человек может направлять Силу, – резко бросила Сюрот.

Женщина на полу испуганно застонала – ей было известно, что мысль об этом приводит верховную леди в ярость. Сюрот передернулась, произнося эти слова, но выражение ее лица не изменилось. Многие из того, что случилось в Фалме, нельзя было приписать только Айз Седай: дамани ощущали присутствие женщин, направляющих Силу, и ничего не могли скрыть от сул'дам, носивших браслеты. Выходит, к этому был причастен мужчина, причем мужчина, наделенный невероятной мощью. Такой мощью, что несколько раз Сюрот с беспокойством ловила себя на мысли, что этот человек, возможно, и впрямь Дракон Возрожденный.

«Этого не может быть», – твердо сказала она себе. Впрочем, в любом случае это не заставило бы ее изменить свои планы.

– Невозможно поверить, – продолжала она, – чтобы Белая Башня позволила такому человеку остаться на свободе. Они управляют им, и ты ответишь мне как.

Плечи лежавшей на полу дамани задрожали – она рыдала.

– Отвечай верховной леди! – рявкнула Тайса, и Пура вздрогнула, словно ее хлестнули кнутом, – жгучая боль пронзила ее, пройдя через ай'дам.

– П-Пура не з-з-нает, – простонала дамани, нерешительно протянув руку, будто хотела коснуться ноги Сюрот. – Пожалуйста. Пура научилась повиноваться. Пура говорит только правду. Пожалуйста, не наказывайте Пуру.

Сюрот слегка отступила, ничем не выдав своего раздражения. Дамани принудила ее двинуться. И эта нечистая тварь чуть было к ней не прикоснулась. Леди почувствовала желание ополоснуться, как будто дамани и впрямь коснулась ее.

При виде столь кощунственного поведения дамани Тайса побагровела от ярости, и глаза ее едва не выскочили из орбит. Она, казалось, разрывалась между желанием пасть ниц рядом с дамани, чтобы молить госпожу о прощении, и стремлением поскорее наказать провинившуюся, да так, чтобы та надолго запомнила свой проступок. Поджав тонкие губы, Алвин устремила на Тайсу презрительный взгляд, всем своим видом давая понять, что в те дни, когда носила браслет она, ничего подобного не случалось.

Сюрот слегка приподняла палец и шевельнула им – каждая со'джин с рождения знала этот жест, означавший разрешение удалиться.

Алвин не сразу сообразила, что приказывает госпожа, – пытаясь скрыть свой промах, она набросилась на Тайсу:

– Убери это... существо с глаз верховной леди Сюрот. А после того как накажешь ее, отправляйся к Суреле и доложи ей, что сегодня ты выполняла свои обязанности так, будто впервые в жизни надела браслет. Скажи ей, что ты заслуживаешь...

Сюрот заставила себя не слышать голоса Алвин. Она приказала всего лишь удалиться, а обращать внимание на свары между сул'дам было ниже ее достоинства. Жаль, что она так и не узнала, пыталась ли Пура что-то скрыть. Ее соглядатаи доносили, что женщины из Белой Башни вообще не могут лгать. И действительно, даже под страхом наказания невозможно было заставить Пуру сказать неправду – например, назвать белый шарф черным. Впрочем, это еще ничего не доказывает. Она, Сюрот, не из тех, кто склонен принимать на веру слезы и мольбы какой-то дамани, заверявшей, что, несмотря на все муки, она не способна на ложь. В противном случае верховная леди вряд ли оказалась бы достойной возглавить Возвращение. Не исключено, что у Пуры сохранились остатки собственной воли; и возможно, ей хватило сообразительности на то, чтобы попытаться сыграть на распространенном убеждении, что Айз Седай не могут лгать. Ни одна из женщин, захваченных на материке, не проявила должной покорно-

сти, и ни одна из них не заслуживала доверия – не то что дамани, привезенные из Шончан. Только шончанские дамани, в отличие от прочих, смогли смириться со своей участью. Но кто знает, какие тайны может скрывать та, что прежде именовала себя Айз Седай?

Не в первый раз Сюрот пожалела о том, что при ней не осталась и вторая Айз Седай, попавшая в плен на мысе Томан. Если бы только можно было допросить обеих, то, сопоставляя ответы, она сумела бы обнаружить любые увертки и распознать ложь. Но сокрушаться было бесполезно. Возможно, вторая пленница покоится на морском дне, хотя не исключено, что ее выставили на обозрение при Дворе Девяти Лун. Те из судов, которые Сюрот не удалось прибрать к рукам, должно быть, пустились в обратный путь, через океан; вполне вероятно, на борту одного из них и находится эта женщина.

Сюрот и сама снарядила корабль с осторожным и взвешенным донесением. Она послала его полгода назад – сразу после того, как установила полный контроль над Предвестниками с помощью капитана и команды, которые служили под началом представителей ее рода с тех пор, как добрую тысячу лет назад Лютейр Пейндраг провозгласил себя императором. Отправка корабля была рискованной игрой, ведь императрица вполне могла прислать кого-нибудь на место Сюрот. Но не посылать доклада значило рисковать еще больше. В этом случае спасти верховную леди могла только блестящая и полная победа, да и то не наверняка. А пока императрице известно о Фалме, о поражении Турака и намерении Сюрот продолжать войну. Знать-то она знает, но какие делает из этого выводы и что собирается предпринять? Это заботило Сюрот несравненно больше, чем любая дамани, кем бы она ни была до того, как на нее надели ошейник.

И все же императрица знала не все. Худшее нельзя было доверить даже самому преданному посланцу. Об этом Сюрот могла сообщить императрице лишь лично, с глазу на глаз. Сохранить эту тайну стоило Сюрот немалых усилий. Из тех, кто знал о ней, в живых остались только четверо; двое из них никогда не обмолвятся ни словом, и отнюдь не по своей воле. «Только три смерти сохранили бы тайну еще надежней».

Сюрот сама не заметила, как заговорила вслух, пока не услышала голос Алвин:

– Но сейчас все три еще нужны верховной леди живыми. – Весь облик Алвин выражал надлежащее смирение, и голос ее звучал подобострастно, однако из-под опущенных век она ухитрялась внимательно следить за Сюрот. – Кто может сказать, верховная леди, что подумает императрица – да живет она вечно! – если узнает о попытке скрыть от нее подобные вести?

Вместо ответа Сюрот небрежным жестом отослала Алвин прочь. И снова Алвин помедлила, на сей раз выказывая откровенное нежелание уходить. Эта женщина возомнила о себе невесть что.

Наконец Алвин с глубоким поклоном удалилась, а Сюрот с усилием овладела собой. Эта сул'дам, так же как и две другие, являла собой проблему, которую она пока не могла разрешить, но терпение – отличительная черта Высокородных. Те из них, кому его недоставало, рисковали закончить свои дни в Башне Воронов.

Сюрот вновь вышла на террасу, и слуги встrepенулись в ожидании ее повелений. Гвардейцы по-прежнему стояли на страже, оберегая ее покой. Сюрот подошла к балюстраде и устремила взгляд на море, в сторону материка, лежавшего в сотнях миль к востоку.

То, что она успешно возглавила Предвестников и начало Возвращения, сулило ей в будущем немало почестей. Вплоть до того, что ее могли причислить к императорской фамилии, хотя подобное отличие и сопряжено с определенными сложностями. Но если вдобавок ей удастся захватить этого Дракона, каким бы он ни оказался, истинным или ложным, и найти способ управлять им и его невероятной силой...

«А если – когда – я захвачу его, стоит ли отдавать его императрице? Вот в чем вопрос».

Длинные ноготки Сюрот вновь принялись выстукивать ритм на широких каменных перилах.

Глава 2

Водоворот Узора

Стояла жаркая ночь, когда ветер с юга промчался над широкой дельтой, именуемой Пальцами Дракона. Рябь пробежала по запутанному лабиринту ручьев, речушек и проток – широких и узких, иногда сплошь заросших осокой. Заколыхался тростник, покрывавший отмели между едва поднимающимися над водой островками. Островки те поросли чудными деревьями, корни которых, словно паучьи лапы, выступали из земли. Такие деревья не росли нигде, кроме дельты. Дельтой заканчивалась великая река Эринин, широкое русло которой было усеяно множеством крохотных огоньков – рыбаки ловили рыбу на свет. Неугомонный ветер неистово раскачивал лодки, огоньки плясали, и некоторые рыбаки постарше бормотали, что в такую ночь того и гляди дожدهшься лиха. Те, что помоложе, посмеивались, но и сами торопливо выбирали сети, – видно, и им не терпелось поскорее очутиться дома, подальше отсюда. В преданиях говорилось, что зло не смеет переступить твой порог, коли ты сам его не наклеишь. И пока не доберешься до дому...

Когда ветер достиг раскинувшегося у реки великого города Тира, в нем уже почти не осталось привкуса морской соли. Крытые черепицей постоянные дворы и лавки теснились у подножия величественных, увенчанных башенками дворцов. Но ни один из этих дворцов не мог помериться высотой с исполинским сооружением, тянувшимся из центра города к самой кромке воды. То была легендарная крепость, Тирская Твердыня, древнейшая цитадель человечества, воздвигнутая вскоре после Разлома Мира. Народы и царства возвышались и уходили в небытие, вместо них возникали новые, которые также приходили в упадок, а Твердыня стояла. Словно о неприступный утес, разбивались о нее копыта и мечи и сокрушалось мужество осаждавших ее воинов. На протяжении трех тысячелетий бесчисленные армии штурмовали Твердыню, но она оставалась неодолимой. До сего дня.

Улицы города, кабачки и лавки опустели – с наступлением темноты горожане осмотрительно предпочитали не высовывать носа из дома. Тот, кто владеет Твердыней, правит Тиром – городом и страной. Так повелось издавна, и народ Тира считал этот порядок естественным. Днем горожане приветствовали своего нового властелина с таким же жаром, как и всех тех, кто правил до него, но к ночи, когда ветер над крышами завывал, точно тысячи причитающих плакальщиц, жались по углам и дрожали, несмотря на жару. В людях пробуждались стран-

ные надежды и мечтания, на какие никто здесь не осмеливался уже сотни поколений, однако надежды эти мешались со страхами, столь же древними, как Разлом Мира.

Порыв ветра развернул над Твердыней длинное белое знамя, устремленное будто к самой луне, и оно заполоскалось, словно ветер пытался сорвать его. Вместе со знаменем извивался, будто оседлав ветер, изображенный на нем змей с когтистыми лапами, львиной гривой и алло-золотой чешуей. Над Твердыней реяло знамя пророчества – пророчества, исполнения которого ждали с надеждой и страхом. Знамя Дракона, Возрожденного Дракона. Знак, возвещавший, что мир будет спасен, но спасен ценой грядущего нового Разлома. Как будто вознегодовав на непокорство горделивого стяга, ветер перестал трепать его и обрушился на каменные стены Твердыни. Знамя Дракона обвисло, словно в ожидании новых, более яростных бурь.

На одном из верхних этажей Твердыни, в комнате, выходящей на южный фасад, в изножье кровати с балдахином сидел на сундуке Перрин. Взгляд его был прикован к молодой темноволосой женщине, которая расхаживала из угла в угол. В золотистых глазах юноши читалась настороженность. Обычно Фэйли подтрунивала над ним, – видно, ее слегка потешала его склонность взвешивать и обдумывать каждый свой шаг, но сегодня вечером, с тех пор как пришла, она не проронила и десяти слов. Он ощущал стойкий аромат розовых лепестков, которыми была пересыпана после стирки ее одежда, – ее аромат. Но помимо этого, Перрин учуял запах тревоги, исходивший от девушки, и удивился – Фэйли умела держать себя в руках. Странно, отчего она так нервничает, – у него даже спина зачесалась, и вовсе не оттого, что он вспотел. Юбка девушки мягко шуршала в такт ее шагам.

В досаде Перрин поскреб свою двухнедельную бородку, которая начала курчавиться сильнее, чем его шевелюра, и, наверное в сотый раз, подумал, что не мешало бы побриться.

– Она тебе идет, – неожиданно остановившись, произнесла Фэйли.

Перрин неловко пожал широченными налитыми плечами, выдававшими в нем кузнеца. Девушка как будто прочла его мысли, и такое случилось не раз.

– Чешется, – смущенно пробормотал он и тут же пожалел о том, что произнес это столь нерешительным тоном. В конце концов, это его борода и он волен делать с ней что вздумается – захочет и сбреет.

Фэйли внимательно посмотрела на него, склонив головку набок. Высокие скулы и резко очерченный нос придавали ей суровый вид, но голос звучал мягко и нежно:

– Зато тебе к лицу.

Перрин вздохнул и снова пожал плечами. Она не просила его оставить бороду и никогда не попросит. Это уж точно. А он опять отложит бритье невесть на какой срок. Интересно, как бы повел себя в таких обстоятельствах его приятель Мэт? Небось поцеловал бы ее, ушибнул, рассмешил и в конце концов шутками да прибаутками убедил в своей правоте. Но Перрин никогда не умел обходиться с девушками так, как Мэт. Кто-кто, а Мэт никогда бы не стал в такую жару отращивать бороду только потому, что какая-то девица решила, что она ему к лицу. Впрочем, еще неизвестно, как бы он себя повел, окажись этой девицей Фэйли. Наверняка отец Фэйли горько сожалел о том, что она ушла из дому, и не только потому, что она его дочка. Фэйли утверждала, что он самый богатый торговец мехами в Салдэе; оно и видно – девушка умела торговаться и всякий раз платила столько, сколько считала нужным.

– Фэйли, – проговорил он, – я вижу, что-то тебя тревожит, и дело вовсе не в моей бороде. Скажи, что же это?

Девушка упорно отводила глаза, глядя куда угодно, только не на него, и пытаясь делать вид, будто рассматривает комнату.

Всю мебель – от высокого платяного шкафа и толстенных, с Перринову ногу, столбов, поддерживавших балдахин, до стоявшей возле мраморного камина скамьи с мягкой обивкой – украшала резьба, изображавшая львов, леопардов, атакующих ястребов и охотничьи сцены. В глазницы некоторых животных были вставлены гранаты.

Как ни пытался Перрин втолковать домоправительнице, что ему больше подошла бы комната попроще, она, казалось, не понимала, о чем идет речь. Между тем ее трудно было заподозрить в недостатке сообразительности, ведь она командовала целой армией слуг, превосходящей числом Защитников Твердыни. Кто бы ни владел Твердыней и чьи бы воины ни оберегали ее стены, повседневная жизнь цитадели поддерживалась ее неустанными хлопотами. Но она смотрела на мир как уроженка Тира, и в ее глазах Перрин, невзирая на одежду и облик простого деревенского парня, вовсе не был простолюдином, прежде всего потому, что простонародью не положено было селиться в Твердыне, не считая, разумеется, Защитников и челяди. А главное, Перрин был одним из спутников Ранда – соратником, а может быть, и другом, – во всяком случае, приближенным самого Дракона Возрожденного. В глазах домоправительницы это ставило его вровень по меньшей мере с лордом страны, а то и с благородным лордом. То, что столь важная особа поселилась в столь скромных покоях, где не было даже передней, оказалось для нее достаточным потрясением, и, вздумай Перрин настаивать на комнате попроще, она того и гляди упала бы в обморок. Да и неизвестно, были ли здесь вообще помещения попроще, не считая, конечно, солдатских казарм и комнат для прислуги. Хорошо еще, что здесь ничто, кроме светильников, не было позолочено. Фэйли, однако, смотрела на все это иначе.

– Ты мог бы занять комнату и получше. Ты это заслужил. Можно побиться об заклад на последний медяк, что Мэт устроился не в такой камерке.

– Мэт любит показуху, – отозвался Перрин.

– А ты себя не ценишь.

Юноша промолчал. Он понимал, что ей не по себе, и причиной тому не убранство его покоев – и уж того менее судьба его бороды.

Выждав немного, Фэйли сказала:

– Похоже, лорд Дракон совсем позабыл о тебе. Теперь он все время проводит с благородными лордами.

Спина у Перрина зачесалась еще сильнее – он понял, что не дает ей покоя, и сказал нарочито непринужденным тоном:

– Лорд Дракон? Брось ты эти тирские церемонии. Его зовут Ранд.

– Перрин Айбара, он ведь твой друг, а не мой. Если у такого человека вообще могут быть друзья. – Девушка вздохнула и продолжила более миролюбиво: – Я тут подумываю уйти из Твердыни. Да и вообще из Тира. Вряд ли Морейн станет меня задерживать. Ведь уже пару недель, как о... Ранде прослышали и за городскими стенами. Ей уже не сохранить это в тайне.

Перрин подавил невеселый вздох:

– И сдастся мне, она не будет тебе мешать. Так или иначе, ты для нее только лишнее беспокойство. Она, пожалуй, еще и денег на дорогу даст, лишь бы тебя здесь не было.

Фэйли подбоченилась и вперила в него взгляд:

– И это все, что ты можешь мне сказать?

– А что бы ты хотела услышать? Что я хочу, чтобы ты осталась?

Раздражение в собственном голосе испугало Перрина. Он злился на себя, а не на нее. Злился оттого, что не предвидел такого поворота и не знал, что предпринять. Он привык делать все обдуманно, не спеша. Когда торопишься, можно, не желая того, обидеть человека, как вышло сейчас. Темные глаза девушки расширились от огорчения. Перрин попытался исправить свою оплошность:

– Пойми, на самом деле я очень хочу, чтобы ты осталась, но, может быть, тебе все же лучше уйти. Я знаю, что ты не робкого десятка, но Возрожденный Дракон да еще эти... Отрекшиеся.

Правда, вряд ли сейчас можно отыскать безопасное убежище – его нет и долго не будет; но места, где безопаснее, чем в Твердыне, еще остались. До поры до времени, во всяком случае. Но надо быть последним болваном, чтобы преподнести ей все это таким образом.

Однако Фэйли, похоже, задело, каким образом он ей все это преподнес.

– Остаться? – воскликнула она. – Озари меня Свет! Да все что угодно лучше, чем торчать здесь без толку, но... – Она легким движением опустилась на колени и протянула к нему руки. – Перрин, мне вовсе не хочется думать о том, что в любой момент из-за угла может появиться Отрекшийся, у меня нет желания ждать, когда Возрожденный Дракон всех нас убьет. В конце концов, он ведь уже сделал это в прошлом, во времена Разлома. Убил всех, кто был ему близок.

– Но Ранд вовсе не Льюс Тэрин Убийца Родичей, – возразил Перрин. – Я хочу сказать, что он и вправду Возрожденный Дракон, но он не... он не станет... – Перрин тянул, не зная, как закончить. Ранд был Льюсом Тэрином Теламоном, родившимся заново, – именно это и значило быть Возрожденным Драконом. Но значило ли это, что он обречен повторить судьбу Льюса Тэрина? Не только лишиться рассудка и сгнить заживо – такая участь ждала каждого мужчину, способного направлять Силу, – но и предать смерти всех, кто ему дорог?

– Перрин, я говорила с Байн и с Чиад.

Юношу это не удивило: он знал, что Фэйли проводит немало времени с айильскими девушками. С такими подругами хлопот не оберешься, но, похоже, эта компания нравится Фэйли в той же степени, в какой она терпеть не может общество благородных дам Тира. Только непонятно, какое отношение имеет это к их разговору, удивился Перрин и высказал свое удивление вслух.

– Они рассказали мне, что Морейн то и дело спрашивает, где находишься ты или Мэт. Не понимаешь? Раз ей приходится спрашивать, значит она не может следить за вами при помощи Силы!

– Следить при помощи Силы? – растерянно повторил Перрин. Ничего подобного ему и в голову не приходило.

– Не может. Давай уйдем вместе, Перрин. Прежде чем она спохватится, мы будем уже в двадцати милях за рекой.

– Я не могу, – печально ответил юноша. Он потянулся к Фэйли, пытаясь поцелуем отвлечь ее, но девушка вскочила с места и отступила так быстро, что он чуть не упал, и тут же скрестила руки на груди, всем своим видом давая понять, что заигрывать с ней сейчас не стоит.

– Только не говори мне, что ты ее боишься. Я знаю, что она Айз Седай и все вы пляшете под ее дудку. Возможно, она уже и... Ранда... опутала так, что ему не освободиться. Что же до Эгвейн, Илэйн и Найнив, то кто их поймет, – может, они и сами этого не хотят. Но ты, если решишься, можешь разорвать ее путы.

– Морейн тут ни при чем. Просто я делаю то, что должен... Я...

Фэйли резко оборвала его:

– Кончай заливать мне насчет того, что мужчина обязан исполнять свой долг. Я не хуже тебя знаю, что такое долг, и здесь ты никому ничего не должен. Может, ты, конечно, и та'верен, хотя по тебе этого не скажешь, но это он Дракон Возрожденный, а вовсе не ты.

– Выслушаешь ты меня или нет? – всплыв, вскричал Перрин.

Фэйли аж подскочила от неожиданности. Прежде он никогда не повышал на нее голос. Так – никогда. Но она промолчала, только вздернула подбородок и пожала плечами.

– Мне кажется, – продолжил юноша, – что моя судьба каким-то образом связана с судьбой Ранда. И судьба Мэта тоже. Мы связаны воедино, и если не исполним того, что от нас требуется, то и Ранд окажется не в силах осуществить предначертанное. Вот в чем заключается мой долг. Как могу я уйти, если это может погубить Ранда?

– Погубить? – В голосе девушки прозвучала нотка раздражения, но не больше. Перрин даже подумал, не стоит ли ему покрикивать на нее почаще. – Это тебе Морейн внушила? Перрин, пора бы уж тебе понять: не следует прислушиваться ко всякому слову Айз Седай.

– При чем тут Морейн? Я сам до всего додумался. Видишь ли, нас, та'веренов, что-то подталкивает друг к другу. А может быть, это Ранд притягивает нас обоих – меня и Мэта. Он

ведь считается сильнейшим та'вереном со времен Артура Ястребиное Крыло, а то и с самого Разлома. Мэт, тот и вовсе не признавал бы себя та'вереном, если бы всякий раз не выходило одно и то же: попробует он уйти, а в конце концов возвращается к Ранду. И Лойал говорит, что никогда не слышал, чтобы появились сразу трое та'веренов одного возраста, да еще и родом из одного места.

Фэйли громко фыркнула:

– Много он знает, твой Лойал! Для огира он всего-навсего мальчишка.

– Ему уже за девяносто, – возразил Перрин, но Фэйли ответила лишь натянутой улыбкой. И то сказать, по огирским меркам девяносто соответствовало примерно возрасту Перрина. А то и меньше. Не очень-то много ему известно об огирах. Но в любом случае Лойал прочитал уйму книг, причем таких, каких Перрин в глаза не видел и слышать о них не слышал. Иногда юноше казалось, что этот огир прочитал вообще все книги на свете. – Он всяко знает поболее нас с тобой, – продолжал Перрин. – И он считает, что без меня вроде бы нельзя обойтись. Да и Морейн тоже так думает. Нет, я ее никогда об этом не спрашивал, но сама посуди, зачем бы ей за мной следить? Ведь не затем же, чтобы заказать мне кухонный ножик.

Фэйли умолкла, а когда заговорила, голос ее звучал сочувственно:

– Бедняга Перрин. Я удрала из Салдэи на поиски приключений и вроде бы нашла то, что искала, – приключения, да еще какие, таких не было, наверное, со времен Разлома, но единственное, чего я хочу, – это убраться куда-нибудь подальше. Тебе же ничего не нужно, кроме твоей кузницы, а ты того и гляди попадешь в легенду, сам того не желая.

Перрин отвел глаза, но запах девушки продолжал кружить ему голову. Маловероятно, чтобы о нем стали рассказывать легенды, во всяком случае пока в его тайну посвящены немногие. Фэйли-то думает, что знает о нем все, но она ошибается.

Напротив юноши, прислоненные к стене, стояли топор и молот. Простые и удобные, с ухватистыми рукоятями длиной в руку, орудия эти полностью соответствовали своему назначению. У топора было изогнутое полумесяцем лезвие, уравновешенное клевцом – тяжелым смертоносным шипом. С помощью молота Перрин умел делать полезные вещи, им он орудовал в кузнице. Молот был более чем вдвое тяжелее топора, но всякий раз, когда он брал топор в руки, казалось, что все наоборот. Ведь за топор приходилось браться, чтобы... Об этом Перрину и думать не хотелось. Фэйли права: единственное, чего он хочет, – это быть кузнецом. Вернуться домой, увидеть своих родичей и снова работать в кузнице. Только не бывать тому – это он знал.

Перрин поднялся, дотянулся до молота и, подхватив его, уселся снова. С инструментом в руках он чувствовал себя как-то увереннее.

– Мастер Лухан всегда говорил: чему быть, того не миновать. – Перрин заспешил, понимая, что его слова смахивают на то, что Фэйли называла типично мужской околесицей. – Лухан – кузнец из нашей деревни, я у него в подмастерьях был. Да я тебе о нем уже рассказывал.

К удивлению Перрина, Фэйли не воспользовалась случаем упрекнуть его в том, что он своего ума не имеет, а повторяет чужие слова. Она вообще ничего не сказала, а только выжидающе посмотрела на него. И тут до него дошло.

– Стало быть, ты уходишь? – спросил он.

Фэйли поднялась, отряхнула юбку и довольно долго молчала, будто раздумывая, что ответить.

– Не знаю, – сказала она наконец. – В хорошенькую историю ты меня впутал.

– Я? Я-то здесь при чем?

– Ну, если ты сам сообразить не можешь, то я и подавно не собираюсь тебе растолковывать.

Перрин снова почесал бороду и уставился на молот, который так и держал в руке. Мэт наверняка бы сразу смекнул, что она имеет в виду. Или, например, старина Том Меррилин.

Седовласый менестрель говаривал, что никому не дано постичь женщину, однако стоило ему выйти из своей крошечной каморки, сокрытой в чреве Твердыни, как его тут же окружали с полдюжины девиц, по возрасту годившихся ему во внуки, – слетались послушать, как под аккомпанемент арфы он поет баллады о великих подвигах и столь же великой любви. Фэйли была единственной женщиной, которую Перрину хотелось понять, но при этом он чувствовал, что говорят они на разных языках – как если бы рыба пыталась понять птицу.

Ясно, что сейчас она ждет от него вопроса. На этот счет сомнений у Перрина не было. Может быть, она и не ответит ему, но спросить он должен. А Перрин упрямо молчал. Он решил, что на сей раз перемолчит ее. Снаружи, во тьме, прокукарекал петух.

Фэйли поежилась и обхватила руками плечи:

– Нянюшка говорила мне, что это знак, предвещающий смерть. Правда, я в это не верю.

Перрин открыл было рот, чтобы заявить, что это глупое суеверие, хотя перед этим и сам поежился, но тут послышался странный скрежет и стук. Юноша мгновенно обернулся: оказалось, что топор упал на пол. Перрин только и успел, что нахмуриться, удивляясь, как это он свалился сам по себе, когда топор взмыл в воздух и устремился к нему.

Не раздумывая, Перрин взмахнул молотом. В звоне металла о металл потонул отчаянный крик Фэйли. Топор пролетел через всю комнату, отскочил от дальней стены и снова метнулся к нему, угрожающе выставив лезвие. Перрин почувствовал, что волосы у него встают дыбом.

В тот миг, когда топор пронесся мимо Фэйли, девушка обеими руками ухватила за его рукоять. Топор как живой извернулся у нее в руках и наставил стальной полумесяц прямо ей в лицо. Бросив молот, Перрин прыжком кинулся вперед и схватился за топорщице – он едва успел предотвратить смертельный удар. Юноша боялся, что не переживет, если топор – его собственный топор – изувечит девушку. Он рванул топор на себя с такой силой, что тяжелый шип, уравнивающий лезвие, чуть не вонзился ему в грудь. Хорошо, что удалось спасти Фэйли, только, похоже, самое страшное впереди.

Топор вел себя как живое существо, движимое злобой волей. И это существо стремилось убить его, Перрина, – юноша чувствовал это так ясно, как будто враг кричал ему об этом в лицо. Причем неведомый враг был не только злобен, но и хитер. Когда Перрин тянул топор на себя, не давая лезвию коснуться Фэйли, тот использовал его же усилие, пытаясь вонзиться в грудь юноши, а когда он отталкивал оружие, лезвие вновь угрожало Фэйли, как будто понимая: чтобы уберечь ее, Перрин вновь обратит топор на себя. Перрин сжимал рукоять изо всех сил, но топор вертелся у него в руках, угрожая то острым шипом, то стальным полумесяцем. Мускулы кузнеца вздулись узлами, ладони его горели, пот градом струился по лицу. Перрин не знал, долго ли он сможет удерживать топор. Безумие, просто безумие – но думать об этом было некогда.

– Беги! – прохрипел Перрин сквозь стиснутые зубы. – Беги, Фэйли!

На побледневшем лице девушки не было ни кровинки, но она отрицательно качнула головой и, продолжая бороться с топором, выдавила из себя:

– Нет! Я тебя не оставлю!

– Так мы погибнем оба!

Она снова замотала головой.

Издав горловой рык, Перрин отнял одну руку от топорщицы. Удерживать топор одной рукой было совсем неважно – вертящаяся рукоять жгла ладонь. Освободившейся рукой он схватил девушку и начал подталкивать ее к выходу. Фэйли взвизгнула и уперлась в него кулачками, но Перрин, не обращая на это внимания, прижал ее к стене и оттолкнул к двери.

Как только удалось распахнуть дверь, он вытолкнул девушку наружу, захлопнул за ней дверь и привалился к створке спиной, потом движением бедра задвинул щеколду и снова схватился за топорщице обеими руками. Сверкающий отточенный полумесяц находился уже в нескольких дюймах от его лица. Фэйли истошно кричала и барабанила в дверь, но Перрин

едва ли осознавал это – толстая дверь заглушала звуки, да и не до того ему было. Невероятным усилием Перрин оттолкнул топор на длину руки. Желтые глаза юноши сверкали, будто вобрав в себя свет всех горевших в комнате свечей.

– Ну что, – проревел он, обращаясь к топору, – теперь мы остались один на один. Кровь и пепел, как я тебя ненавижу!

Внезапно на него напал истерический смех. «Ведь все считают, что это Ранд должен сойти с ума. Ранд! А я дошел до того, что разговариваю с собственным топором. Ранд, чтоб ему сгореть!»

Стиснув зубы, Перрин оттолкнул топор на расстояние шага от двери. Стальной полумесяц, дрожа, тянулся к нему – юноша почти ощущал переполнявшую его жажду крови. Внезапно Перрин обеими руками рванул топором на себя и отскочил назад. Лезвие метнулось к его голове, и Перрину почудилось, будто он услышал торжествующий клич, словно его враг был живым. В самый последний миг Перрин отклонился в сторону, и просвистевший мимо топор с глухим стуком вонзился в дверь.

Он чувствовал, как жизнь – а как иначе это назвать? – покидает плененное оружие. Медленно Перрин убрал от него руки. Торчащий в двери топор снова стал всего лишь топором – дерево, сталь, и ничего больше. Ну и пусть пока остается здесь, решил юноша, место подходящее. Дрожащей рукой он утер пот со лба. «Безумие, безумие следует за Рандом повсюду».

И тут до него вдруг дошло, что из-за двери не доносятся отчаянные крики и стук. Поспешно откинув щеколду, Перрин распахнул дверь. Стальное лезвие топора, насквозь пробившее толстое дерево, поблескивало в свете масляных ламп, редко расставленных вдоль завешанных гобеленами стен коридора.

Фэйли застыла перед дверью с поднятыми руками – видно, собиралась в очередной раз стукнуть по ней кулаками. Глаза ее были широко открыты. Девушка растерянно коснулась кончика своего носа и слабым голосом произнесла:

– Еще бы дюйм – и...

Неожиданно она бросилась к нему и, что-то бессвязно бормоча, стала истступленно целовать его, доставая губами только шею и бороду. Спустя мгновение, так же стремительно отпрянув, девушка с тревогой пробежала пальцами по его груди и рукам:

– Тебе больно? Ты ранен? Он тебя не...

– Со мной все в порядке, – отозвался Перрин. – Ты-то как? Я не хотел тебя напугать.

Девушка уставилась на него:

– Правда? Ты совсем не ранен?

– Нисколько, – подтвердил Перрин, и в тот же миг девушка вlepила ему полновесную затрепину, от которой в голове у него зазвенело, как от удара молотом о наковальню.

– Дубина волосатая! Я ведь думала, что ты уже мертв! Боялась, что эта штуковина тебя убьет! Думала... – Фэйли замолчала в тот момент, когда Перрин перехватил на замахе ее руку, предотвратив вторую оплеуху.

– Пожалуйста, больше не делай так, – спокойно попросил он. Отпечаток ее ладони еще горел у него на щеке – наверняка челюсть будет ныть всю ночь.

Перрин удерживал ее руку так нежно, словно держал в ладони птенчика, но, хотя Фэйли отчаянно пыталась освободиться, его стальная рука даже не шевельнулась. Он привык целыми днями размахивать тяжеленным молотом и потому даже сейчас, после нелегкой борьбы с топором, почти не ощущал ее судорожных усилий. Дернувшись несколько раз, Фэйли, видимо, решила не обращать внимания на его хватку и вперилась в него взглядом. Черные и золотистые глаза не мигая смотрели друг на друга.

– Я могла бы тебе помочь. Ты не имел права...

– Еще как имел! – твердо заявил Перрин. – Ты не могла мне помочь. Если бы ты осталась, мы бы погибли оба. Я не мог одновременно и тебя оберегать, и с этой штуковиной сражаться. –

Фэйли открыла было рот, но он возвысил голос и продолжил: – Я знаю, тебе не понравится то, что я сейчас скажу, но придется послушать. Я и так изо всех сил стараюсь не обращаться с тобой как с фарфоровой статуэткой, но, если ты потребуешь, чтобы я спокойно смотрел на твою смерть, я свяжу тебя, как овцу на рынке, и отошлю к госпоже Лухан. А уж она-то не потерпит таких выходов.

Потрогав языком зуб и удивившись, как он еще не выпал, Перрин мысленно представил себе, как Фэйли пытается показывать характер перед Элсбет Лухан, – да, интересно было бы посмотреть на такое. Жена кузнеца держала своего мужа под каблуком, и вроде бы даже без особых усилий. Уж на что у Найнив язычок острый как бритва, но в присутствии госпожи Лухан и та предпочитала держать его за зубами. Перрин еще раз потрогал свой зуб и решил, что он держится достаточно крепко.

Неожиданно Фэйли рассмеялась низким, гортанным смехом:

– Значит, связал бы меня, да? Только попробуй – смотри, как бы тебе не пришлось сплестись в объятиях Темного.

Перрин так удивился, что выпустил руку девушки. Кажется, он не сказал ничего особенного, однако прежде она так и вспыхивала от ярости, а тут выслушала его... смирнехонько. Правда, он был не вполне уверен, что ее угрозы такие уж пустые. Фэйли носила под одеждой ножи и прекрасно умела с ними обращаться.

Девушка принялась демонстративно тереть запястье, бормоча что-то себе под нос. Перрин разобрал лишь: «Бык волосатый» – и поклялся себе, что обязательно сбреет эту дурацкую бороду. Всю, до последнего волоска.

И тут Фэйли спросила:

– С топором – это ведь он устроил? Выходит, Возрожденный Дракон пытался убить нас.

– Должно быть, это был Ранд. – Перрин намеренно сделал ударение на имени. Ему не хотелось думать о Ранде как о лорде Драконе. Он предпочитал помнить того Ранда, с которым вместе рос в Эмондовом Лугу. – Но навряд ли он собирался нас убить. Нет, я так не думаю.

В ответ Фэйли криво усмехнулась:

– Ну, коли так, будем надеяться, что больше он на это не пойдет.

– Не знаю, что он там затеял, но хочу пойти к нему и сказать, чтобы он бросил такие шутки. Прямо сейчас пойду и скажу.

– Никак не пойму, – пробормотала девушка, – и какое мне дело до человека, который так печется о своей безопасности.

Перрин недоуменно нахмурился, пытаясь сообразить, что она имеет в виду, но Фэйли, не говоря ни слова, взяла его под руку и повела к выходу. Они уже шли по коридору, пролежавшему в недрах Твердыни, а он все не переставал ломать себе голову. Топор остался торчать в двери. Застравший, он больше ни для кого не был опасен.

Зажав в зубах трубку с длинным чубуком, Мэт распахнул кафтан малость пошире и попытался сосредоточиться на картах, лежавших перед ним на столе рубашкой вверх, и монетах, ссыпанных посередине стола. На нем был превосходный ярко-алый кафтан андорского покроя, из лучшей шерсти, с золотым шитьем по вороту и обшлагам, ни на день не позволявший ему забыть о том, насколько южнее Андора расположен Тир. Пот струился у него по лицу, и рубаха прилипала к спине.

Ни один из игроков, сидевших с ним за столом, похоже, не замечал жары, хотя одеты они были, пожалуй, теплее. На всех были щегольские кафтаны с пышными рукавами, в прорезях которых виднелись шелковые, атласные и парчовые вставки. Двое слуг в золотистых с красным узором ливреях держали наготове кубки с вином и сверкающие серебряные подносы с сыром, орехами и оливками. Слуги, казалось, тоже не обращали внимания на жару, правда, один из них то и дело украдкой зевал, прикрывая рот ладонью. Час был уже довольно поздний.

Мэт хотел было взять со стола свои карты, чтобы взглянуть на них еще разок, но передумал. Измениться-то они все равно не могли. У него на руках было три властелина, три высшие карты в трех из пяти мастей – одна из лучших комбинаций, а это позволяло надеяться на выигрыш.

Сам-то он чувствовал себя увереннее, бросая кости: в тех краях, где он обычно играл, карты вообще были не в ходу, зато существовало более полусотни разновидностей игры в кости, так что серебро частенько переходило из рук в руки. В Тире же юноши благородного сословия скорее согласились бы обрядиться в лохмотья, чем сыграть в кости. Крестьяне в здешних краях в кости играли, но при Мэте об этом старались не заикаться. Опасались они не его самого, а тех, с кем, по слухам, он водил знакомство. Потому долгие часы, а то и ночи напролет просиживал он за карточным столом в компании заядлых игроков. Карты изготавливал – рисовывал вручную и покрывал лаком – один предприимчивый горожанин, который неплохо наживался на этой компании, как, впрочем, и на других картежниках. Только женщины или кони могли оторвать их от игры, да и то ненадолго.

Ну что ж, эту игру Мэт освоил довольно быстро, и если пока ему не везло в нее так, как в кости, тут уж ничего не попишешь – всему свое время. Во всяком случае, один туго набитый кошелек лежал перед ним рядом с картами, а другой, потолще, покоился в кармане. Прежде, в Эмондовом Лугу, он счел бы, что таких деньжищ хватит на то, чтобы весь остаток дней провести в роскоши. Однако с тех пор, как Мэт покинул Двуречье, его представления о роскоши заметно изменились. Молодые дворяне, те держали деньги на столе, небрежно рассыпав их сверкающими кучками, но Мэт не собирался изменять некоторым своим старым привычкам. В этих тавернах и постоялых дворах порой возникает необходимость поскорее унести ноги. Особенно если тебе улыбнулась удача.

Но уж когда ему действительно повезет и он заполучит столько, чтобы можно было жить в свое удовольствие, он уберется из Твердыни как можно скорее. Прежде чем Морейн догадается, что он задумал. Будь у него вдоволь денег, только бы его здесь и видели. Золото, которое можно прибрать к рукам, – вот что его здесь держало. Деньги, ради которых ему пришлось бы не одну неделю метать кости в тавернах, за этим столом можно было выиграть за одну ночь. Только бы ему улыбнулась удача.

Мэт слегка нахмурился и беспокойно подул в трубку – пусть партнерам покажется, что он не уверен в своих картах и раздумывает, стоит ли продолжать игру. Двое молодых лордов тоже держали в зубах трубки, только с янтарными мундштуками и отделанные серебром. В жарком стоячем воздухе висел ароматный дым их табака. Запах стоял такой, какой был бы, наверное, случись пожар в туалетной комнате знатной дамы. Правда, в туалетных комнатах знатных дам Мэту бывать не приходилось. Из-за болезни, которая чуть было не свела его в могилу, память его сделалась дырявой как решето, и все же он был уверен, что такое событие запомнил бы. «Заставить меня забыть об этом и сам Темный не сумел бы».

– Сегодня причалило судно Морского народа, – пробормотал Реймон, не выпуская трубки изо рта. Широкоплечий молодой лорд носил коротко подстриженную напояженную бородку. Это был последний крик моды среди знатной молодежи, а Реймон гонялся за модой так же усердно, как волочился за женщинами, и разве что чуточку менее усердно, чем играл в карты. – Гонщик. Самые быстрые корабли эти гонщики, так они говорят. За ними и ветру не угнаться, так и говорят. Хотел бы я на них поглядеть. Сгори моя душа, если не так. – Реймон кинул на стол серебряную крону и взял карту, но смотреть на нее не стал – он никогда этого не делал, пока не набирал полную пятерку.

Упитанный розовощекий парень, сидевший между Реймоном и Мэтом, издал удивленный смешок:

– Ты хочешь поглядеть на этот корабль, Реймон? Поглазеть на девчонок – вот что ты, наверное, хотел сказать. На женщин, этих чудных красоток из Морского народа. Все в кольцах,

побрякушках и ходят вразвалочку, а? – Он положил крону, взял из колоды карту и, взглянув на нее, скривился. Это ровно ничего не значило: если судить по его лицу, карта не шла ему весь вечер, однако он все время оставался в выигрыше. – Ну ладно, – произнес он, – может, с девочками из Морского народа мне повезет больше.

По другую сторону от Мэта сидел высокий, стройный молодой лорд с заостренной темной бородкой, еще более щеголеватой, чем у Реймона.

Усмехнувшись, он провел пальцем по носу и сказал:

– Ты и вправду думаешь, что с ними тебе повезет, а, Эдорион? Зная их нрав и обычай, я полагаю, что в лучшем случае тебе удастся унюхать запах их притираний. – Он помахал перед носом ладонью и втянул в себя воздух, будто вдыхая аромат. Все рассмеялись, не исключая Эдориона.

Громче всех смеялся простоватого вида юноша по имени Истин, имевший обыкновение убирать пятерней постоянно падавшие на лоб прямые волосы. Одеть его попроще – и он вполне сошел бы за фермерского сынка. На самом же деле Истин был отпрыском благородного лорда, одного из богатейших землевладельцев Тира, и денег у него в карманах было куда больше, чем у любого другого за этим столом. Вина он тоже пил гораздо больше остальных.

Перегнувшись через своего соседа, фатоватого остроносого молодого человека по имени Бэрен, Истин ткнул сдававшего карты в бок своим вовсе не твердым пальцем. Бэрен, не выпуская изо рта трубки, скривился и отшатнулся, будто боялся, что Истин ненароком столкнет его со стула.

– Здорово сказано, Карломин, – пробулькал Истин. – Бэрен, ты ведь тоже так думаешь? Сдается мне, Эдорион с них и понюшки не получит. А если охота испытать удачу... рискнуть... ему стоит познакомиться с айильскими девочками – на манер Мэта. Ох уж эти копы и тесаки! Сгори моя душа! Все одно что льва пригласить на танец. – Вокруг стола повисло мертвое молчание. Некоторое время Истин продолжал хохотать в одиночестве, затем заморгал и снова запустил пятерню в волосы. – В чем дело? Я что-то не то ляпнул? О! О, да. Про них.

Мэт с трудом сдержал досаду: надо же было этому болвану помянуть айильских воительниц – для всей компании не было более неприятного предмета разговора, не считая, конечно, Айз Седай. На худой конец, все они предпочли бы встретиться в коридорах Твердыни этих айильских гордячек, смотревших на жителей Тира свысока, чем увидеть хотя бы одну Айз Седай. А сейчас в городе находились сразу четыре Айз Седай. Мэт нащупал в кошельке серебряную андорскую крону и бросил ее в кучу посередине стола. Карломин неторопливо сдал ему карту.

Мэт осторожно приподнял ее ногтем большого пальца и чуть не зажмурился, боясь поверить в такую удачу. Это был властелин чаш. Рисунок на карте изображал благородного лорда Тира. Чаши считались высшей мастью во всех странах, но властелин чаш изображался правителем той страны, в которой делались карты. Это были старые карты. Мэту уже случалось видеть новые, на которых в качестве властелина чаш был изображен Ранд со знаменем Дракона в руках. Ранд – властелин Тира. Мэту и по сей день это казалось нелепостью. Ранд был пастухом, славным малым, добрым приятелем, который никогда не корчил из себя важную персону. Но теперь Ранд – Возрожденный Дракон, и, по разумению Мэта, надо быть полным болваном, чтобы сидеть здесь, дожидаясь, что еще вздумает выкинуть Ранд, оставаясь при этом под приглядом Морейн. Нет уж, надо убираться отсюда. Может быть, Том Меррилин пошел бы с ним или Перрин. Впрочем, Том, похоже, обосновался в Твердыне так, будто решил поселиться здесь до конца дней, а Перрин, тот вообще с места не сдвинется, пока его Фэйли пальчиком не поманит. Ну что ж, если придется, он, Мэт, готов пуститься в путь в одиночку.

Однако в центре стола поблескивало серебро, перед знатными игроками высились горки золотых монет, и, если только ему удастся вытянуть из колоды еще одного властелина, он наберет лучшую из возможных комбинаций. Впрочем, и без того карты его были хороши. Неожиданно Мэт ощутил особый подъем – он чувствовал, что удача на его стороне. Это не было тем

легким покалыванием, которое сулило выигрыш в кости, – на сей раз он и не сомневался, что никто не сможет побить четырех его властелинов. Значит, нужно повышать ставки. Играя ночь напролет, лорды-тайренцы входили в раж и не задумываясь ставили на кон стоимость десятка ферм.

Но сейчас Карломин уставился на колоду и, по всей видимости, не собирался прикупать четвертую карту, а Бэрэн, яростно пыхтя трубкой, складывал монеты столбиком, будто намереваясь рассовать их по карманам. Реймон насупился в бороду, а Эдорион сосредоточенно разглядывал свои ногти. Только Истин, похоже, ничего не заметил – он с ухмылкой озирался по сторонам, видно уже позабыв о том, что сказал. Обычно молодые люди ухитрялись не подавать виду, что побаиваются айильских воительниц, однако на сей раз они сплеховали, и то сказать – и час поздний, и вина выпито немало.

Надо было срочно что-то придумать, чтобы удержать их за столом, а их золото – на столе. Бросив один лишь взгляд на их лица, Мэт мигом смекнул, что переменной темы разговора ему не обойтись. Но ведь можно и по-другому. Вот если заставить их посмеяться над этими айильскими красотками... «А может, самому прикинуться дурачком – пусть надо мной посмеются?» Мэт грыз мундштук трубки, пытаясь придумать выход.

Бэрэн взял в обе руки по пригоршне монет, определенно собираясь сунуть их в карман.

– А я, может, и попытаю счастья с девчонками из Морского народа, – торопливо заговорил Мэт, оживленно размахивая трубкой. – Когда ухлестываешь за айильскими девицами, случаются чудные вещи. Очень чудные. Вроде той игры, которая называется у них «Поцелуй Девы».

Ему удалось привлечь их внимание; правда, Бэрэн назад деньги не положил, а Карломин не спешил прикупать карту.

Истин хмыкнул:

– Ткнут копьем меж ребер – вот тебе и поцелуй. Они же называют себя Девами Копья. Сталь. Пика под ребра – и весь сказ. Стори моя душа.

Никто не засмеялся. Но они слушали.

– Ну уж не весь. – Мэт изобразил ухмылку. «Чтоб мне сгореть, раз уж начал говорить, придется выложить все». – Руарк втянул меня в это дело, говорит, хочешь, мол, подружиться с Девами – попроси их сыграть в «Поцелуй Девы». Дескать, это самый верный способ познакомиться с ними поближе. Ну я и решил, что эта игра вроде тех, в которые я мальчишкой играл у себя дома, – «Поцелуй маргаритки» и все такое. – Припомнив этот разговор, Мэт с трудом сдержал усмешку. Кто бы мог подумать, что вождь айильского клана окажется таким шутником. Впредь надо быть поосторожнее. – Вот я и пошел к Байн и...

Реймон нетерпеливо нахмурился. Никто из них не знал ни одного айильца по имени, кроме Руарка, и никто не хотел лишний раз эти имена слышать.

Мэт заторопился:

– Короче, я пошел как распоследний дурак и попросил их показать мне эту игру.

На лицах слушателей расцвели широкие улыбки – вид у них был как у котов, собравшихся поиграть с мышкой.

– И не успел я сообразить, что к чему, как мне в шею со всех сторон уперлись острия копий. Воротник, да и только. Случись мне чихнуть, думаю, вмиг оказался бы побритым.

Слушатели разразились смехом.

Увлечшись рассказом, Мэт почти забыл о своих слушателях. Он снова почувствовал, как в шею ему упираются острия копий. Стоило ему хоть чуточку шевельнуться, как копья давили сильнее, а Байн при этом без удержу хохотала, приговаривая, что в жизни не слыхала, чтобы кто-нибудь сам напросился на игру в «Поцелуй Девы».

Но об этом им знать ни к чему. Мэт заколебался, и Карломин заметил это. Погладив бородку, он сказал:

– Начал – так продолжай. Когда это было? Держу пари, что две ночи назад. Ты тогда играть не пришел – мы все гадали, куда ты запропастился.

– В ту ночь я просто играл в камни с Томом Меррилином, – не задумываясь ответил Мэт, радуясь, что наострился лгать, совершенно не меняясь в лице. – А это было много дней назад. Так девочки просто потребовали, чтобы я всех их расцеловал, вот и все. Если красотке нравился мой поцелуй, она малость ослабляла свое копьё, а которой не нравился, та нажимала чуток сильнее – вроде как для поощрения. И вот что я вам скажу: после той забавы на мне было меньше порезов, чем после бритья.

Мэт снова зажал в зубах трубку. Если им охота разузнать побольше, пусть сами сходят и попросят, чтобы с ними сыграли в эту игру. Может, и найдется среди них такой дурак. «Проклятые Девы со своими проклятыми копьями!» Он тогда до утра маялся, не мог уснуть.

– Мне бы этого вполне хватило, – сухо заметил Карломин. – Сожги мою душу Свет, если не так. – Он кинул серебряную крону в центр стола и вытянул новую карту. – «Поцелуй Девы», ну и ну! – И затрясся от хохота, а все вокруг покатались со смеху.

Бэрен прикупил пятую карту, а Истин взял из рассыпавшейся кучки монету и принялся рассматривать ее, будто не понимая, что это такое. Прекращать игру теперь никто не собирался.

– Дикари, – заявил Бэрен, не выпуская изо рта трубки, – невежественные дикари. Иначе не скажешь. Все они такие, сгори моя душа. Живут в пещерах где-то в пустыне. Это ж надо – в пещерах! Ну кто, кроме дикарей, смог бы жить в пустыне?

Реймон кивнул:

– Ну, во всяком случае, они служат лорду Дракону. Если б не это, я взял бы сотню Защитников и вышиб их из Твердыни.

Бэрен и Карломин поддержали его дружным ревом.

Мэт, однако, и бровью не повел. Ему доводилось слышать такое и прежде. Легко похвастаться, зная, что не потребуется выполнять обещанное. С сотней Защитников? Да даже если бы Ранд по какой-то причине остался в стороне, несколько сотен айильцев, составляющих нынче гарнизон Твердыни, сумели бы отстоять цитадель против любой армии, какую способен собрать Тир. Хотя, похоже, сама Твердыня им вовсе не нужна. Мэт подозревал, что находятся они там только из-за Ранда. Правда, скорее всего, никто из молодых лордов этого так и не понял. Все они старались делать вид, будто айильцев вовсе не существует, только вот легче им от этого не становилось.

– Мэт, – Истин перебирал свои карты, словно не мог решить, с какой лучше пойти, – слушай, Мэт, ты ведь будешь говорить с лордом Драконом?

– О чем? – осторожно спросил Мэт. Слишком многие из этих тайренских вельмож знали, что Мэт рос вместе с Рандом, потому, похоже, они и полагали, что он всякий раз, когда не играет с ними в карты, находится в обществе Возрожденного Дракона. При этом ни один из них и близко бы не подошел даже к родному брату, если бы у того обнаружилась способность направлять Силу. Непонятно, с чего это они решили, что он, Мэт, дурнее их.

– А разве я не сказал? – Истин покосился на свои карты, почесал в затылке и просветлел. – Ну да, конечно. О его новом указе, Мэт. Указ лорда Дракона. Самый последний. Там говорится, что простолюдины могут судиться с лордами и для разбора споров лордов будут вызывать в суд. Где это слыхано, чтобы лорда вызывали в суд? Да еще кто – мужики!

Мэт стиснул в кулаке кошелёк и спокойно сказал:

– Конечно, не к лицу знатному человеку распинаться перед судом из-за того, что он малость побаловался с дочкой какого-нибудь рыбака или отдубасил фермера, заляпавшего грязью его плащ.

Все с опаской переглянулись, уловив прозвучавшую в словах Мэта иронию, и только Истин, ничего не поняв, затряс головой в знак согласия с такой силой, что казалось, она вот-вот отвалится:

– Точно! Но до этого дело не дойдет! Лорд перед судом – никогда! Быть такого не может. – Он пьяно захихикал, таращась на свои карты. – Ох уж эти рыбацкие девчонки! Они ведь рыбой пропахли, такое дело. Их сперва отмыть надо. Нет, по мне пухленькая хуторяночка не в пример лучше.

Мэт напомнил себе, что пришел сюда ради игры. А раз так, нечего обращать внимание на дурацкую болтовню. Главное – помнить о том, сколько золота можно вытянуть из кошелька Истина. Но того уже занесло:

– И кто знает, чем может кончиться дело. А ну как виселицей?

Эдорион бросил на него косой настороженный взгляд и сказал:

– И что это мы все об этих... простолюдинках, а, Истин? Скажи-ка лучше, как насчет дочек старого Асторила? Ты еще не надумал, на которой из них жениться?

– Что? А-а... Я, наверное, подброшу монетку. – Истин хмуро уставился в свои карты, переменял одну и снова нахмурился. – Правда, у Медоре есть две или три служаночки – такие милашки. Может, остановлюсь на Медоре.

Мэт отхлебнул из своего серебряного кубка, исключительно для того чтобы остыть и не запустить им в простоватую физиономию Истина. Он еще не прикончил свой первый кубок, и слуги давно отказались от попыток подлить ему вина. Если он ударит Истина, никто и пальцем не шевельнет, чтобы заступиться за приятеля. Да и сам Истин сдачи не даст, а все потому, что он, Мэт, друг лорда Дракона. Чем проводить время в такой компании, лучше уж играть где-нибудь в портовой таверне, где грузчики и матросы никому не дадут спуска, а ежели что не так, только меткое словцо, крепкая рука, а то и проворные ноги спасут твою шкуру. Но думать об этом *сейчас* было глупо.

Эдорион снова бросил взгляд на Мэта, прикидывая, что у того на уме:

– Тут сегодня шушок прошел. Поговаривают, будто лорд Дракон задумал пойти войной на Иллиан.

Мэт чуть не поперхнулся вином.

– Пойти войной? – пробормотал он.

– Войной, – с довольным видом подтвердил Реймон, сжимая в зубах трубку.

– Ты уверен? – спросил Карломин, а Бэрэн добавил:

– Я ничего такого не слышал.

– А я слышал об этом сегодня уже от троих или четверых, – заметил Эдорион, не отрываясь от карт, – не знаю только, правда ли это.

– Должно быть, правда, – заявил Реймон. – Если лорд Дракон, да еще и с Калландором в руках, поведет нас, нам и драться-то не придется. Он рассеет их войско, и мы напрямую вступим в Иллиан. Даже неинтересно. Сгори моя душа, если не так. Я бы не прочь скрестить меч с иллианцами и помериться с ними силой.

– Ну, – вступил в разговор Бэрэн, – коли нас поведет лорд Дракон, такой возможности тебе не представится: они падут на колени, лишь завидев знамя Дракона.

– А не то, – со смехом добавил Карломин, – лорд Дракон тут же испепелит их молниями.

– Сначала захватим Иллиан, – заявил Реймон, – а потом... потом мы завоюем для лорда Дракона весь мир, вот так. Мэт, ты передай лорду Дракону, что я сказал. Весь мир.

Мэт покачал головой. Всего месяц назад все они пришли бы в ужас при одной только мысли о человеке, способном направлять Силу и, стало быть, обреченном на безумие и ужасную смерть. Сейчас они готовы следовать за Рандом в бой с верой, что его могущество обеспечит им победу. Они рассчитывают на победу с помощью Единой Силы, хотя, возможно, не признаются себе в этом. Просто нужно же на что-то опереться. Несокрушимая Твердыня ока-

залась в руках айильцев, и в сотне футов над их головами воцарился в своих покоях овладевший Калландором Возрожденный Дракон. Трехтысячелетняя история Тира, легенды и предания – все пошло прахом, и мир перевернулся вверх тормашками. Ему и самому приходилось нелегко – в его собственном мире все пошло наперекосяк чуть больше года назад. Мэт задумчиво повертел в пальцах тайренскую золотую крону: как бы там ни было, теперь он не отступит.

– Когда мы выступаем, Мэт? – спросил Бэрен.

– Не знаю, – неохотно промолвил Мэт. – Мне кажется, Ранд не станет затевать войну. – А про себя подумал: «Если только Ранд вконец не спятил».

Собеседники посмотрели на него так, будто он взялся уверять их, что завтра не взойдет солнце.

– Разумеется, все мы преданы лорду Дракону, – заговорил Эдорион, не поднимая глаз от своих карт, – здесь, в городе. Но вот по деревням... Ходят слухи, что кое-кто из благородных лордов пытается собрать войска, чтобы отбить Твердыню. Таких немного, конечно, но они есть.

Неожиданно оказалось, что никто не смотрит на Мэта. Истин, похоже, по-прежнему был занят своими картами.

– Когда лорд Дракон поведет нас на войну, все это само собой прекратится. Ну а мы, ясное дело, преданы лорду Дракону. И благородные лорды тоже, в этом я уверен. А тех, что колеблются, немного.

«Их преданность, – подумал Мэт, – продлится до тех пор, пока они испытывают страх перед Возрожденным Драконом».

На миг ему показалось, что он собирается оставить Ранда в яме со змеями. Но он тут же вспомнил, кто, собственно, Ранд ныне. Скорее уж, это будет примерно то же, что оставить ласку в курятнике. Ранд, конечно, был его другом, но теперь, став Возрожденным Драконом... Разве у Возрожденного Дракона могут быть друзья? «Нет, никого я не бросаю в беде. Да он, если захочет, может обрушить Твердыню на их головы. И на мою заодно. Похоже, самое время уносить ноги».

– И никаких рыбацких девчонок, – пробурчал Истин. – Ты поговори с лордом Драконом.

– Твой ход, Мэт, – встрял Карломин. Он выглядел озабоченным, хотя трудно было сказать, что именно его тревожило: то ли он опасался, как бы Истин снова не разозлил Мэта, то ли не хотел, чтобы разговор вернулся к щекотливой теме преданности. – Что ты надумал: купишь пятую карту или будешь пасовать?

Мэт понял, что за своими мыслями позабыл об игре. Уже все, кроме него и Карломина, набрали по пять карт; правда, Реймон аккуратно сложил свои рубашкой вверх, показывая, что пасует. Мэт помедлил, делая вид, что размышляет, а затем, вздохнув, придвинул к кучке монет еще одну.

Когда серебряная монета покатилась по столу, он неожиданно ощутил приближение небывалой удачи – крона подпрыгивала по столешнице, и ее легкое постукивание звоном отдавалось у него в голове. Он мог заранее сказать, орлом или решкой ляжет монета при любом подскоке, и знал, какую получит карту, еще до того, как Карломин вытянул ее из колоды.

Мэт сложил свои карты стопкой, потом взял их в руку и развернул веером. Пятая карта в его наборе оказалась властелином пламени. С картинки на Мэта взирала Амерлин – правда, лицом она не походила на Суан Санчей, – и на ладони ее подрагивал язычок пламени. Что бы там ни думали жители Тира об Айз Седай, мощь Тар Валона они признавали, несмотря на то что пламя считалось младшей мастью.

Итак, Мэт набрал все пять высших карт. Что бы это значило? Прежде подобная удача выпадала ему только в такой игре, как кости, где все решает один лишь случай, но, похоже, теперь ему начинало так же везти и в карты.

– Да испепелит Свет мои кости, коли это не так, – пробормотал он. Или только подумал?

– Вот! – вскричал Истин. – Все слышали, не отпирайся. Ты это на древнем наречии ска-
занул. Что-то насчет костей да пепла. – Истин ухмыльнулся. – Я сразу сообразил. То-то мой
наставник возгордился бы. Надо будет послать ему подарок. Если, конечно, разужнаю, куда он
подевался.

Считалось, что все знатные люди знают древний язык, хотя на деле большинство из них
понимало его не лучше Истина. Молодые лорды затеяли спор, что же этакое сказал Мэт, и
сошлись на том, что, по всей видимости, он помянул недобрым словом жару.

Мэт покрылся гусиной кожей, отчаянно пытаясь припомнить фразу, только что сорвав-
шуюся у него с языка. Какая-то тарабарщина, хотя ему и казалось, что стоит чуть поднапрячься
– и он поймет. «А все Морейн, чтоб ей стореть! Если б она в свое время оставила меня в покое,
не было бы у меня таких провалов в памяти, в которые добрая телега пройдет, и я не болтал
бы... всякое, будь оно проклято!» Правда, если бы так случилось, то нынче он не странствовал
бы по свету с туго набитым кошельком, а по-прежнему доил папашиних коров; но об этом Мэт
предпочитал не думать.

– Вы сюда играть пришли, – хрипло проговорил он, – или языки чесать, точно старые
кумушки над вязаньем?

– Играть, – отрывисто произнес Бэрен. – Ставлю три золотые кроны! – И бросил монеты
в кучу.

– И еще три сверху. – Истин икнул и добавил к кучке шесть золотых монет.

Мэт сдержал довольную ухмылку и выбросил из головы древнее наречие. Это далось ему
без труда – он просто не хотел об этом думать. Кроме того, если уж они как следует завелись,
за ночь он выиграет достаточно для того, чтобы поутру убраться отсюда. «А если Ранд спя-
тил настолько, что затеял войну, убираться надо немедленно, даже если придется тащиться на
своих двоих».

Снаружи, во тьме, прокукарекал петух. Мэт вздрогнул и приказал себе не дурить – никто
тут не собирался умирать.

Он уставился в карты и заморгал – вместо язычка пламени в руке Амерлин сверкнуло
лезвие ножа. И пока юноша убеждал себя, что устал, оттого ему и мерещится всякая чушь, она
вонзила тонкий клинок ему в руку.

Отбросив карты, Мэт с громким криком откинулся назад и повалился вместе со стулом.
Падая, он толкнул ногами стол. Казалось, воздух в комнате загустел, словно мед, а ход времени
замедлился. Все происходило как будто одновременно. За воплем Мэта последовали другие
крики, отдававшиеся гулким эхом, точно в провалах пустоты. Мэт медленно падал назад вме-
сте со своим стулом, в то время как стол так же медленно всплывал вверх.

Карта с изображением властелина пламени зависла в воздухе, она росла на глазах, и нари-
сованная Амерлин смотрела с нее на Мэта со зловещей усмешкой. Уже почти достигнув чело-
веческого роста, она начала выступать из карты, оставаясь при этом плоской фигурой. Но эта
фигура тянулась к нему, пытаясь поразить обагренным кровью кинжалом, словно уже прон-
зившим его сердце. А рядом с ней вырастала другая фигура. Властелин чаш, благородный лорд
Тира, вытаскивал из ножен свой меч.

В замедленном падении Мэт каким-то образом ухитрился вытащить из левого рукава
кинжал и метнуть его прямо в сердце Амерлин. Если, конечно, у этой штуки было сердце.
Второй нож легко скользнул ему в левую руку и так же легко устремился вслед за первым.
Клинки плыли в загустевшем воздухе, словно пушок чертополоха. Мэт хотел закричать, но
казалось, первый крик ярости и испуга еще стоял у него в горле. А между тем рядом с двумя
фигурами вырастала третья – владычица жезлов. Королева Андора с искаженным гримасой
безумия лицом, окруженным пламенеющей гривой огненно-рыжих волос, держала свой жезл,
словно булаву.

Мэт продолжал падать, пытаясь выдать из себя вопль. Амерлин уже полностью вышла из карты, выходил и благородный лорд, наполовину обнаживший меч. Плоские изображения двигались так же медленно, как и Мэт. Однако он уже имел случай убедиться, что сталь в их руках может ранить, а значит, и тем жезлом можно раскроить череп. Его череп.

Брошенные кинжалы двигались точно сквозь желе. Мэт больше не сомневался в том, что петух пропел для него. Что бы там ни говорил отец, а примета оказалась верной. Но сдаваться и умирать он не собирался. Ему удалось достать из-за пазухи еще два ножа. Стараясь развернуться в падении так, чтобы приземлиться на ноги, Мэт метнул один из ножей в рыжеволосую фигуру с булавой. Другой он держал в руке, чтобы, встав на ноги, быть готовым встретить...

Неожиданно восстановился нормальный ход времени. Мэт неуклюже повалился на бок. Поднявшись на ноги, он достал из-под кафтана еще один нож. Не зря Том говорил, что лишних ножей не бывает. Впрочем, ни один из них не потребовался.

Сошедшие с карт фигуры исчезли. А может, они ему только привиделись? Возможно, он уже начал впадать в безумие. И тут он снова увидел карты – вполне нормального размера, припиленные к темной деревянной панели дрожащими стальными ножами. Мэт хрипло вздохнул.

Стол лежал на боку, рассыпавшиеся монеты еще продолжали катиться по полу. И молодые лорды, и слуги тоже оказались на полу, среди разбросанных карт. Они изумленно таращились на Мэта и на ножи – те, что он держал в руках, и те, что торчали в стене. Истин схватил какой-то чудом не опрокинувшийся серебряный кувшин и принялся вливать вино себе в глотку, не замечая, что оно льется по подбородку, заливая ему кафтан.

– Даже если у тебя карта не идет, – прохрипел Эдорион, – незачем... – Вздогнув, он осекся.

– Вы все это видели! – выкрикнул Мэт. Неуловимым движением он спрятал ножи на место. Тонкая струйка крови стекала из маленькой ранки по тыльной стороне его ладони. – Не прикидывайтесь, будто ослепли!

– Ничего я не видел, – ошолбенело пробормотал Реймон. – Ничего! – И принялся шарить по полу, собирая рассыпавшиеся монеты. Он так сосредоточился на этом занятии, будто важнее его не было ничего на свете. Остальные занялись тем же, за исключением Истина, упорно искавшего кувшин или кубок, в котором остался хоть глоток вина. Один из слуг закрыл лицо руками, другой, похоже, молился – тоненьким, скулящим голоском.

Выругавшись, Мэт шагнул к стене, где висели приколотые его ножами карты. Теперь это снова были обычные игральные карты – разрисованный картон, покрытый потрескавшимся лаком. Только в руке Амерлин вместо язычка пламени был по-прежнему зажат кинжал. Мэт лизнул языком ранку и убедился, что она еще кровоточит.

Он поспешно вытащил из стены ножи и, прежде чем спрятать их, разрезал каждую карту пополам. Затем пошарил среди карт, разбросанных по полу, нашел властелинов монет и ветров и разорвал их надвое. При этом он чувствовал себя дураком: все кончилось и это были всего лишь обычные игральные карты. Но пересилить себя он не мог.

Ни один из ползавших на четвереньках молодых лордов не попытался остановить его. Никто даже не смотрел на Мэта, и стоило ему приблизиться, как они отползали в сторону. Сегодня игры больше не будет, да и в другие ночи, наверное, тоже. Во всяком случае, с ним. Всем было яснее ясного: что бы это ни было, оно было нацелено против Мэта, и здесь, конечно же, не обошлось без Единой Силы. А от таких вещей все они предпочитали держаться подальше.

– Ранд, чтоб тебе сгореть! – неслышно пробормотал Мэт. – Раз уж тебе суждено спянуть, так хоть меня оставь в покое! – Взгляд его упал на трубку – она была переломлена пополам, а чубук был вообще откушен. Раздосадованный, Мэт подобрал с пола свой кошелек и двинулся к выходу.

В глубине темной спальни, на кровати, достаточно широкой и для пятерых, беспокойно ворочался Ранд ал'Тор. Ему снился сон.

Спотыкаясь, он брел по тенистому лесу. Покалывая заостренной палкой, Морейн подгоняла его к поляне, где, сидя на пне, дожидалась Амерлин. В руках она держала заготовленную для него веревочную петлю. Между деревьями сновали неясные тени – мельком ему удавалось заметить то блеснувший клинок, то веревочные путы. Крадучись, тени подступали все ближе – они охотились за ним. На лице худощавой, невысокой Морейн застыло выражение, какого он никогда прежде не видел. Страх. Покрывшись испариной, она колола все сильнее и сильнее, гоня его в петлю Амерлин. За деревьями Отрекшиеся и Приспешники Тьмы, впереди петля Белой Башни, а позади Морейн со своей палкой. Палка колола больно, и, чтобы избавиться от боли, он побежал.

– Слишком поздно! – вскричала Морейн за его спиной, но он должен был вернуться назад. Назад.

Бессвязно бормоча, Ранд метался по постели. На миг ему полегчало.

...Он находился на родине, в знакомом с детства Мокром лесу. Солнечный свет, пробиваясь сквозь кроны деревьев, поблескивал на поверхности пруда. На ближнем берегу лежали поросшие зеленым мхом валуны, а на дальнем раскинулась лужайка, покрытая ковром лесных цветов. Это был тот самый пруд, в котором он мальчишкой учился плавать.

– Что же ты не купаешься?

Ранд вздрогнул и обернулся. Позади него, в своем обычном мальчишеском кафтанчике и штанах, усмехаясь, стояла Мин, а рядом с ней Илэйн, с ее золотистыми кудряшками, в зеленом шелковом платье, которое было бы более уместно во дворце ее матери.

Первые слова произнесла Мин, но Илэйн тут же добавила:

– Вода-то какая, Ранд, – так и манит. Нам здесь никто не помешает.

– Я не знаю, – нерешительно заговорил он, но Мин не дала ему закончить.

Обняв Ранда за шею, она привстала на цыпочки, потянувшись к нему, как бы для поцелуя, и тихонько промурлыкала, повторяя слова Илэйн:

– Нам здесь никто не помешает.

Затем она отступила на шаг, скинула свой кафтан и стала развязывать ворот рубахи.

Потрясенный, Ранд увидел, что платье Илэйн уже лежит на зеленом мху и дочь-наследница Андора намеревается стянуть через голову сорочку.

– Что вы делаете? – спросил он не своим голосом.

– Собираемся с тобой искупаться, – ответила Мин.

Илэйн одарила его улыбкой и стянула свою сорочку. Ранд поспешно, хотя и без особого желания, отвернулся и неожиданно увидел Эгвейн. Печально взглянув на него большими темными глазами, она повернулась и, не проронив ни слова, скрылась за деревьями.

– погоди, – закричал он ей вслед, – я все объясню.

Он бросился ей вдогонку, но у кромки деревьев его остановил голос Мин:

– Не ходи туда, Ранд.

И Мин, и Илэйн уже медленно плавали на самой середине пруда. Над водой виднелись только их головы.

– Возвращайся к нам, – позвала Илэйн и поманила его, подняв над водой тонкую руку. – Разве ты не заслужил права получить взамен то, чего хочешь?

Ранд растерянно переступил с ноги на ногу – он и хотел идти, да не знал куда. Слова девушки прозвучали странно. Получить то, чего он хочет, – что же она имела в виду? Ранду показалось, что он вспотел, и, желая утереть пот, поднял руку к лицу. Плоть на ладони сгнила и разложилась до такой степени, что нельзя было рассмотреть выжженный на ней некогда символ – знак цапли. Сквозь отвратительную рану с воспаленными краями просвечивала кость.

От ужаса Ранд очнулся, но, даже поняв, что это был кошмарный сон, он не мог унять дрожь. Пот пропитал белье и льняные простыни. Ныл обожженный бок, который так и не удалось залечить. Он потрогал плохо зарубцевавшуюся рану – кружок около дюйма в поперечнике продолжал болеть. Даже Морейн, применившая к нему Исцеление Айз Седай, не сумела вылечить его полностью. «Но я еще не гнию. И с ума пока не сошел. Пока еще нет». Еще нет. Этим все и было сказано. Ранд сдержал подступивший смех – не хватало еще расхохотаться, как будто он и впрямь малость спятил.

Видеть сны про Мин и Илэйн, да еще такие, как этот... Нет, такое, пожалуй, нельзя счесть безумием, скорее глупостью. Ни одна из девушек никогда не смотрела на него иначе как на хорошего знакомого. Что же до Эгвейн, то она была чуть ли не помолвлена с ним. Они никогда не произносили слов обручального обета перед Кругом женщин, но в Эмондовом Лугу все знали, что в один прекрасный день Ранд и Эгвейн поженятся.

Правда, этот прекрасный день, возможно, так никогда и не наступит. Как можно связать свою жизнь с мужчиной, способным направлять Силу, зная, какая судьба его ждет? Эгвейн должна понимать это. Должна. К тому же все ее мысли сейчас были о том, как стать Айз Седай. Но женщины – странные создания, ей вполне могло прийти в голову, что можно стать и Айз Седай, и его женой. Она могла даже и не думать о том, что он направляет Силу. И как сказать ей, что он уже не хочет жениться, а любит ее как сестру? Впрочем, говорить об этом, наверное, и не придется. Он ведь не обычный человек, а это само по себе должно все объяснить. Эгвейн должна это понять. Разве может мужчина просить женщину стать его женой, зная, что всего через несколько лет он обречен сойти с ума, да еще и сгнить заживо. Несмотря на жару, Ранда пробрал озноб.

«Надо постараться заснуть». Поутру снова заявятся благородные лорды и будут лебезить, в надежде снискать расположение Возрожденного Дракона. «Нужно заснуть; может, на этот раз удастся выспаться без кошмаров». Ранд заворочался, пытаясь отыскать на взмокших простынях сухое место, и неожиданно замер, прислушиваясь к едва слышным шорохам в темноте. В комнате кто-то был.

Меч-Который-не-Меч находился вне его досягаемости, в противоположном конце спальни. Он был водружен на постамент, напоминавший по форме трон. Этот постамент преподнесли благородные лорды, конечно же, для того, чтобы Калландор пореже попадался им на глаза. «Кто-то хочет украсть Калландор, – мелькнула у него мысль. – Или убить Возрожденного Дракона». Ранд и без предупреждений Тома догадывался, что заверения благородных лордов в безграничной преданности продиктованы одним лишь страхом.

Ранд очистил сознание от мыслей и чувств, погружаясь в Ничто, – это далось ему без усилий. Его «я» замкнулось в коконе холодной пустоты, оставив снаружи все желания и тревоги. Освободившись от них, он смог коснуться Истинного Источника. На сей раз это удалось ему без труда, хотя чаще бывало иначе.

И тут же стремительный, обжигающий поток *саидин* хлынул, наполняя его жизненной силой. Одновременно Ранд ощутил тошноту – напоминание о порче, наведенной на саидин Темным. Казалось, будто к хрустальным водам горного ручья примешались нечистоты из сточной канавы. Поток нарастал, угрожая захлестнуть его, поглотить, сжечь.

Борясь с этим потоком, Ранд усилием воли овладел им и к тому моменту, когда, скатившись с постели, принял боевую стойку, уже направлял его движение. Ранд замер в позиции, называвшейся «Яблоневый цвет на ветру» и предназначенной для отражения атаки нескольких противников одновременно. Впрочем, врагов не могло быть слишком много, иначе они подняли бы куда больше шума.

Как только ноги Ранда коснулись ковра, в его руках появился меч с длинной рукоятью и слегка искривленным, заточенным лишь с одной стороны клинком. На желтовато-красном, словно выкованном из пламени, хотя не испускавшем тепла, клинке выделялось четкое изоб-

ражение цапли. В тот же миг в комнате вспыхнули все свечи. Укрепленные позади них маленькие зеркала отражали свет, рассеивая его по всему помещению. Он вновь отражался от больших стоячих и настенных зеркал, создавая освещение достаточно яркое, чтобы можно было, не напрягая глаз, читать в любом углу комнаты.

Калландор находился на своем месте. Меч, и клинок, и рукоять которого выглядели так, будто были сделаны из хрусталя, был помещен на деревянном постаменте высотой в человеческий рост, украшенном искусной резьбой и драгоценными камнями. И вся мебель в комнате: кровать, стулья, скамьи, шкафы, сундуки и даже умывальник – была вызолочена и инкрустирована драгоценными камнями. Кувшин и чаша на умывальнике были изготовлены из прославленного тончайшего золотистого фарфора Морского народа. Под ногами лежал роскошный тарабонский ковер с ярким ало-золотисто-синим узором, стоимости которого хватило бы на прокорм целого поселка в течение многих месяцев. Повсюду, куда ни падал взгляд, стояла дорогая посуда из фарфора Морского народа, а также кубки, чаши и бокалы – золотые с серебряной насечкой и серебряные с золотой. На широкой мраморной каминной доске два серебряных волка с рубиновыми глазами нападали на золотого оленя в добрый фут ростом. Алые, расшитые золотыми орлами шторы слегка шевелились от проникавшего снаружи ветерка. По всей комнате лежали книги в деревянных и кожаных переплетах. Некоторые из них, истрепанные и запылившиеся, Ранд откопал на самых дальних полках книгохранилища Твердыни.

И посреди спальни – там, где он рассчитывал увидеть убийц или грабителей, – стояла красивая молодая женщина. Густые черные волосы блестящими волнами падали ей на плечи, а белоснежное платье из тончайшего шелка показывало больше, чем скрывало. Меньше всего он ожидал встретить здесь ее – Берелейн, правительницу города-государства Майен.

После недолгого замешательства она грациозно присела в глубоком реверансе, отчего ее формы обрисовались под платьем еще явственнее, и, улыбнувшись, промолвила:

– У меня нет оружия, милорд Дракон. Если не верите, можете меня обыскать – я не возражаю.

Ее улыбка повергла Ранда в смущение – он вдруг вспомнил, что стоит перед незнакомкой в нижнем белье.

«Чтоб мне сгореть, если я начну шарить вокруг, ища, чем бы прикрыться». Мысль эта появилась где-то на задворках сознания, за пределами пустоты. «Я не звал ее сюда. Подумать только – прокралась во тьме!» Его гнев и смущение оставались за пределами пустоты, но он покраснел и, смутно осознавая это, испытывал неловкость, отчего румянец на его щеках становился еще ярче. Он словно раздвоился – часть его личности, замкнувшись в коконе пустоты, сохраняла невозмутимость и отстраненность, но снаружи... Он чувствовал, как капельки пота стекают по груди и спине. Да, совсем непросто стоять здесь вот так, под ее испытующим взглядом. «А она еще предлагает ее обыскать. Да поможет мне Свет!»

Ранд ослабил стойку и позволил мечу исчезнуть, сохранив при этом узкий поток, связывающий его с саидин. Ощущение было такое, будто он пытается напиться через дырочку в запруде, причем сладкая медовая водица оказалась изрядно подпорченной, просочившись по пути сквозь навозную кучу.

Он не слишком много знал об этой женщине, однако слышал, что она разгуливает по Твердыне с такой непринужденностью, будто это ее собственный дворец в Майене. Том говорил, что Первенствующая Майена постоянно пристает ко всем с расспросами. С расспросами о нем, Ранде. Учитывая его нынешнее положение, это можно было понять, но не все объяснялось так просто. Она не возвращалась к себе в Майен, и вот это понять было уже труднее. До его появления Берелейн несколько месяцев находилась в Тире фактически на положении заложницы и была лишена возможности воссесть на троне и править своим маленьким государством. И она осталась в Твердыне, хотя всякий здравомыслящий человек на ее месте ухва-

тился бы за любой подвернувшийся случай, чтобы поскорее оказаться подальше от мужчины, способного направлять Силу.

– Что вы здесь делаете? – Ранд почувствовал, что вопрос его прозвучал грубо, но сейчас это мало его беспокоило. – Когда я отправился спать, у дверей была выставлена айильская стража. Как вам удалось пройти?

Губы Берелейн тронула насмешливая улыбка, и Ранду показалось, что в комнате стало еще жарче.

– Я просто сказала, что явилась по повелению лорда Дракона, и меня сразу пропустили.

– Какому повелению? Я никого не вызывал, – вскричал Ранд и запнулся.

«Постой, – сказал он себе. – Она же королева или что-то в этом роде. А ты, приятель, умеешь обращаться с королевами не лучше, чем летать в небесах».

Он хотел вести себя учтиво, но не мог сообразить, как согласно этикету следует обращаться к Первенствующей Майена.

– Миледи... – пробормотал он, решив, что такое обращение сгодится, – с чего бы это я вызвал вас среди ночи?

В ответ она расхохоталась – низким, гортанным смехом, от которого, казалось, зашевелился каждый волосок на его теле. Ранду снова бросилось в глаза ее облегающее платье, и он почувствовал, что опять краснеет.

«Неужто она... неужто она хочет?... О Свет, да как же такое возможно? Я ведь с ней до сих пор и парой слов не перемолвился».

– Может быть, мне захотелось побеседовать с вами, милорд Дракон, – промолвила она, сбрасывая белое платье и оставшись в еще более откровенном одеянии, которое лишь с натяжкой можно было назвать ночной сорочкой. Ее плечи и большая часть белоснежной груди были обнажены, а на чем держалась эта сорочка, не имевшая никаких бретелек, Ранд решительно не мог понять. – Ведь вы, как и я, далеко от дома. На чужбине ночи кажутся особенно одинокими.

– Я буду счастлив принять вас и побеседовать завтра.

– Но днем вы постоянно окружены людьми. Все эти просители. Благородные лорды. Айильцы.

Она поежилась, и Ранд попытался отвести взгляд в сторону, но с равным успехом он мог бы попробовать не дышать. И это его встревожило. Даже погрузившись в Ничто, он не чувствовал полной отстраненности от происходящего.

– Я побаиваюсь айильцев, – продолжила Берелейн, – и не переношу всех этих тайренских лордов.

Он готов был поверить сказанному насчет тайренцев, но усомнился, что эта особа способна хоть кого-то бояться.

«Чтоб мне сгореть! Она приходит посреди ночи полуодетая в спальню незнакомого мужчины и при этом ничуть не смущается, а я себе места не нахожу, точно кот среди разъяренных псов. И пустота ничуть не помогает».

Необходимо срочно положить этому конец – пока дело не зашло слишком далеко.

– Миледи, вам лучше вернуться к себе в спальню. – Ему захотелось добавить, что ей также не помешало бы накинуть плащ да запахнуть его поплотнее. – Сейчас... сейчас и впрямь слишком поздно для беседы. Поговорим завтра. При свете дня.

Она бросила на него быстрый оценивающий взгляд:

– О, милорд Дракон, неужели вы успели перенять ханжеские нравы Тира? Или такая сдержанность в обычае у вас в Двуречье? Мы в Майене не так... церемонны.

– Миледи... – произнес Ранд тоном как можно более формальным. Коли она не любит разводить церемонии, значит лучше именно церемонно с ней и держаться. – Я помолвлен с Эгвейн ал'Вир.

– Вы имеете в виду эту Айз Седай, милорд Дракон? Если только она и вправду Айз Седай. Она ведь так молода, пожалуй, слишком молода, чтобы носить шаль и кольцо. – Берелейн говорила об Эгвейн, как о ребенке, хотя сама могла быть разве что на год старше Ранда, а он был старше Эгвейн всего лишь двумя годами. – Милорд Дракон, я вовсе не собираюсь становиться между вами. Женитесь на ней, если она из Зеленой Айя. Мне и в голову не приходило стать женой Дракона Возрожденного. Простите мне мою вольность, но я уже говорила, что мы в Майене... не столь церемонны. Могу я называть вас Рандом?

Ранд вздохнул и сам тому удивился. Он уловил легкий, мгновенный проблеск в глазах женщины, когда она упомянула о браке с Возрожденным Драконом. Даже если она не думала об этом прежде, то задумалась сейчас. Конечно, в этом-то все и дело. Дракон Возрожденный, а не Ранд ал'Тор. Предреченный герой, а не пастух из Двуречья. Ничего удивительного – и у него на родине многие девушки заглядывались на победителей праздничных состязаний в День солнца или на Бэл Тайн, и немало женщин мечтали выйти замуж за владельцев обширных полей и тучных стад. Однако ему было бы приятней думать, что ей понравился Ранд ал'Тор.

– Вам пора идти, миледи, – сказал он спокойно.

Берелейн подступила к нему и заговорила страстным, горячим шепотом:

– Я чувствую на себе твой взгляд, Ранд. Я не деревенская девчонка, которая держится за мамашин передник, и я знаю, чего ты хочешь...

– Женщина, ты думаешь, я сделан из камня? – взревел Ранд.

Она аж подскочила, но тут же снова двинулась к нему, не сводя с него темных бездонных глаз, в которых можно было утонуть.

– У тебя такие сильные руки, они будто высечены из камня. Если хочешь быть грубым со мной, будь, только позволь мне остаться с тобой. – Она коснулась его лица, и с пальцев ее, казалось, слетали искры.

Не раздумывая, Ранд направил поток Силы, с которым был соединен, и женщина неожиданно стала отступать, шатаясь, будто ее отталкивала воздушная стена. Глаза ее расширились от испуга. Это воздух, сообразил Ранд. Направляя Силу, он порой не мог предвидеть результат. По правде говоря, так бывало чаще всего. Зато, совершив какое-то действие, он запоминал, как этого добиться, и впоследствии мог повторить.

Невидимая движущаяся стена смела с ковра сброшенное Берелейн платье, сапог, скинутый Рандом, когда он ложился спать, и пюпитр, поддерживавший фолиант в алом кожаном переплете – кажется, это была «История Тирской Твердыни» Эбана Вандеса, – и оттеснила все это, как и саму женщину, к стене, на безопасное расстояние от Ранда. Он остановил поток – да, пожалуй, иначе не скажешь – и убедился в том, что невидимый щит может держаться и без его усилий. Некоторое время Ранд запоминал свои ощущения, пока не уверился, что запечатлел в памяти, как это делается. Новое умение могло оказаться полезным, особенно возможность сохранить щит, отъединив его от потока Силы.

Темные глаза Берелейн оставались расширенными, дрожащими руками она ощупывала невидимую стену перед собой. Лицо ее стало почти таким же белым, как и сорочка. Пюпитр, книга и сапог лежали у ее ног, запутавшись в шелковом платье.

– Я весьма сожалею, – сказал Ранд, – но впредь, миледи, мы будем беседовать не иначе как на людях.

Он действительно сожалел – что правда, то правда. Какими бы ни были мотивы Берелейн, она была красива.

«Ну и дурак же я, чтоб мне сгореть!» – подумал Ранд, не вполне понимая, в чем заключается его глупость – в том ли, что он признает ее красоту, или в том, что отсылает ее прочь.

– Полагаю, вам следует вернуться в Майен – и чем скорее, тем лучше. Обещаю, что Тир не потревожит более ваших владений. Поручкой будет мое слово.

Его слово могло иметь силу, лишь пока он жив, возможно даже, лишь пока он остается в Твердыне, но Ранд чувствовал: надо дать Берелейн то, что послужит бальзамом для уязвленного самолюбия и поможет оправиться от испуга.

Впрочем, похоже, от испуга она оправилась самостоятельно – во всяком случае, внешне. Теперь Берелейн уже не выглядела соблазнительницей, лицо ее казалось открытым и честным.

– Прости. Я вела себя глупо, но я не хотела тебя обидеть. В моей стране женщина говорит с мужчиной так же свободно, как и он с ней. Пойми, Ранд, ты такой красивый, высокий и сильный. Это мне нужно быть каменной, чтобы не замечать этого и не восхищаться тобой. Пожалуйста, не прогоняй меня. Я тебя умоляю. – И она грациозно, словно в танце, опустилась на колени. И голос, и выражение лица говорили об искренности, но, становясь на колени, Берелейн так натянула свою и без того чудом державшуюся сорочку, что, казалось, еще миг – и она свалится. – Прошу тебя, Ранд.

Она была прекрасна и почти обнажена, и даже замкнув сознание в кокон пустоты, он любовался ею и ничего не мог с этим поделать. Обладай Защитники Твердыни хотя бы половиной упорства этой женщины, и десяти тысячам айильцев не удалось бы захватить крепость во веки веков.

– Я польщен, миледи, – учтиво сказал он. – Поверьте, это действительно так. Я отсылаю вас для вашего же блага. Я не могу дать вам того, чего вы заслуживаете.

«И не могу позволить ей сделать то, чего она хочет».

Снаружи, во тьме, прокричал петух.

В тот же миг Ранд, к своему изумлению, заметил, что Берелейн, вытаращив глаза и разинув рот, смотрит мимо него. Она силилась крикнуть, но не могла. Ранд обернулся, пламенный меч вспыхнул у него в руках. На противоположном конце комнаты в одном из стоячих зеркал он увидел свое отражение: рослого юношу с рыжеватыми волосами и серыми глазами в льняном нижнем белье и с мечом в руках. Отражение вышло из зеркала и ступило на ковер, поднимая словно высеченный из пламени меч.

«Я сошел с ума. – Мысль эта скользнула за гранью пустоты. – Но нет! Ведь она тоже увидела это. Значит, это реально!»

Краешком глаза Ранд уловил какое-то движение, направленное ему в сердце, и, не успев подумать, что делает, резко развернувшись, нанес мечом удар, называвшийся «Луна восходит над водой», – снизу вверх, рассекая пополам вышедшее из зеркала отражение. Его собственное отражение. Рассеченная фигура задрожала, заколебалась и растаяла, оставив после себя лишь плясавшие в воздухе пылинки. Отражение вновь появилось в зеркале и, едва появившись, взялось руками за раму. Боковым зрением Ранд заметил, что ожившие фигуры движутся во всех находившихся в комнате зеркалах.

В отчаянии он нанес удар по зеркалу, заключенному в серебряную раму. Оно разлетелось вдребезги, но, похоже, отражение истаяло раньше. И откуда-то издалека, словно из глубин сознания, до него донесся голос, зашедшийся в пронзительном крике. Постепенно крик замер. Это был его собственный голос. Осколки зеркала еще падали на пол, когда Ранд усилием воли ударил по зеркалам Единой Силой. Все зеркала в комнате беззвучно взорвались, осыпая ковер фонтаном стеклянных брызг. И вновь, отдаваясь бесконечным эхом, в его голове зазвучал предсмертный вопль, от которого мурашки побежали по коже. Да, это был его голос, и Ранду было трудно поверить, что кричал не он.

Он инстинктивно обернулся, и как раз вовремя: из уцелевшего зеркала вышло еще одно отражение. Ранд встретил атаку противника – «Разворачивая веер» против «Лавины, катящейся с горы». Фигура отскочила назад, и юноша вдруг осознал, что она не одна: прежде чем он уничтожил зеркала, еще два отражения успели выйти наружу. Теперь перед ним стояли три его двойника, три точные копии, с лицами, искаженными ненавистью и презрением, со стран-

ным алчущим выражением. Они были подобны ему во всем, и лишь их глаза казались безжизненными и пустыми. Не дав Ранду времени перевести дух, все трое бросились на него.

Держась в боковой позиции, юноша скользнул в сторону. Осколки стекла впивались ему в ноги, но он, не замечая боли, перемещался из стороны в сторону, из стойки в стойку, стараясь все время вести бой только с одним противником. Он использовал все, чему Лан, Страж Морейн, научил его за долгие часы ежедневных тренировок.

Если бы все трое действовали заодно и помогали друг другу, ему бы несдобровать, но каждый из них сражался сам по себе, как будто остальных не существовало. Но даже при этом Ранд не мог отражать все их удары одновременно, и скоро кровь заструилась по его лицу, рукам и груди. Старая незажившая рана прорвалась, и хлынувшая из нее кровь смешалась с алым потоком, окрасившим его белье. Неотличимые от него обликом нападающие и мечом владели точно так же, как он сам, но их было трое против одного. Столы и стулья переворачивались, осколки бесценного фарфора Морского народа разлетались по ковру.

Ранд чувствовал, что силы его на исходе. Ни одна из его ран сама по себе не была слишком тяжелой, но все вместе... И нечего было думать о том, чтобы крикнуть на помощь стражу. Сквозь толстые деревянные двери не услышать и самый истошный вопль. Что бы это ни было, придется разбираться с этим в одиночку. Сознание Ранда было замкнуто в коконе пустоты, но где-то на задворках его нарастал страх. Он скреб стенки кокона подобно тому, как в ветреную ночь стучатся в окно ветви деревьев.

Клинок Ранда обрушился на лицо одного из противников и рассек его чуть ниже глаз. В последний момент тот отклонился, и удар оказался не смертельным, однако все же достиг цели. Лицо – Ранд содрогнулся, узнавая себя, – пересекла глубокая рана, хлынувшая из нее темно-алая кровь залила рот и подбородок. Но выражение лица не изменилось, пустые глаза не дрогнули. Враг жаждал смерти Ранда, как изголодавшийся человек алчет пищи.

«Можно ли их вообще убить?» Ранд нанес немало ударов, все трое истекали кровью, но, похоже, это не сказалось на быстроте их движений, в то время как он с каждой потерянной каплей крови двигался все медленнее. Все трое старались избегать ударов его меча, но это еще не доказывало, что они уязвимы.

«Ну нет, – мрачно подумал Ранд. – Свет, раз их можно ранить, раз они истекают кровью, значит есть способ их уничтожить. Должен быть способ! Должен!»

Ему нужна была передышка, хотя бы на краткий миг, чтобы перевести дух и собраться с силами. Неожиданно он отпрыгнул и покатился по широченной кровати, скорее почувствовав, чем увидев, как клинки, едва не задев его, рассекают льняные простыни. Перекатившись, он приземлился на ноги и, чтобы удержать равновесие, ухватился за маленький столик. Стоявший на столике золотой с серебряной насечкой кубок зашатался и чуть не упал. Один из его двойников вскочил на развороченную постель и, осторожно ступая, двинулся вперед с мечом наготове. Гусиный пух разлетелся из распоротой перины под его ногами. Остальные медленно направились в обход, по-прежнему не обращая внимания друг на друга. Их притягивал только Ранд. Глаза их поблескивали, словно холодное стекло.

Неожиданно Ранд содрогнулся от боли, пронзившей его руку, – крохотный, ростом не больше шести дюймов, двойник вытаскивал из раны свой меч. Инстинктивно Ранд ухватил его в пригоршню, прежде чем тот успел уколоть снова. Двойник корчился в его руке, злобно оскалив зубы. Ранд с ужасом увидел, как из полированного серебра выбирается множество маленьких отражений. Ладонь, сжимавшая врага, онемела и похолодела, словно тот высасывал тепло из живой плоти. Но жар сайдин, распирая, наполнил Ранда изнутри, и стремительный поток хлынул в обледеневшую руку.

Маленькая фигурка вдруг лопнула, как мыльный пузырь, и Ранд почувствовал, что в него вливается энергия, будто исчезнувший двойник возвращал ему часть отнятой жизненной силы. Пульсирующая энергия вливалась в него толчками, так что он даже содрогался.

Ранд поднял голову, дивясь, что еще жив, и увидел, что крохотные отражения пропали. Три больших двойника остались, но стояли шатаясь, словно теряли силу, по мере того как он ее обретал. Однако стоило Ранду взглянуть на них, как они двинулись вперед, разве что чуть осторожнее, чем прежде.

Ранд начал отступать, угрожая клинком то одному, то другому, отчаянно пытаясь найти выход. Если он не изменит тактику, они убьют его – рано или поздно. На этот счет сомнений у него не было. Однако он подметил, что между его двойниками существует некая связь. Когда он поглотил крохотного двойника – при мысли об этом Ранда чуть не затошнило, но ведь поглотил же, иначе не скажешь, – это не только привело к исчезновению остальных малышей, но и ослабило больших, хотя бы ненадолго. Может быть, если ему удастся проделать то же самое с одним из больших, он уничтожит всех троих.

Едва Ранд подумал о том, чтобы поглотить этих двойников, его замутило, но иного выхода он не видел. «Я не вижу другого способа. А как я это сделал? О Свет, как?» Нужно схватить одного из противников или хотя бы дотронуться до него – почему-то он был уверен в этом. Но если приблизиться к отражениям-двойникам, его вмиг пронзят три клинка. «Отражения. А реально ли они отражения?»

Надеясь, что он не окажется в дураках, ибо это значило оказаться покойником, Ранд позволил своему мечу исчезнуть. Он готов был вернуть его в то же мгновение, но стоило пламенеющему клинку раствориться в воздухе – как и руки врагов оказались пустыми. Судя по их лицам, одно из которых было обезображено кровавой раной, они были озадачены. Но прежде чем Ранд успел схватить одного из них, все трое прыгнули на него, и четыре тела, сплетясь, покатались по усыпанному стеклом коври.

Мертвенный холод пронзил Ранда, пробирая до костей. Тело его онемело, и он почти не чувствовал, как впиваются в бока и спину осколки стекла и фарфора. Нечто близкое к паническому ужасу билось о кокон пустоты. Возможно, он совершил роковую ошибку. Противников было трое, и каждый намного больше того, которого он вообрал в себя. Потому-то они и отнимали у него больше тепла. И не только тепла. По мере того как холод сковывал Ранда, пустые глаза его двойников наполнялись жизнью. С леденящей уверенностью он понял, что его смерть не положит конец этой борьбе. Эти трое будут сражаться друг с другом, пока не останется лишь один, и тот обретет его, Ранда, жизнь, его память – и *станет* им.

Ранд сопротивлялся из последних сил – и чем больше слабел, тем ожесточеннее боролся. Он усилил поток саидин, наполняя себя ее жаром. Даже тошнотворный привкус порчи не смущал его, ибо чем острее он ощущал тошноту, тем сильнее наполняла его саидин. И уж если его мутит, значит он еще жив, а раз жив, значит в состоянии сражаться. «Но как? Как? Как я справился с тем, маленьким?» Поток саидин пронизывал все его существо; казалось, если он не одолеет этих троих, Сила истребит его самого. «Как я это сделал? Как?» – в отчаянии спрашивал себя Ранд. А сейчас ему оставалось только пропускать сквозь себя поток саидин и пытаться достичь... дотянуться...

Один из троих двойников исчез – Ранд буквально почувствовал, как тот влился в него, ощущение было такое, будто он свалился на каменный пол с изрядной высоты. В тот же миг исчезли и остальные двое. Ранд действительно упал – толчок отбросил его назад, и он, лежа на спине и уставившись в богато украшенный лепниной и золочеными рельефами потолок, мог лишь изумляться, что до сих пор дышит.

Между тем Сила продолжала проникать в него, заполняя все его существо. Ранда тошнило, его выворачивало, но он чувствовал себя живым, живым настолько, что жизнь, не омытая саидин, казалась ему теперь лишь бледной тенью настоящей жизни. Он ощущал едва уловимый запах восковых свечей и масла, наполнявшего лампы, чувствовал спиной каждую ворсинку ковра. Каждая его рана, каждый порез, каждый ушиб давали о себе знать острой болью. Но он продолжал держаться за саидин.

Видимо, один из Отрекшихся пытался его убить. Или все они вместе? Это могли быть только Отрекшиеся, если, конечно, сам Темный уже не вырвался на свободу. «Но в этом случае, – подумал Ранд, – я бы так легко не отделался». По-прежнему сохранялась нить, связующая Ранда с Истинным Источником.

«А может, я сам, того не ведая, чуть было не убил себя, настолько возненавидев то, чем я стал теперь? О Свет, я должен научиться управлять этим».

Морщась от боли, Ранд поднялся на ноги и, оставляя на ковре кровавые следы, заковылял к постаменту, на котором покоился Калландор. Все его белье пропиталось кровью, сочившейся из многочисленных ран. Юноша взял в руки меч, и хрустальный клинок засветился, принимая устремившуюся в него Силу. Меч, который, казалось, был сделан из стекла или хрусталя, мог рубить не хуже закаленной стали, однако в действительности Калландор не был мечом. Это был *са'ангриал*, чудом сохранившийся с Эпохи легенд. С помощью тех немногих *ангриалов*, что уцелели до сей поры, можно было направлять поток Силы такой мощи, какой без этого приспособления уничтожил бы того, кто решился на подобное. Са'ангриалы попадались еще реже, и обладатель са'ангриала настолько превосходил могуществом владельца ангриала, насколько тот превосходил обычного человека. Калландор же, воспользоваться которым мог только мужчина, был одним из самых мощных са'ангриалов – три тысячи лет легенды и пророчества напрямую связывали его с Возрожденным Драконом. С Калландором в руках Ранд мог одним ударом сровнять с землей стены города, с таким оружием он справился бы даже с одним из Отрекшихся. «А это, конечно же, был Отрекшийся. Это их рук дело – не иначе».

И вдруг Ранд понял, что Берелейн почему-то затихла и от нее не доносится ни звука. Он обернулся, страшась увидеть ее мертвой.

Дрожащая женщина по-прежнему стояла на коленях, вжавшись в стену. Она успела натянуть свое платье, словно надеясь укрыться за ним, как за каменной стеной. Лицо ее было белым как снег. С трудом разжав губы, Берелейн пролепетала:

– Кто... который из вас... который... – Закончить фразу она так и не смогла.

– Здесь только я, – успокоил ее Ранд, – только я, с которым ты говорила так, будто мы обручены.

Он рассчитывал, что шутка поможет ей прийти в себя: в конце концов, у этой женщины твердый характер и не ей падать в обморок при виде истекающего кровью мужчины. Но Берелейн склонилась перед ним, уткнувшись лицом в пол.

– Лорд Дракон, нижайше умоляю простить меня за то, что я осмелилась нанести вам столь ужасное оскорбление. – Она запинаясь, и голос ее звучал испуганно и смиренно, что было вовсе на нее не похоже. – Забудьте мою nepозволительную дерзость, милорд Дракон, прошу вас. Клянусь, что никогда более не осмелюсь вас потревожить. Клянусь перед Светом, именем моей матери.

Ранд освободил поток Силы, удерживавший воздушный щит, и ветерок зашевелил платье Берелейн.

– Не за что просить у меня прощения, – устало сказал Ранд. Он и вправду устал, и устал смертельно. – Ты можешь идти, куда пожелаешь.

Женщина нерешительно поднялась и, протянув перед собой руку, поняла, что невидимой стены больше нет. Подобрав юбки, она осторожно двинулась к выходу. Осколки стекла хрустели под ее бархатными туфельками. Не дойдя до двери, Берелейн остановилась и обернулась – правда, взглянуть Ранду в глаза она так и не решилась.

– Если желаете, я пришлю айильскую стражу. Или пошлю за кем-нибудь из Айз Седай, чтобы они занялись вашими ранами.

«Эта женщина скорее согласилась бы остаться наедине с мурддраалом, а то и с самим Темным, нежели со мной, однако храбрости ей не занимать».

– Спасибо, – тихо ответил он, – ничего не нужно. Лучше никому не знать о том, что здесь случилось. До поры. Я сам сделаю все, что нужно.

«Это был Отрекшийся. Отрекшийся, и никто другой».

– Если таково повеление милорда Дракона... – С этими словами Берелейн присела в неловком реверансе и скользнула за дверь, видимо опасаясь, что он изменит свое решение.

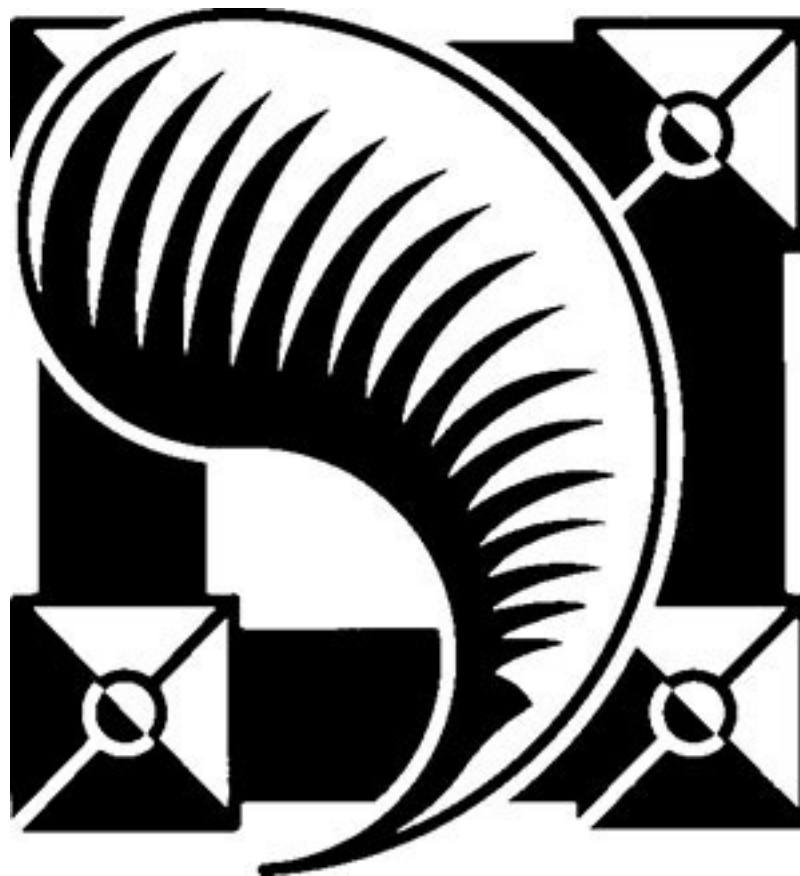
– Скорее она осталась бы с самим Темным, – пробормотал Ранд, когда за женщиной закрылась дверь.

Хромая, он доплелся до сундука, стоявшего в ногах постели, и присел на него; Калландор он положил на колени, не решаясь отнять от него окровавленных рук. С этим оружием он был опасен даже для Отрекшихся. Чуть попозже он пошлет за Морейн, чтобы она ухаживала за его раны, кликнет стражу из-за дверей и вновь станет Драконом Возрожденным. Но не сейчас. Сейчас он хотел побыть простым пастухом по имени Ранд ал'Тор.

Глава 3

Размышления

Несмотря на поздний час, в широких коридорах Твердыни было полно народу: мужчины и женщины в черных с золотом одеяниях служителей Твердыни или в ливреях слуг того или иного благородного лорда двигались нескончаемым потоком. То здесь, то там можно было встретить Защитника без шлема и оружия, а то и в небрежно расстегнутом кафтане. При виде Перрина и Фэйли слуги и служанки кланялись или приседали в реверансах и, не задерживаясь, спешили дальше. Некоторые солдаты при встрече с ними вздрагивали и нехотя склоняли голову, прикладывая руку к сердцу, но все без исключения ускоряли шаг, будто желая оказаться как можно дальше.

Вдоль стен было расставлено множество высоких светильников, но зажжен был только каждый третий или четвертый. В промежутках царил полумрак, делавший висевшие на стенах гобелены и стоявшие кое-где сундуки недоступными взору. Взору кого угодно, только не Перрина. В сумраке глаза его загорались золотистым огнем. Юноша шагал от светильника к светильнику, будто не замечая разницы между светом и темнотой. Многие в Твердыне так или иначе прознали, что глаза у него какие-то чудные, правда, на этот счет никто особо не распространялся. Фэйли, та, похоже, усматривала в этом некий признак особой связи его с Айз Седай – в таких делах, считала она, все одно не разобраться, а потому лучше принимать все как есть и не допытываться. Однако Перрину всякий раз становилось не по себе, когда случайный встречный таращился на его светящиеся во мраке глаза. Никто не позволял себе распускать язык по этому поводу, но юноше казалось, что это лишь подчеркивает его чужеродность.

– И что они на меня так пялятся? – пробормотал Перрин, когда седовласый Защитник, годившийся ему чуть ли не в отцы, оказавшись рядом, так заспешил прочь, что едва не побегал. – Боятся они меня, что ли? Раньше такого не было. Косились, конечно, но все же не так. И вообще, почему они все здесь толкуются, вместо того чтобы спать?

Служанка, тащившая ведро и швабру, неуклюже присела и поспешила мимо, не решаясь поднять глаза. Фэйли ободряюще пожала ему руку:

– По-моему, стражникам, если они не на дежурстве, не полагается быть здесь в такое время. Но дело в том, что многие из них не прочь провести часок-другой с хорошенькой служаночкой в покоях своего лорда, покуда тот в отлучке. Они там милуются и воображают себя лордами и леди. Солдаты знают, что ты водишься с господами, вот и побаиваются: а вдруг ты расскажешь какому-нибудь лорду, что видел их здесь в неурочное время. Ну а слуг здесь много оттого, что большая часть их работы приходится как раз на ночь. Какой хозяин потерпит, чтобы они днем болтались у него под ногами со своими щетками да тряпками?

Перрин с сомнением кивнул. Конечно, в таких делах Фэйли понимает больше его. Ведь отец ее – богатый купец, и в его доме наверняка уйма слуг, да и охрана, надо думать, имеется – товар сторожить. И уж всяко все эти люди наводнили коридоры не из-за того, что с ними приключилось то же, что и с ним. Случись с кем такое, его бы и духу в Твердыне не осталось – бежал бы без оглядки.

«И все-таки почему он целил в меня?» – подумал Перрин.

Он не собирался ссориться с Рандом, однако считал, что должен во всем разобраться. Юноша непроизвольно ускорил шаг, и Фэйли пришлось чуть ли не бежать, чтобы поспеть за ним.

Несмотря на богатство внутреннего убранства: позолоту, тонкую резьбу и мозаики, – Твердыня прежде всего была крепостью, а потому внутри ее, как и снаружи, все было приспособлено для обороны. В местах пересечения коридоров в потолках были проделаны люки, а в стенах узкие бойницы, позволявшие держать под обстрелом внутреннее пространство. Перрин и Фэйли поднимались по узким извилистым лестницам, утопленным в толще стен; оконца, проделанные в этих стенах, давали возможность обстреливать находившиеся ниже коридоры. Впрочем, все эти ухищрения оказались напрасными – они не помогли Твердыне устоять против айильцев, первого неприятеля, прорвавшегося в ее стены.

Торопливо взбираясь по одной из лестниц – юноша, однако, не замечал спешки, не будь с ним Фэйли, он шел бы куда быстрее, – Перрин уловил слабый запах пота и приторно-сладких духов, но не обратил на это особого внимания. Он представлял себе, как встретится с Рандом и спросит его: «Зачем ты хотел убить меня? Ты что, уже с ума сходишь?» Задать этот вопрос было не так-то просто, да и простого ответа ждать не приходилось.

Вступив в темный коридор у самой вершины Твердыни, Перрин едва не уткнулся в спину какого-то благородного лорда, сопровождаемого двумя личными стражниками. Все трое были без доспехов, ибо носить их в Твердыне разрешалось только Защитникам, но на поясе у каждого висел меч. В этом не было ничего необычного, но то, что они стояли здесь, в темноте, всматриваясь в яркий свет в конце коридора, наводило на размышления. Свет исходил из зала, располагавшегося перед покоями, которые были отведены Ранду. Или которые он сам для себя выбрал. Или, скорее всего, которые присмотрела для него Морейн.

Поднимаясь по лестнице, Перрин и Фэйли вовсе не старались двигаться бесшумно, но лорд и его телохранители были настолько поглощены наблюдением, что поначалу никто из них не заметил новоприбывших. Затем один из одетых в голубое воинов, по-видимому, слышал шаги – он дернулся, обернулся и при виде Перрина разинул рот. Ругнувшись, стражник развернулся навстречу юноше и ухватился за рукоять меча, вытащив его из ножен на добрую ладонь. Другой тут же последовал его примеру. Судя по напряженным позам, телохранители приготовились отразить нападение, но оба отвели глаза, стараясь не встречаться взглядом с Перрином.

От стражников исходил острый запах страха. Такой же запах исходил и от благородного лорда – правда, тот умело держал свой страх в узде.

Благородный лорд Ториан повел себя жеманно, словно на балу. Погладив темную заостренную бородку, он вытащил из рукава надушенный платок и поднес его к шишковатому носу, который, впрочем, не казался таким уж большим в сравнении с его ушами. Тонкий шелковый кафтан с атласными отворотами лишь подчеркивал грубые черты лица. Лорд бросил взгляд на рукава рубахи Перрина, вновь поднес к носу платок и только затем слегка склонил голову.

– Да осияет вас Свет, – учтиво приветствовал он юношу. Глаза Ториана и Перрина встретились, и лорд поспешно отвел взгляд, однако выражение его лица не изменилось. – Надеюсь, у вас все в порядке? – продолжал он любезно, пожалуй даже чересчур любезно.

Перрину не было никакого дела до того, каким тоном говорил Ториан, но небрежный оценивающий взгляд, брошенный им на Фэйли, заставил юношу сжать кулаки. Однако он сдержался и спокойно ответил:

– Да осияет Свет и вас, благородный лорд Ториан. Рад видеть, что вы помогаете оберегать покой лорда Дракона. Кое-кому на вашем месте могло бы прийтись не по вкусу то, что теперь он занимает эти палаты.

Ториан сдвинул тонкие брови:

– Пророчество сбылось, и Тир сыграл в этом предреченную ему роль. Вполне возможно, что под водительством Возрожденного Дракона Тир достигнет еще большего величия. О каком же недовольстве может идти речь? Впрочем, час уже поздний. Позвольте пожелать вам спокойной ночи. – Лорд еще раз окинул взглядом Фэйли и чуть поспешнее, чем подобает его сану, зашагал по темному коридору. Телохранители, словно хорошо натасканные псы, последовали за ним по пятам.

– Ты мог бы быть с ним повежливее, – укоризненно промолвила Фэйли, как только Ториан удалился. – Ты говорил с ним ровно чурбан неотесанный. Раз уж ты решил здесь остаться, изволь научиться как следует обходиться с благородными лордами.

– А что он на тебя так уставился? Как будто собирался тебя обнять и, уж поверь мне, вовсе не по-отечески.

Фэйли насмешливо хмыкнула:

– Он не первый мужчина, который пялит на меня глаза. Но если кто-нибудь вздумает дать волю рукам, я его быстро окорочу – будь спокоен, Перрин Айбара. И обойдусь при этом без твоей помощи. – И все же, несмотря на эту отповедь, вид у девушки был скорее довольный.

Почесывая бороду, Перрин смотрел вслед благородному лорду и его спутникам, пока те не свернули за угол, удивляясь, как эти тайренские лорды умудряются не употеть до смерти в такой духотище.

– Ты заметила, – обратился он к Фэйли, – что его цепные псы не отпускали рукояти мечей, пока он не оказался от нас в добрых десяти шагах?

Фэйли хмуро посмотрела на него, затем окинула взглядом темный коридор, по которому удалился Ториан со стражниками, и задумчиво кивнула:

– Пожалуй, ты прав. Но в чем тут дело, я не понимаю. Перед тобой и Мэтом они не лебезят, как перед *ним*. По-моему, здешний народ относится к вам с опаской и старается держаться подальше, как от Айз Седай.

– Похоже, – заметил Перрин, – нынче дружба с Возрожденным Драконом не такая надежная защита, как прежде.

На сей раз Фэйли удержалась от того, чтобы вновь предложить ему покинуть Тир, но невысказанная просьба сквозила у нее в глазах. Перрин сделал вид, что ничего не замечает. Начни она упрашивать, ему бы так легко не отделаться.

Не успели они дойти до передней, как навстречу им выскочила Берелейн. Подобрав юбки, Первенствующая Майена неслась так быстро, что, прибавь она чуть-чуть шагу, можно было бы сказать, что она бежит.

Желая угодить Фэйли и показать, что при случае и он может быть учтивым, Перрин ответил церемонный поклон – он готов был держать пари, что даже у Мэта не получилось бы лучше. Фэйли, напротив, едва наклонила голову, да и реверанс у нее вышел весьма небрежный. Берелейн пронеслась мимо, не обратив на них никакого внимания, и в ноздри Перрину ударил резкий, словно исходящий от воспаленной раны, запах смертельного страха. Юноша поморщился – страх, который испытывал Ториан, был ничем в сравнении со всепоглощающим, паническим ужасом, охватившим Берелейн. Перрин выпрямился, не отводя взгляда от удалявшейся женщины.

– Загляделся, – лукаво заметила Фэйли. Мысли Перрина были заняты тем, что могло перепугать Берелейн чуть ли не до смерти, и в ответ он машинально произнес:

– Она пахнет так...

Из бокового прохода в дальнем конце коридора неожиданно выступил Ториан. Лорд схватил Берелейн за руку и обрушил на нее поток слов; Перрину удалось расслышать лишь некоторые – что-то вроде упреков в непомерной гордыне и обещаний покровительства. Женщина отвечала резко и отрывисто, и вид у нее при этом был весьма независимый. Первенствующая Майена вырвала руку и удалилась. Судя по горделивой осанке, это происшествие помогло ей овладеть собой. В следующий момент Ториан заметил, что за ним наблюдают, и, поднеся к носу платок, скрылся в боковом коридоре.

– Пахнет она «Эссенцией рассвета», – мрачно заметила Фэйли, – а впрочем, какое мне до этого дело! Кто-кто, а эта штучка не станет охотиться на медведя, хотя медвежья шкура неплохо смотрится на стене. Нет, она замахнулась на солнце.

Перрин недоуменно нахмурился:

– Медведь, солнце... О чем это ты?

– Вот что, ступай-ка ты дальше один. Сдается, после такой передрыги мне лучше всего улечься в постель.

– Делай как знаешь, – отозвался Перрин, – только не пойму я тебя. Ты ведь вроде не меньше меня стремилась выяснить, что же произошло.

– Без меня обойдешься. Что-то не тянет меня встречаться с... Рандом, а сейчас – особенно. Вы и вдвоем прекрасно обо всем потолкуете. Было б вино, а остальное приложится.

– Несешь какую-то чушь, – пробормотал Перрин, почесав в затылке. – Если хочешь спать, отправляйся, но лучше тебе говорить малость повразумительнее, а то я ничего в толк не возьму.

Фэйли внимательно посмотрела ему в глаза и неожиданно прикусила губу – видно, для того, чтобы удержаться от смеха.

– Ох, Перрин, что мне в тебе больше всего нравится, так это твое простодушие. – В ее голосе, вне всякого сомнения, серебром прозвучали нотки веселья. – Ступай к... своему другу, поговори с ним, а поутру расскажешь мне то, что сочтешь нужным. – Поднявшись на цыпочки, девушка коснулась губ Перрина быстрым поцелуем и столь же быстрым шагом удалилась по коридору.

Перрин покачал головой и, опасаясь, что в коридоре вновь покажется Ториан, проводил девушку взглядом, пока она не свернула на лестницу. Правда, на сей раз фатоватый лорд не появился.

«Порой кажется, что мы на разных языках говорим», – подумал юноша и зашагал к освещенной передней.

Передняя представляла собой круглый зал более пятидесяти шагов в поперечнике. С высокого потолка свисала добрая сотня подвешенных на цепях золоченых светильников. Зал

окаймляли полированные колонны из красного камня, а пол, похоже, был монолитной плитой черного с золотистыми прожилками мрамора. До того как Артур Ястребиное Крыло объединил все земли от Хребта Мира до самого океана Арит под властью единого государя, этот зал был передней покоев королей Тира. После распада империи Ястребиного Крыла королевская власть в Тире так и не восстановилась, и на протяжении тысячи лет в запыленных чертогах обитали одни лишь мыши. Ни один из благородных лордов не осмелился поселиться в них.

В центре зала, выстроившись кольцом и отставив копья под строго выверенным углом, застыли по стойке смирно полсотни Защитников в сверкающих шлемах и латах. То, что лица их были обращены во все стороны света, означало, что они готовы отразить нападение, откуда бы ни появился враг. Их командир, капитан, отличием которого служили два невысоких белых плюмажа на шлеме, держался чуть менее напряженно. Он стоял, подбоченясь и положив руку на рукоять меча, всем своим видом подчеркивая важность возложенного на него поручения. Защитники испускали запах страха и неуверенности, подобно людям, которым приходится жить под сенью шаткого утеса и постоянно убеждать себя, что он не рухнет им на головы. Во всяком случае, не рухнет сегодня. Не прямо сейчас.

Перрин прошел мимо них. Шаги его отдавались гулким эхом. Капитан дернулся было ему навстречу, но, поняв, что Перрин не намерен задерживаться, остановился. Разумеется, он не хуже любого другого в Тире знал, кто такой Перрин. Чужеземец, путешествующий в обществе Айз Седай, друг самого лорда Дракона, не из тех, кому простой капитан Защитников вправе преградить путь. Защитникам было поручено оберегать лорда Дракона, но капитан знал, хотя, возможно, и не признавался в этом даже самому себе, что парадное кольцо полированных доспехов не более чем показуха.

Настоящая стража находилась за колоннами. Там сидели Девы Копья, застывшие так неподвижно, что, казалось, сливались с камнем, хотя их куртки и штаны в серовато-бурых разводах были предназначены для того, чтобы маскироваться в Пустыне. Шестеро Дев, шестеро айильских женщин, предпочитающих жизнь воительниц хлопотам у домашнего очага, бесшумно скользнув к двери в мягких, зашнурованных до колен сапогах, преградили ему путь. Все они были загорелыми и рослыми, самая высокая была лишь на пядь ниже Перрина. Волосы Дев, разных оттенков рыжего цвета, были коротко острижены. Две держали в руках короткие роговые луки, и, хотя они не были натянуты, воительницы успели наложить стрелы на тетиву. Остальные были вооружены тремя или четырьмя короткими копьями, и у каждой был маленький круглый щит. Хоть древки копий и были короткими, зато наконечником можно было пронзить человека насквозь, так что из спины торчала бы пара дюймов стали.

– Вряд ли я позволю тебе войти, – заявила женщина с огненно-рыжими волосами и улыбнулась, как показалось Перрину, не без ехидства. Впрочем, улыбка айилки ничего не значила: у айильцев не принято выражать свои чувства. – Сдается мне, сегодня он не желает никого видеть.

– Позволишь ты или нет, Байн, но я войду.

Не обращая внимания на копья, Перрин взял ее за плечи. Однако это не слишком ему помогло – Байн ухитрилась приставить копьё к его шее с одной стороны, тогда как Чиад, Дева с волосами посветлее, приставила свое копьё с другой. Стоит воительницам немного нажать – и наконечники встретятся у него в горле. Остальные Девы лишь наблюдали – они были уверены, что Байн и Чиад в состоянии справиться и без них. Впрочем, Перрин не растерялся.

– Некогда мне с вами препираться, – заявил он, – к тому же вы, помнится, не больно-то слушаете тех, кто вам перечит. Так что я пошел. – С этими словами Перрин легонько приподнял Байн и отодвинул ее в сторону.

Чиад достаточно было лишь чуточку надавить копьём, чтобы брызнула кровь, но, увидев расширенные глаза Байн, она убрала острие и усмехнулась:

– А может, показать тебе одну игру, которая называется «Почелуй Девы»? По-моему, у тебя не худо бы вышло. Уж во всяком случае, ты бы кое-чему научился.

Одна из стражниц громко расхохоталась. Наконечник копья Чиад покинул его шею.

Перрин глубоко вздохнул, надеясь, что Девы этого не заметили, – с того момента как их копья коснулись его шеи, он впервые осмелился перевести дух. Правда, ни одна из них не прикрыла лица, их *шурфы*, напоминавшие темные шарфы, были обернуты вокруг шеи, но Перрину было неведомо, всегда ли айильский обычай требовал прикрывать лицо вуалью перед убийством.

– Может, как-нибудь в другой раз, – сказал Перрин.

Девы ухмыльнулись: видно, Байн сказала что-то смешное, а то, что он не понял шутки, развеселило их еще пуще. Том говаривал, что всякий спятит, пытаясь понять женщину, откуда бы она ни была родом и какое бы положение ни занимала. И он, конечно, был прав.

Перрин протянул руку к золоченой дверной ручке в виде оскаленной львиной морды, когда Байн промолвила:

– Ну смотри, тебе за это ответ держать. Он только что выставил кое-кого, и уж поверь, эта персона могла бы составить ему куда более приятную компанию.

«Понятно, кого она имеет в виду, – подумал юноша, распахивая дверь, – ведь отсюда выходила Берелейн. Что-то сегодня творится невообразимое...»

Однако стоило Перрину бросить взгляд на комнату, как он и думать забыл о Первенствующей Майена: зеркала были разбиты, весь пол усеян стеклянными брызгами, осколками фарфора и пухом из распоротых перин. Раскрытые книги валялись между перевернутых стульев и табуретов. А в ногах кровати, тяжело привалившись к одному из поддерживающих балдахин столбов, опираясь на Калландор, сидел Ранд, глаза его были закрыты. Выглядел он так, будто выкупался в крови.

– Зовите Морейн! – распорядился Перрин, обращаясь к айильским стражницам. Жив ли Ранд? Если жив, ему потребуется лечение Айз Седай. – Скажите, чтоб поторопилась! – Он услышал, как позади кто-то ахнул и сорвался с места.

Ранд поднял голову. Лицо его напоминало кровавую маску.

– Прикрой дверь, Перрин.

– Ранд, скоро придет Морейн... Ты пока отдохни... Она...

– Перрин, закрой дверь.

Хмурясь и неодобрительно ворча, айильские стражницы отступили за дверь. Не обращая внимания на вопросительный взгляд украшенного белым плюмажем командира, Перрин захлопнул дверь.

Он двинулся по ковру к Ранду, стекло хрустело под его сапогами. Оторвав ленту от располосованной льняной простыни, Перрин наложил повязку на рану, зияющую на боку Ранда. Рука его друга, сжимавшая рукоять прозрачного меча, напряглась и обмякла. И тут же сквозь повязку проступила кровь. Царапины и порезы покрывали Ранда с головы до пят, во многих ранках поблескивали осколки. Перрин беспомощно пожал плечами – оставалось лишь дожидаться Морейн, он сделал все, что мог.

– Ранд, во имя Света, ответь, что ты учудил? У тебя такой вид, будто ты сам с себя кожу содрать пытался. Ты ведь и меня чуть было не прикончил.

Ранд молчал, и Перрину показалось, что он и не собирается отвечать.

– Это был не я, – произнес он наконец тихо, чуть не шепотом, – вовсе не я, а один из Отрекшихся.

Только сейчас Перрин почувствовал, как напряжены его мышцы, и попытался расслабиться, но это ему не удалось. Отрекшиеся! Он ведь и сам помянул их в разговоре с Фэйли, помянул не случайно, но при этом старался не думать о том, что именно предприняли бы Отрекшиеся, узнав, где находится Ранд. Ведь сумеет кто-то из них низвергнуть Ранда, он воз-

высился бы сразу после освобождения Темного. А если Темный вырвется на свободу, Последняя битва закончится, так и не начавшись.

– Ты в этом уверен? – так же тихо переспросил Перрин.

– Так должно быть, Перрин. Не иначе. Но...

– Но если кто-то из них явился за мной, так же как и за тобой... Ранд, где же тогда Мэт? Ведь это значит, что он испытал нечто подобное, и ежели остался жив, то, скорее всего, думает, что это твоих рук дело. Небось уже спешит сюда выразить тебе благодарность.

– Или припустил верхом к городским воротам, – отозвался Ранд, пытаясь выпрямить спину. Засыхавшие потеки крови то и дело трескались, и его плечи и грудь вновь и вновь покрывались кровью. – Перрин, если он погиб, тебе надо поскорее убраться от меня, и как можно дальше. Думаю, вы с Лойалом правы насчет этого. – Он умолк, не отводя от Перрина изучающего взгляда. – Вам с Мэтом, поди, хотелось бы, чтоб я и на свет не родился и, уж во всяком случае, чтоб вы меня отродясь не видали.

«Искать Мэта бесполезно, – подумал Перрин. – Если с ним что-то стряслось, этого никак не изменишь». А вот самодельная повязка, прилаженная им к ране Ранда, пожалуй, поможет ему продержаться до прихода Морейн.

– Тебя, похоже, не слишком заботит, ушел ли Мэт, – сказал Перрин. – Чтоб мне сгореть, а ведь ему во всей этой истории отведена какая-то важная роль. Что же ты станешь делать, если он все-таки ушел? Или – упаси Свет – погиб?

– То, чего они меньше всего ждут, – сказал Ранд. Его серые глаза затуманились, однако и сквозь пелену пробивался лихорадочный блеск. Сказал, точно ножом отрезал. – Именно так я и должен поступить в любом случае. Сделать то, чего от меня никак не ждут.

Перрин глубоко вздохнул. Ранд взвинчен до предела, да оно и неудивительно. Правда, это, пожалуй, еще не указывает на надвигающееся безумие. Впрочем, признаки страшного недуга не заставят себя ждать, и в ожидании этого часа остается лишь стиснуть зубы и напрячь все силы.

– И что же ты собираешься делать? – тихо спросил Перрин.

Ранд устало закрыл глаза и пробормотал:

– Сам не знаю. Знаю только, что нужно ошарашить их, заставить врасплох.

Дверь распахнулась, и в покои вступил рослый айилец с рыжеватыми, тронутыми седой волосами. Позади него в дверном проеме маячил плюмаж тайренского капитана, отчаянно спорившего с айильскими Девами. Он так и продолжал что-то доказывать, когда Байн попросту захлопнула дверь.

Руарк настороженно оглядел комнату, словно подозревая, что за драпировками и опрокинутыми стульями могут скрываться враги. Вождь клана Таардад Айил не имел при себе иного оружия, кроме висевшего на поясе ножа с массивным клинком, – главным оружием его были властность, спокойствие и уверенность. К тому же на плечи вождя была наброшена шуфа, а стало быть, его стоило опасаться – это понимал всякий, кто хоть что-то знал о жителях Пустыни.

– Этот тайренский дурень, что караулит за дверью, дал знать своему командиру, что здесь что-то случилось, – сообщил Руарк, – и теперь слухи разнеслись по всей Твердыне. Всякое болтают – начиная с того, что Белая Башня организовала покушение на тебя, и кончая тем, что Последняя битва уже идет, причем как раз в этих покоях.

Перрин открыл было рот, но Руарк предостерегающе поднял руку:

– Я случайно встретил Берелейн, и вид у нее был такой, будто она узнала час своей смерти. Она мне рассказала обо всем, что приключилось на самом деле. Поначалу я не очень-то ей поверил, но теперь вижу, что она не солгала.

– Я послал за Морейн, – вставил Перрин. Руарк кивнул; разумеется, Девы уже сказали ему об этом.

Ранд издал невеселый болезненный смешок:

– Я ведь велел ей держать язык за зубами. Похоже, лорд Дракон уже не властен над Майном. – В его тоне явственно слышалась горечь.

– У меня есть дочери, причем постарше этой девицы, – заявил Руарк, – так что мне не впервой выведывать девичьи секреты. Уверен, что Берелейн будет помалкивать. Ей наверняка хочется поскорее забыть обо всем, что произошло этой ночью.

– А вот я хочу знать, что случилось, – заявила Морейн, входя в комнату. Она была легкой и хрупкой – Руарк и сопровождавший ее Страж Лан возвышались рядом, как башни, – но она была Айз Седай, и авторитет ее здесь был непререкаем. Скорее всего, ей пришлось бежать всю дорогу, иначе она не смогла бы так скоро оказаться в покоях Ранда, однако выглядела Морейн невозмутимо, словно скованное льдом озеро. Поколебать ее спокойствие было непросто. Морейн была облачена в синее шелковое одеяние с высоким кружевным воротником и рукавами, отделанными черным бархатом, но духота, царившая в Твердыне, казалось, была бессильна перед Айз Седай. Ее темные волосы были перехвачены тонкой золотой цепочкой, с которой на лоб свисал маленький голубой камешек. Поблескивая на свету, он подчеркивал отсутствие малейших признаков пота.

Всякий раз при встрече взгляды Лана и Руарка скрещивались, высекая искры. Кожаная, плетенная косичкой лента поддерживала темные, с проседью на висках волосы Лана. Лицо его было словно высечено из камня. Казалось, воинственный Страж и на свет родился с мечом, свисавшим с его пояса. Перрин терялся в догадках, кто из этих двоих более опасен, – Впрочем, гадать можно было до скончания века.

Страж перевел взор на Ранда:

– Я-то думал, что ты уже научился бриться без посторонней помощи.

По лицу Руарка скользнула улыбка – Перрин заметил, что вождь улыбнулся первый раз с момента появления Лана, и айилец промолвил:

– Успеет еще научиться – он ведь так молод.

Лан глянул на Руарка, и губы его тоже тронула едва заметная улыбка.

Морейн смерила обоих мужчин уничтожающим взглядом и, придерживая юбки, направилась к Ранду. Казалось, она ступала наугад, не выбирая пути, но ни один осколок стекла не хрустнул под ее туфельками. Взор ее между тем скользил по комнате, не упуская – в этом Перрин был убежден – ничего. На миг глаза ее остановились на Перрине, и юноша постарался не встречаться с ней взглядом – Морейн слишком хорошо его знала, чтобы получать удовольствие от такой игры в гляделки. Но Айз Седай не задержала на нем своего внимания, – словно лавина, холодная и непреклонная, она нависла над Рандом.

Перрин убрал руку, которой поддерживал повязку на боку друга, но пропитавшаяся кровью тряпица присохла к ране и не отпала. Бесчисленные порезы и потеки крови, покрывавшие Ранда с головы до пят, тоже подсохли и почернели. И во многих ранах поблескивали на свету впившиеся осколки стекла. Морейн осторожно потрогала окровавленную ткань кончиками пальцев, – может быть, она и собиралась заглянуть под повязку, но явно передумала. Перрин дивился, как она может без содрогания смотреть на Ранда, но лицо ее не отражало никаких чувств. От нее слегка пахло розовым мылом.

– Во всяком случае, ты жив, – холодно произнесла Айз Седай, и в ее мелодичном голосе прозвучали нотки гнева. – С рассказом о том, что случилось, можно и подождать. А сейчас постарайся коснуться Истинного Источника.

– Зачем? – недоверчиво спросил Ранд. – Я ведь не умею Исцелять себя сам. Я даже не знаю, как это делается. И никому это не под силу – я точно знаю!

Казалось, Морейн вот-вот вспылит – воистину это было бы невиданное дело, – однако в следующее мгновение к ней вернулось глубокое и неколебимое спокойствие.

– Исцеление – дело не только целителя, но и исцеляемого. Если ты коснешься Источника, твоя Сила сможет помочь мне в Исцелении. А не то, боюсь, тебе придется день-другой проваляться в постели, прежде чем ты оправишься. Попробуй коснуться Источника, черпай из него Силу и просто удерживай ее, не пытаясь ничего с ней делать. Постарайся, чтобы у тебя вышло.

Ранд отодвинул Калландор подальше от Морейн и, с трудом сдерживая смех, произнес: – «Просто удерживай», говорите? Ладно, попробую.

Перрин внимательно следил за Рандом, ожидая, что же произойдет, но так ничего и не заметил. Обессиленный до предела, Ранд беспомощно взирал на Морейн. Та вперила в него взор, непроизвольно потирая руки. Наконец Ранд со вздохом признался:

– Я не могу даже погрузиться в пустоту. Похоже, я не в силах сконцентрироваться. – Лицо его исказила горькая усмешка, отчего засохшие порезы полопались и выступила свежая кровь. – В чем тут дело – в толк не возьму.

– Ну раз так, придется мне заняться этим самой, – промолвила Морейн и обхватила голову Ранда руками, не обращая внимания на то, что пальцы ее тут же окрасились кровью.

Хрипло вскрикнув, как будто выдохнув из легких весь воздух, Ранд вскочил на ноги и изогнулся, чуть было не вырвавшись из рук Морейн. Одна рука с неестественно растопыренными и выгнутыми пальцами – казалось, они вот-вот сломаются – откинулась назад, другой он неистово сжимал рукоять Калландора, да так, что мышцы вздулись узлами. Юноша затрепетал, точно полотнище на ветру, и черные засохшие струпья отпали и посыпались с его тела. Следом попадали осколки стекла, выталкиваемые из ран, затягивавшихся на глазах.

Перрин поежился, словно эта буря трепала его самого. Ему уже случалось наблюдать Исцеление, и не раз, но он никак не мог привыкнуть к зрелищу использования Силы, ибо знал, что ею можно воспользоваться и в иных целях. Страшные истории про Айз Седай, что рассказывали возчики и купеческие охранники, засели у него в памяти с детства, задолго до того, как он повстречал Морейн. Перрин уловил запах беспокойства, исходивший от Руарка. Зато для Лана это было обычным делом, как, впрочем, и для Морейн.

Все закончилось, едва успев начаться. Морейн отняла ладони, и Ранд, пошатнувшись, ухватился за столб балдахина, чтобы устоять на ногах. Трудно было сказать, за что он держался более цепко: за этот столб или за рукоять Калландора. Когда Морейн взялась было за меч, собираясь водворить его на резной постамент, Ранд решительно, почти грубо вырвал у нее из рук Калландор.

Она поджала губы, но, ничего не сказав, занялась ставшей ненужной повязкой – отодрала и стала смахивать ею немногие оставшиеся струпья засохшей крови. На месте старой раны оказалась нежная кожица с полузатянувшимся шрамом. От всех остальных ран не осталось и следа. Странно было это видеть – казалось, что проступающая кое-где кровь взялась неведомо откуда.

Морейн нахмурилась и пробормотала себе под нос:

– Она по-прежнему не поддается; видно, полностью так и не заживет.

– И в конце концов сведет меня в могилу, верно? – тихонько спросил Ранд и произнес нараспев: – «На утесах Шайол Гул кровь его прольется, своей жертвой Тень смывая, для спасенья человека».

– Слишком много ты читаешь, – резким тоном заметила Морейн, – а понимаешь слишком мало.

– А сами-то вы больше понимаете? Коли так, растолкуйте.

– Он ведь еще только пытается найти свой путь, – неожиданно вмешался в разговор Лан. – Сама посуди, кому охота бежать с завязанными глазами, зная, что где-то впереди обрыв.

Перрин удивился – такого еще не бывало, чтобы Лан затеял спор с Морейн, во всяком случае на людях. Впрочем, Страж провел немало времени с Рандом, обучая того искусству владеть мечом.

Темные глаза Морейн вспыхнули, однако, сдержавшись, она спокойно произнесла:

– Сейчас ему нужно лечь в постель. Распорядись, чтобы принесли воды для умывания и приготовили другую спальню. В этой придется все менять.

Лан кивнул и, высунувшись за дверь, сказал что-то Девам.

– Я буду спать здесь, Морейн. – Отойдя от кровати, Ранд выпрямился, уперев острие Калландора в ковер и обеими руками держась за рукоять. Если он и наваливался на меч, чтобы не упасть, это не слишком бросалось в глаза. – Я больше не позволю охотиться за мной. Не хватало еще, чтобы меня выгнали из собственной спальни.

– *Тай'шар Манетерен*, – пробормотал Лан.

На сей раз даже Руарк оторопел. Но если Морейн и услышала, как Страж похвалил Ранда, она не подала виду. Взгляд Айз Седай был устремлен на юношу, лицо ее казалось бесстрастным, но глаза метали молнии. На лице Ранда появилась лукавая улыбка, – видно, ему любопытно было, как она выкрутится.

Перрин бочком двинулся к двери. Если Ранд вздумал помериться силой воли с Айз Седай, надо, пожалуй, сматывать удочки, и как можно скорее. Лан же стоял себе спокойно, причем стоял одновременно и выпрямившись, и слегка ссутулившись, так что сразу и не поймешь – то ли он чуть ли не засыпает от скуки, то ли готов выхватить меч. Позу его можно было понять и так и этак. Руарк тоже был спокоен, хотя все же поглядывал на дверь.

– Стой где стоишь! – Не отводя глаз от Ранда, Морейн указала пальцем куда-то между Перрином и Руарком.

Перрин замер на месте. Руарк пожал плечами и опустил руки.

– Упрямец, – пробормотала Морейн. На сей раз это определенно относилось к Ранду. – Ну ладно, раз уж ты вознамерился торчать здесь, пока не свалишься, можешь тем временем рассказать мне, что все-таки тут стряслось. Я не могу учить тебя, но, если ты со мной поделишься, может, и соображу, где ты допустил оплошность, – произнесла она строго. – Ты должен научиться управлять Силой, иначе она убьет тебя, я твердила тебе об этом не раз. Ты должен учиться сам, искать возможности в себе.

– Да я ничего не делал, только боролся за свою жизнь, – сухо отозвался Ранд. Морейн открыла было рот, но он продолжил: – Вы думаете, я мог направлять Силу, сам того не ведая? Но я не спал – все происходило наяву. – Ранд покачнулся и крепче ухватился за меч.

– Даже ты не в состоянии ничего направлять во сне, разве что Дух, но с Духом это никак не связано, – холодно заметила Морейн. – Лучше расскажи мне, что же *на самом деле* здесь произошло.

Ранд начал описывать все, что с ним приключилось, и Перрин чувствовал, как мурашки пробегают у него по коже. Плохо дело, когда на тебя набрасывается топор, но топор – это хотя бы что-то вещественное. А когда вылезают из зеркал и кидаются на тебя твои же отражения... Юноша непроизвольно переступил с ноги на ногу, стараясь не наступить на осколки стекла.

Уже начав свой рассказ, Ранд вдруг оглянулся и бросил быстрый взгляд на сундук. В тот же миг усеивавшие крышку сундука осколки смело на пол, словно по сундуку прошла щетка. Ранд обменялся взглядом с Морейн и продолжил рассказ. Перрин так и не понял, кто из них очистил сундук. О Берелейн Ранд не упомянул ни словом.

– Это, похоже, был кто-то из Отрекшихся, – заключил Ранд, – возможно, Саммаэль. Вы говорили, что сейчас он в Иллиане, но по меньшей мере один из них орудует в Тире. Мог Саммаэль дотянуться до Твердыни из Иллиана?

– Нет, даже если бы он обладал Калландором, – твердо заявила Морейн. – У всякого могущества есть пределы. Саммаэль всего лишь человек, а не сам Темный.

«Всего лишь человек? – подумал Перрин. – Не очень-то подходящее определение».

Человек. Мужчина, который способен направлять Силу, но при этом каким-то неведомым способом ухитрился не сойти с ума – во всяком случае, до сего дня. Саммаэль обладал,

по-видимому, не меньшей силой, чем Ранд, но куда лучше умел ею пользоваться. Человек, который по доброй воле встал на сторону Тени и провел три тысячи лет, разделяя с Темным его заточение. Слова «всего лишь человек» меньше всего подходили к Саммаэлю, как и ко всем прочим Отрекшимся, и мужчинам, и женщинам.

– Выходит, кто-то из них здесь, в городе. – Ранд опустил голову, но тут же выпрямился и оглядел присутствующих. – Но я не буду больше дичью для них, я буду охотиться сам. Я найду его или ее, и тогда...

– Но это не Отрекшийся, – отрезала Морейн, – думаю, что нет. Это было бы слишком просто. И слишком сложно.

– Не надо загадок, Морейн, – спокойно заговорил Ранд. – Если это не Отрекшийся, то кто или что?

Айз Седай не спешила с ответом, и было неясно – то ли она в нем не уверена, то ли размышляет, что ей стоит открыть.

– Поскольку печати, удерживающие Темного в его узилище, ослабевают, – произнесла она наконец, – наверное, неизбежно, что некие... миазмы... проникают наружу, в то время как он пребывает в заточении. Подобно тому, как пузыри от падали, гниющей на дне пруда, поднимаются на поверхность. Но эти пузыри не простые, поэтому они будут плыть по Узору, пока не зацепятся за нить и не лопнут.

– Свет! – не сдержавшись, воскликнул Перрин. Морейн перевела на него глаза. – Вы хотите сказать, то, что приключилось с... Рандом, должно случиться с каждым?

– Не с каждым. Во всяком случае, до поры до времени. Поначалу, я думаю, таких про-скальзывающих сквозь трещины пузырей будет немного. Ну а потом – кто знает? А поскольку вокруг та'веренов сплетаются нити Узора, мне сдается, что именно та'верены будут притягивать эти миазмы в первую очередь.

В глазах Морейн Перрин прочел: она знает, что не один Ранд испытал подобный кошмар. Улыбка, промелькнувшая по лицу Айз Седай, сказала юноше, что он может утаить случившееся с ним от кого угодно, только не от нее.

– Боюсь, уже в ближайшие месяцы – на годы я загадывать не берусь, это было бы счастьем – многие узрят такое, что поседеют, если, конечно, останутся живы.

– А Мэт? – спросил Ранд. – Вы знаете, что с ним?.. Он не?..

– Довольно скоро я это узнаю, – спокойно ответила Морейн. – Того, что случилось, уже не изменить, но, думаю, все же можно надеяться. – Голос ее звучал уверенно, но исходивший от нее запах говорил Перрину об обратном.

И тут вмешался Руарк:

– С ним все в порядке. Или было в порядке до недавних пор. Я встретил его, когда шел сюда.

– А куда он направлялся? – с волнением в голосе спросила Морейн.

– Похоже, к помещениям для слуг, – отвечал айилец. Ему было известно, что все трое являются та'веренами, но если о та'веренах он знал, пожалуй, меньше, чем ему казалось, то Мэта изучил достаточно хорошо, отчего и не преминул добавить: – Во всяком случае, не в сторону конюшен, Айз Седай. В другую – туда, где выход к реке. А там у причалов никаких лодок нет. – В отличие от большинства айильцев, Руарк уверенно, без запинки говорил о причалах и лодках, хотя в Пустыне о подобных вещах знали лишь из смутных преданий.

Морейн кивнула, будто ничего другого и не ожидала услышать. Перрин покачал головой – Морейн так привыкла скрывать свои мысли, что делала это порой даже без нужды.

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату проскользнули Байн и Чиад. На сей раз копий у них не было. Байн несла вместительный кувшин, над которым поднимался пар, и ков-шик. Чиад держала под мышкой свернутые полотенца.

– А почему все это принесли *вы*? – спросила Морейн.

Чиад пожала плечами:

– Она сюда ни за что не войдет.

Ранд выдавил из себя смешок:

– Служанки и те знают, что от меня надо держаться подальше. Поставьте это куда-нибудь.

– Ты теряешь время, Ранд, – сказала Морейн, – в Тире к тебе привыкают, а того, что привычно, перестают бояться. Сколько осталось недель или дней до того, как кто-нибудь попытается подсыпать тебе яду или всадить стрелу в спину? И до того, как нанесет удар один из Отрекшихся или по нитям Узора скользнет очередной пузырь?

– Не старайтесь испугать меня, Морейн, – произнес Ранд. Полуобнаженный, измазанный засохшей кровью, едва державшийся на ногах, опираясь на Калландора, он сказал твердо и решительно: – Я больше не собираюсь делать все по вашей указке!

– Тогда выбирай свой путь, только поторопись, – сказала Айз Седай, – и не забудь сообщить мне, что ты вознамерился делать. Если ты откажешься от моей помощи, мое знание будет бессильно.

– Ваша помощь? – устало пробормотал Ранд. – Я вовсе не отказываюсь от нее. Но решать теперь буду я, а не вы.

Он взглянул на Перрина так, будто хотел этим взглядом сказать ему то, чего не желал доверить другим. Но что это было, Перрин не понял. Ранд глубоко вздохнул и опустил голову:

– Я хочу спать. Оставьте меня все. Поговорим завтра. – Он снова посмотрел на Перрина, давая понять, что последние слова предназначались для него.

Морейн пересекла комнату, подошла к Байн и Чиад. Обе Девы наклонились к ней, и Айз Седай зашептала им что-то на ухо. Как Перрин ни силился разобрать, до него донеслось лишь невнятное бормотание. Юноша подумал, что Морейн, возможно, использует Силу, чтобы помешать ему подслушать разговор. Она прекрасно знала, какой у него острый слух. Когда Байн шепнула что-то в ответ и он снова ничего не разобрал, Перрин уверился в правильности своей догадки. Но с его чутьем Морейн ничего не могла поделать. Слушая Морейн, айильские Девы смотрели на Ранда, и от них исходил запах настороженности, как будто Ранд был большим зверем, который может представлять угрозу, если поведешь себя с ним неправильно.

Затем Айз Седай повернулась спиной к Ранду.

– Завтра мы поговорим непременно, – бросила она на ходу. – Ты не можешь сидеть здесь, как куропатка, дожидаясь, пока охотник набросит на тебя сеть.

Прежде чем Ранд успел ответить, она уже шагнула к двери. Лан посмотрел на Ранда, будто хотел что-то ему сказать, но передумал и молча последовал за Морейн.

– Ранд? – только и сказал Перрин.

– Мы исполняем то, что нам предначертано, – произнес Ранд, не сводя глаз с хрустальной рукояти Калландора. – То, что предначертано. – От него исходил запах страха.

Перрин кивнул и следом за Руарком вышел из комнаты. Морейн и Лана поблизости уже не было. Тайренский капитан таращился на дверь с расстояния не менее десяти шагов, изо всех сил стараясь сделать вид, что стоит там потому, что ему так нравится, а вовсе не из-за того, что айильские Девы не подпускают его ближе. Судя по доносившимся из-за двери голосам, Чиад и Байн остались в комнате.

– Уходите, – устало произнес Ранд, – оставьте все и уходите.

– Конечно, мы уйдем, – насмешливо отвечала Чиад, – если ты сможешь сделать хоть один шаг. Всего один шагок – и нас как не бывало.

Слышно было, как в кувшин наливают воду.

– Нам случалось ухаживать за ранеными прежде, – успокаивающе промолвила Байн, – к тому же я купала своих братишек, когда они были еще малышами.

Руарк плотно прикрыл дверь, и все звуки пропали.

– Твой народ относится к нему не так, как жители Тира, – тихонько сказал Перрин Руарку, – не преклоняется и не лебезит перед ним, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из вас назвал его лордом Драконом.

– Это в пророчествах мокрых земель говорится о Возрожденном Драконе. Мы же ожидаем Того-Кто-Придет-с-Рассветом.

– Я думал, что пророчества одинаковы у всех народов. Но почему же тогда вы пришли в Твердыню? Чтоб мне сгореть, Руарк, но это вы, айильцы, – народ Дракона, именно так сказано в пророчествах. Вы, по сути, признали это, даже если и не желаете в этом сознаться.

Руарк пропустил мимо ушей последние слова Перрина.

– Согласно вашим пророчествам, – произнес он, – падение Твердыни и овладение Калландором есть знак того, что Дракон возродился. Наши же говорят только о том, что Твердыня должна пасть прежде, чем Тот-Кто-Придет-с-Рассветом вернет айильцам то, что принадлежало им по праву. Может, это будет один и тот же человек, но сомневаюсь, что даже Хранительницы Мудрости могут судить об этом с уверенностью. Если Ранд тот, кого мы ожидаем, он должен кое-что сделать, чтобы доказать это.

– Что? – спросил Перрин.

– Если он тот, он сам это знает. А если не знает, нам придется продолжить свои поиски.

Что-то в голосе Руарка насторожило Перрина, но он не понял, что именно.

– Ну а если окажется, что он не тот, кого вы ищете? Что тогда, Руарк?

– Спокойной ночи, Перрин. – Беззвучно ступая по черному мрамору мягкими сапогами, Руарк зашагал прочь.

Тайренский офицер по-прежнему глядел мимо айильских Дев, испуская отчаянный запах страха и тщетно пытаясь скрыть переполнявшие его злость и ярость. Что, если Ранд не Тот-Кто-Придет-с-Рассветом?... Перрин взгляделся в лицо тайренского капитана, представил себе, что будет, если айильцы покинут Твердыню, и поежился. Первым делом необходимо убедить Фэйли уехать. Непременно. Пусть уезжает – и без него.

Глава 4

Нити

Том Меррилин посыпал песком только что исписанный лист, чтобы просохли чернила, а затем осторожно ссыпал песок обратно в коробочку и задвинул крышку. Перевернув разбросанные по столу бумаги, которые, не ровен час, могли и загореться, поскольку на столе, чтобы было лучше видно, горело сразу шесть сальных свечей, он отыскал скомканный, заляпанный чернильными пятнами лист. Внимательно сравнив его с только что написанным, Том с удовлетворением провел большим пальцем по длинным седым усам, и на лице его появилась довольная улыбка. Сам благородный лорд Карлеон не заподозрил бы, что его почерк подделан.

«Будь осторожна. Твой муж догадывается».

На листке были только эти слова, без подписи. Теперь осталось подложить записочку в такое местечко, где она наверняка попадет на глаза благородному лорду Тедозиану. Пусть решит, что ее по небрежности оставила там его жена, леди Алтейма...

Раздался стук в дверь, и Том подскочил на месте. В такое позднее время он не ждал гостей.

– Минуточку, – крикнул он, поспешно пряча перья, чернильницы и оба листочка в шкатулку, – минуточку, только рубаху надену.

Заперев шкатулку, Том задвинул ее под стол, чтобы не бросалась в глаза, и обвел взглядом свою крохотную каморку без окон, стараясь приметить, не оставил ли он на виду что-нибудь такое, чего посторонним видеть не следует. Обручи и шарики для жонглирования валялись на его узкой неприбранной постели и на единственной полке вперемежку с бритвенными

принадлежностями, карнавальными свечами и всевозможными мелочами, предназначенными для демонстрации ловкости рук. С настенного крюка свешивались плащ менестреля со множеством разноцветных заплат, кое-какая запасная одежонка и толстые кожаные футляры, в которых хранились его арфа и флейта. На ремне футляра от арфы был повязан алый женский шарф из полупрозрачного шелка, но такой шарф мог принадлежать кому угодно.

Том и сам уже не был уверен, что помнит, кто была та красавица, что оставила здесь свой шарф. Менестрель старался не обделять вниманием ни одну женщину, не отдавая никому предпочтения, и все это с непринужденностью и весельем. Можно их посмешить, можно даже заставить повздыхать, главное же – избегать серьезных отношений, – отныне он руководствовался именно таким принципом, убеждая себя, что на это у него нет времени.

– Иду, иду.

Том раздраженно захромал к двери. Прежде люди не могли сдерживать восторженных восклицаний при виде того, как костлявый седовласый старец проделывал сальто, шпагаты и стойки на руках, причем так проворно и ловко, что не всякий юноша мог бы с ним потягаться. Хромота положила этому конец, и Том ненавидел ее. Чем больше он уставал, тем сильнее болела нога. Распахнув дверь, менестрель удивленно заморгал:

– Это ты, Мэт? Ну заходи. Я-то думал, ты трудишься в поте лица – облегчаешь кошельки здешних молодых лордов.

– Им сегодня расхотелось играть, – кисло отозвался Мэт, падая на колченогий табурет, заменявший второй стул.

Одежда юноши была в беспорядке, волосы всклокочены. Его карие глаза шарили повсюду, ни на чем не задерживаясь, но сегодня в них не было привычного лукавого блеска. Обычно этот парень ухитрялся находить смешное там, где другие не замечали ничего особенного.

Том озабоченно нахмурился. Никогда прежде Мэт не переступал этого порога без того, чтобы не отпустить шуточку насчет убожества комнатухи. Правда, Мэт соглашался, что Том поступил правильно, поселившись рядом со слугами, – так люди поскорее позабудут о том, что он заявился сюда, сопровождая Айз Седай. Соглашаться-то соглашался, однако не упускал случая съязвить на этот счет. Возможно, парень понимал и то, что такая каморка всякого должна убедить: ее обитатель никак не связан с Возрожденным Драконом. Желание Тома скрыть подобную связь Мэт, вероятно, одобрял. В свое время Меррилину потребовалось всего несколько фраз, которыми он поспешно перемолвился с Рандом, улучив момент, когда они остались наедине, чтобы объяснить истинную причину своего решения. Менестрель всегда на виду, но никто, в сущности, не замечает его и не обращает внимания, с кем он встречается и разговаривает, однако только до тех пор, пока в глазах людей он остается всего лишь менестрелем, с его незатейливыми забавами, предназначенными для слуг да деревенского люда, а может, для того, чтобы развлечь скучающих дам. Так на это смотрели в Тире. Будь он бардом, все было бы иначе.

Но что могло заставить паренька притащиться сюда в такой поздний час? Небось запутался с какой-нибудь девчонкой или бабенкой постарше, увлекшейся его лукавой улыбкой. Ну что ж, это дело обычное. Впрочем, нечего гадать, парень сам скажет, в чем дело.

– У меня тут есть доска для игры в камни. Время позднее, но, думаю, разок сыграть можно. – Не удержавшись, Том добавил: – Ты не против сделать ставку?

Он ни за что не стал бы играть с Мэтом в кости, даже на медяк, камни – совсем другое дело, это игра упорядоченная и сложная, а потому вряд ли необъяснимое везение Мэта распространяется на нее.

– Что? О нет! Какие игры, уже слишком поздно. Том, тут у тебя... Здесь что-нибудь... здесь ничего не случилось?

Прислонив доску для игры в камни к ножке стола, Том достал кисет и откопал среди оставшегося на столе сора трубку с длинным мундштуком.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, набивая трубку. Он успел поднести скрученную бумажку к огоньку свечи, раскурить трубку и задуть свою лучину, прежде чем Мэт ответил.

– Ну, скажем, Ранд сошел с ума. Впрочем, нет, случись такое, ты не спросил бы, что я имею в виду.

Предчувствие заставило Тома поежиться, но он, не подавая виду, спокойно выпустил длинную голубоватую струйку дыма и уселся на стул, вытянув больную ногу.

– Что случилось?

Мэт вздохнул и выложил все единым духом:

– Игральные карты пытались меня убить. Амерлин, и благородный лорд, и... Том, это мне не приснилось. Потому-то эти надутые вороны в павлиньих перьях и не хотят больше со мной играть. Они боятся, что это может повториться. Том, я думаю, пора сматываться из Тира.

Предчувствие усилилось – Том нутром чуял недоброе. И почему он сам до сих пор не смотался из Тира? Это было бы самым разумным решением. Сотни селений окрест ждут не дождутся менестреля, который позабавит их жителей. И в каждом селении найдется трактир-другой, где довольно вина, чтобы утопить в нем воспоминания. Но поступи он так, и Ранд останется в одиночестве. Кто, кроме разве что Морейн, может удерживать благородных лордов, которые того и гляди загонят Ранда в угол, а то и перережут ему глотку? Конечно, Морейн в силах справиться с этой задачей, правда используя совсем другие средства. Она ведь кайри-энка и Игру Домов, вероятно, усвоила с молоком матери. Но тогда Морейн еще крепче связала бы Ранда с Белой Башней – к чему она, видимо, и стремилась, – да так, что ему уже никогда не освободиться от пут Айз Седай. Однако, если паренек уже спятил...

«Дурак», – сказал себе Том. Надо быть круглым дураком, чтобы продолжать путаться в такие дела из-за истории, приключившейся пятнадцать лет назад. Что было – то было, и даже если остаться, ничего уже не изменить. Нужно повидаться с Рандом, хотя он сам и предостерегал юношу от подобных встреч. Возможно, никто не усмотрит ничего необычного в том, что менестрель попросит разрешения исполнить для лорда Дракона сложенную в его честь песню. Знал он невесть кем сочиненную кандорскую поэму, где в высокопарных словесах восхвалялись деяния некоего неведомого лорда, причем ни о времени, ни о месте свершения оных ничего не сообщалось. Верно, заказавший ее лорд не имел реальных заслуг, которые стоили бы упоминания. Что ж, на сей случай поэма сгодится. Только вот не покажется ли это странным Морейн? Это ничуть не лучше, чем возбудить подозрения благородных лордов. «Эх, ну и дурак же я! Мне бы убраться отсюда, да сегодня же!»

Внутри у Тома все горело, но на лице его ничего не отражалось. Том научился владеть собой задолго до того, как облачился в плащ менестреля. Он выпустил три колечка дыма, одно сквозь другое, и промолвил:

– Ты ведь помышлял о том, чтобы уехать из Тира, с того дня, как явился в Твердыню.

Мэт, примостившийся на краешке табурета, метнул на него сердитый взгляд:

– И я собираюсь это сделать. Твердо решил. Почему бы и тебе не двинуть со мной, а, Том? Существуют ведь города, где и слухом не слыхивали о том, что Дракон уже возродился, где люди годами не вспоминают о проклятых пророчествах и ни о каком проклятом Драконе думать не думают. Сколько людей считают Темного бабкиной сказкой, рассказы о троллоках – выдумкой путешественников и уверены, что если мурддраал и ездит на тенях, то лишь затем, чтобы пугать ребятишек. Ты мог бы играть на арфе да рассказывать всякие истории, а уж я всегда найду, с кем бросить кости или перекинуться в картишки. Мы с тобой могли бы жить как лорды – едем, куда хотим, останавливаемся, где приглянется, и не надо вечно опасаться за свою жизнь.

Надо же, Мэт почти точно повторил его мысли, – видать, дело худо. Ну ладно, раз уж таким дураком уродился, надо все же как-то выкручиваться.

– Если ты и впрямь твердо решил, то почему до сих пор не ушел?

– Морейн не спускает с меня глаз, – с горечью ответил Мэт, – а когда не следит сама, то поручает это кому-то другому.

– Я знаю, Айз Седай не любят отпускать на волю тех, кто угодил к ним в руки. – Том был убежден, что это еще мягко сказано; правда, на сей счет ходили только слухи. Мэт, тот вообще в это не верил, а те, кто знал, помалкивали. Морейн, конечно, знала наверняка. Ну да что тут толковать? Тому Мэт нравился, он был даже кое-чем ему обязан, но все заботы Мэта не шли ни в какое сравнение с тревогами Ранда. – Знаешь, мне трудно поверить, что Морейн поручает кому-то следить за тобой.

– Все может быть. Она постоянно расспрашивает людей, где я да что я делаю. Ясно, что до меня это доходит. А ты знаешь кого-нибудь, кто посмел бы не ответить на вопрос Айз Седай? Я таких не встречал. Вот и выходит, что за мной слежка.

– Ты можешь отвести ей глаза, если пораскинешь мозгами. Я в жизни не видел человека, который так умел бы вовремя улизнуть, как ты. Имей в виду – это похвала.

– Всегда что-то мешает, – пробормотал Мэт. – Здесь уйма золота, которое не худо бы прибрать к рукам, и эдакая большеглазая кухарочка – так и тянет ущипнуть ее да поцеловать. И служанка – волосы до пояса, словно шелк, и такая кругленькая... – Мэт замялся – верно, сообразил, что все это звучит по-дурачки.

– А тебе не приходило в голову, что ты остался потому...

– Если ты ляпнешь что-нибудь про та'верена, – оборвал его Мэт, – я тут же уйду.

Том сказал вовсе не то, что собирался вначале:

– ...потому, что Ранд твой друг и ты не хочешь бросать его?

– Бросать его! – Мэт подскочил и пнул табурет. – Том, он ведь распроклятый Возрожденный Дракон! Во всяком случае, так они с Морейн говорят, и, возможно, так оно и есть. Он может направлять эту проклятую Силу, и у него есть этот проклятый меч, как будто сделанный из стекла. Ох уж эти пророчества! Я не знаю, Том. Знаю только, что был бы таким же полоумным, как эти тайренские остолопы, если б остался. – Юноша приумолк, а потом спросил: – Так ты не думаешь, что... Морейн удерживает меня здесь при помощи Силы?

– Я не верю, что такое возможно, – медленно произнес Том. Он знал про Айз Седай достаточно, чтобы понимать, как, в сущности, мало ему известно, однако ему казалось, что тут он прав.

Мэт схватился руками за голову:

– Том, я все время только и думаю, как бы отсюда убраться, но... стоит мне решиться... появляется какое-то странное предчувствие. Как будто что-то должно произойти... вот-вот... Минуточку, я нашел слово. Ощущение такое, будто ждешь фейерверка в День солнца, только вот я не знаю, чего именно жду. Как только соберусь уйти, приходит это чувство. И я моментально нахожу какой-нибудь предлог, чтобы задержаться еще на денек. Всего-то на один проклятуший денек – и так всегда. Тебе не кажется, что здесь не обошлось без Айз Седай?

Том проглотил едва не вырвавшееся у него слово «та'верен», вынул трубку изо рта и уставился на тлеющий табачок. Менестрель мало что знал о та'веренах, как, впрочем, и все, кроме Айз Седай и, может быть, кое-кого из огиров.

– Не особо-то я умею людям помогать, когда у них что-то случилось, – сказал Том и подумал: «Да и помощник из меня плохой, мне и со своими-то делами не разобраться». Но вслух он сказал: – Тут же полно Айз Седай, далеко ходить не надо. Почему бы тебе не обратиться за помощью к одной из них? – «Правда, сам я такому своему совету никогда бы следовать не стал».

– Предлагаешь спросить Морейн?

– Нет, об этом, я думаю, и речи быть не может. Но ведь здесь Найнив, а она была Мудрой у себя на родине, в Эмондовом Лугу. Деревенские Мудрые для того и существуют, чтобы помогать людям.

Мэт хрипло рассмеялся:

– Спросить Найнив и нарваться на очередную нотацию насчет пьянства, азартных игр и... Том, она по-прежнему считает меня сопливым мальчишкой. Порой мне кажется, что она всерьез верит, будто я еще женюсь на какой-нибудь славной девушке и вернусь на отцовскую ферму.

– Многие не возражали бы против этого, – тихо произнес Том.

– Только не я. У меня нет охоты пасти скотину и выращивать табак до конца своих дней. Я хочу... – Мэт запнулся и затряс головой: – Все эти провалы в памяти. Иногда мне кажется, что, если бы удалось их заполнить, я бы понял... Чтoб мне стoреть, понятия не имею, что бы понял, но как раз это я и хочу узнать. Путаная задачка, а, Том?

– Я не уверен, что в этом смогла бы помочь даже Айз Седай. Куда уж бедному менестрелю!

– Я же сказал – никаких Айз Седай!

Том вздохнул:

– Да успокойся ты, парень. Я ничего такого и не предлагал.

– Я ухожу. Сразу же, как только соберу вещички и раздобуду коня. И ни минутой позже.

– Посреди ночи? Утро вечера мудренее. – Том удержался от того, чтобы добавить: «Если ты и впрямь уходишь». – Присядь, успокойся. В камни сыграем. У меня, пожалуй, и жбанчик с вином найдется.

Мэт призадумался, уставясь в пол, а потом оправил куртку и сказал:

– Утро, говоришь, вечера мудренее? – Голос его звучал неуверенно, но он поднял опрокинутый табурет и поставил его возле стола. – Но вина не надо, – попросил он, усаживаясь. – Со мной и на трезвую голову чудные вещи творятся.

Том достал доску и шкатулку с камнями. Надо же, размышлял он, как легко парень переменил свое решение. И все оттого, что его притягивает более сильный таверен по имени Ранд ал'Тор. Порой менестрелю приходило в голову, что он и сам угодил в те же силки. Вся прежняя жизнь никак не должна была привести его в Твердыню Тира и в эту каморку, но с первой же встречи с Рандом Том почувствовал, что судьба его оказалась на привязи, точно воздушный змей на веревке. Кто знает, может, если и он вознамерится уйти – когда станет ясно, что Ранд действительно сошел с ума, – у него тоже найдется предлог для отсрочки?

– Что это у тебя, Том? – Мэт ткнул сапогом в стоявшую под столом шкатулку для бумаг и письменных принадлежностей. – Ничего, если я ее отодвину, чтобы под ногами не путалась?

– Само собой, не церемонься. – Внутренне Том содрогнулся, когда Мэт сапогом отпихнул шкатулку в сторону. Одна надежда, что он как следует закупорил бутылочки с чернилами. – Выбери, – предложил менестрель, протягивая Мэту сжатые кулаки.

Тот хлопнул по левому, и Том разжал его – на ладони лежал плоский округлый черный камушек. Парень довольно хохотнул: ему достался первый ход – и положил камень на расчерченную клетками доску. Видя неподдельный азарт в глазах Мэта, никто бы и не подумал, что совсем недавно он решительно собирался уйти. Мэта удерживали властная сила, которую он отказывался признавать, и намерение Айз Седай не отпускать свою добычу и удержать ее подле себя. Да, парнишка крепко сидел на крючке.

А если на крючке и он сам, решил Том, то, наверное, стоило бы помочь хоть одному человеку освободиться от Айз Седай. И уплатить долг пятнадцатилетней давности.

Том неожиданно почувствовал странное удовлетворение и положил белый камень на доску.

– А рассказывал ли я тебе, – начал он, не выпуская трубки изо рта, – историю про пари, что случилось мне заключить с одной женщиной из Арад Домана? Глаза у нее были такие, что в них можно было запросто утонуть, а еще она имела чудную красную птицу, купленную у Морского народа. Она говорила, что эта птица может предсказывать будущее. У пташки был толстенный желтый клюв длиной чуть ли не с саму птицу, и вот как-то раз...

Глава 5

Допрос

Им пора бы уже вернуться, – заметила Эгвейн, энергично обмахиваясь веером и радуясь, что хоть ночью в Тире не так жарко, как днем. Тайренские женщины – во всяком случае, знатные и богатые – постоянно носили веера, но Эгвейн не замечала, чтобы они ими пользовались. Разве что когда солнце стояло в зените, да и то редко. Казалось, жар исходит даже от больших золоченых зеркальных светильников на серебряных настенных консолях. – И куда они запропастились? – Надо же, в кои-то веки Морейн обещала им уделить целый час, а не прошло и пяти минут, как она умчалась невесть куда и без всяких объяснений. – Авиенда, эта посланница хоть намекнула, зачем и кому потребовалась Морейн?

Айильская Дева сидела, скрестив ноги, на полу, рядом с дверью. На ней были куртка, штаны и мягкие сапожки. В этом наряде, с повязанной вокруг шеи шуфой она казалась невооруженной. Услышав вопрос, Дева подняла загорелое лицо, на котором выделялись большие зеленые глаза, и пожала плечами:

– Карин прошептала свое послание на ухо Морейн Седай. Я ничего не расслышала. Прошу прощения, Айз Седай.

Эгвейн виновато потрогала красовавшееся у нее на правой руке кольцо Великого Змея, золотую змейку, кусающую свой хвост. Как принятая, она должна была носить его на среднем пальце левой руки, но, чтобы заставить благородных лордов поверить, что в Твердыне находятся сразу четыре полноправные Айз Седай, и тем самым побудить их быть поучтивее, насколько это возможно для знати Тира, Морейн разрешила Эгвейн и ее подругам носить кольца так, как полагалось настоящим Айз Седай. Морейн, разумеется, никогда не утверждала, будто они полноправные Айз Седай, но, с другой стороны, не говорила и о том, что они только

лишь принятые, а потому всяк был волен думать на сей счет, что ему заблагорассудится. Лгать Морейн не могла, зато умела заставить правду выплясывать замысловатые кренделя.

С тех пор как Эгвейн и ее спутницы покинули Башню, они не единожды выдавали себя за полноправных сестер, но со временем Эгвейн испытывала все большую неловкость оттого, что приходилось обманывать Авиенду. Ей нравилась эта женщина, и, наверное, она могла бы подружиться с ней, узнай они друг друга получше, но это было невозможно, пока Авиенда принимала Эгвейн за Айз Седай. Айилка находилась здесь по распоряжению Морейн, и никто не знал, с какой целью. Эгвейн подозревала, что Авиенда приставлена к ним в качестве телохранительницы, как будто они сами недостаточно обучены, чтобы постоять за себя. Да что там, даже если бы они с Авиендой и стали подругами, она все равно не смогла бы рассказать ей правду. Лучший способ сохранить тайну от врагов – не раскрывать ее даже друзьям. Таково было одно из постоянных поучений Морейн. Порой Эгвейн хотелось, чтобы Айз Седай оказалась не права, хотя бы разок. Но конечно, не так, чтобы эта оплошность привела к беде.

– Танчико, – пробормотала Найнив. Ее темная, толщиной с руку коса свисала до пояса.

Найнив смотрела в одно из узеньких окошек, распахнутое, чтобы впустить в комнату ночную прохладу. На широкой реке Эринин плясали огоньки лодок, не рискнувших спуститься вниз по течению, но Эгвейн сомневалась, что Найнив их замечала.

– Похоже, ничего не остается, как отправиться в Танчико, – сказала Найнив, теребя свое зеленое с низким, обнажавшим шею и плечи вырезом платье. Найнив, конечно, ни за что не призналась бы, что носит это платье ради Лана, Стража Морейн, не призналась бы, даже осмелюсь Эгвейн высказать подобное предположение. Однако Лану нравилось, когда женщины носят зеленое, синее и белое, и с некоторых пор все цвета, кроме этих, исчезли из гардероба Найнив. – Ничего не остается, – повторила она, и голос ее звучал невесело.

Эгвейн поймала себя на том, что оправляет свое платье. Непривычно носить такую одежду, в которой чувствуешь себя чуть ли не раздетой. С другой стороны, в закрытом платье было бы еще труднее выносить здешнюю жару. И без того легкое бледно-розовое полотно казалось ей плотной шерстью. Она даже позавидовала Берелейн, позволявшей себе носить совсем тонкие, словно паутинки, полупрозрачные одеяния. Не то чтобы Эгвейн считала удобным появляться в таком виде на людях, но ведь в этих платьях наверняка прохладней.

«Перестань думать о пустяках, – приказала она себе. – Сосредоточься на предстоящем деле», – а вслух сказала:

– Может, оно и так. Правда, я не уверена.

Длинный узкий, отполированный до блеска стол тянулся до середины комнаты. Во главе стола, рядом с Эгвейн, стоял высокий стул, по тирским меркам далеко не роскошный – чуть украшенный резьбой и лишь местами тронутый позолотой. Стулья, что располагались по бокам стола, были расставлены по высоте их спинок – чем дальше, тем они были ниже, так что стулья в дальнем конце стола больше походили на скамьи. Эгвейн не знала, для каких целей было изначально предназначено это помещение. Она и ее подруги использовали его для допроса двух пленниц, захваченных при взятии Твердыни.

Эгвейн не могла заставить себя спускаться для этого в подземелье, хотя Ранд и приказал сжечь или переплавить все украшавшие стены каземата орудия пыток. Илэйн и Найнив тоже не стремились побывать там вновь. К тому же ярко освещенная комната с чисто выметенным полом, выложенным зелеными плитками, и стенными панелями с вырезанными на них тремя полумесяцами, эмблемой Тира, являла собой резкий контраст с мрачно-серым камнем грязных сырых темниц. Такая обстановка должна была подействовать на двух женщин в грубых арестантских балахонах.

Только по этому коричневому рубишу и можно было догадаться, что стоящая по ту сторону стола лицом к стене Джойя Байир – пленница. Она вышла из Серой Айя и, перейдя в стан Черной, не утратила присущей Серым сестрам холодной самонадеянности. Гордая осанка

говорила о том, что она смотрит в стену исключительно по собственному желанию. Только способные направлять Силу могли бы узреть потоки воздуха толщиной с палец, опутывавшие все ее тело. Именно сплетенная из Воздуха сеть заставляла ее стоять неподвижно. Она даже не могла слышать, о чем говорят находившиеся в комнате, пока они сами ей этого не позволят.

Эгвейн еще раз проверила надежность сотканного из Духа щита, который не давал Джойе коснуться Истинного Источника. Щит, как и следовало ожидать, оказался надежным. Эгвейн свила невидимые потоки вокруг Джойи и замкнула их, чтобы щит держался сам по себе, но все же она испытывала смутное беспокойство в обществе приспешницы Темного, способной направлять Силу. И не просто приспешницы, а изменницы, перешедшей на сторону Черной Айя. На совести Джойи было множество злодеяний, из которых убийство – далеко не самое тяжкое. Странно, что она не клонилась до земли под тяжестью нарушенных обетов, сломанных жизней и загубленных душ.

Другой пленнице из Черной Айя не хватало стойкости Джойи. Понуро стоявшая у края стола Амико Нагойин, казалось, сутулилась под взглядом Эгвейн. Не было надобности ограждать ее щитом. После пленения Амико была *усмирена*. Сохранив способность чувствовать Истинный Источник, она навеки утратила возможность касаться его и направлять Силу. Осталось только неистребимое желание, столь же острое, как потребность дышать, но неосуществимое. Горечь утраты пребудет с ней до конца жизни, но отныне ей не суждено прикоснуться к *саидар*. Эгвейн хотелось отыскать в своей душе хоть капельку сострадания. Правда, это желание было не столь уж сильным.

Не поднимая головы, Амико пробормотала что-то невнятное.

– Что? – возвысила голос Найнив. – Говори громче.

Амико покорно подняла лицо, на котором выделялись большие темные глаза. Она не утратила красоты, но что-то в ней изменилось – такое, чему Эгвейн не могла найти определения. И вовсе не от страха вцепилась она обеими руками в подол грубого рубища. За этим стояло нечто иное.

Сглотнув, Амико произнесла:

– Вам надо идти в Танчико.

– Ты нам это уже двадцать раз говорила, – резко оборвала ее Найнив. – Если не пятьдесят. Скажи что-нибудь новенькое. Назови имена, которых мы еще не знаем. Кто в Белой Башне принадлежит к Черной Айя?

– Я не знаю. Поверьте, не знаю. – Голос Амико звучал устало: похоже, она окончательно пала духом. Совсем не так звучал ее голос раньше, когда она была тюремщицей, а Найнив и Эгвейн – узницами. – До ухода из Башни я знала только Лиандрин, Чесмал и Рианну, каждая из нас знает двух-трех, не больше. Кроме, может быть, Лиандрин. Я рассказала вам все, что знаю.

– В таком случае ты поразительно невежественна, особенно для женщины, собравшейся занять место среди властителей мира, после того как Темный вырвется на волю, – язвительно заметила Эгвейн и со щелчком сложила свой веер. Ей было удивительно, с какой легкостью теперь слетали у нее с языка подобные слова. Правда, внутри по-прежнему все сжималось и холодок пробегал по спине, но ей уже не хотелось кричать от страха или бежать подальше. Ко всему, оказывается, можно привыкнуть.

– Я как-то подслушала разговор Лиандрин с Тимэйл, – устало начала Амико рассказ, который повторяла уже множество раз. В первые дни плена она пыталась приукрасить свою историю, но чем больше выдумывала, тем больше запутывалась в собственной лжи. Теперь она почти всегда повторяла одно и то же, слово в слово. – Если бы вы видели, какое лицо было у Лиандрин, когда она меня заметила... Догадайся она, что я услышала хоть слово, она убила бы меня на месте. И Тимэйл известна своей жестокостью: ей нравится мучить людей. Я не много успела услышать, до того как они меня увидели. Лиандрин говорила, что в Танчико есть что-то опасное для... него. – Амико имела в виду Ранда. Она не могла даже выговорить

его имени, а упоминание о Драконе Возрожденном способно было ввергнуть ее в истерику. – Лиандрин сказала еще: то, что там есть, опасно для всякого, кто станет этим пользоваться. Почти так же опасно, как и для... него. Поэтому она и не отправилась за этим сама. Она сказала, что способность направлять Силу ему не поможет. Сказала: «Когда мы это заполучим, его гнусная способность только сильнее подчинит его нам». – Пот струился по лицу Амико, но она дрожала, как в ознобе.

Ни слова в ее рассказе не изменилось.

Эгвейн открыла было рот, но Найнив ее опередила:

– С меня довольно. Посмотрим, может быть, другая скажет что-нибудь стоящее.

Эгвейн пристально посмотрела на нее, и Найнив твердо, не моргнув, встретила ее взгляд.

«Иногда, – подумала Эгвейн, – ей кажется, что она по-прежнему Мудрая, а я все та же деревенская девчонка, которую она учила разбираться в травах. Пора бы ей понять, что все переменялось».

Найнив обладала немалой мощью, большей, чем Эгвейн, но эта мощь проявлялась лишь тогда, когда Найнив удавалось направить Силу, а для этого ее нужно было основательно рассердить.

Когда между Эгвейн и Найнив случались размолвки, а такое бывало, увы, частенько, раздражала обстановку, как правило, Илэйн. Порой Эгвейн подумывала, что ей следовало бы взять это на себя, ведь почти всегда она сама выказывала упрямство, однако опасалась, что Найнив воспримет такой ее шаг как отступление. Найнив непременно истолкует ее уступчивость как слабость. Сама-то Найнив небось ни разу не уступила первой, так с какой стати должна это делать она, Эгвейн? Сейчас Илэйн с ними не было. Морейн взглядом и жестом позвала дочь-наследницу с собой, и они последовали за Девой, присланной за Айз Седай. В отсутствие Илэйн напряженность усилилась, и сейчас каждая из принятых ждала, чтобы другая отвела глаза первой. Авиенда затаила дыхание, несомненно приняв самое разумное решение – не вставать ни на чью сторону и ни во что не вмешиваться.

Как ни странно, разрядить напряжение на сей раз помогла Амико, хотя, скорее всего, она хотела показать свою готовность к сотрудничеству. Она повернулась лицом к стене, терпеливо дожидаясь, когда ее свяжут.

Нелепость происходящего неожиданно поразила Эгвейн. В этой комнате только она была способна направлять Силу, если не считать Найнив, которая могла это делать, только разозлившись, и Джойи, которой в этом мешал щит. Она, Эгвейн, позволила себе играть в гляделки, пока Амико ждала своих пут. В других обстоятельствах Эгвейн рассмеялась бы вслух. Сейчас же она открыла себя саидар, этому невидимому струящемуся теплу, которое, казалось, исходило откуда-то из-за уголка ее глаза. Единая Сила наполнила ее, словно вливая вторую жизнь. Эгвейн окружила Амико потоком Силы.

Найнив что-то буркнула – едва ли она могла ощущать, что делает Эгвейн, для этого она была недостаточно взвинчена, но от нее не укрылось, как напряглась Амико, когда ее окутали воздушные струи, и затем расслабилась, поддерживаемая потоками воздуха, показывая, что она не пытается сопротивляться.

Авиенда вздрогнула – так бывало всегда, когда поблизости от нее использовали Силу.

Эгвейн лишила Амико возможности слышать – допрашивать обеих пленниц так, чтобы они могли слышать ответы друг друга, было бы пустой тратой времени. Она обернулась к Джойе, переложив ее из руки в руку, собираясь вытереть ладонь о платье, но удержалась, и на лице ее появилась недовольная гримаса. Ладони у Эгвейн потели вовсе не из-за жары.

– Гляньте на ее лицо, – вдруг сказала Авиенда. Это было неожиданно – Дева почти никогда не заговаривала, пока к ней не обращались. – Лицо Амико. Оно больше не выглядит так, будто годы проходят мимо нее. Оно не такое, как раньше... Это оттого... оттого, что ее усмирили? – закончила она торопливо, на одном дыхании. Пробыв так долго в обществе принятых

и Айз Седай, она переняла некоторые их представления. «Усмирить» – мало кто в Башне мог произнести это слово без содрогания.

Эгвейн направилась к торцу стола, чтобы взглянуть на лицо Амико со стороны, но так, чтобы остаться при этом вне поля зрения Джойи. Под взглядом Джойи у Эгвейн холодело внутри.

Авиенда была права: Эгвейн и сама заметила разницу, на которую поначалу не обратила внимания. Амико выглядела молодо – возможно, моложе своих лет, но все же иначе, чем лишённые возраста Айз Седай, годами работавшие с Единой Силой.

– У тебя острый глаз, Авиенда. Не знаю, связано ли это с тем, что ее усмирили, но, полагаю, ты права. Не знаю, что еще могло бы послужить причиной.

Эгвейн понимала, что говорит совсем не так, как подобает истинной Айз Седай. Те обычно делали вид, что знают все на свете: если Айз Седай заявляла, что чего-то не знает, это звучало так, будто ответ ей известен, но она намерена сохранить его в тайне. Пока Эгвейн пыталась придумать подходящую фразу, Найнив пришла ей на выручку:

– Выжженных Айз Седай, Авиенда, было совсем немного, а усмирённых и того меньше.

«Выжжена» – говорили о женщине, утратившей способность направлять Силу в результате несчастного случая, а «усмирённой» именовалась та, которую лишали этой способности по приговору суда. Эгвейн не понимала, зачем нужны два разных слова, – все равно что обозначать различными понятиями падение с лестницы в зависимости от того, поскользнулась ты или тебя столкнули. Кажется, большинство Айз Седай придерживались того же мнения, хотя и не высказывали его, наставляя послушниц или принятых. На самом деле существовало даже три слова. Мужчина мог быть «укрощён». Всякого мужчину необходимо было укротить, прежде чем он сойдет с ума. Всякого, но не Ранда, его Белая Башня укрощать не осмеливалась.

Найнив заговорила назидательным тоном, приличествующим Айз Седай. Она подражает Шириам, когда та ведет занятия, догадалась Эгвейн. И позу, и мягкую снисходительную улыбку – все позаимствовала у нее.

– О процессе усмирения известно немного, поскольку мало кому хочется его изучать, – продолжала Найнив. – Считается, что он необратим. Если женщину лишить способности направлять Силу, восстановить эту способность уже невозможно, это все равно что пытаться отрастить отрубленную руку.

Во всяком случае, до сих пор никому не удавалось Исцелить усмирённую, хотя попытки бывали. В целом все, что говорила Найнив, было недалеко от истины, однако иные сестры из Коричневой Айя готовы были изучать что угодно, была бы только возможность. Не отставали от них и некоторые из Желтых сестер – они, лучшие целительницы среди Айз Седай, стремились научиться Исцелять всякий недуг. Но никому даже краем уха не доводилось слышать, чтобы попытки Исцеления усмирённой увенчались успехом.

– Кроме того, есть еще одно, о чем мало кому известно, – добавила Найнив. – Усмирённые, как правило, живут после этого недолго, не больше нескольких лет. По-видимому, у них попросту пропадает желание жить – они отказываются от жизни. Как я и говорила, это не самая приятная тема для разговора.

Авиенда поежилась.

– Я только предположила, что это могло быть причиной, – сказала она тихонько.

Мысленно Эгвейн согласилась с ней и решила при случае спросить у Морейн. Если, конечно, удастся встретиться с Морейн в отсутствие Авиенды. Иногда создавалось впечатление, что их обман мешал почти в той же степени, что и помогал.

– Посмотрим, будет ли Джойя снова твердить свое. – Эгвейн пришлось взять себя в руки, чтобы распутать невидимую сеть вокруг приспешницы Темного.

Джойя довольно долго простояла неподвижно, и все тело ее, должно быть, затекло, однако она повернулась им навстречу без видимых усилий. Пот, выступивший у нее на лбу,

ничуть не умалял достоинства, с которым держалась эта женщина, точно так же как грубая одежда не могла скрыть горделивой осанки. Джойя была привлекательной женщиной, и, несмотря на то что, как все Айз Седай, казалась молодой, в чертах ее лица проглядывало что-то материнское, когда бы не хищный блеск ястребиных глаз. Она улыбнулась и произнесла:

– Да осияет вас Свет, и да будет длань Творца простерта над вами.

– Я не желаю слышать это от тебя, – сказала Найнив.

Голос ее звучал ровно и спокойно, но она перекинула косу на грудь и зажала ее кончик в кулаке – явный признак раздражения или беспокойства. Однако Эгвейн полагала, что сейчас дело не в этом. В отличие от Эгвейн, взгляд Джойи на Найнив не действовал, ее этим не проймешь.

– Я раскаялась в своих прегрешениях, – невозмутимо отозвалась Джойя. – Дракон возродился, он овладел Калландором. Пророчества исполнятся. Теперь я вижу, что Темному предстоит пасть. Сколь долго бы ни блуждала душа в Тени, ей всегда открыт путь для возвращения к Свету.

С каждым словом Джойи лицо Найнив становилось все мрачнее. Эгвейн была уверена, что сейчас она разгневана до того, что вполне готова направлять Силу и, скорее всего, воспользовалась бы ею, чтобы задушить Джойю. Само собой, Эгвейн верила в покаяние Джойи не больше Найнив, но рассказ приспешницы Темного мог быть и правдивым. Вполне могло стать так, что, все взвесив и обдумав, она решила перейти на сторону тех, кого считала победителями. Впрочем, возможно, она просто тянет время, рассчитывая, что ей придут на выручку.

Айз Седай не способны лгать. Даже утратившие право именоваться сестрами не лгали впрямую. Обет правдивости был первым из Трех клятв, приносившихся с Клятвенным жезлом в руках, и преступить его не было дано никому. Но кто знает, какие обеты они давали Темному, присоединяясь к Черной Айя, и не умаляли ли эти зарок силу Трех клятв.

Ладно. В конце концов, Амерлин послала их охотиться за Черной Айя, на поиски Лиандрин и дюжины ее подручных, совершивших убийство и скрывшихся из Башни. И единственным способом напасть на их след было выведать у этих двух все, что возможно.

– Расскажи-ка нам снова свою историю, – потребовала Эгвейн, – но на этот раз другими словами. Мне надоело выслушивать заученный рассказ. – (Если Джойя лгала, это позволит ее уличить.) – Мы тебя послушаем. – Последнее было сказано ради Найнив. Та громко фыркнула и кивнула.

Джойя пожала плечами:

– Как вам будет угодно. Дайте подумать. Хорошо, другими словами, так другими словами... Мазрим Таим, Лжедракон, которого удалось захватить в Салдэе, способен направлять Силу и обладает невероятным могуществом. Если верить донесениям, таким же, как Ранд ал'Тор, или почти таким же. Лиандрин намерена освободить его, прежде чем он будет отправлен в Тар Валон и укрошен. Он будет объявлен Возрожденным Драконом, примет имя Ранда ал'Тора и начнет невиданную бойню, какой мир не видал со времен Столетней войны.

– Это невозможно, – вмешалась Найнив. – Сейчас, когда Ранд явил себя миру, Узор не примет Лжедракона.

Эгвейн вздохнула. Об этом говорилось и прежде, но тогда Найнив оспаривала такую точку зрения. Эгвейн сомневалась, что Найнив действительно считает Ранда Драконом Возрожденным, что бы она там ни говорила. Пророчества, Калландор и падение Твердыни – все это не могло перевесить того, что Найнив присматривала за Рандом, когда он был малышом. Ранд был родом из Эмондова Луга, а Найнив и по сей день считала попечение о жителях родной деревни своим первейшим долгом.

– Это тебе Морейн сказала? – спросила Джойя с оттенком презрения в голосе. – Но ведь Морейн почти сразу после посвящения в сестры покинула Белую Башню, она провела слишком мало времени в кругу сведущих. Наверное, она неплохо знает сельскую жизнь, возможно,

даже разбирается в политических интригах, но вправе ли она толковать о вещах, требующих обстоятельного изучения? Хотя возможно, она и не ошибается. Может быть, Мазрим Таим и не пожелает провозгласить себя Возрожденным Драконом, но разве что-то изменится, если за него это сделают другие?

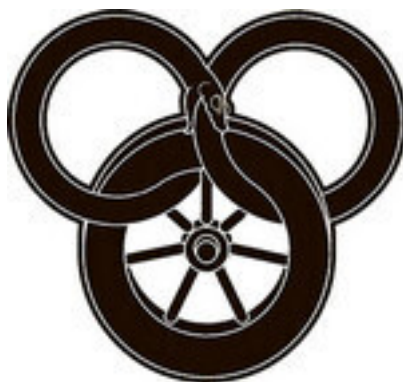
Эгвейн очень хотелось, чтобы вернулась Морейн. Эта женщина не стала бы держаться столь вызывающе в ее присутствии. Джойя знала, что они с Найнив всего лишь принятые. Как-никак, а разница есть.

– Продолжай, – произнесла Эгвейн почти так же резко, как Найнив, – и помни: другими словами.

– Конечно. – Джойя кивнула, будто в ответ на вежливое обращение, но глаза ее сверкнули, точно черные угольки. – Думаю, результат для вас очевиден. Ранда ал'Тора обвинят во всех злодеяниях... Ранда ал'Тора. Никакие доказательства того, что это два разных человека, ничего не дадут. В конце концов, кто знает, на что способен Возрожденный Дракон? Возможно, ему под силу находиться в двух местах одновременно. Даже отпетые смутьяны, которые вечно собираются вокруг Лжедракона, могут заколебаться, и лишь самые закоренелые злодеи поддержат Ранда ал'Тора Кровавого. Все народы ополчатся против него, как во времена Айильской войны... – Джойя одарила Авиенду извиняющейся улыбкой, неуместной в ее безжалостных глазах, – но только не в пример быстрее, чем тогда. Даже Дракон Возрожденный не сможет вечно противостоять целому миру. Он будет сокрушен еще до начала Последней битвы, его сметут те, кого он собирается спасти. Темный обретет свободу, и тогда настанет день Тармон Гай'дон. Тень накроет мир и навеки изменит Узор. Таков план Лиандрин. – В голосе Джойи не было и следа удовлетворения или ужаса.

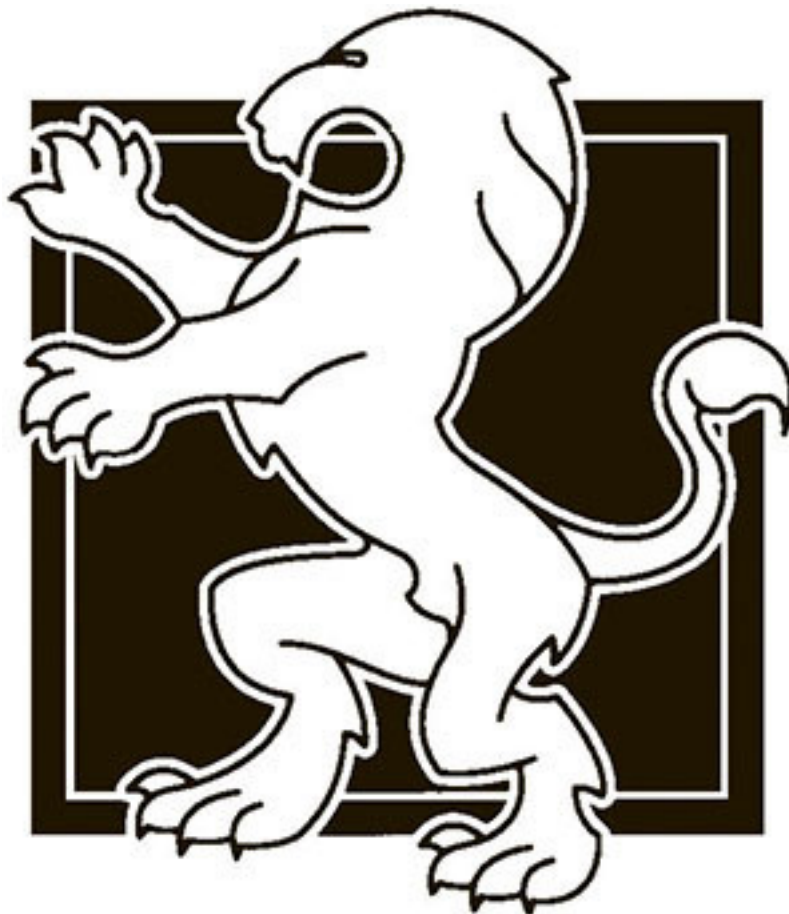
История ее звучала правдоподобно, куда правдоподобнее рассказа Амико о случайно подслушанном обрывке разговора, но Эгвейн больше верила Амико, чем Джойе. Может быть, потому, что предпочитала верить ей. Легче противостоять неясной угрозе, исходящей из Танчико, чем расстроить коварный и продуманный замысел Лиандрин поднять против Ранда все человечество. «Нет, – думала Эгвейн, – Джойя лжет. Несомненно – лжет». Но они не могли оставить без внимания оба рассказа, как, впрочем, не могли и рассчитывать на успех, проверяя обе истории.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла Морейн, а следом за ней Илэйн. Дочь-наследница, нахмурилась, уставилась в пол: по-видимому, ее одолевали мрачные мысли. Но Морейн... От обычной бесстрастности Айз Седай не осталось и следа. Лицо ее было искажено яростью.

Глава 6

Двери

Ранд ал'Тор, – процедила Мореин сквозь зубы, ни к кому не обращаясь, – дубина неотесанная, ослиная башка, упертый дурень, такой же, как... как все мужчины!

Илэйн сердито вздернула подбородок. Лини, нянчившая ее в детстве, говаривала, что скорее удастся спрясть шелк из свиной щетины, чем сделать из мужчины хоть что-нибудь путное. Правда, это не могло служить оправданием для Ранда.

– Таких уж парней мы растим в Двуречье, – подала голос Найнив, с трудом пряча довольную ухмылку. Наверное, Найнив казалось, что она умело скрывает свою неприязнь к Мореин, хотя в действительности дело обстояло совсем иначе. – И у наших женщин не бывает с ними особых хлопот.

Судя по испуганному взгляду, брошенному на нее Эгвейн, последнее утверждение было столь далеко от истины, что Найнив следовало бы прополоскать рот.

Мореин нахмурилась, будто намереваясь сказать в адрес Найнив нечто еще более язвительное. Эгвейн поежилась, не зная, что предпринять, чтобы предотвратить назревавшую ссору. Ранд не шел у нее из головы. Он не имел права! Но какое право имела она сама?

– Что он натворил, Мореин? – спросила Эгвейн.

Айз Седай обернулась к Эгвейн и смерила ее таким тяжелым взглядом, что девушка отступила на шаг и, раскрыв веер, принялась нервно им обмахиваться. Но, скользнув по Эгвейн, взгляд Мореин остановился на Джойе и Амико. Джойя настороженно поглядывала на Айз Седай, Амико же была связана, стояла лицом к стене и ничего не видела и не слышала.

Илэйн спохватилась, сообразив, что Джойя не связана. Торопливо, надеясь, что никто не заметит ее порыва, она проверила щит, отделявший Джойю от Истинного Источника. Джойя пугала ее чуть ли не до смерти, тогда как Эгвейн и Найнив боялись пленницы не больше, чем Морейн. Иногда бывает очень нелегко проявить смелость, подобающую дочери-наследнице Андора. Илэйн частенько жалела о том, что ей недостает той уверенности, с которой держались ее подруги.

– Стражники, – пробормотала Морейн себе под нос, – видела я их в коридоре.

Она разгладила свое платье, стараясь взять себя в руки, однако видно было, что далось ей это не без труда. Илэйн просто не верила своим глазам: никогда прежде ей не случалось видеть, чтобы Морейн до такой степени потеряла самообладание. Стало быть, была у Айз Седай на то веская причина. «Правда, не больше, чем у меня, – подумала Илэйн. – Или же у меня есть такая причина?» Девушка поймала себя на том, что не хочет встречаться глазами с Эгвейн.

Если бы до такой степени лишилась самоконтроля Илэйн, Эгвейн или Найнив, Джойя, конечно же, не преминула бы отпустить какую-нибудь двусмысленную колкость в расчете на то, что это добавит масла в огонь. Однако в присутствии Морейн она молчала, с беспокойством взирая на происходящее.

Морейн прошла вдоль стола и за это время полностью овладела собой. Джойя была почти на голову выше ее, и будь она тоже облачена в шелка, постороннему показалось бы, что задает тон здесь она. Джойя даже не отшатнулась под взглядом Морейн, лишь руки ее на мгновение судорожно вцепились в юбку.

– Я отдала все необходимые распоряжения, – спокойно заговорила Морейн, – через четыре дня вас отправят на судне вверх по реке в Тар Валон, в Башню. И не рассчитывай, что там с вами будут обращаться так же мягко, как здесь. Если ты до сих пор не поняла этого, постарайся уразуметь прежде, чем достигнешь Южной гавани, иначе твое заперительство неминуемо приведет тебя на виселицу на Дворе отступников. Я же не буду с тобой разговаривать, пока ты не захочешь сообщить мне что-то новое. Повторяю: я не собираюсь выслушивать ни слова, ни единого слова, если это действительно не будет нечто совершенно новое. Поверь, если ты расскажешь мне все, это избавит тебя от многих неприятностей в Тар Валоне. Авиенда, скажи капитану, чтобы прислал сюда двоих солдат.

Илэйн и моргнуть не успела, как сидевшая на полу Авиенда поднялась и скрылась за дверью. Она умела двигаться так бесшумно и быстро, что уследить за ней было невозможно.

По выражению лица Джойи можно было догадаться: что-то вертится у нее на языке, но Морейн глянула на нее так, что приспешница Темного предпочла отвести глаза и промолчать. Правда, глаза ее блеснули, как у хищной птицы.

Илэйн увидела, как вокруг Морейн вдруг вспыхнуло золотисто-белое свечение – знак, что женщина обнимает саидар. Узреть это могла лишь способная направлять Силу. Поток, удерживавшие Амиго, Морейн распутала гораздо быстрее, чем это сделала бы Илэйн. Илэйн была сильнее Морейн, во всяком случае способна на большее – обучавшие ее женщины дивились таким невероятным способностям, как, впрочем, и возможностям Эгвейн и Найнив. Найнив была самой могущественной – в тех случаях, когда могла направлять. Но преимущество Морейн был опыт. То, чему девушки еще продолжали учиться, что до сих пор еще осваивали, Морейн могла проделывать без каких-либо усилий. Однако существовали вещи, с которыми без труда справлялись Илэйн, Эгвейн и Найнив, тогда как Айз Седай они были не под силу. Мысль об этом послужила Илэйн некоторым утешением – после того как Морейн так легко окоротила Джойю.

Освобожденная от пут и вновь обретшая способность слышать, Амиго обернулась и поняла, что находится перед лицом Морейн. Испуганно пискнув, она присела в столь глубоком реверансе, какого не сделала бы и самая рьяная послушница из новеньких. Джойя уставилась в пол, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Найнив, скрестив руки на груди и стискивая

кончик косы так, что побелели костяшки пальцев, бросала на Морейн убийственные взгляды – чуть ли не под стать Джойе. Эгвейн теребила юбку, сердито глядя на Джойю. Илэйн хмурилась – ей хотелось быть такой же храброй, как Эгвейн, и очень не хотелось думать о том, что она предает подругу.

В этот момент в комнату вошел капитан, за которым следовали двое облаченных в черное с золотым Защитников. Авиенды с ними не было, – видимо, она воспользовалась возможностью убраться подальше от Айз Седай.

Седовласый офицер с двумя короткими белыми плюмажами на шлеме встретился взглядом с Джойей и потупился, хотя она, казалось, даже не заметила его. Капитан неуверенно переводил взгляд с одной женщины на другую. В воздухе повисло напряжение, а разумный человек никогда не пожелает иметь что-либо общее с женщинами такого сорта, особенно когда они не в духе. Оба солдата прижали к бокам свои копья, словно побаиваясь, что придется защищаться. Возможно, они и впрямь этого опасались.

– Отведите этих двоих в темницу, – распорядилась Морейн, – и повторите отданные вам распоряжения. Я хочу, чтобы все было правильно понято.

– Да, Айз... – У капитана, казалось, запершило в горле. Откашлявшись, он продолжил: – Да, госпожа, – и озабоченно взглянул на нее: интересно, устроит ли женщину такое обращение? Увидев, что Морейн выжидающе смотрит на него, капитан с облегчением перевел дух. – Узникам запрещено вступать в разговоры с кем бы то ни было, кроме меня, в том числе и друг с другом. Двадцать человек должны постоянно находиться в караульной комнате и по двое стоять у дверей каждой темницы. Если двери по какой-то причине открывают, караул удваивается. Я обязан лично надзирать за приготовлением и подачей им пищи. Все, как вы приказали, госпожа.

В голосе капитана прозвучал намек на вопрос. Твердыня наполнилась слухами о том, кто эти пленницы и почему этих двух женщин надо столь тщательно охранять. И среди этих слухов было немало пересказывавшихся шепотом историй про Айз Седай, одна страшней другой.

– Все верно, – подтвердила Морейн. – Уведите их.

Неизвестно, кто больше стремился покинуть комнату – узницы или стража. Даже Джойя так поспешила к выходу, будто не могла больше сдерживать свой язык в присутствии Морейн.

Илэйн была уверена, что сумела скрыть свою тревогу, но Эгвейн подошла к ней, обняла и неожиданно спросила:

– Что с тобой, Илэйн? У тебя такой вид, будто ты вот-вот расплачешься.

В голосе ее прозвучало такое неподдельное участие, что Илэйн и вправду чуть было не разрыдалась.

«О Свет! – подумала она. – Нет, такой глупости я себе не позволю. Ни за что. Плачущая женщина все одно что корзина без дна».

В свое время Лини научила ее множеству таких поговорок.

– Три раза! – воскликнула Найнив, обращаясь к Морейн. – Всего три раза вы соглашались помочь нам допросить их. На этот раз вы умчались прежде, чем мы успели начать, а теперь преспокойно заявляете, что отошлете пленниц в Тар Валон! Если не помогаете нам, то, по крайней мере, не мешайте!

– Не слишком полагайся на авторитет Амерлин, – холодно отозвалась Морейн, – может, она и послала тебя отслеживать Лиандрин, но, какие бы грамоты ни были тебе вручены, ты всего лишь принятая, и, увы, чрезвычайно невежественная. Или ты собралась допрашивать их здесь вечно? Видно, у вас в Двуречье принято оттягивать принятие необходимых решений.

Глаза Найнив округлились, она открыла и закрыла рот, словно пытаясь сообразить, на какое из обвинений ответить прежде, но Морейн уже обернулась к Илэйн и Эгвейн:

– Возьми себя в руки, Илэйн. Не знаю, как ты можешь выполнять повеления Амерлин, если считаешь, что повсюду такие же обычаи, как у тебя дома. Не понимаю, отчего ты так расстроена, но нельзя допустить, чтобы твои чувства задевали других.

– Что вы имеете в виду? – спросила Эгвейн. – О чем вы толкуете, о каких обычаях идет речь?

– Берелейн побывала в покоях Ранда, – не сдержавшись, произнесла Илэйн дрожащим голосом. Она виновато глянула на Эгвейн. Да, не надо было выказывать свои чувства.

Мореин наградила ее укоризненным взглядом и вздохнула:

– Я не собиралась говорить тебе об этом, Эгвейн. И не сказала бы, а вот Илэйн позволила гневу на Берелейн взять над собой верх. В Майене обычаи не такие, как в Двуречье. Я знаю, Эгвейн, какие чувства ты испытываешь к Ранду, но тебе пора понять, что из этого ничего не выйдет. Он принадлежит Узору и истории.

Не обращая внимания на Айз Седай, Эгвейн впиалась взглядом в Илэйн. Та хотела отвести глаза, но не смогла. Неожиданно Эгвейн приложила ладонь к губам и, склонившись к подруге, прошептала:

– Я люблю его. Как брата. А тебя – как сестру. Желаю тебе счастья с ним.

Глаза Илэйн расширились, на лице медленно расцвела улыбка.

– Спасибо, – растроганно пролепетала она. – Я тоже люблю тебя, сестрица. Благодарю тебя.

– Мореин ошиблась, она поняла все неправильно, – чуть слышно прошептала ей Эгвейн и в свою очередь довольно улыбнулась. – Мореин, вы были когда-нибудь влюблены? – спросила она.

Что за нелепый вопрос! Илэйн и представить себе не могла влюбленную Айз Седай. А Мореин к тому же была из Голубой Айя, а о Голубых сестрах говорили, что они всю свою страсть отдают делу.

Но Мореин не смутил этот вопрос. Некоторое время она смотрела на обнимающихся подруг, затем наконец сказала:

– Готова держать пари, что о своем будущем муже знаю больше, чем любая из вас о своем. Эгвейн удивленно вытаращила глаза.

– Кто он? – выдохнула Илэйн.

Похоже, Айз Седай уже пожалела о том, что сорвалось у нее с языка.

– Вероятно, – сказала она, – я имела в виду лишь то, что все мы мало знаем на сей счет. Не стоит делать далеко идущие выводы из случайной фразы. – Она многозначительно посмотрела на Найнив и добавила: – Но если я все же надумаю выйти замуж, это будет не Лан. Больше я ничего не скажу.

Это было сказано ради Найнив, но, кажется, не слишком ее порадовало. Найнив приходилось несладко с Ланом, Лини в таких случаях говаривала: «Нашла коса на камень». Страж упорно не соглашался ответить на ее любовь. Твердил о безнадежной войне против Тени, в которой он обязан участвовать, да о том, что не желает для Найнив вдовьей доли, – короче, обычные мужские глупости. Илэйн удивляло, как Найнив вообще терпит такое. До сих пор она не производила впечатления терпеливой женщины.

– Если вы кончили говорить о мужчинах, – едко заметила Найнив, – может быть, вернемся к более важным вопросам? – Она вцепилась в косу и продолжала, распаляясь с каждым словом: – Как мы можем решить, кто из пленниц лжет, если вы их отправляете? Почему вы их отправляете? Что бы вы обо мне ни думали, Мореин, мне вовсе не улыбается здесь торчать, но я уже повидала немало ловушек и не желаю угодить в новую. В конце концов, это мне... нам Амерлин поручила выследить Лиандрин и ее сообщниц. Если вы считаете, что они не стоят и крупинцы вашего внимания, то хотя бы не вставляйте нам палки в колеса!

Казалось, еще чуть-чуть – и Найнив бросится на Айз Седай и удавит ее собственной косой. Морейн же сохраняла хладнокровие, наводившее на мысль, что она собирается преподать Найнив урок и укоротить ей язык, как Джойе. Илэйн поняла, что пора вмешаться. Девушка и сама не знала, как вышло, что ей вечно приходится мирить этих женщин. Иногда ей хотелось взять их обеих за шкирку и встряхнуть как следует, но мать всегда внушала ей, что гнев – плохой советчик.

– Ты могла бы задать еще один вопрос, – произнесла Илэйн, обращаясь к Найнив. – Зачем нас позвали к Ранду? За нами прибежала Карин. К нему-то она нас и отвела. Сейчас с ним, конечно, все в порядке – Морейн его Исцелила. – Илэйн с трудом подавила дрожь, вспомнив о том, что видела в покоях Ранда. Однако ее вмешательство возымело успех.

– Исцелила? – охнула Найнив. – Да что же с ним стряслось?

– Он был на грани смерти, – заявила Айз Седай так же невозмутимо, как если бы упомянула о том, что Ранд выпил чашку чая.

Илэйн чувствовала, как дрожит Эгвейн, слушая бесстрастный рассказ Морейн; возможно, эта дрожь передалась и ей. Пузыри зла, распространяющиеся по нитям Узора. Отражения, выходящие из зеркал. Ранд, весь израненный, покрытый кровью с головы до пят. Мимходом, будто это только сейчас пришло ей в голову, Морейн добавила, что Перрину и Мэту, скорее всего, довелось испытать нечто подобное, хотя они и не пострадали так, как Ранд. Должно быть, у этой женщины ледяная кровь. «Но нет! Упрямство Ранда основательно ее разозлило. Да и о замужестве она говорила вовсе не так равнодушно, как пыталась показать». Однако сейчас тон ее был таким, будто речь шла о фасоне нового платья.

– И эти... *происшествия* будут продолжаться? – допытывалась Эгвейн, когда Морейн закончила. – Неужели вы ничего не можете сделать, чтобы прекратить это? И Ранд не может?

Маленький голубой камешек в волосах Морейн дрогнул, когда она отрицательно покачала головой.

– Нет, не может. Не сможет до тех пор, пока не научится использовать свои способности. А возможно, не сможет и тогда. Я не знаю, хватит ли у него сил не подпускать эти миазмы. Правда, на худой конец он научится защищать себя.

– Но разве вы не можете помочь ему в этом? – спросила Найнив. – Вы ведь у нас вроде бы знаете больше всех или, во всяком случае, претендуете на это. Почему бы вам не научить Ранда тому, что вы знаете? Или хотя бы малой части. И не надо отговариваться присказками, что птице не научить рыбу летать.

– Ты не говорила бы этого, – возразила Морейн, – если бы старательнее училась. Ты хочешь пользоваться Силой, Найнив, но при этом не заботишься о том, чтобы побольше узнать о ее природе. Тебе следовало бы уяснить, что саидин – вовсе не то же самое, что саидар. Потоки различны, различны и способы управления ими. Птице было бы куда проще научить рыбу летать.

На сей раз разрядить обстановку решила Эгвейн. Она спросила:

– Ну а из-за чего упрямится Ранд теперь?

Найнив открыла было рот, но Эгвейн добавила:

– Я знаю, порой он бывает таким упрямым, что его не переспорить, упрется и ни в какую не отступит.

Найнив не посмела возразить – все знали, что это сущая правда.

Морейн задумчиво смотрела на девушек. Иногда Илэйн сомневалась в том, что Айз Седай им доверяет. Доверяет ли она вообще кому бы то ни было?

– Ранд должен действовать, – ответила наконец Морейн, – а он сидит здесь, и в Тире скоро перестанут его бояться. Он не трогается с места, а чем дольше он бездействует, тем больше это убеждает Отрекшихся в его слабости. Узор изменчив, неподвижность – это смерть. И он

должен действовать, иначе погибнет. Получит стрелу в спину или яд в кубке, или Отрекшиеся общими силами похитят его душу. Ему остается лишь действовать – или погибнуть.

Илэйн вздрагивала всякий раз, пока Морейн перечисляла грозившие Ранду напасти. Хуже всего то, что все угрозы были вполне реальными.

– И вы, конечно, знаете, как ему следует действовать? – спросила Найнив. – Вы наверняка все за него продумали.

Морейн кивнула:

– А ты что, предпочитаешь, чтобы он снова пустился в путь в одиночку? Я не собираюсь так рисковать. На сей раз ему грозит смерть, если не хуже, прежде чем я успею его найти.

Слова ее звучали убедительно. Ранд вряд ли представлял, что ему делать. Однако Илэйн чувствовала, что Морейн не хочет потерять ту толику влияния на Ранда, которую он пока ей оставил.

– Надеюсь, вы поделитесь с нами своим замыслом? – требовательно спросила Эгвейн. Она была уже не в силах сдерживаться.

– Да уж, будьте любезны, – в тон ей отозвалась Илэйн, удивляясь своей решимости. Она всегда старалась уладить любой спор миром – мать говорила, что убеждением можно добиться от людей большего, чем принуждением.

Если их тон и раздосадовал Морейн, она не подала виду.

– Поделюсь, если только вы уразумеете, что все должно остаться между нами. Раскрытый план обречен на провал. Надеюсь, вы поняли.

Что Илэйн действительно поняла, так это то, что план опасен и Морейн не уверена, сработает ли он.

– Саммаэль в Иллиане, – продолжала Айз Седай. – Тир всегда готов к войне и всякого рода раздорам с Иллианом. За тысячу лет они не раз принимались убивать друг друга и малейшей возможности подраться ждут как праздника. В стремлении потрепать Иллиан лордов Тира не остановит даже известие о Саммаэле, особенно если они будут знать, что их поведет Возрожденный Дракон. Они охотно последуют в такой поход за Рандом, и если он низвергнет Саммаэля, то...

– О Свет! – вскричала Найнив. – Неужто вы хотите, чтобы он не только затеял войну, но и сам искал встречи с одним из Отрекшихся? Неудивительно, что он упрямится. Для мужчины он не такой уж дурак.

– Не забывай, – спокойно возразила Морейн, – что в конце концов ему предстоит встретиться с самим Темным. Неужели ты и впрямь думаешь, что, сидя на месте, он сумеет избежать столкновения с Отрекшимся? Что же до войны, то войн и без него хватает, причем, в отличие от этой, бессмысленных.

– Всякая война бессмысленна, – начала было Илэйн, но запнулась, когда до нее внезапно дошел смысл слов Морейн. На ее лице отразились горечь и грусть, но в то же время и понимание. Мать учила ее, что возглавлять страну и управлять ею – не одно и то же, но то и другое – необходимо. И что порой правителю приходится вершить недобрые дела, ибо за бездействие приходится дорого расплачиваться.

Морейн сочувственно посмотрела на девушку:

– Правитель не всегда делает то, что ему нравится. Я полагаю, что, как только ты подросла, мать начала учить тебя всему, что потребуется, когда ты унаследуешь трон. – Морейн выросла в королевском дворце в Кайриэне и, хотя не была наследной принцессой, принадлежала к правящему семейству, а потому, вне всякого сомнения, еще в юности наслушалась подобных наставлений. – И все же порой кажется, что невежество может быть благом, – не легче ли живется простой деревенской женщине, зная не знающей ничего дальше своей межи?

– Опять вы говорите загадками, – презрительно произнесла Найнив. – Прежде я слышала о войнах только от торговцев и не представляла себе, что это такое. Но теперь-то я знаю. Люди

убивают друг друга. Ведут себя как звери и действительно звереют. Гибнут в огне пожаров и селения, и фермы, и поля. Голод, разорение и смерть – вот что несет с собой война, не щадя ни правых, ни виноватых. Что в этом мире станет лучше благодаря этой самой войне, Мореин? Чем она чище?

– Илэйн? – негромко обратилась к девушке Мореин.

Илэйн покачала головой. И почему Мореин решила, что растолковывать все это должна именно она? Однако девушка сомневалась в том, что даже ее мать, восседающая на Львином троне, сумела бы сохранить молчание под требовательным взглядом темных глаз Мореин.

– Война все равно разгорится, начнет ее Ранд или нет, – неохотно заговорила она.

Эгвейн отшатнулась и взглянула на подругу с недоумением. Такое же недоумение читалось и на лице Найнив. Но когда Илэйн продолжила, недоверчивость исчезла с лиц обеих женщин.

– Отрекшиеся не станут сидеть сложа руки и ждать. Саммаэль – не единственный, кто в силах подчинить себе целое государство, просто мы знаем лишь о нем. Так или иначе, они выступят против Ранда, и не только самолично, но и со всеми силами, какие смогут собрать. А державы, свободные от власти Отрекшихся, – как поведут себя они? Многие ли возгласят хвалу знамени Дракона, последуют за ним и не покинут его в день Последней битвы? И сколько найдется таких, кто позволит убедить себя в том, что известие о падении Твердыни не более чем вымысел, а Ранд – всего лишь очередной Лжедракон и потому должен быть низвергнут? Решат, что этот Лжедракон очень силен и может представлять для них угрозу. Поэтому-то им и надо выступить против него первыми. Так или иначе, война неизбежна. – Илэйн замолчала. Она знала больше, но не хотела, не могла говорить им об этом.

Однако Мореин не была столь сдержанна.

– Это верно, – произнесла она, – но это не все. – Судя по взгляду, брошенному на Илэйн, Айз Седай догадалась о том, что Илэйн намеренно умолчала кое о чем. – Ничем эта война не лучше всякой другой, за исключением того, что она сплотит Тир вокруг Ранда, а потом привлечет на его сторону иллианцев. Они признают его, когда знамя Дракона будет развеиваться над Иллианом. Одно известие о такой победе решит исход войны в Тарабоне и Арад Домане в его пользу. Одним ударом он обретет такую мощь, соберет такое войско, что справиться с ним будет под силу лишь всем народам, объединившимся отсюда до самого Запустения. И тот же удар покажет Отрекшимся, что он не куропатка, ждущая, когда на нее набросят сеть. Это заставит их быть осторожнее, а Ранд тем временем научится пользоваться своей силой. Он должен ударить первым, быть молотом, а не наковальней. – Айз Седай слегка скривилась – воспоминание о Ранде едва не возродило недавний гнев. – Он *должен* нанести удар! А он чем занимается? Читает! Еще дочитается до куда больших для себя неприятностей!

Видно было, что рассказ о войне потряс Найнив. Перед ней воочию предстала картина битв и разрушений. В темных глазах Эгвейн застыл ужас. Глядя на подруг, Илэйн поежилась. Одна из этих женщин наставляла Ранда, когда он был мальчонкой, другая росла вместе с ним. А ныне ему предстояло разжечь пламя войны. Ему – не Дракону Возрожденному, а Ранду ал'Тору.

Видимо желая перевести разговор в другое русло, Эгвейн задала, пожалуй, не самый существенный вопрос:

– Но как может чтение довести его до беды?

– Он задался целью уяснить для себя, что говорится в пророчествах о Драконе. – Лицо Мореин казалось холодным и равнодушным, но в голосе ее послышались усталые нотки. Ту же усталость ощущала и сама Илэйн. – Вообще-то, в Тире эти писания вне закона, но в особом запертом сундуке хранителя книг находилось сразу девять разных переводов. Сейчас все они у Ранда. Я помянула один подходящий к обстоятельствам стих, и он тут же прочел мне его в переводе с древнекандорского:

Под покровом грозной Тени
Тают силы плоти бренной,
И лишь Тот-Кто-Возродился,
Кто омыт своею кровью
И отмечен метой вещей,
Танец битвы исполняет.
В недрах снов сокрыт туманом
И, сковав своею волей
Недруга в плаще из мрака,
Из потерянного града
В бой ведет он копий рати,
И, ломая эти копыя,
С ним народы прозревают
Правду, что издревле скрыто
Сон таил неизъясненный.

Морейн скривилась:

– Это можно истолковать как угодно. Иллиан под властью Саммаэля, безусловно, потерянный город. Стоит Ранду поднять на войну копыя Тира, сковать Саммаэля – и все сбудется слово в слово. Древнее предание о Возрожденном Драконе. Но он не желает понять это. У него даже есть список на древнем наречии, как будто он хоть слово понимает. А пока он гоняется за призраками, Саммаэль, Равин или Ланфир могут вцепиться ему в горло, прежде чем я сумею убедить его в том, что он совершает ошибку.

– Но он в отчаянии. – Мягкий тон Найнив не предназначался для Морейн, в чем Илэйн была уверена. Таким тоном Найнив говорила о Ранде. – Он в отчаянии и пытается найти верный путь.

– Я тоже в отчаянии, – жестко отрезала Морейн. – Всю свою жизнь я посвятила тому, чтобы найти его, и не допущу, чтобы он не исполнил предназначенного, покуда в силах этому воспрепятствовать. Я отчаялась настолько, что... – Морейн осеклась и поджала губы. – Я сделаю то, что должна, вот и весь сказ.

– Нет, не весь, – резко возразила Эгвейн. – Что именно вы собираетесь предпринять?

– У тебя есть другие заботы, – заявила Айз Седай. – Твое дело – Черная Айя...

– Ну уж нет! – неожиданно возвысила голос Илэйн. Она с такой силой вцепилась в подол синей юбки, что костяшки пальцев побелели от напряжения. – Вы храните много тайн, Морейн, но этой должны поделиться с нами. Что вы собираетесь с ним делать? – Илэйн чувствовала, что в случае необходимости готова встряхнуть правду из Айз Седай.

– Делать с ним? Ничего. Ну ладно, особой причины держать это в секрете от вас нет. Вы знаете место, которое в Тире называют Великим хранилищем?

Как ни странно, жители Тира, боявшиеся всего, что имело отношение к Силе, хранили в Твердыне коллекцию связанных с ней предметов. Коллекция эта уступала лишь собранию, имевшемуся в Белой Башне. Очевидно, это произошло из-за того, что волей-неволей им приходилось на протяжении столетий хранить Калландор. Так, во всяком случае, полагала Илэйн. Среди множества предметов Меч-Который-не-Меч казался не столь пугающе грозным. Однако жители Тира никогда не выставляли свои приобретения напоказ. Великое хранилище представляло собой ряд битком набитых казематов, расположенных в самом глубоком подземелье. Впервые оказавшись там, Илэйн подивилась тому, что дверные замки проржавели, а некоторые двери попросту сгнили.

– Мы провели там целый день, – сказала Найнив, – хотели проверить, не прихватила ли что-нибудь оттуда Лиандрин со своими сообщниками. Но кажется, они ничего не взяли. Там все было покрыто пылью и плесенью. Чтобы переправить это в Башню, потребуется десяток речных судов. Может, там разберутся, что к чему, а мне это определенно не под силу. – Стремление уколоть Морейн было столь велико, что Найнив не сдержалась и добавила: – Когда бы вы уделяли нам побольше внимания, то сами бы прекрасно все это знали.

Морейн оставила колкость без внимания. Казалось, она была поглощена собственными мыслями, и слова ее прозвучали как размышление вслух:

– Там, в хранилище, есть один особенный *тер'ангриал*. С виду он похож на малость скобоченную дверную раму, но сделан из красного камня. Если я не смогу убедить Ранда принять какое-либо решение, мне, возможно, придется пройти сквозь эту дверь. – Маленький блестящий голубой камешек дрогнул у нее на лбу. Очевидно, такая затея была ей не по душе.

При упоминании о тер'ангриале Эгвейн непроизвольно коснулась пальцами своего корсажа. Там, в собственноручно пришитом маленьком кармашке, она хранила каменное кольцо. Это был тер'ангриал – хоть и маленький, но очень сильный. Всего три женщины, в том числе и Илэйн, знали, что у Эгвейн есть это сокровище. Морейн о нем не знала.

Чудными вещами были эти тер'ангриалы. Подобно ангриалам и са'ангриалам, они представляли собой реликты Эпохи легенд, но встречались гораздо чаще. Тер'ангриал был предназначен не для преумножения Единой Силы, а для ее использования, причем в какой-либо одной определенной области. Однако ныне, пользуясь тер'ангриалами, люди порой не были уверены, что используют предмет по его истинному назначению. Клятвенный жезл, на котором приносили Три клятвы женщины, возводимые в сан Айз Седай, был тер'ангриалом, который эти клятвы вплавлял в кости и плоть. В другом тер'ангриале послушница проходила последнее испытание, перед тем как получить кольцо и стать принятой. Из самых глубин сердца исторгал он потаенные страхи – так, что они, казалось, воплощались в реальность. А возможно, он перемещал посвящаемую в такой мир, где они и впрямь были реальны. Необычайные вещи случались с тер'ангриалами. Многие из тех женщин, кто изучал их или использовал, оказались выжжены, убиты или просто исчезли.

– Я видела этот дверной проем, – сказала Илэйн, – в самом дальнем каземате, в конце подвала. У меня лампа погасла, и я три раза упала, прежде чем выбралась оттуда. – Илэйн смутилась и слегка покраснела. – Там, внутри, я боялась направлять Силу, не решилась даже засветить лампу. Большая часть того, что там лежит, показалась мне обычной рухлядью – по моему, они прибирали все, что, как им казалось, имеет отношение к Силе, – но я подумала, что если начну направлять, то могу ненароком привести в действие какую-нибудь штуковину, и кто знает, что бы из этого вышло.

– А если бы, споткнувшись в темноте, ты упала как раз сквозь этот дверной проем? – скривившись, проговорила Морейн. – Имея с ним дело, вовсе не обязательно направлять, достаточно пройти сквозь него.

– Но зачем? – спросила Найнив.

– Чтобы получить ответы. Три ответа, все правдивые, о прошлом, настоящем и будущем.

Илэйн тут же пришла на ум детская сказка про Байли под холмом, конечно же, из-за этих трех ответов. Вторая мысль явилась почти сразу следом за первой, и не к ней одной. Эгвейн и Найнив открыли рты, но она их опередила:

– Морейн, но ведь так можно решить нашу задачу. Почему бы не спросить, правду ли говорят Джойя и Амико? Или выяснить, где скрывается Лиандрин. Узнать имена женщин из Черной Айя, оставшихся в Башне...

– Мы можем разузнать, что за опасность подстерегает Ранда, – вставила Эгвейн, а Найнив добавила:

– Почему вы не рассказали нам об этом прежде? Почему заставили нас без конца выслушивать эти истории, в то время как мы могли бы давно уже с этим разделаться?

Айз Седай вздрогнула и всплеснула руками:

– Вы, все трое, опрометчиво рветесь туда, куда и Лан во главе сотни Стражей отправился бы с опаской. Как вы думаете, почему я не прошла через ту дверь? Ведь я давно уже могла бы узнать, что должен сделать Ранд, чтобы уцелеть и победить, как ему одолеть Отрекшихся и Темного, как научиться управлять Силой и отсрочить безумие до того, как он исполнит предначертанное. – Уперев руки в бока, она ждала, пока они сообразят. Три женщины хранили молчание. – Существуют правила пользования этим тер'ангриалом, – продолжала Морейн, – и он опасен. Никто не может пройти сквозь дверь больше одного раза. Всякий может задать три вопроса – но только три – и уйти сможет, лишь выслушав три ответа. Тех, кто задает пустяковые вопросы, тер'ангриал наказывает: но то, что для одного пустяк, для другого, возможно, очень серьезно. Впрочем, важно другое: нельзя задавать вопросы, касающиеся Тени, – это чревато страшными последствиями. Если спросить про Черную Айя, можно лишиться рассудка или вас выкинет мертвыми, а то вы и вовсе сгинете без следа. Что же до Ранда... Сомневаюсь, что можно придумать такой вопрос про Возрожденного Дракона, который никак не касался бы Тени. Поняли теперь? Иногда стоит помедлить да поразмыслить.

– Откуда вы все это знаете? – требовательно спросила Найнив. Подбоченясь, она пристально смотрела на Айз Седай. – Благородные лорды никогда не допускали сестер в хранилище. А судя по плесени, эти штуковины упрятали туда добрую сотню лет назад.

– Сдается мне, куда больше, – невозмутимо отозвалась Морейн. – Лет триста минуло с тех пор, как они перестали собирать подобные вещи, а этим тер'ангриалом они обзавелись незадолго до того. Прежде им владели Первенствующие Майена и пользовались его ответами, чтобы противостоять притязаниям Тира. Они-то и позволяли Айз Седай изучать тер'ангриал, но тайно, ибо опасались раздражать Тир.

– Но если он был так важен для Майена, – недоверчиво спросила Найнив, – то как же вышло, что он оказался в Твердыне?

– Потому что не все решения Первенствующих, направленные на ослабление влияния Тира, были мудрыми и дальновидными. Триста лет назад благородные лорды задумали построить флот, чтобы выследить, где рыболовные суда Майена промышляют масляных рыб. Тогдашний Первенствующий, Гальвар, стремясь ублажить Тир, поднял цену майенского лампового масла выше цены тайренского оливкового, а чтобы лорды не сомневались в его преданности, преподнес этот тер'ангриал в дар Тиру. Гальвар уже воспользовался им, так что ему он все равно не мог пригодиться. Гальвар был молод, лет ему было почти столько же, сколько сейчас Берелейн, ему предстояло долгое правление, и он нуждался в расположении Тира.

– Ну и дурак, – пробормотала Илэйн. – Моя мать никогда бы не совершила подобной ошибки.

– Возможно, – согласилась Морейн. – Но учти и то, что Андор – не Майен. Майен – маленькая страна, граничащая с могущественным соседом. Впрочем, судя по тому, как все обернулось, Гальвар и впрямь свалил дурака. Спустя год благородные лорды подослали к нему убийц. Так или иначе, но благодаря его глупости мне представилась возможность. Опасная, конечно, но лучше такая, чем никакой.

Найнив пробормотала что-то себе под нос, видимо раздосадованная тем, что Айз Седай не села в лужу.

– Стало быть, мы так и не сдвинулись с места, – вздохнула Эгвейн, – и по-прежнему не знаем, которая из пленниц лжет. Или лгут они обе?

– Допроси их снова, если хочешь, – предложила Морейн, – до отправки судна еще есть время. Но сомневаюсь, что они скажут что-то новое. Мой вам совет – сосредоточьте внимание на Танчике. Если правду все-таки говорит Джойя, то для охраны Мазрима Таима потребуются

Айз Седай и Стражи – вам троим с этим все равно не справиться. Я, как только услышала рассказ Джойи, послала голубя к Амерлин. Точнее, трех голубей, чтобы быть уверенной, что хоть один долетит до Башни.

– Как мило с вашей стороны держать нас в курсе дела, – холодно заметила Илэйн. Морейн, как всегда, настояла на своем. Хотя они и не полноправные Айз Седай, это еще не основание держать их в неведении. Ведь Амерлин поручила отслеживать Черную Айя именно им.

– Не стоит благодарности. – Морейн склонила голову, словно не уловив иронии Илэйн, и с легкой улыбкой добавила: – Не забывайте, что вас пустили по следу Черной Айя.

Илэйн вздрогнула – Айз Седай словно читала ее мысли.

– И решать, куда идти, надлежит вам – на это вы сами не так давно мне указали, – добавила Морейн сухо. – Хочется верить, что принять решение вам будет легче, чем мне. А еще надеюсь, что вам удастся выспаться как следует за то время, что осталось до рассвета. Доброй ночи.

– Эта женщина... – пробормотала Илэйн, когда за Айз Седай закрылась дверь. – Иногда мне кажется, что я способна ее задушить. – Она опустилась на стул и задумалась, хмуро уставясь на сложенные на коленях руки.

Найнив хмыкнула, видно в знак согласия, и направилась к тянувшейся вдоль стены узкой полке, уставленной кувшинами, серебряными кубками и баночками со специями. Один из кувшинов, полный вина, стоял в поблескивавшем тазу с кубиками подтаявшего льда. Этот лед добывали аж за Хребтом Мира, упаковывали в ящики с опилками и доставляли в Тир, чтобы в летнюю жару охлаждать питье благородных лордов. Илэйн такое и представить себе было трудно.

– Нам всем не помешает глоток прохладного вина перед сном, – заметила Найнив и занялась вином, водой и пряностями.

Илэйн подняла голову, когда рядом с ней присела Эгвейн.

– Ты мне правду сказала? – спросила Илэйн. – Про Ранда?

Эгвейн кивнула, и Илэйн вздохнула в ответ:

– Ты помнишь, что говорила Мин? Все эти ее шуточки насчет того, чтобы поделить Ранда? Я иногда подумывала, не связано ли это с видением, о котором она нам так ничего и не рассказала. А может, она имела в виду, что мы обе любим его и она знает о моих чувствах. Но все права на Ранда были у тебя, и я не знала, что мне делать. По правде сказать, и сейчас не знаю. Ведь он любит тебя, Эгвейн.

– Я скажу ему все прямо, – решительно заявила Эгвейн. – Если я выйду замуж, то потому, что полюблю сама, а не потому, что кто-то рассчитывает на мою любовь. Я поговорю с Рандом, поговорю ласково, но скажу ему, что он свободен – хочет он того или нет. Матушка говорит, что мужчины отличаются от нас. Мы, женщины, хотим соединиться с тем единственным, кого любим, а мужчина способен полюбить первую встречную, если она сумеет затронуть струны его сердца.

– Все это прекрасно, – натянуто произнесла Илэйн, – но у него в покоях побывала Берелейн.

Эгвейн хмыкнула:

– Что бы там ни было у нее на уме, Берелейн не из тех, кто станет уделять внимание мужчине достаточно долго, для того чтобы он успел ее полюбить. Всего пару дней назад она глаз не сводила с Руарка, а не пройдет и нескольких дней, как будет строить глазки кому-нибудь другому. Она вроде Эльзе Гринвелл. Помнишь ее? Послушница, которая дни напролет проводила на площадке для ристалищ, строя глазки Стражам.

– В такой час в его спальне – она ему не просто глазки строила. На ней ведь было надето еще меньше, чем обычно, хотя это трудно себе представить!

– Ну так что ж, ты намерена уступить его ей?

– Нет! – яростно вскричала Илэйн. В этот миг ее действительно переполнял гнев, хотя в следующий она предалась отчаянию. – Ох, Эгвейн, я и сама не знаю, что делать. Я люблю его и хочу выйти за него замуж. Свет! Что скажет матушка? По мне, так лучше провести ночь в темнице с Джойей, чем выслушивать ее наравоучения.

Среди андорской знати, даже среди членов царствующего дома, случались браки с выходцами из простонародья. В Андоре это не вызывало особых толков. Но Ранд – особый случай. Илэйн боялась, что мать пошлет за ней Лини и велит той притащить дочь домой за ухо.

– Вряд ли Моргейз примет все это близко к сердцу, – успокаивающе промолвила Эгвейн, – во всяком случае, если верить Мэту. Похоже, этот лорд Гейбрил, по которому она вздыхает, не слишком подходящий избранник для разумной женщины.

– По-моему, Мэт преувеличивает, – не раздумывая, ответила Илэйн.

Ее матери хватит осмотрительности, чтобы не наделать глупостей ради мужчины. И если этот лорд Гейбрил, о котором Илэйн и слышать не слышала, покуда его не помянул Мэт, мечтал заполучить власть, став возлюбленным королевы, то его ждет горькое разочарование.

Найнив принесла три кубка вина, сдобренного пряностями, и поставила их на плетеные соломенные салфетки, чтобы, оттаивая, кубки не портили полировку стола.

– Итак, – сказала она, усаживаясь на стул, – вы пришли к выводу, что ты, Илэйн, любишь Ранда, а ты, Эгвейн, – нет.

Две девичьи головки – темноволосая и светловолосая – обернулись к ней с равным изумлением.

– Вы что же, думаете, у меня глаз нет? – благодушно промолвила Найнив. – У меня и уши на месте, ведь вы не потрудились говорить шепотом. – Она отхлебнула вина, и, когда продолжила, голос ее звучал холодно: – Ну и что вы собираетесь делать? Если крошка Берелейн вцепилась в Ранда, не так-то просто будет ее оторвать. К тому же вы не уверены, что хотите этого. Вы же знаете, кто он такой. Знаете, какая судьба ему уготована, даже если забыть о пророчествах. Безумие. Смерть. Сколько ему осталось? Год? Два? А может, все начнется со дня на день? Он мужчина, способный направлять Силу. – Найнив чеканила каждое слово, в голосе ее слышались нотки металла. – Вспомните, чему вас учили! Вспомните, кто он такой!

Высоко подняв голову, Илэйн взглянула Найнив прямо в глаза:

– Для меня это не имеет значения. Должно бы, но не имеет. Может, я и дурочка, но меня это не волнует. Я не могу приказать своему сердцу, Найнив.

Неожиданно Найнив улыбнулась.

– Я хотела убедиться в этом, – сказала она с теплотой, – и ты должна быть уверена в своих чувствах. Любить мужчину – дело непростое, а любить такого... – Улыбка пропала с ее лица, и она продолжила: – Однако мой вопрос остается в силе – делать-то вы что собираетесь? Берелейн только с виду хрупкая и слабая – такой она хочет казаться мужчинам, а мне сдается, что на деле она совсем другая. Она не из тех, кто отступится от своей добычи, мертвой хваткой будет держаться – не потому, что ей это нужно, а чтобы другим не досталось.

– Чего бы я хотела, – произнесла Эгвейн, сжимая кубок, точно это было горло Первенствующей Майена, – так это засадить Берелейн в бочку, погрузить на судно и отправить домой. В трюме.

Найнив затрясла головой так, что закачалась ее коса:

– Мысль, конечно, неплохая, но я попробую дать тебе дельный совет. Тебе бы лучше помолчать, пусть она сама решит. – Эгвейн удивленно уставилась на Найнив, и та пояснила: – Все, что касается Ранда, теперь дело Илэйн – вот пусть она и разбирается. А тебе не худо бы отойти в сторонку.

Видно, замечание было рассчитано на то, чтобы вызвать у Илэйн улыбку, однако этого не получилось.

– Я-то думала, что все будет иначе, – со вздохом призналась девушка. – Думала, что встречу мужчину, познакомлюсь с ним, узнаю как следует – на что уйдут месяцы, а то и годы – и наконец пойму, что люблю его. А Ранд – я его почти не знаю. Хорошо, если за год несколько раз перемолвилась с ним словом. Но когда я его впервые увидела, то уже через пять минут поняла, что люблю.

Слова ее, должно быть, звучали глупо, но Илэйн это вовсе не заботило. Она готова была повторить это перед кем угодно, даже перед своей матерью, даже перед Лини. Хотя, пожалуй, не перед Лини. Та на дух не переносила глупость и к тому же, видимо, до сих пор считала Илэйн несмышленной девчушкой.

– И при всем этом, – продолжала девушка, – я даже не имею права сердиться на него. Или на Берелейн. – Но Илэйн сердилась.

«Как бы мне хотелось отхлестать его по щекам, чтоб у него в ушах зазвенело. И звенело бы целый год! А ее бы я гнала розгами до самого судна, которое увезет ее в Майен».

Но она, Илэйн, ни на что не имела права, отчего чувствовала себя совсем скверно. В голосе ее послышались жалобные нотки:

– Ну что я могу поделать? Он на меня даже не смотрит.

– У нас в Двуречье, – медленно проговорила Эгвейн, – если женщина хочет дать мужчине понять, что он ей нравится, она в день Бэл Тайн или в День солнца надевает ему на голову венки. Или вышивает ему праздничную рубашку. А то приглашает танцевать – все время его, и никого другого.

Илэйн бросила на подругу непонимающий взгляд, и Эгвейн добавила:

– Я не предлагаю тебе дарить ему рубашки, просто ты должна дать ему знать о своих чувствах.

– Майенцы предпочитают говорить напрямик, – срывающимся голосом произнесла Илэйн. – Наверное, так лучше всего. Просто сказать ему все. Во всяком случае, тогда он будет знать о моих чувствах, и я получу хоть какое-то право на... – Откинув голову, Илэйн пригубила пряного вина и задумалась. Открыто признаться самой – как какая-то майенская потаскуха! Поставив пустой кубок на плетеную салфетку, она глубоко вздохнула и пробормотала: – Что скажет матушка?

– Важнее другое, – мягко продолжила Найнив, – как ты собираешься поступить? Когда нам придется покинуть Тир. А нам придется уехать – в Танчико ли, в Башню ли, но уехать. Ты признаешься ему в любви и вынуждена будешь расстаться с ним. А что, если он попросит тебя остаться? И тебе этого захочется?

– Я уеду, – не раздумывая, ответила Илэйн, но в голосе ее прозвучало раздражение. Не стоило Найнив задавать ей такой вопрос. – Если я должна относиться к нему как к Возрожденному Дракону, то пусть и он принимает меня такой, какая я есть. Он обязан понять, что и у меня есть свой долг. Я хочу стать Айз Седай, Найнив, и это не блажь. К тому же у нас есть поручение, которое мы обязаны выполнить. Неужели ты подумала, что я могла бы бросить тебя и Эгвейн?

Эгвейн поспешно заверила подругу, что ничего подобного ей и в голову не приходило. Найнив поддержала ее, хотя и не столь торопливо.

Илэйн перевела взгляд с одной собеседницы на другую:

– По правде говоря, я так боялась, что вы назовете меня дурехой за то, что я, вместо того чтобы думать о Черной Айя, забиваю себе голову всякой ерундой.

Глаза Эгвейн почти неуловимо блеснули, – видимо, ее и впрямь посещала подобная мысль. Но Найнив серьезно сказала:

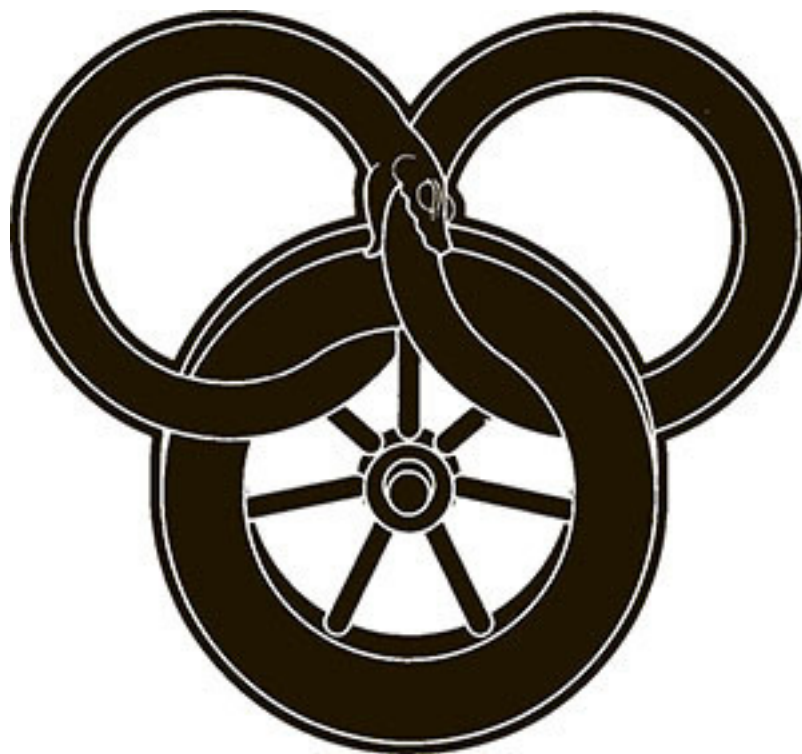
– Может статься, что Ранд погибнет через месяц или через год, может погибнуть любая из нас. Времена нынче не те, что прежде, да и сами мы изменились. Если просто ждать исполнения своих желаний, вряд ли дождешься чего-нибудь на этом свете.

Возможно, это был и не лучший способ успокоить девушку, но Илэйн кивнула. Она не должна позволять себе распускаться. С этим она справится – вот если б и с Черной Айя можно было справиться так же легко! Илэйн прижала к разгоряченному лбу холодный пустой кубок. Что же делать?

Глава 7

Игра с огнем

На следующее утро, едва над горизонтом поднялось солнце, у дверей в покои Ранда появилась Эгвейн. За ней, еле волоча ноги, следовала Илэйн. На дочери-наследнице было шелковое бледно-голубое платье с длинными рукавами и низким вырезом, скроенное по тирской моде. Надеть его Илэйн решила лишь по совету подруг. На шее ее красовалось ожерелье из сапфиров, а нитка тех же камней, вплетенная в золотистые волосы девушки, подчеркивала небесную голубизну ее глаз. Несмотря на жару, Илэйн накинула на плечи большой ярко-красный шарф, скорее даже шаль. И шаль, и сапфиры одолжила ей Авиенда. Как ни странно, у айилки имелся изрядный запас всевозможных украшений.

Хотя Эгвейн и знала, что покои Ранда охраняют айильцы, она вздрогнула, когда стражники неожиданно выросли перед ней, будто из-под земли. Илэйн охнула, но, спохватившись, бросила на них взгляд, исполненный королевского величия, – что-то, а это она умела. Однако на шестерых дочерна загорелых воинов ее взгляд не произвел ни малейшего впечатления. У *Шае'ен М'таал*, Каменных Псов, был, пожалуй, слишком расслабленный вид даже для айильцев. Казалось, они смотрят во все стороны одновременно и готовы двинуться в любом направлении.

Эгвейн постаралась не отстать от подруги – ей очень хотелось научиться держаться с тем же достоинством, что и дочь-наследница, – и заявила:

– Я... мы... пришли взглянуть на раны лорда Дракона.

Для всякого, кто хоть немного смыслил в Исцелении, слова Эгвейн прозвучали бы полной чепухой, но девушка мало чем рисковала. Люди в большинстве своем об Исцелении почти не знали, а айильцы и того меньше. Поначалу Эгвейн не собиралась объяснять стражникам свой приход – достаточно и того, что они почитали ее за Айз Седай. Однако, когда перед ней неожиданно возникли фигуры воинов, девушка почему-то решила, что объяснить цель своего

визита будет не лишним. Правда, айильцы вовсе не пытались остановить ни ее, ни Илэйн. Но воины были высоки ростом, с суровыми, точно высеченными из камня, лицами, и оружие свое – луки и копья – они держали так, будто не расставались с ним с самого рождения. Почувствовав на себе пристальные взгляды айильцев, Эгвейн невольно вспомнила историю Айильской войны, когда такие же светлоглазые воины, прикрыв лица черными вуалями, не зная пощады, сеяли смерть и разрушение, одолевая всякого противника, дерзнувшего преградить им путь. Они вернулись в свою Пустыню, лишь выдержав под стенами самого Тар Валона продолжавшееся три дня и три ночи кровопролитное сражение против объединенной армии всех народов. Эгвейн была близка к тому, чтобы обнять саидар.

Гаул, старший среди Каменных Псов, с толикой уважения посмотрел на Илэйн и Эгвейн с высоты своего роста. Айилец был видным, суровым мужчиной, немногим старше Найнив, с поразительно ясными зелеными, словно изумруды, глазами, опущенными темными ресницами.

– Наверное, раны его беспокоят. Сегодня утром он был в дурном настроении. – Гаул усмехнулся, на миг показав ослепительнобелые зубы; он-то хорошо знал, каково раненому. – Он уже выставил отсюда благородных лордов. А одного прямо-таки вышвырнул. Как там бишь его зовут?..

– Ториан, – подсказал другой, еще более рослый воин. В руках он держал тугой короткий лук, и стрела, будто случайно, была наложена на тетиву. Взгляд его серых глаз лишь на мгновение задержался на девушках и вернулся куда-то в пространство между колоннами.

– Вот-вот, Ториан, – поддакнул Гаул. – Я думал, он долетит до самых этих истуканов... – Гаул указал копьем на кольцо застывших по стойке смирно Защитников. – И вот ведь досада – трех шагов не хватило. Из-за этого я проспорил Мангину отличную тайренскую шпалеру, всю расшитую золотыми ястребами. – По лицу высоченного лучника промелькнула довольная улыбка.

Эгвейн моргнула, пытаясь представить себе, как Ранд выталкивает взашей из своих покоев благородного лорда. Он никогда не отличался склонностью к насилию, скорее наоборот. Насколько же он изменился? Она была слишком занята Джойей и Амико, а он – благородными лордами. Лишь изредка удавалось им выкроить свободную минутку, чтобы поболтать о том о сем – вспомнить о доме, погадать о том, как прошло в этом году празднование Бэл Тайна и что могло бы быть на День солнца. Насколько же он изменился?

– Нам надо его увидеть, – сказала Илэйн с легкой дрожью в голосе.

– Конечно, Айз Седай. – Гаул поклонился, коснувшись острием копья мраморного пола.

Эгвейн вошла в покои Ранда с внутренним трепетом, а на лице Илэйн было написано, каких невероятных усилий стоили ей эти несколько шагов.

В комнате не осталось никаких свидетельств ночного кошмара, если не считать следов, сохранившихся на месте снятых зеркал. Правда, до полного порядка было далеко – кровать осталась неубранной, повсюду валялись книги. Малиновые портьеры были раздвинуты на всю ширину окон, выходивших на запад, к реке – главной водной артерии Тира. В свете утреннего солнца установленный на массивном вызолоченном постаменте Калландор сверкал, точно полированный кристалл. Этот постамент показался Эгвейн одним из самых безвкусных предметов, какие ей доводилось видеть, пока взгляд ее не упал на каминную полку, где два серебряных волка нападали на золотого оленя. С реки дул свежий ветерок, благодаря чему в комнате, по сравнению с остальной Твердыней, было на удивление прохладно.

Ранд, в одной рубашке, сидел в кресле, переложив ногу на подлокотник. На колене его покоилась книга в кожаном переплете. Заслышав шаги, он захлопнул книгу, скинув ее на ковер, и вскочил на ноги, приготовившись отразить нападение. Затем он увидел вошедших, и лицо его просветлело.

Первый раз за время пребывания в Твердыне Эгвейн, вглядываясь в знакомое с детства лицо, искала на нем признаки перемен – и такие признаки были. Сколько же времени прошло

с тех пор, как она видела его в последний раз? Пожалуй, немало: лицо юноши стало тверже, а от бывшей открытости не осталось и следа. И повадки у него изменились – что-то он позаимствовал у Лана, что-то у айильцев. Высокий рост, рыжеватые волосы и светлые серо-голубые глаза делали его настолько похожим на айильского воина, что Эгвейн стало малость не по себе. Но изменился ли он внутренне?

– Я думал, это не вы, а... кто-то другой, – пробормотал Ранд, переводя смущенный взгляд с одной девушки на другую. Это был тот Ранд, которого она знала. Даже румянец, покрывавший его щеки всякий раз, когда он смотрел на нее или Илэйн, был тем же самым. – Некоторые хотят от меня того, чего я не могу им дать. Того, чего я им ни за что не дам! – Неожиданно на лицо юноши набежала тень подозрения, и голос его посуровел: – А вы зачем пожаловали? Вас Морейн послала? Думаете убедить меня пойти у нее на поводу?

– Да не петушись ты, – вырвалось у Эгвейн, – я не собираюсь с тобой ссориться.

А Илэйн добавила умоляющим тоном:

– Мы пришли... помочь тебе, если сумеем. – Это было простейшим объяснением, позволявшим оправдать их ранний визит, о чем девушки договорились заранее, еще за завтраком.

– Вам известны ее замыслы насчет того, чтобы... – начал Ранд, но осекся и спросил: – Помочь мне? Как? Это Морейн вас надоумила?

Эгвейн скрестила руки на груди и затянула шарф потуже, стараясь подражать Найнив, выступающей на Совете деревни, – та, вознамерившись во что бы то ни стало настоять на своем, всегда держалась подобным образом. Отступить было поздно, и Эгвейн продолжила:

– Я же говорила тебе: не будь дураком, Ранд ал'Тор. Может, здешние лорды и кланяются тебе в ноги, но я-то хорошо помню, как отшлепала тебя Найнив, когда ты поддался на уговоры Мэта стащить жбанчик яблочного бренди.

Илэйн изо всех пыталась сохранить невозмутимость. И перестаралась: Эгвейн догадалась, что та с трудом сдерживает смех.

Ранд, само собой, ничего не заметил – мужчины вообще не замечают таких вещей. Он улыбнулся Эгвейн, – похоже, его тоже разбирал смех.

– Нам тогда было лет тринадцать. Она накрыла нас за конюшней твоего отца и задала хорошую трепку, но у нас так шумело в голове, что мы почти ничего не почувствовали. Это что, а вот помнишь, как ты запустила в нее кувшином? Когда ты хандрила почти неделю, а она выхаживала тебя настоем собачьей травки? Как только разобралась, чем тебя поят, ты швырнула в Найнив ее любимый кувшин. Свет, вот шуму-то было! Когда это случилось? Года два назад?..

– Мы здесь не для того, чтобы вспоминать старые времена, – промолвила Эгвейн, раздраженно теребя шарф. Шерсть была очень тонкой, но жара казалась девушке нестерпимой. Что у него за привычка вспоминать самые неприятные вещи!

Ранд усмехнулся, как будто сообразив, что пришло ей в голову, и определенно повеселел:

– Выходит, вы здесь, чтобы помочь мне. Чем? И как? Может быть, вы знаете, как заставить благородных лордов держать слово, если я не слежу за ними день и ночь? Или как избавиться от ночных кошмаров? Конечно, я мог бы воспользоваться... – Он перевел взгляд на Илэйн, потом снова на Эгвейн и резко переменял тему: – А как насчет древнего языка? Вас, случаем, не учили ему в Белой Башне? – Не дожидаясь ответа, он принялся рыться в разбросанных по ковру книгах. Множество томов валялось на стульях и среди скомканного ночного белья. – У меня где-то был один список... Куда же он запропастился?..

– Ранд! – возвысила голос Эгвейн. – Ранд, я не умею читать на древнем языке. – Она бросила предупреждающий взгляд на Илэйн, чтобы та не вздумала признаваться в подобном умении. Они явились сюда не для того, чтобы переводить ему пророчества о Драконе. Илэйн согласно кивнула, и сапфиры в ее волосах качнулись. – Нас там учили совсем другому.

Ранд сокрушенно вздохнул и выпрямился:

– Зря я надеялся.

Его подмывало спросить еще что-то, но он сдержался и устоялся на свои сапоги. Эгвейн подивилась: как вообще он управляется с надменными благородными лордами, если так легко тушуетс перед ней и Илэйн?

– Мы пришли, чтобы помочь тебе научиться лучше управлять Силой, – пояснила она.

Морейн утверждала – и, видимо, не без оснований, – что женщине учить мужчину общению с Силой все равно что учить его вынашивать ребенка. Однако Эгвейн не была в этом уверена. Как-то раз ей удалось ощутить поток саидин. Точнее, она ничего не ощутила, просто ее собственный поток саидар был перекрыт, подобно тому как камень преграждает путь воде. Но она училась не только в Башне и полагала, что сумеет научить и его чему-то полезному.

– Если получится, – добавила Илэйн.

В глазах Ранда вновь мелькнуло подозрение. То, как быстро менялось его настроение, просто выводило из себя.

– Скорее я научусь читать на древнем языке, чем вы... Небось это Морейн все затеяла. Это она вас сюда послала? Думает уломать меня – не так, так эдак? Рассчитала, что я, не разобравшись, в чем дело, увязну по уши? – Он ухмыльнулся и, подхватив валявшийся на полу возле одного из стульев темно-зеленый кафтан, торопливо натянул его. – Сегодня утром я вызвал сюда этих благородных лордов. За ними нужен глаз да глаз – они все норовят обернуть по-своему. Ну да рано или поздно они усвоят, что теперь в Тире правлю я. Я – Дракон Возрожденный. Я научу их повиновению. Уж простите.

Эгвейн хотелось встряхнуть его как следует. Он управляет Тиром? Ну управляет, если уж на то пошло, но она-то хорошо помнит паренька, который спрятал за пазухой ягненка и расхвастался, что не оробел и отогнал прочь подбиравшегося к отаре волка. Он пастух, а не король, и нечего ему строить из себя важную персону. Эгвейн чуть было не выложила ему все это, но тут заговорила Илэйн:

– Никто нас не посылал. Никто. Мы пришли сами, потому что... потому что ты нам небезразличен. Может быть, ничего из этого не выйдет, но давай попробуем. Если я... если мы думаем о тебе и хотим попытаться, так попытайся и ты. Неужели ты не можешь уделить нам часок? Всего один час.

Ранд прекратил застегивать свой кафтан и воззрился на дочь-наследницу, да так пристально, что Эгвейн показалось, что о ней он вовсе забыл. Затем, вздрогнув, отвел глаза от Илэйн, снова перевел взгляд на Эгвейн, переступил с ноги на ногу и хмуро устоялся в пол.

– Ладно, – пробормотал он, – ничего из этого не получится, но я попробую... Что, по-вашему, мне надо делать?

Эгвейн облегченно вздохнула. Она и не надеялась, что его удастся так легко убедить. Когда Ранд упрямылся, а упрямылся он, увь, частенько, казалось, что его никакой силой с места не сдвинешь.

– Смотри на меня, – велела девушка и обняла саидар.

Она позволила Силе наполнить себя до краев – так, как, пожалуй, никогда не делала прежде. Благодатный свет проникал во все ее естество, сама жизнь радостно искрилась в ней, словно фейерверк. Никогда ранее она не позволяла себе так много. Удивительно было то, что ее не била дрожь. Она упивалась ощущением полноты жизни, ей хотелось петь, танцевать, лечь и позволить волнам счастья омыват ее снова и снова. С трудом она заставила себя говорить:

– Ну, что ты видишь? Что ты чувствуешь? Смотри на меня, Ранд!

Продолжая хмуриться, он медленно поднял голову:

– Я вижу тебя. А что, по-твоему, я должен видеть? Ты касаешься Источника? Морейн направляла Силу при мне сотню раз, но я никогда ничего не видел. Нет, ничего не получится. Это и мне понятно.

– Я сильнее Морейн, – твердо заявила Эгвейн. – Попробуй Морейн пропустить поток такой мощи, она бы уже корчилась на полу или лишилась чувств. – Эгвейн сказала правду, хотя прежде она не позволяла себе подобных высказываний насчет Айз Седай.

Переполюнявившая Эгвейн Сила требовала использования, девушка ощущала ее пульсацию сильнее, чем биение сердца. Направляя такой поток, она могла делать то, о чем Морейн не смела и мечтать. Вот, например, эта рана на боку Ранда – Морейн так и не удалось полностью ее залечить. Эгвейн не владела искусством Исцеления – оно было много сложнее всего того, чему она успела научиться, но ведь она не раз наблюдала за тем, как Исцеляет Найнив, и, возможно, направляя подобный поток, стоит попробовать? Только попробовать!

Девушка осторожно сплела тонкие, с волосок, потоки Воздуха, Воды и Духа – стихий, используемых при Исцелении, – и коснулась застарелой раны. Только коснулась и тут же, содрогнувшись, отпрянула, спешно отводя назад поток Силы. Ее едва не стошнило: казалось, вся тьма, все зло мира сосредоточились в этой воспаленной, незаживающей язве. Она могла поглотить исцеляющий поток, подобно тому как песок впитывает воду. Как Ранд переносит такие мучения? Почему не стонет от боли?

Однако прикосновение продолжалось лишь миг. Отчаянно стараясь скрыть свое потрясение, Эгвейн произнесла:

– А ты так же силен, как и я. Я знаю это. Так и должно быть. Ты не можешь не почувствовать, Ранд. Ты чувствуешь?

«Свет, как же Исцелить его? Возможно ли это?»

– Ничего я не чувствую, – пробормотал Ранд, переминаясь с ноги на ногу. – Разве вот мурашки по коже, что и неудивительно. Это не потому, Эгвейн, что я тебе не доверяю, просто, когда поблизости женщина направляет Силу, мне всегда не по себе. Ты уж прости.

Эгвейн не стала растолковывать ему, что направлять Силу и обнять Истинный Источник – не одно и то же. Для него это было бы слишком сложно – на сей счет она и сама знала прискорбно мало, а Ранд и того меньше. Он был подобен слепцу, который пытается ткать на ощупь, не видя нитей, не различая цвета и понятия не имея, как выглядит ткацкий станок.

Усилием воли Эгвейн отпустила саидар. Это далось ей нелегко – часть ее естества не желала расставаться с потоком жизни.

– Сейчас я не касаюсь Источника, Ранд. – Она придвинулась ближе и впилась в него взглядом. – А как твои мурашки, пропали?

– Пропали. Но только потому, что ты сама мне об этом сказала. – Он пожал плечами. – Видишь, только я подумал – и они появились снова.

Эгвейн торжествующе улыбнулась. Ей не было нужды оглядываться на Илэйн, чтобы понять: та сделала то, о чем они на такой случай договорились заранее.

– Ты можешь чувствовать, когда женщина прикасается к Источнику, Ранд. Как раз сейчас это делает Илэйн. – (Ранд недоверчиво покосился на дочь-наследницу.) – И не имеет значения, видишь ты что-нибудь или нет. Главное, ты чувствуешь. Посмотрим, что можно сделать еще. Ранд, обними Источник. Обними саидин. – Она едва выдавила из себя эти слова. Правда, они с Илэйн все обговорили, к тому же это ведь Ранд, а не какое-то чудовище из древних преданий, но просить мужчину... Удивительно, как она вообще смогла выговорить такое. – Ты что-нибудь видишь? – спросила Эгвейн у Илэйн. – Что-нибудь чувствуешь?

Ранд вновь и вновь переводил взгляд с одной подруги на другую, а в промежутках опускал глаза и краснел. Что же его так беспокоит? Пристально глядя на юношу, дочь-наследница покачала головой:

– По-моему, он просто стоит, и все. Ты уверена, что он хоть что-то делает?

– Он, конечно, бывает упрям, но он не дурак. Если и валяет дурака, то не часто.

– Уж не знаю, упрямец я, дурак или еще кто, но только ничегошеньки я не чувствую.

Эгвейн нахмурилась:

– Ты обещал, что будешь делать то, о чем мы тебя попросим, а сам? Если бы ты что-то почувствовал, почувствовала бы и я, а сейчас...

Она вдруг осеклась и взвизгнула: что-то ущипнуло ее пониже спины. Ранд ухмыльнулся, с трудом сдерживая улыбку.

– Ну и глупо, – сказала девушка сердито.

Ранд попытался сохранить невинный вид, но улыбка все же расплылась на его лице.

– Ты говорила, что хочешь что-нибудь почувствовать, вот я и подумал... – Неожиданно Ранд взревел так, что Эгвейн подскочила, и заковылял прочь, потирая левую ягодицу. – Кровь и пепел, Эгвейн! Незачем было... – Он запнулся и забормотал что-то уж совсем невнятное.

Эгвейн обмахнулась шарфом и с улыбкой взглянула на Илэйн. Вокруг дочери-наследницы таяло свечение. Обе девушки едва сдерживали смех. Пусть знает, на что они способны. Эгвейн прикинула, что шлепок Илэйн был куда сильнее, чем щипок Ранда.

Придав лицу серьезное выражение, Эгвейн обернулась к юноше:

– Я могла бы ожидать чего-нибудь подобного от Мэта. Думала, что ты, по крайней мере, повзрослел. Мы пришли к тебе, чтобы помочь. Так помоги и ты нам. Делай что-нибудь с Силой, но не дурачься, делай – и, может быть, нам удастся почувствовать это.

Ранд недоверчиво взглянул на девушек:

– Просите что-нибудь сделать и не дурачиться? Значит, настаиваете, чтобы я что-нибудь сделал?

И неожиданно обе девушки взмыли в воздух. Они парили над ковром, изумленно таращась друг на друга широко раскрытыми глазами. Ничего, что бы поддерживало их, никакого потока Силы Эгвейн не видела и не ощущала. Ровным счетом ничего. Она сердито поджала губы. Он не имел права так поступать. Не имел никакого права, и пришло время преподать ему хороший урок. Щит, сотканный из Духа, подобный тому, что отсекал от Источника Джойю, укоротит и его. Айз Седай всегда использовали этот прием, чтобы умирять тех немногих мужчин, у которых обнаруживалась способность направлять Силу.

Она открыла себя саидар, и сердце у нее упало. Саидар была рядом – девушка могла ощущать исходявшие от нее свет и тепло, но между Эгвейн и Истинным Источником стояло нечто, точнее – ничто, пустота, отделявшая ее от Источника, точно стена. Ее охватила паника. Мужчина направлял Силу, а она была совершенно беспомощна. Конечно, это Ранд, но она не могла избавиться от мысли, что он направляет Силу, черпая ее из пораженной порчей саидин. Эгвейн хотела прикрикнуть на него, но из горла ее вырвалось лишь хриплое бульканье.

– Стало быть, вы хотите, чтобы я что-нибудь сделал? – вскричал Ранд. Два маленьких столика неуклюже сдвинулись с места и со скрипом пустились в пляс. Позолота на них шелушилась и опадала. – А это вам нравится? – В пустом камине, где не было никакой растопки, вспыхнуло пламя и заполнило весь очаг. – А это? – Олень и волки, стоявшие над камином, начали размягчаться и плавиться. Тонкие струйки расплавленного золота и серебра стекали вниз, истончались, превращаясь в сверкающие нити, и сплетались в узкую полосу металлической ткани. По мере того как таяла скульптурная группа, свисавшая с камина полоса становилась все длиннее. – Просите меня сделать что-нибудь? – повторял Ранд. – Да вы хоть представляете себе, что значит касаться саидин? Удерживать ее? Я чувствую, как безумие подкрадывается ко мне! Как оно овладевает мною!

Неожиданно выплывавшие столы вспыхнули, словно факелы, книги, размахивая страницами, взлетели на воздух, матрас лопнул, и пух, точно снег, разлетелся по комнате, осыпая горевшие столы. Помещение наполнил зловонный запах горелых перьев.

Некоторое время Ранд растерянно таращился на пылающие столы, затем все прекратилось. Невидимая сила, удерживавшая Эгвейн и Илэйн, исчезла, исчез и щит, не позволявший им коснуться Источника. Едва девушки опустились на ковер, как полыхавшие столы погасли, будто пламя впиталось в дерево. Погас и камин, а растрепанные книги попадали на пол. Упала

и лента, сплетенная из золотых и серебряных нитей. Расплавленный жидкий металл остыл в одно мгновение, и теперь на каминной полке стояли три бесформенных кома – один золотой и два серебряных, в которых трудно было узнать остатки скульптурной группы.

Приземлившись, Эгвейн и Илэйн едва устояли на ногах и, чтобы не упасть, вцепились друг в дружку, но тут же, не теряя времени, обняли саидар. Эгвейн торопливо сплела из потоков щит на случай, если Ранд вздумает выкинуть что-нибудь еще. Но Ранд ничего не делал, он стоял и ошеломленно взирал на обгоревшие столы и продолжавшие кружить по комнате перья, – падая, они облепляли его кафтан.

Сейчас он казался совсем не опасным, зато в комнате все было вверх тормашками. Эгвейн свила тонкие потоки Воздуха и собрала в ком все перья – и порхавшие по комнате, и усыпавшие ковер, почистив заодно и кафтан Ранда. Что же до всего остального, пусть этим занимается домоправительница, а то и он сам.

Увернувшись от увлекаемых потоков перьев, Ранд опустился на вспоротый матрас. Эгвейн ничего не смогла поделать с запахом горелого дерева и жженных перьев, но благодаря ее усилиям комната в целом приобрела более пристойный вид. К тому же окна были открыты, и зловоние постепенно выветривалось.

– Вряд ли домоправительнице это понравится, – с натянутым смешком вымолвил Ранд, – наверняка она сочтет, что по матрасу в день – это уж слишком... – Он старался не встречаться взглядом с Эгвейн и Илэйн. – Простите меня. Я не хотел... Иногда это случается само собой. Бывает, когда я достигаю этого состояния, ничего не происходит, а бывает, творятся странные вещи. Я не... Простите. Может быть, вам лучше уйти. Похоже, я тут наговорил лишнего. – Он покраснел и прочистил горло. – Сейчас я не касаюсь Источника, но, может, вам все же лучше уйти.

– Мы не сделали того, ради чего пришли, – сказала Эгвейн, стараясь, чтобы голос ее звучал мягко, хотя настроена она была не так благодушно. Воспоминание о том, как они с Илэйн оказались подвешенными в воздухе и отрезанными от Источника, приводило ее в бешенство. А Ранд – видно было, что он вот-вот сорвется. Из-за чего – она не знала и не собиралась выяснять, во всяком случае здесь и сейчас. Надо же, сколько было разговоров об их с Илэйн необычайных способностях – все в один голос твердили, что таких сильных Айз Седай не было уже добрую тысячу лет. Эгвейн всегда считала, что они так же сильны, как Ранд. На худой конец почти так же. Теперь ее постигло глубокое разочарование. Возможно, Найнив, если ее как следует разозлить, и могла бы совершить нечто подобное, но о себе Эгвейн знала точно – ей такое не под силу. Ранд ухитрился одновременно сплести и заставлять работать множество потоков. Управлять двумя потоками было гораздо труднее, чем одним, не говоря уже о трех, а чтобы проделать то, что удалось Ранду, их требовалось не меньше дюжины. А он, похоже, даже не устал, хотя использование Силы требовало колоссальных затрат энергии. Эгвейн боялась, что Ранд способен играть с ней и Илэйн, как с котятками, которых, если он лишится рассудка, ему ничего не стоит утопить.

Но уйти она не могла. Это все равно что отступить от него, а она не из тех, кто отступает. Она сделает то, ради чего пришла, и ему не удастся помешать ей. Ни ему, ни кому бы то ни было.

Голубые глаза Илэйн тоже были полны решимости. Твердым голосом она поддержала подругу:

– Мы не уйдем, пока не добьемся своего. Ты сказал, что попробуешь, вот и пробуй.

– Разве я что-то такое говорил? – пробормотал юноша после некоторого раздумья. – Ладно, давайте присядем.

Стараясь не смотреть на почерневшие столы и валявшуюся на полу ленту, сплетенную из металлических нитей, Ранд, прихрамывая, подвел девушек к стоявшим у окна стульям с высокими спинками и красной шелковой обивкой. На сиденьях лежали книги. Беглый взгляд

Эгвейн заметил некоторые названия: «Сокровища Тирской Твердыни, том XII», «Путешествия по Айильской пустыне и некоторые наблюдения за ее дикими обитателями». Толстый потрепанный кожаный том назывался «Взаимоотношения с Майеном с 500 по 750 гг. Новой эры». Илэйн склонилась было к ним, но Ранд поспешно убрал книги со стула и положил на пол, где стопка тут же развалилась. Взяв другую стопку книг, Эгвейн положила ее рядом с развалившейся.

– Чего же вы от меня хотите? – спросил Ранд, присев на краешек стула и сложив руки на коленях. – Обещаю, что на сей раз сделаю то, о чем вы просите.

Эгвейн хотела было сказать, что он немного припозднился со своим обещанием, но прикусила язык. Может быть, она сама не слишком внятно объяснила Ранду, что от него требуется. Правда, это не могло служить ему оправданием. Но с этим она разберется потом. Эгвейн поняла, что снова думает о нем как о прежнем Ранде, но на душе у нее остался неприятный осадок – будто он заляпал грязью ее лучшее платье, а теперь уверяет, что не нарочно. Но сейчас она не подпустит его к саидар, да и Илэйн не сделает подобной глупости.

– Сейчас мы просто хотим поговорить с тобой, – пояснила она, – хотим, чтобы ты рассказал, как ты обнимаешь Источник. Просто расскажи, шаг за шагом, обо всем, что ты делаешь.

– Обнимаю! – буркнул Ранд. – Это больше похоже на борьбу, чем на объятия. Шаг за шагом, говоришь? Ну слушай. Сначала я воображаю пламя и бросаю в него все – ненависть, страх, переживания. Все это поглощается пламенем, и я погружаюсь в ничто, мое сознание пребывает в пустоте, в самом ее центре. Но также я – часть того, на чем мне требуется сосредоточиться.

– Мне это знакомо, – заметила Эгвейн, – твой отец рассказывал, что примерно таким же образом он концентрировался и побеждал в состязаниях по стрельбе из лука. Пустота и пламя – так он и говорил.

Ранд печально кивнул. Девушка подумала, что он, наверное, скучает по дому, по своему отцу.

– Он-то меня этому и научил. И Лан использовал схожий прием, упражняясь с мечом. Селин, которую я когда-то встретил, называла это состояние единением. Кажется, многие об этом знают, только называют по-разному. Но когда я погружаюсь в ничто, то начинаю воспринимать саидин. Это как будто свечение за уголком моего глаза. Ничего больше, только этот свет и я. Чувства, мысли – все остается снаружи, за гранью пустоты. Раньше мне приходилось достигать этого постепенно, а теперь получается почти сразу. Вот что я делаю, чтобы коснуться Источника, и так или иначе мне это удастся. В большинстве случаев.

– Ничто, – пожившись, произнесла Илэйн, – никаких чувств. Не очень-то это похоже на то, что делаем мы.

– Это уж точно, – подтвердила Эгвейн и настойчиво продолжила: – Ранд, мы просто делаем это немного иначе, вот и все. Я воображаю себя цветком – к примеру, бутоном розы, воображаю до тех пор, пока и впрямь не почувствую себя бутоном. Бутон выполняет примерно ту же роль, что и твоя пустота. Бутон раскрывается свету саидар, и я позволяю ему наполнить себя. Это чудо – весь свет мира, сама жизнь переполняет меня, и я отдаюсь этому потоку, а отдаваясь, управляю им. Самое трудное – научиться управлять, подчиняясь. Правда, когда наконец научишься, это кажется естественным, как дыхание. Теперь мне и думать об этом не приходится. Сдается мне, что ключ ко всему здесь. Ты должен научиться подчиняться.

Ранд затряс головой.

– Но это вовсе не похоже на то, что делаю я, – запротестовал он. – Надо же сказать такое: позволить ей наполнить себя. Нет, я должен сам дотянуться до саидин. Сам, иначе я останусь в пустоте вечно и безо всякого толку. Если я коснулся саидин, она действительно меня наполняет, но подчиниться ей... – Ранд почесал в затылке. – Эгвейн, если бы я подчинился хотя бы на миг, саидин поглотила бы меня. Она как река расплавленного металла, океан пламени, свет

всех светил, собранный в одну точку. Я должен сражаться с этим потоком, чтобы заставить его служить мне, должен бороться, чтобы он не пожрал меня. – Ранд вздохнул. – Но я понимаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь о переполняющей тебя жизни. Я тоже чувствую это, несмотря на то что порча выворачивает меня наизнанку. Все ощущения обостряются – ярче цвета, отчетливее запахи. Я бы сказал, что все вокруг кажется более реальным. Я не могу отдаться этому потоку, однажды я попробовал – и чуть не погиб. Больше как-то не хочется... Смирись с неизбежностью, Эгвейн. На сей счет Башня права. Согласись, что таковы факты, а с ними не поспоришь.

Эгвейн покачала головой:

– Может, я и смирюсь, но только после того, как получу доказательства. – Однако в голосе девушки не чувствовалось уверенности, с которой она пришла сюда. То, что она услышала от Ранда, походило на некое искаженное отражение ее собственных ощущений. Некоторое сходство только подчеркивало различия. Но все же сходство было. А раз так, она не отступит. – Ты можешь ощущать отдельные потоки стихий? Воздух? Воду? Землю? Огонь?

– Иногда, – медленно произнес Ранд, – но обычно нет. Я черпаю то, что мне нужно, чтобы добиться того, что хочу. Как бы нащупываю то, что ищу. Все это очень странно. Порой я хочу что-то сделать и делаю, а только потом начинаю понимать, как это у меня получилось. Как будто припоминаю что-то позабытое. Но если я захочу повторить сделанное, то, как правило, уже помню, что для этого требуется.

– Но если так, – настаивала Эгвейн, – объясни, как ты зажег эти столы?

Она хотела спросить, как он заставил их танцевать – наверняка при помощи Воздуха и Воды, но решила начать с вопроса попроще. Зажигать и гасить свечи умели даже послушницы. Ранд поморщился.

– Не знаю, – растерянно сказал он, – если мне нужно зажечь лампу или камин, я просто делаю это. Чтобы проделать такую штуку, мне нет нужды о чем-то задумываться.

Это уже о чем-то говорило. Из Пяти Сил в Эпоху легенд более близкими мужчинам считались Огонь и Земля, а женщинам – Вода и Воздух. Дух равно подходил и для тех, и для других. Эгвейн не приходилось думать о том, как использовать Воду или Воздух. С тех пор как она проделала это в первый раз, все получалось само собой. Однако они не очень-то продвинулись.

И тут в разговор вступила Илэйн:

– Ну а как ты их потушил, помнишь? Кажется, перед тем как это сделать, ты задумался? Задумался – и огонь погас.

– А вот это я помню – ничего подобного я прежде не проделывал. Я просто вобрал в себя огонь со столов и перенес его в камин – очагу-то все равно.

Илэйн охнула и схватилась за руку. Эгвейн посмотрела на нее с сочувствием: она помнила, что когда Илэйн попробовала проделать нечто подобное всего лишь с лампой в своей спальне, рука ее покрылась ожогами и волдырями. Шириам тогда пригрозила, что не станет ее Исцелять, пусть эти волдыри заживают сами по себе. Конечно, она не исполнила своей угрозы, а только пугала, чтобы Илэйн как следует усвоила то, о чем предупреждали всех послушниц: никогда не вбирайте в себя жар. Чтобы погасить пламя, можно использовать Воздух или Воду, но никогда – Огонь. Обращение к Огню, чтобы отвести даже самый малый язычок пламени, неминуемо вело к беде. Шириам рассказывала, что, вобрав в себя Огонь, ни одна Айз Седай, как бы сильна она ни была, уже не сможет от него избавиться. Вспыхнет как факел и сгорит. Это все равно что броситься в костер. Эгвейн тяжело вздохнула.

– В чем дело? – спросил Ранд.

– Кажется, сейчас ты объяснил мне, в чем разница между нами. – Эгвейн снова вздохнула.

– Вот как! Значит ли это, что ты готова отступить?

– Ну уж нет! – Эгвейн старалась говорить как можно мягче. Она не сердилась на Ранда, точнее, сама не знала, на кого ей сердиться. – Может быть, мои наставницы были правы, но я все же чувствую, что какой-то способ есть. Обязательно. Только я не могу найти его прямо сейчас.

– Ты старалась, – сказал Ранд, – и я благодарен тебе за это. Не твоя вина, что ничего не вышло.

– Должен же быть какой-то способ, – бормотала Эгвейн, а Илэйн вторила ей:

– Мы отыщем его. Непременно.

– Конечно отыщите, – откликнулся Ранд с вымученной веселостью, – только не сегодня. – Он помолчал и добавил: – Наверное, вам пора идти. – В голосе его слышались нотки и сожаления, и облегчения. – Мне еще нужно сегодня поговорить с благородными лордами о податях. Они почему-то считают, что даже в неурожайный год пахаря можно обдирать как липку. Ну а вам, думаю, пора возвращаться допрашивать приспешниц Темного.

Ранд нахмурился, и, хотя больше он ничего не сказал, Эгвейн не сомневалась: будь его воля, он и близко бы не подпустил их к Черной Айя. Порой ее удивляло, почему он до сих пор не попытался спроводить их в Башню. Наверное, потому что понимал: если попробует, они с Найнив зададут ему жару.

– Это верно, – твердо сказала Эгвейн, – но пока время терпит. – Приспела пора выложить, какова вторая причина ее прихода, а это оказалось труднее, чем она ожидала. Печальные, тревожные глаза Ранда убеждали девушку в том, что ему будет больно, а ей так не хотелось причинять ему боль. Но придется – другого выхода нет. Эгвейн потуже затянула шарф и, собравшись с духом, выпалила: – Ранд, я не могу выйти за тебя замуж.

– Я знаю, – промолвил он.

Эгвейн моргнула. Кажется, он воспринял это известие легче, чем она думала. Убеждая себя, что оно и к лучшему, она продолжила:

– Не хочу обижать тебя – поверь, это правда, – но я не могу стать твоей женой.

– Я понимаю, Эгвейн. Я же знаю, кто я такой. Ни одна женщина не захочет выйти за меня.

– Болван безмозглый, – вспыхнула Эгвейн, – это никак не связано с тем, что ты способен направлять Силу. Просто я не люблю тебя. То есть люблю, но не так, как жена должна любить мужа.

У Ранда отвисла челюсть.

– Ты... не любишь меня? – Это поразило его. И задело.

– Пожалуйста, попытайся понять, – ласково сказала она, – люди меняются, Ранд, меняются и их чувства. Оказавшись врозь, они порой отдаляются друг от друга. Я люблю тебя, как брата, может быть, даже сильнее, но не так, чтобы выйти за тебя замуж. Пойми же!

Юноша уныло хмыкнул:

– Я и вправду дурак. Мне и в голову не приходило, что ты можешь измениться. А ведь я тоже не хочу жениться на тебе. Я не желал никаких перемен, но так уж вышло, и ничего не поделаешь. Если бы ты знала, как много значит для меня твое признание. Теперь мне не надо притворяться. Не надо бояться, что обиду тебя. Я никогда не хотел этого, Эгвейн. Не хотел ранить твои чувства.

Она с трудом сдерживала улыбку. Он изо всех сил старался не подать виду, что ему больно, и почти преуспел в этом.

– Я рада, что ты все понял, – произнесла она участливо, – я тоже не хотела огорчать тебя. А теперь мне и вправду пора. – Поднявшись со стула, Эгвейн наклонилась и поцеловала его в щеку. – Ты найдешь себе другую девушку.

– Конечно, – отозвался Ранд, поднимаясь на ноги. Судя по голосу, он в это не верил.

– Непременно найдешь.

Эгвейн выскользнула из комнаты с чувством выполненного долга и, отпустив саидар, скинула с плеч шарф. Ужасно жаркая штука.

Сейчас Ранд точно беспризорный щенок – Илэйн остается только подобрать его, надо лишь действовать, как они договорились. Само собой, Илэйн найдет к нему подход – рано или поздно. Только вот не будет ли слишком поздно. Кто знает, надолго ли они задержатся в Тире. И надо научиться как-то влиять на него. Эгвейн вынуждена была признать: женщина не способна научить его обращению с Силой, поговорка насчет птицы и рыбы верна. Но это не значит, что следует отступить. Необходимо что-то делать, а значит, надо отыскать способ. В конечном счете им все равно придется подумать и о том, как Исцелить его страшную рану, и о том, как предотвратить грозящее ему безумие. Что-нибудь придумают. Всем известно, что мужчины из Двуречья упрямы, но до женщин из Двуречья им в этом отношении далеко.

Глава 8

Упрямы

Илэйн осталась в комнате наедине с Рандом, но ей казалось, что он вовсе не замечает ее присутствия. Юноша недоуменно таращился на дверь, за которой скрылась Эгвейн, он качал головой, то ли споря с самим собой, то ли пытаясь справиться с мыслями. Илэйн решила подождать, пока Ранд придет в себя. Только бы оттянуть решительный момент объяснения. Все свои силы Илэйн сосредоточила на том, чтобы сохранить самообладание, – она сидела прямо, сложив руки на коленях и высоко подняв голову, а безмятежности ее лица могла бы позавидовать и сама Морейн. Никто бы не догадался, что она трепещет от страха.

Но это не был страх перед способностью Ранда направлять Силу. Как только Эгвейн поднялась, чтобы уйти, Илэйн отпустила саидин. Она хотела верить ему, – впрочем, ничего другого ей не оставалось. Дрожала девушка оттого, что боялась предстоящего разговора, хотя и желала его. Ей стоило немалых усилий следить за собой – руки сами тянулись нервно тереть ожерелье или нитку сапфиров. Духи... не слишком ли тяжелый запах?... Нет. Эгвейн сказала, что ему нравится аромат роз... Платье... Илэйн хотела поправить его, но...

В этот момент Ранд повернулся – он двигался чуть кособоко, что заставило девушку задумчиво поджать губы. Его взгляд упал на сидевшую на стуле Илэйн, и озадаченность на лице юноши сменилась чем-то похожим на испуг. Илэйн была рада его растерянности, ибо ей уже было не под силу сохранять невозмутимое спокойствие, глядя в глаза Ранду. Сейчас они были голубыми, как туманное утреннее небо.

В следующий миг Ранд пришел в себя от изумления и, отвесив поясной поклон, в котором не было ни малейшей нужды, суетливо вытер руки о кафтан.

– Я не понял, что ты осталась... – начал было он и, покраснев, запнулся. То, что он забыл о ее присутствии, могло быть расценено как оскорбление. – Я хочу сказать, что... Я вовсе не... дело в том, что я... – Он набрал в легкие воздуха и начал заново: – Миледи, я вовсе не такой дурак, каким кажусь. Но, миледи, не каждый день приходится слышать от своей нареченной, что она тебя не любит.

Илэйн напустила на себя шутивную важность:

– Если ты еще раз назовешь меня «миледи», я буду называть тебя «милордом Драконом». И выделывать реверансы. Королеве Андора и той незазорно было бы присесть перед тобой, а я всего лишь дочь-наследница.

– Свет! Не делай этого.

Кажется, угроза на него подействовала.

– Я не буду, Ранд, – промолвила Илэйн куда более серьезно, – но и ты называй меня по имени, просто Илэйн. Давай, скажи.

– Илэйн, – неловко выговорил Ранд ее имя, но видно было, что это доставило ему удовольствие.

– Вот и прекрасно. – Чему она так обрадовалась – сама не понимала, он всего-навсего назвал ее по имени. Прежде чем продолжить разговор, ей необходимо было кое-что выяснить. – Скажи, это очень тебя расстроило? – Илэйн тут же спохватилась, сообразив, что ее вопрос можно понять двояко, и добавила: – Я имею в виду то, что ты услышал от Эгвейн.

– Нет. Да. Не очень. Даже не знаю. В конце концов, правда есть правда. – Он слегка усмехнулся и уже не казался таким настороженным. – Я опять говорю глупости, да?

– Нет. Во всяком случае, мне так не показалось.

– Я ведь сказал ей чистую правду, но, по-моему, она мне не поверила. Да и мне не хотелось верить тому, что она сказала. Не хотелось верить, что это на самом деле так. Если это не дурость, то что же?

– Если ты не перестанешь называть себя дураком, я в конце концов могу поверить, что так оно и есть. – «Он не станет держаться за нее, на этот счет я могу не беспокоиться». Непринужденным тоном, чтобы он не подумал, будто за ее словами что-то кроется, девушка сказала: – Я как-то видела шута одного кайриэнского лорда, он был обряжен в потешный полосатый кафтан, который был ему велик, и увешан бубенчиками. Вот если бы ты нацепил бубенчики, это выглядело бы по-настоящему глупо.

– Пожалуй, ты права, – невесело произнес Ранд. – Я это запомню. – На лице его появилась улыбка, и оно потеплело.

Внутренняя дрожь подгоняла Илэйн, но она осторожничала, сдерживала себя, делая вид, что поправляет платье. «Спешить нельзя, иначе он решит, что я просто вздорная девчонка. И будет прав». Но дрожь была такова, что, казалось, внутри гремели литавры.

– Хочешь цветок? – неожиданно спросил Ранд, и Илэйн смущенно заморгала:

– Цветок?

– Ну да. – Шагнув к постели, Ранд подхватил с развороченного матраса две пригоршни перьев и протянул ей. – Прошлой ночью я сделал цветок и преподнес домоправительнице. У нее был такой вид, будто ей подарили Твердыню. Но твой цветок будет гораздо красивее, – поспешно добавил он. – Гораздо красивее, обещаю.

– Ранд, я...

– Я буду осторожен. Для этого требуется только чуточку Силы, одна тонкая ниточка, и я буду очень осторожен.

«Доверие! Я должна доверять ему», – убеждала себя Илэйн – и с удивлением поняла, что действительно доверяет.

– Мне будет очень приятно, Ранд.

Юноша долго и пристально смотрел на пригоршню перьев, затем лицо его помрачнело. Неожиданно он выпустил перья из рук, и они посыпались на пол.

– Нет, – сказал он, – цветы – неподходящий подарок для дочери-наследницы.

Сердце девушки рвалось из груди – она поняла, что он попытался коснуться саидин и не сумел. Пытаясь скрыть разочарование, юноша поспешно проковылял к металлической полоске из переплетенных золотых и серебряных нитей и стал наматывать ее на руку.

– Вот это подойдет дочери-наследнице Андора. Ты можешь велеть златошвейке сделать из нее... – Он замялся, пытаясь сообразить, что можно сделать из полосы металлической ткани длиной в четыре шага и шириной менее двух футов.

– Не сомневаюсь, мастерица обязательно что-нибудь придумает, – тактично промолвила Илэйн. Вынув из рукава носовой платок, она опустила на колени и собрала на квадратик бледно-голубого шелка рассыпанные Рандом перья.

– Зачем? Об этом позаботились бы служанки, – сказал он, увидев, что девушка прячет маленький узелок в висевший на поясе кошель.

– Чепуха, я уже все сделала. – Она хотела сберечь эти перья в память о том, что он пытался сделать из них цветов для нее, но разве мог Ранд понять это?

Юноша неловко переминался с ноги на ногу, не зная, что делать с собранной в складки тканью.

– У здешней домоправительницы, должно быть, есть мастерицы, – сказала Илэйн. – Я отдам это одной из них.

Ранд улыбнулся, лицо его просветлело.

Внутренняя дрожь достигла такой силы, что сдерживаться дольше Илэйн уже не могла.

– Ранд, – спросила она, – я тебе... нравлюсь?

– Ты?... Мне?... – переспросил он недоуменно. – Конечно нравишься. Очень нравишься.

Почему он смотрит на нее так, будто ничего не понял?

– Я люблю тебя, Ранд, – произнесла Илэйн и поразились, как спокойно прозвучал ее голос. Руки и ноги ее похолодели как лед. – Очень люблю. – Сказано было более чем достаточно – нельзя же на самом деле вести себя как последняя дурочка. «Это он должен был первый сказать, что она ему не просто нравится». Илэйн была близка к тому, чтобы истерически засмеяться.

«Держи себя в руках, – приказала она себе, – не хватало еще, чтобы он решил, что я совсем ошалела от любви».

– Я люблю тебя, – медленно произнес Ранд.

– Не думай, я не такая уж развязная, – промолвила она и осеклась. Не то. Эти слова могли навести его на мысль о Берелейн. Вон как щеки у него покраснели; должно быть, он о Берелейн подумал. Чтоб ему стореть! Голос Илэйн сделался мягким как шелк: – Ранд, скоро мне придется уехать. Покинуть Тир. Возможно, я не увижу тебя долго-долго. – «Если вообще увидишь», – говорил ей внутренний голос, но она не желала его слышать. – И я не могла уехать, не открыв тебе своих чувств. Я... я очень люблю тебя.

– Илэйн, я тоже люблю тебя. Я чувствую, что... я хочу... – Алые пятна выступили на его щеках. – Илэйн, я не знаю, что сказать, как...

Теперь уже вспыхнуло ее лицо. Должно быть, он подумал, что она хочет заставить его сказать еще больше. «А разве нет?» – лукаво спросил внутренний голос, и румянец на ее щеках занялся еще жарче.

– Ранд, я не прошу тебя... – Свет! Как найти нужные слова? – Я просто хотела, чтобы ты знал о моих чувствах. Вот и все.

Небось Берелейн бы на этом не остановилась. Та давно бы уже висела у него на шее. Мысленно твердя, что не позволит этой бесстыжей распутнице взять над собой верх, Илэйн пододвинулась поближе, взяла из рук юноши полосу блестящей ткани и уронила на ковер. Почему-то сейчас Ранд казался ей выше ростом.

– Ранд... Ранд, поцелуй меня. – Наконец-то она осмелилась.

– Поцеловать тебя? – проговорил Ранд так, будто отродясь не слыхал о поцелуях. – Илэйн, я не хотел бы обещать тебе больше, чем... Я имею в виду, что не должен вести себя так, будто мы помолвлены. Не думай, я не намекаю на то, что мы должны обручиться. Просто я... Я люблю тебя, Илэйн, очень люблю. Только не хочу, чтобы ты думала, что я...

Илэйн готова была рассмеяться над его простодушием и смущением.

– Не знаю, как принято в Двуречье, но в Кэймлине нет нужды дожидаться помолвки, чтобы поцеловать девушку. Вообще-то, и помолвка для этого совсем не нужна. А может, ты не знаешь как?

Но тут Ранд с силой заключил ее в объятия и припал к ее губам. Голова у Илэйн пошла кругом, ноги едва не подкашивались. Через некоторое время – много ли его прошло, она не заметила – девушка пришла в себя. Склонившись Ранду на грудь, она пыталась глотнуть воздуха. Колени у нее дрожали.

– Прости, что не дал тебе договорить, – сказал юноша, и Илэйн не без удовольствия поняла, что он тоже едва дышит. – Я просто неотесанный мужлан из Двуречья.

– Ты неловкий, – промурлыкала Илэйн, уткнувшись ему в рубаху, – и колючий. Небось сегодня утром не брился. Но ты вовсе не неотесанный.

– Илэйн, я...

Девушка прикрыла ему рот ладошкой.

– Молчи, я не хочу слышать от тебя никаких слов, кроме тех, что будут сказаны от всего сердца, – твердо заявила она, – ни сейчас, ни потом!

Он кивнул с таким видом, будто, и уразумев смысл ее слов, не вполне понял, к чему они были сказаны. Нитка сапфиров так запуталась в волосах Илэйн, что высвободить ее без зеркала было решительно невозможно. Девушка неохотно отстранилась от Ранда – нельзя же оставаться в его объятиях вечно. И без того она уже натворила такого, о чем и думать не смела. Призналась в любви. Сама попросила ее поцеловать. Сама! Не Берелейн же она, в конце концов...

Опять эта Берелейн лезет в голову. Илэйн припомнила туманные намеки Мин. Возможно, у той и было видение. Видения Мин всегда сбывались. Но как бы то ни было, она, Илэйн, не собирается делить Ранда с Берелейн. Наверное, придется сказать Ранду еще кое-что. И сказать прямо, без обиняков:

– Ранд, я скоро уеду, а тебя здесь будут окружать женщины. Знай, что для некоторых из них любовь не более чем безделушка вроде ожерелья или браслета, тогда как другие хранят образ любимого в сердце. Помни, что я вернусь и я не из тех, для кого любовь – просто забава.

Ранд смутился и, кажется, даже слегка встревожился. Пожалуй, она сказала слишком много. Надо перевести разговор в другое русло.

– Знаешь, чего ты никогда не должен мне говорить? Не пытайся отпугнуть меня речами о том, как ты опасен. Не пытайся, теперь уже слишком поздно.

– Я и не думал об этом. – И тут, очевидно, другая мысль пришла Ранду в голову, и в глазах юноши промелькнуло подозрение. – Обо всем этом вы сговорились с Эгвейн?

Илэйн ухитрилась изобразить на лице удивление и обиду:

– Да как тебе такое в голову могло прийти? Неужели ты мог подумать, что мы передаем тебя друг другу из рук в руки? Слишком много ты о себе воображаешь. Излишнее самомнение никого не красит. – На сей раз он растерялся, с удовлетворением подметила Илэйн и продолжила: – И тебе не стыдно за то, что ты с нами проделал?

– Я не хотел вас напугать, – нерешительно произнес Ранд. – Эгвейн меня разозлила. Ей это ничего не стоит. Меня это, конечно, не оправдывает. Сама видишь, что я здесь натворил – столы обгорели, матрасы разворочены.

– А как насчет... щипка?

Ранд покраснел, но взгляд его оставался твердым.

– Вот об этом я ничуть не жалею. Вы – вы обе – говорили так, будто я полено бесчувственное. Да вдобавок глух как пень. Вы еще не того заслуживали – и она, и ты. Другого ты от меня не услышишь.

Некоторое время Илэйн внимательно смотрела на него, а потом обняла саидар. Она не была обучена целительству, но присматривалась к занимавшимся Исцелением сестрам и кое-

что усвоила. Направляя Силу, она сумела снять боль от шлепка, который Ранд получил в ответ на свой щипок. Почувствовав неожиданное облегчение, юноша переступил с ноги на ногу. Глаза его удивленно расширились.

– Чтобы все было по-честному, – просто пояснила Илэйн.

Послышался стук в дверь, и в комнату заглянул Гаул. Поначалу он устоял в пол и, лишь искоса глянув на нее и Ранда, поднял глаза. Илэйн вспыхнула, поняв, что айилец заподозрил, будто увидел нечто не предназначенное для посторонних глаз. Она чуть было не обняла саидар, чтобы преподнести ему урок.

– Явились тайренцы. Благородные лорды, – доложил Гаул, – те, которых вы ждете.

– Тогда я пойду, – повернулась к Ранду Илэйн. – Ты ведь собирался поговорить с ними, кажется, насчет налогов? Подумай о том, что я тебе сказала. – Илэйн не сказала: «Думай обо мне», но была уверена, что он ее понял.

Ранд хотел было задержать ее, но девушка уклонилась и поспешила к выходу. Не хватало еще целоваться в присутствии Гаула. И без того – что может подумывать этот айилец, застав здесь с утра пораньше девушку – надушенную и увешанную сапфирами. Илэйн потребовалось сделать над собой усилие, чтобы не поправить платье так, чтобы вырез стал меньше.

Она уже была у самой двери, когда в комнату вошли благородные лорды – вельможи с заметной проседью в волосах, со щеголеватыми заостренными бородками, облаченные в яркие узорчатые кафтаны с пышными рукавами. Они посторонились, давая Илэйн пройти. Учтивые поклоны и любезные улыбки не могли скрыть облегчения лордов оттого, что она уходила.

Уже в дверях Илэйн оглянулась. Ранд – рослый, широкоплечий, в простом бледно-зеленом кафтане – в окружении пышно разодетых благородных лордов казался аистом среди павлинов. Но было в нем нечто, дававшее понять: приказывает здесь он, и приказывает по праву. Неохотно признавая это, лорды склонили свои упрямые шеи. Ранд, наверное, думает, что они кланяются ему лишь потому, что он Дракон Возрожденный, и, вероятно, они действительно в это верят. Но Илэйн знала, что есть люди, способные и в лохмотьях внушать почтение окружающим, даже если те понятия не имеют об их титулах и рангах. Таким был, например, Гарет Брин – капитан-командор гвардейцев ее матери. И Ранд, хотя сам он, возможно, об этом и не догадывается. Когда Илэйн повстречала его впервые, в нем не было этой властности. Теперь она появилась. Девушка закрыла за собой дверь.

Взоры айильской стражи и беспокойный взгляд капитана выстроившихся кольцом Защитников были устремлены на Илэйн, но она их не замечала. Дело было сделано или, по крайней мере, начато. В ее распоряжении оставалось четыре дня. Через четыре дня Джойя и Амико будут отправлены в Тар Валон, и за это время ей необходимо закрепиться в сердце Ранда настолько, чтобы в нем не осталось места для Берелейн. Или во всяком случае, настолько, чтобы он не переставал думать о ней, пока она, Илэйн, не сумеет добиться большего. Ну кто бы мог подумать, что она способна на такое? Пытаться поймать мужчину в силки! Девушка до сих пор не могла унять дрожь. Хорошо еще, что Ранд не заметил, как она волнуется. И надо же, она ни разу не подумала о том, что сказала бы ее мать. В тот же миг дрожь прекратилась. Ее больше не заботило, что скажет мать. Моргейз придется смириться с тем, что ее дочь – взрослая женщина.

Айильцы склонились перед проходившей мимо девушкой, и она ответила им грациозным кивком, какой сделал бы честь и королеве Моргейз. Тайренский капитан и тот смотрел на Илэйн так, словно она обрела новое достоинство. Никакой внутренней дрожи у нее больше не будет. Ну разве что из-за Черной Айя, но никак не из-за Ранда.

Не обращая внимания на столпившихся полукругом, озабоченно переглядывавшихся благородных лордов, Ранд проводил взглядом Илэйн. Грезы неожиданно воплотились в реальность, но это внушало тревогу. Ранд помнил сон о купании в Мокром лесу, но чтобы она вот

так сама пришла к нему – такое и во сне не могло привидеться. Она всегда выглядела такой холодной и собранной – в ее присутствии у него язык прилипал к гортани. А какова Эгвейн – выложила ему то, в чем он сам не решался ей признаться, и при этом ее заботило только одно – как бы его не обидеть. Таковы женщины – могут вспылить из-за пустяков, а когда у человека сердце разрывается, и бровью не поведут.

– Милорд Дракон? – пролепетал Сунамон еще более подобострастно, чем обычно.

Известие о том, что случилось сегодня утром, наверняка уже распространилось по Твердыне. Те, кого он выставил отсюда спозаранку, скорее всего, попрятались по своим норам, а Ториан со своими грязными предположениями, пожалуй, постарается, чтобы его физиономия не попадалась Ранду на глаза.

Потирая пухлые ручки, Сунамон изобразил заискивающую улыбку, но под взглядом Ранда она растаяла. Остальные лорды делали вид, будто не замечают ни обугленных столов, ни разодранного матраса, ни разбросанных по полу книг, ни оплавленных комков металла на каминной полке, бывших некогда фигурами волков и оленя. Благородные лорды замечали лишь то, что хотели видеть, – в этом они поднаторели. Карлеон и Тедозиан, всеми силами старавшиеся изобразить покорность, конечно же, не догадывались о том, что их поведение – а они избегали смотреть друг на друга – внушает подозрение. Впрочем, возможно, Ранд и не обратил бы на это внимания, когда бы не найденная им записка Тома. Записку он обнаружил в кармане куртки, которую вернули после чистки.

– Лорд Дракон желал видеть нас? – наконец отважился спросить Сунамон.

Могли ли Эгвейн и Илэйн сговориться между собой заранее? Нет, вряд ли. Женщины, как и мужчины, редко действуют заодно. Скорее всего, это просто случайное совпадение. Илэйн услышала слова Эгвейн, поняла, что он свободен, и решила признаться. Именно так все и было.

– Налоги! – рявкнул Ранд.

Лорды вздрогнули, но не двинулись с места. До чего противно иметь дело с подобными людьми, с каким удовольствием он вернулся бы к своим книгам.

– Снижение налогов создало бы нежелательный прецедент, милорд Дракон, – угодливо проговорил худощавый седовласый вельможа. Для уроженца Тира лорд Мейлан был довольно высок ростом, всего на пядь ниже Ранда, а крепостью сложения не уступал любому Защитнику. В присутствии Ранда он униженно гнул спину, но блеск его темных глаз выдавал жгучую ненависть, которую не могло умерить то, что Ранд приказывал лордам не раболепствовать. Ни один из них не выполнил этого требования, продолжал лебезить и Мейлан, а оттого ярился еще пуще. – Крестьяне и без того не были отягощены податями; если же сейчас мы позволим им платить меньше, то, когда нам придется вернуть налоги на нынешний уровень, эти олухи примутся сетовать, что мы их якобы удвоили. И это, милорд Дракон, может привести к волнениям.

Размашистым шагом Ранд пересек комнату и остановился рядом с Калландором. Сверкающий хрустальный меч блеском затмевал и золоченый постамент, и драгоценные камни. Калландор напомнит им, кто он и каким могуществом обладает. Эгвейн, с горечью вспомнил он. Конечно, глупо обижаться на нее за то, что она сказала. Она больше его не любит, но с какой стати он ожидал от нее чувств, каких сам к ней не испытывал? И все же он обиделся. Испытал облегчение, это верно, но вовсе не приятное облегчение.

– Волнения начнутся, если вы сгоните крестьян с их земли, – бросил Ранд. Взгляд его упал на три книги, сложенные стопкой почти у самых ног Мейлана: «Сокровища Тирской Твердыни», «Путешествие по „Альпийской пустыне...“» и «Взаимоотношения с Майеном...». Ключ должен быть в них и в различных переводах Кариатонского цикла. Вот если бы отыскать этот ключ, да еще и замок, к которому он подходит. Ранд заставил себя вернуться к разговору с благородными лордами. – Неужели вы полагаете, что крестьяне будут спокойно смотреть, как голодают их семьи?

– В прежние времена Защитники Твердыни не раз усмиряли бунтовщиков, милорд Дракон, – отвечал Сунамон. – Да и наши собственные стражники вполне способны поддерживать порядок по деревням. Смею заверить, крестьяне вас не потревожат.

– Уж больно много развелось черни, – заявил Карлеон и, вздрогнув под взглядом Ранда, торопливо пояснил: – Все из-за междоусобицы в Кайриэне, милорд Дракон. Кайриэнцы воюют, закупать зерно не могут, а у нас от него амбары ломаются. Нынешний урожай пропадет впустую. А на следующий год?.. Сгори моя душа, милорд Дракон, но в наших интересах, чтобы фермеры хотя бы на время перестали ковыряться в земле. – Карлеон спохватился, почувствовав, что сказал лишнее, хотя явно не понимал, что в его словах могло рассердить Лорда Дракона.

«Имеет ли он представление, откуда берется снедь у него на столе? – подумал Ранд. – Интересует ли его вообще хоть что-нибудь, кроме золота и власти?»

– А что вы станете делать, когда война закончится и Кайриэн снова сможет покупать зерно? – сухо осведомился Ранд. – Разве Кайриэн – единственная страна, которая покупает хлеб?

Но как понимать Илэйн? Чего она ждала от него? Она уверяла, что любит его, но женщины умеют играть словами, причем не хуже, чем Айз Седай. Неужели она говорила правду и не лукавила? Нет, такого быть не может. Слишком много он о себе возомнил.

– Милорд Дракон, – заговорил Мейлан вроде бы почтительно, но в то же время так, будто втолковывал что-то несмысленную, – даже если усобица прекратится сегодня, Кайриэн еще два, а то и три года не сможет покупать больше нескольких барж. И мы всегда торговали зерном с Кайриэном.

Всегда, то есть в течение двадцати лет после Айильской войны. Это «всегда» так застило им глаза, что теперь они не видят дальше собственного носа. Или просто не желают видеть. Когда в Эмондовом Лугу случался невиданный урожай капусты, всяк почти с полной уверенностью мог предсказать, что близ Дивен Райда или в Сторожевом Холме будет засуха, а нет, так белый червь поест весь урожай. А коли в Сторожевом Холме репа уродится на славу, жди недорода в Эмондовом Лугу или в Дивен Райде.

– Предложите зерно Иллиану, – сказал Ранд. Чего же все-таки ждала Илэйн? – А не Иллиану, так Алтаре.

Она и впрямь нравилась ему, но и Мин нравилась не меньше. А может, это ему только казалось? Ранд определенно не мог разобраться в своих чувствах и отдать предпочтение одной из девушек.

– У вас же есть и морские суда, и речные баржи, а если своих не хватит – наймите у Майена.

Конечно, ему нравились обе девушки, но... Он и так полжизни провел, вздыхая по Эгвейн, и не хочет больше оказаться в таком же положении. Во всяком случае, пока не убедится... Убедится в чем? Если бы хоть в чем-то можно было верить этой книге, «Взаимоотношения с Майеном...».

«Прекрати отвлекаться, – приказал он себе. – Займись этими хорьками, а не то, не ровен час, они вцепятся тебе в горло».

– Наймите у Майена, – продолжил он свою мысль, – а аренду оплатите зерном. Не сомневаюсь, что Первенствующая охотно предоставит суда за хорошую цену. А можно заключить соглашение, договор... – Вот подходящее слово – из тех, что у них всегда в ходу. – Договор, по которому в обмен на корабли Тир откажется от вмешательства в майенские дела. – Да, он обязан сделать это для нее.

– Милорд Дракон, но мы почти не торгуем с Иллианом. Как можно иметь дело с этими гнусными стервятниками! – возмущенно воскликнул Тедозиан.

– И мы никогда не кланялись Майену, милорд Дракон. Тир всегда говорил с ними с позиции силы, – подхватил Мейлан.

Ранд глубоко вздохнул. Благородные лорды замерли в напряженных позах. Такое повторялось из раза в раз. Сколько он ни пытался воздействовать на благородных лордов убеждением, все без толку. Не зря Том говаривал, что их ничем не прошибешь, как и стены Твердыни. Но в голову лезли совсем другие мысли. «Что же я чувствую к ней? Она ведь снилась мне. И она очень красивая». Ранд и сам не был уверен, кого он имеет в виду – Илэйн или Мин. «Довольно! Поцелуй – он поцелуй и есть, не больше. И все!» Усилием воли юноша заставил себя выбросить из головы любовные переживания и сосредоточиться на этих твердолобых болванах. Хватит их уговаривать.

– Первое: все налоги с крестьян снизить на три четверти, а со всех остальных – наполовину. И не спорьте! Второе: вы сейчас же отправитесь к Берелейн и будете просить – да, просить! – ее назначить цену...

Благородные лорды слушали Ранда, вымучивая фальшивые улыбки и скрежеща зубами. Но они его слушали.

Эгвейн была погружена в мысли о Джойе и Амико и потому не сразу заметила, что рядом с ней в коридоре, как будто случайно, появился Мэт. Лицо его было хмуро, волосы взъерошены. Раз или два он глянул на девушку, но не вымолвил ни слова. Попадавшие навстречу слуги и служанки низко кланялись и приседали. Лорды и леди тоже, разве что с меньшим рвением. Не будь здесь Эгвейн, презрительные взгляды, которыми Мэт одаривал встречных вельмож, могли бы дорого ему обойтись, невзирая на то что он друг самого лорда Дракона.

Упорное молчание казалось Эгвейн странным – совсем не похоже на того Мэта, которого она знала. Выглядел он как обычно, разве что щегольской красный кафтан был измят так, словно Мэт в нем спал. Но что-то в нем изменилось. Не выдержав гнетущего молчания, Эгвейн заговорила первой:

– Ты встревожен из-за того, что случилось этой ночью?

Мэт даже споткнулся:

– Как? Ты уже знаешь? Впрочем, почему бы и нет? Не беспокойся, со мной все в порядке. Ничего особенного: что было, то прошло.

Эгвейн сделала вид, что поверила ему.

– Не слишком-то часто мы тебя видим – и я, и Найнив, – продолжила она. Не слишком часто – это, пожалуй, еще мягко сказано.

– Я был занят, – буркнул Мэт, неловко пожимая плечами и отводя взгляд.

– В кости играл? – спросила Эгвейн небрежно.

– В карты.

Пухленькая служаночка с букетом в руках сделала реверанс перед Эгвейн и, явно пребывая в уверенности, что та на нее не смотрит, подмигнула Мэту. Тот ухмыльнулся в ответ.

– Я в карты играл.

Эгвейн приподняла бровь. Эта служанка была, наверное, лет на десять старше Найнив.

– Понятно. Должно быть, это отнимает уйму времени. Игра в карты. Некогда даже поведаться со старыми друзьями.

– Когда я виделся с вами в последний раз, вы с Найнив связали меня с помощью этой проклятой Силы, точно свинью на рынке, и принялись обшаривать мою комнату. Друзья у друзей не воруют. – Мэт поморщился. – К тому же с вами вечно эта гордячка Илэйн. Или Морейн. А я не люблю... – Он прочистил горло и, поглядывая на Эгвейн искоса, добавил: – Да и не хочу я отнимать у вас время. Я слыхал, у вас своих дел по горло. Все допрашиваете этих приспешниц Темного. Могу себе представить, что это за важные дела. А знаешь, что здесь, в Твердыне, все принимают вас за Айз Седай?

Эгвейн с сожалением покачала головой. Кого-кого, а Айз Седай Мэт не жаловал. Хоть он и немало повидал за последнее время, ничто не могло его изменить.

– Мы ничего не крали, только вернули то, что было дано взаймы.

– Не припоминаю, чтобы я слышал о каком-то там займе. Ну да ладно, что мне было проку от письма Амерлин? Одни неприятности. Но ты могла бы хоть попросить по-человечески.

Эгвейн не стала напоминать о том, что они его просили. Ей не хотелось, чтобы Мэт начал спорить, а то и просто надулся и ушел. Пусть лучше остается при своем мнении.

– Ну хорошо. Я рада, что ты выкроил для меня время сегодня. На то, наверное, есть особая причина?

Мэт почесал в затылке и что-то пробормотал себе под нос.

«Жаль, нет здесь его матушки, – подумала Эгвейн, – она бы живо его разговорила, оттащила бы за ухо для долгой беседы».

Однако девушка решила проявить терпение. Когда надо, терпения у нее хоть отбавляй. Она решила, что ни за что не промолвит ни слова, пока он не заговорит первым.

Коридор выходил на огражденную беломраморной колоннадой террасу, с которой открывался вид на раскинувшиеся внизу малочисленные сады Твердыни. В них росли низкорослые деревья с матовыми, точно воощеными, листьями и крупными белыми цветами, испускавшими благоухание, с которым не мог сравниться даже аромат алых и желтых роз. Легкий ветерок не шевелил гобеленов на внутренней стене террасы, но все же смягчал удушающую жару. Мэт уселся на беломраморную балюстраду, прислонился спиной к колонне и некоторое время молча смотрел вниз. Наконец он произнес:

– Мне... нужен совет.

Неслыханное дело – Мэт просил совета у *нее*! Эгвейн изумленно посмотрела на юношу и растерянно спросила:

– Чем я могу тебе помочь? – Он обернулся к ней, и девушка постаралась придать своему лицу невозмутимость Айз Седай. – Какого рода совет тебе нужен?

– Понятия не имею.

Сад располагался на добрых тридцать футов ниже террасы. Кроме того, там работали садовники, пропалывавшие розарий. Если пихнуть его как следует, он, чего доброго, шлепнется не на розовый куст, а на кого-нибудь из садовников. Это соображение заставило Эгвейн сдержать свой порыв.

– И как, по-твоему, я могу тебе помочь, если не знаю, в чем дело? – язвительно спросила она.

– Я... я пытаюсь сообразить, что мне делать. – Мэт выглядел смущенным, и, похоже, не без основания.

– Надеюсь, ты не подумываешь уйти отсюда? Ты ведь знаешь, как ты важен. От себя не уйти, Мэт.

– Думаешь, я сам этого не понимаю? Похоже, я не смог бы уйти, даже если бы Морейн меня отпустила. Поверь мне, Эгвейн, я не собираюсь бежать. Я просто хочу знать, что впереди. – Мэт резко потрянул головой и помрачнел. – Чего еще ждать? И что скрывается за провалами в моей памяти? Часть моей жизни утрачена, будто ее и не было. И почему я иногда заговариваюсь? Кое-кто считает, что это древнее наречие, а по мне, так просто тарабарщина. Я хочу знать, Эгвейн! Я должен узнать, пока не спятил, как Ранд.

– Ранд не безумен, – машинально возразила Эгвейн. Стало быть, Мэт не собирается бежать. Вот так приятная неожиданность, – кажется, до сих пор он не осознавал своей ответственности. Но в его голосе звучали неподдельные боль и тревога. Прежде ей такого слышать не доводилось. Если Мэту и бывало не по себе, он никогда не подавал виду. – Я не знаю, чем тебе помочь, Мэт, – участливо промолвила Эгвейн. – Может быть, Морейн...

– Ни за что! – Он вскочил на ноги. – Никаких Айз Седай! Я хочу сказать... ты – совсем другое дело. Тебя я знаю, ты не такая... Они ведь обучали тебя всяким штукам – там, в Башне. Может, что-нибудь и поможет?

– Ох, Мэт, прости меня... Прости.

Его голос напомнил ей детство. Именно так мальчишкой Мэт смеялся, когда его постигало горькое разочарование.

– А, ладно, все это чепуха. В конце концов, помощь от тебя все равно что помощь от Башни. Я на тебя не в обиде.

Таков он был и в детстве. Мог заныть из-за пустяковой царапины, а сломав ногу, шутить, будто ничего не случилось.

– По-моему, есть один способ, – медленно проговорила Эгвейн. – Если Морейн скажет, что им можно воспользоваться, значит все в порядке. Надо только спросить ее.

– Морейн! – вскричал Мэт. – Да ты хоть слушаешь, что я тебе говорю? Я же сказал, что не желаю, чтобы она совала нос в мои дела. А что это за способ?

Мэт всегда был нетерпелив. Однако он хотел того же, что и она, – знать. Если бы он только мог проявить хоть чуточку здравого смысла и осмотрительности!

Проходившая мимо тайренская леди в желтом полотняном платье с глубоким вырезом и уложенной вокруг головы темной косой, глядя на них без всякого выражения, слегка согнула колени, что должно было означать реверанс, и поспешно, с напряженной спиной проследовала дальше. Эгвейн смотрела ей вслед, пока леди не удалилась настолько, что ничего не могла услышать. Теперь они снова были одни, возившиеся в тридцати футах внизу садовники не в счет. Мэт выжидающе посмотрел на девушку.

В конце концов она выложила ему все про тер'ангриал – чуть искривленный дверной проем, пройдя который можно получить ответ на любой вопрос. Любой, да не совсем, подчеркнула она, ибо вопросы, касающиеся Тени, задавать нельзя, – это чревато угрозой, неведомой даже Айз Седай. Эгвейн была тронута тем, что Мэт обратился к ней, но хотела, чтобы он уяснил все как следует.

– Запомни, Мэт, никаких шуточек: легкомысленные вопросы могут стоить тебе жизни. Поэтому, если ты решишься воспользоваться тер'ангриалом, нужно настроиться на серьезный лад. И повторяю, никаких вопросов насчет Тени.

Мэт слушал ее с растущим недоверием и, когда она замолкла, воскликнул:

– Три вопроса? Как в сказке про Байли – заходишь внутрь, проводишь там ночь, а десять лет спустя вылезает наружу с полным мешком золота и...

– Мэтрим Коутон, – оборвала его Эгвейн, – можешь ты хоть раз в жизни воздержаться от глупостей? Ты прекрасно знаешь, что тер'ангриалы – это не бабушкины сказки. И если пользуешься ими, надо быть предельно осторожным. Возможно, таким образом ты сумеешь получить ответы на свои вопросы, только не вздумай пробовать без разрешения Морейн. Обещай мне это, не то я отволоку тебя к ней, как форель на леске. Я не шучу – ты меня знаешь.

Мэт громко фыркнул:

– Я был бы последним дураком, если бы полез в этот проклятый тер'ангриал, хоть бы и с разрешения Морейн. Я с вашей треклятой Силой никаких дел иметь не желаю. Выбрось все это из головы.

– Мэт, но это единственный шанс, другого способа я не знаю.

– Но он не для меня, – твердо возразил юноша. – Чем такой шанс, лучше уж никакого.

Несмотря на его тон, девушке хотелось обнять Мэта, но она опасалась, что это стало бы предметом его дурацких шуточек. Он ведь неисправим – таким уж на свет уродился. Но как бы то ни было, он пришел к ней за помощью.

– Мне очень жаль, Мэт. Что ты собираешься делать?

– О-о, играть в карты, наверное. Если кто-нибудь сядет со мной играть. Могу еще поиграть в камни с Томом. Метать кости в тавернах. На худой конец отправлюсь в город. – Он уставился на проходившую мимо служанку, стройную темноглазую девушку примерно его возраста. – Найду чем заняться.

У Эгвейн руки чесались влечь ему оплеуху, но она сдержалась и спросила:

– Ты ведь и правда не собираешься уходить, Мэт?

– А если бы собрался, ты бы донесла Мореин? – Он тут же предупреждающе поднял руки. – Ну-ну. Не надо. Я ведь уже сказал – нет. Не стану врать, что мне это по вкусу, но я не уйду. Тебя это устраивает? – Лицо его стало задумчивым и печальным. – Эгвейн, тебе никогда не хотелось вернуться домой? И чтобы всего этого не было?

Такого вопроса от Мэта она никак не ожидала. Но в ответе Эгвейн была уверена:

– Нет. Несмотря ни на что – нет. А тебе?

– Мне тоже. Было бы глупо думать иначе, верно? Что я люблю, так это города, и Тир мне подходит. До поры до времени. Эгвейн, ты ничего не скажешь Мореин? О том, что я просил совета, и все такое?

– А почему? – недоверчиво спросила Эгвейн. В конце концов, это был Мэт. Он смущенно пожал плечами:

– Я всегда старался держаться от нее подальше. И изо всех сил противился ее влиянию. А тут... подумает, чего доброго, что я начинаю слабеть. Ты ведь не скажешь, правда?

– Не скажу, – ответила Эгвейн, – если ты пообещаешь, что не подойдешь к этому тер'ангриалу без ее разрешения. Я и говорить-то тебе о нем не имела права.

– Обещаю. – Он усмехнулся. – Я ни за что не подойду к этой штуке. Ну, разве только ради спасения собственной жизни. – И с дурашливой торжественностью произнес: – Клянусь!

Как бы ни менялось все вокруг, Мэт оставался Мэтом.

Глава 9

Решения

Миновало три дня, таких душных и жарких, что они истощали терпение даже привычных к подобной погоде жителей Тира. Жизнь в городе замерла, а обитатели Твердыни буквально засыпали на ходу. Видя нерадение прислуги, домоправительница рвала на себе волосы, но поделаться ничего не могла – все силы отнимала жара. Защитники Твердыни таяли на своих постах, точно оплавленные свечи, а их командиры, пренебрегая своими служебными обязанностями, потягивали охлажденное вино. Благородные лорды большую часть дня отсиживались в своих покоях, а некоторые из них и вовсе покинули Твердыню, предпочитая переждать жару на востоке, в своих имениях, раскинувшихся на склонах Хребта Мира. Там было малость попрохладней. Как ни странно, лишь чужеземцы, переносившие жару куда тяжелее местных жителей, не утратили бодрости духа. Час за часом убегало драгоценное время, и тут уж не до жары.

Мэт очень скоро убедился, что не ошибся: после того как игральные карты пытались его прикончить, молодые лорды, наблюдавшие сию сцену, постарались довести эту историю до всех своих дружков, и слухи о ней разлетелись по всей Твердыне. Всякий, у кого в кармане завалялась хоть пара серебряных монет, в ответ на предложение Мэта сыграть отговаривался чем придется. Причем избегали Мэта не только молодые дворяне. Служанки, еще недавно щедро дарившие ему свои ласки, стали чураться парня, а одна или две напрямик сказали, что оставаться с ним наедине, по слухам, небезопасно. Перрин, похоже, был поглощен собственными заботами, а Том, тот и вовсе пропал из виду. Мэт понятия не имел, чем занят менестрель, но его невозможно было застать ни днем ни ночью. Зато Морейн, которой Мэт желал сквозь землю провалиться, все время, будто ненароком, оказывалась рядом. Куда бы он ни пошел, она то и дело появлялась поблизости, и с таким многозначительным видом, точно наперед знала все его потаенные мысли. В глазах ее читалось: «Знаю я, что ты задумал, но тому не бывать,

все будет по-моему». Правда, для Мэта это ничего не меняло – он по-прежнему раз за разом находил предлог для того, чтобы отсрочить уход еще на денек. Он ведь и не обещал Эгвейн остаться здесь навсегда. Однако, так или иначе, не уходил.

Как-то раз с лампой в руках он спустился в самое чрево Твердыни, в так называемое Великое хранилище, добравшись до наполовину рассыпавшейся в труху двери в дальнем конце подвального коридора. Некоторое время он таращился в темноту, силясь разглядеть непонятные предметы, укутанные пыльной холстиной, и грубо сколоченные бочки и клетки, на которых в полном беспорядке были навалены статуэтки и всевозможные стеклянные, хрустальные и металлические штучки неизвестного назначения. Поглазев на все это несколько минут, Мэт повернул назад, бормоча:

– Я был бы величайшим идиотом в этом идиотском мире!

Однако ничто не мешало ему навещать город. Там, в тавернах портового предместья Мауле или в Чалме, где теснились обширные склады и дешевые кабаки – грязные, мрачные и славившиеся беспрестанными драками, кислым вином да плохим элем, – можно было поиграть в кости, нимало не рискуя нарваться на Морейн. Ставки были пустяковыми, но, конечно же, не из-за этого он уже через несколько часов возвращался в Твердыню. О том, что постоянно тянуло его назад, поближе к Ранду, Мэт старался не думать.

Порой, бродя по портовым тавернам, Перрин встречал Мэта. Тот налегал на дешевое вино и бросал кости так, будто его вовсе не интересовал выигрыш, а однажды, когда к нему прицепился дородный корабельщик, решивший, что парню подозрительно часто везет, Мэт выхватил нож. Прежде такой вспыльчивости за ним не водилось. Но вместо того чтобы выяснить, что же все-таки беспокоит Мэта, Перрин его избегал. Сам-то он заглядывал в кабаки отнюдь не ради вина или игры в кости, а задирам достаточно было одного взгляда на его могучие плечи и особенно глаза, чтобы мгновенно притихнуть. Перрин угощал скверным вином матросов в широченных кожаных штанах, приказчиков с серебряными цепочками на груди и вообще каждого, кто с виду смахивал на чужестранца. Он собирал рассказы, слухи, сплетни – все, что могло бы помочь ему убедить Фэйли убраться подальше от Твердыни. И от него.

Перрин был уверен: если он сумеет откопать что-нибудь необычное, что посулит Фэйли настоящее приключение – такое, чтобы ее имя попало в легенду, – она уйдет. Девушка делала вид, что не понимает, почему Перрин остается, но время от времени намекала, мол, она не прочь уйти и рассчитывает, что он составит ей компанию. Перрин же был убежден: если подвернется удачная приманка, она покинет Тир и без него.

Слухи, доходившие до них, были по большей части туманными и невнятными. Поговаривали, что войну, полыхавшую на всем побережье океана Арит, затеял неведомый народ, вроде бы называвшийся сочин или как-то вроде этого. Именовали его по-разному. Кое-кто высказывал предположение, что спустя тысячелетия на материк вернулись потомки воинов Артура Ястребиное Крыло. Какой-то тарабонец в круглой красной шапке и с толстенными, точно бычьи рога, усами с серьезным видом утверждал, будто ведет их не кто иной, как сам Артур Ястребиное Крыло, вооруженный своим легендарным мечом по имени Справедливость. Рассказывали и о том, что найден легендарный Рог Валир, которому, по преданию, суждено созвать из могил павших героев древности на Последнюю битву. Весь Гэалдан был охвачен пожаром восстаний, Иллиан потрясали вспышки массового безумия, а в Кайриэне лишь голод приостановил всеобщую резню. Кое-где в Пограничных землях участились набеги троллоков. Вот уж куда он ни за что не отпустит Фэйли – слишком там опасно.

Куда более интересными представлялись Перрину известия о беспорядках в Салдэе. Может быть, Фэйли все-таки потянет в родные места? Мазрим Таим, Лжедракон, по его сведениям, находился в руках Айз Седай. Правда, с другой стороны, никто толком не знал, что там за беспорядки, а от собственных домыслов Перрин старался воздерживаться: Фэйли все одно забросала бы его вопросами, прежде чем ввязаться даже в многообещающую историю.

Кроме того, у него не было уверенности в том, что в Салдэе действительно безопаснее, чем в других местах.

Не мог он и сказать Фэйли, где проводит время, поскольку она непременно начала бы приставать к нему с расспросами. Она прекрасно знала, что, в отличие от Мэта, Перрин не любителю шататься по кабакам. А поскольку врать он был не мастер, то предпочитал отмалчиваться, и Фэйли, хоть ничего и не говорила, начала поглядывать на юношу искоса. Ему оставалось только удвоить усилия в надежде отыскать хоть что-нибудь подходящее. Нужно обязательно удалить Фэйли из Тира, не то ей грозит верная гибель. Другого выхода нет.

Эгвейн и Найнив потратили кучу времени, допрашивая Амико и Джойю, но, увы, все без толку. Пленницы повторяли одно и то же. Несмотря на протесты Найнив, Эгвейн даже попробовала рассказать каждой из них, что говорит другая, в расчете на то, что это развяжет им языки. Но Амико лишь недоуменно таращила глаза и плачущим голосом заверяла, что никогда не слышала ни о чем подобном. Правда, она и не отрицала, что замысел, о котором поведала Джойя, все же существует. Что же до Джойи, то она холодно заявила, что, коли им угодно, пусть отправляются в Танчико.

– Нынче, как я слыхала, это далеко не самое приятное местечко, – добавила она с ухмылкой. – Под властью короля осталась разве что столица, да панарх и не в состоянии поддерживать порядок. Сейчас в Танчико правят сила и оружие. Но если вам так хочется, можете отправляться.

И из Тар Валона не поступало никаких известий. Они так и не знали, что предпринимает Амерлин для предотвращения возможной угрозы, исходящей от Мазрима Таима в случае, если тот освободится. А между тем времени с отправки голубиной почты прошло предостаточно, и пора уж было – по реке или посуху – получить послание из Башни. Если, конечно, Морейн и впрямь посылала голубей. По этому поводу Эгвейн и Найнив расходились во мнениях. Найнив признавала, что Айз Седай лгать не может, но не исключала и того, что Морейн ухитряется водить всех за нос. К тому же, глядя на нее, и не скажешь, что отсутствие ответа Амерлин ее беспокоит. Правда, всегдашнее хладнокровие Айз Седай не позволяло судить об этом определенно.

Эгвейн все это тревожило. Кроме того, она не могла не гадать о том, является ли сообщение о Танчико истиной, ложным следом или ловушкой врага. В книгохранилище Твердыни имелось множество книг о Тарабоне и Танчико, но, хоть девушка и перечитывала их до боли в глазах, ничего указывавшего на опасность для Ранда не обнаружила. Из-за страшной жары и постоянной тревоги она становилась раздражительной, почти как Найнив.

Однако не все обстояло так уж плохо – Мэт, во всяком случае, не пытался бежать из Твердыни. По-видимому, он и впрямь повзрослел и образумился. Эгвейн сожалела о том, что не сумела ему помочь, но утешала себя мыслью, что это вряд ли удалось бы хоть одной Айз Седай во всей Башне. Эгвейн понимала, что Мэта мучит неизвестность, она и сама жаждала определенности, но понимала, что нужные ей знания она может обрести лишь в Башне. Девушка не теряла надежды обнаружить там то, что было давно забыто и сохранилось лишь в смутных преданиях.

Порой к Эгвейн заходила Авиенда, и, очевидно, делала это по собственному желанию, а не по указке Морейн. И если поначалу она вела себя настороженно, это было неудивительно для айильской Девы, ведь Авиенда принимала Эгвейн за Айз Седай. Общество ее радовало Эгвейн, хотя порой она ловила на себе взгляды, в которых таились невысказанные вопросы. Авиенда, как и подобает воительнице, отличалась сдержанностью, однако довольно скоро выяснилось, что у нее много общего с Эгвейн: Дева была чрезвычайно сообразительна и ей было не чуждо чувство юмора. Порой, наговорившись вволю, они принимались хихикать, точно малые дети. Правда, Эгвейн казались чудными айильские нравы. Ей трудно было уразуметь, отчего Авиенда предпочитает сидеть на полу, а не на стуле. Умилила Эгвейн и

растерянность Девы, когда та увидела ее обнаженной, – Эгвейн мылась в большой серебряной лохани, доставленной домоправительницей. Но, как оказалось, смутила Авиенду вовсе не нагота. Поняв, что Эгвейн почувствовала себя неловко, она, не задумываясь сбросила с себя одежду и уселась на пол. Увидев, что Эгвейн сидит по грудь в воде, жительница Пустыни поразились тому, как можно в таком количестве изводить впустую драгоценную влагу.

Кроме того, Авиенда никак не могла взять в толк, почему ни Илэйн, ни Эгвейн ничего не предпринимают, чтобы устранить Берелейн. Самой воительнице обычай строжайше запрещал поднимать руку на женщину, не обрученную с копьем, но, поскольку ни Илэйн, ни Берелейн Девами Копья не были, Авиенда искренне считала, что лучшим выходом для Илэйн было бы вызвать Первенствующую на поединок и сразиться с ней на ножах или врукопашную. Лучше, конечно, на ножах. Ясно, что Берелейн не из тех, кого можно вынудить отступить простой трепкой, а раз так, лучший способ избавиться от соперницы – убить ее на поединке. Могла бы и Эгвейн сразиться вместо Илэйн – ведь они подруги и почти сестры.

Однако разница во взглядах не мешала девушкам болтать и смеяться от души. Илэйн была постоянно занята, а Найнив, так же как и Эгвейн, чувствуя, как быстро уходит время, редкие свободные минутки посвящала прогулкам под луной с Ланом или проводила их на кухне, поскольку Страж отдавал предпочтение собственноручной стряпне Найнив. Правда, Найнив не была мастерицей готовить и, хлопоча на кухне, порой бранилась так, что поварахи разбежались кто куда. Если бы не Авиенда, Эгвейн не знала бы, как унять тоску, одолевавшую ее между допросами приспешниц Темного, – необходимость сделать выбор и боязнь роковой ошибки стали ее постоянным кошмаром.

Илэйн не присутствовала на этих допросах. Подруги решили, что лишняя пара ушей ничего не изменит. Зато, как только у Ранда выпадала свободная минутка, дочь-наследница, будто невзначай, оказывалась рядом. Бывало, улучит момент, когда он возвращается к себе после встречи с благородными лордами или направляется на обход караула, и то словечком с ним перемолвится, то пройдет, взяв его под руку. Довольно скоро Илэйн наловчилась находить в Твердыне укромные закоулки, где они с Рандом могли укрыться от посторонних глаз. Правда, за Рандом повсюду следовала айильская стража, но Илэйн вскоре привыкла к ней, и присутствие айильцев беспокоило ее не больше, чем мысли о том, что скажет мать. Более того, она даже вступила в своего рода заговор с Девами Копья, которые, казалось, знали Твердыню как свои пять пальцев, и они давали ей знать всякий раз, когда Ранд оставался один. Похоже, Дев эта игра забавляла.

К удивлению Илэйн, Ранд расспрашивал ее об искусстве управления государством и прислушивался к ее наставлениям. В такие моменты ей очень хотелось, чтобы рядом оказалась мать. Сколько раз Моргейз в шутливом отчаянии твердила, что дочери-наследнице недостает собранности. В свое время мать втолковывала Илэйн, как поощрять торговлю, каким ремеслам и как покровительствовать, а каким – нет и почему. Эти рассуждения могли показаться скучными, но для жизнедеятельности государства верные решения имеют такое же значение, как и правильное лечение для больного. Уроки матери не пропали даром, и теперь Илэйн внушала Ранду: разумный правитель должен уметь исподволь убедить упрямого лорда или купчину действовать в интересах страны, да так, чтобы тот считал, что дельная мысль зародилась у него самого. Случись где-то голод, правитель обязан не только выделить средства на помощь голодающим, но и выяснить, сколько потребуется подвод, возниц и тому подобное. Можно, конечно, поручить все чиновникам, но тогда, если они допустят ошибку, пенять останется лишь на себя. Ранд не только слушал Илэйн, но и нередко следовал ее советам. Порой девушке казалось, что за одно это она могла бы его полюбить. Теперь Ранд встречал Илэйн радостной улыбкой, а Берелейн носу не казалась из своих покоев. Жизнь казалась Илэйн прекрасной, ей и желать-то больше было нечего, ну разве чтобы дни пролетали не так быстро.

Всего три коротких дня – время ускользало, словно вода сквозь пальцы. Джойю и Амико отправят на север, и у Илэйн не останется предлога для дальнейшего пребывания в Твердыне. И ей, и Найнив, и Эгвейн придется покинуть Тир. О том, чтобы остаться, Илэйн даже не помышляла: она знала, что выполнит свой долг, и сознание этой ответственности, какой бы горькой ни казалась предстоящая разлука, наполняло ее гордостью – оттого что ведет она себя не как капризная девчонка, а как сознающая свою ответственность женщина.

А что же Ранд? Он принимал благородных лордов в своих покоях и издавал указы. Несколько раз он неожиданно появлялся на тайных сборищах лордов, о которых удавалось разнюхать Тому. Правда, он не сообщал им ничего нового, лишь повторял прежние свои приказы, но ухитрялся при этом нагнать на вельмож немало страха. Лорды улыбались, кланялись, потели и гадали, много ли ему известно. Ранд смекнул: необходимо найти применение их энергии, иначе, чего доброго, решат: раз манипулировать Рандом не получается, надо его убрать. Однако вместе с тем Ранд принял твердое решение – войны он не начнет. Если ему суждено выступить против Саммаэля, так тому и быть, но затевать войну он не будет.

Большую часть времени, свободного от перепалок с благородными лордами, Ранд посвящал поискам верного решения. Кое-какие удачные мысли он черпал из книг, которые охапками приносили в его покои, и из разговоров с Илэйн. Ее советы оченьгодились ему: беседуя с благородными лордами, он не раз замечал, как они с удивлением переглядывались, обнаружив, что он сведущ в таких вопросах, о каких они имели лишь смутное представление. Свои успехи Ранд приписывал Илэйн, но она отказывалась признавать за собой какие-либо заслуги.

– Мудрый правитель, – говорила она с улыбкой, – выслушивает и принимает советы, но об этом никто не должен догадываться. Пусть считают, что ты знаешь гораздо больше, чем на самом деле. Это и им не повредит, и тебе поможет. – Однако, как бы то ни было, искренняя признательность Ранда ей льстила.

Порой Ранду казалось, что принятие окончательного решения он откладывает из-за нее. Эти три дня он размышлял, стараясь понять, что же он упустил. А ведь он и впрямь что-то проглядел. Ранд пришел к убеждению, что он не может себе позволить просто отбиваться от Отрекшихся – он должен сделать первый ход. Пусть защищаются сами. Три дня, а на четвертый Илэйн уедет – вернется в Тар Валон. Ранд боялся, что, если он примет решение, придет конец их тайным встречам. А ему были дороги эти три дня поцелуев украдкой, когда он мог чувствовать себя просто мужчиной, обнимающим женщину. Глупо, конечно, но он ничего не мог с собой поделать. Она ни о чем не просила его, – похоже, ей нужно было только его общество, и Ранда это радовало. Как приятно было хоть на миг забыть о том, что он Возрожденный Дракон, и о том, какая судьба его ждет. Не раз и не два он подумывал, не попросить ли ее остаться, но не решался на это, ибо сам не знал, что может ей предложить, и было бы нечестно возбуждать в ней напрасные надежды, если, конечно, она на что-то надеялась. Лучше уж забыть о том, что она дочь-наследница, а он обыкновенный пастух, и просто наслаждаться свиданиями. И ему было грустно оттого, что она уезжает. Как мало осталось времени. И теперь ему предстоит принять решение. Сделать свой ход. Такой, какого от него никто не ждет.

И вот настал вечер третьего дня. Солнце клонилось к горизонту, полузадернутые шторы в покоях Ранда смягчали блеск раскаленного светила. Калландор, словно чистейшей воды кристалл, сверкал на своем постаменте.

Смерив взглядом Мейлана и Сунамона, Ранд швырнул им принесенный ему на подпись увесистый пергаментный свиток. Тщательно составленный договор, в котором не доставало только подписей и печатей. Свиток угодил в грудь Мейлану, лорд подхватил его и поклонился, будто это ему польстило. Однако натянутая улыбка и стиснутые зубы говорили о другом.

Сунамон переступил с ноги на ногу и, потирая потные руки, произнес:

– Все сделано, как вы приказывали, милорд Дракон. Зерно в обмен на корабли...

– И две тысячи тайренских солдат, – оборвал его Ранд. «Две тысячи солдат, чтобы следить за правильным распределением зерна и соблюдать интересы Тира». Голос юноши был холоден как лед, хотя внутри у него все кипело: у него руки чесались надавать этим олухам по шее, и он с трудом сдерживал себя. – Две тысячи рекрутов. Да еще под командованием Ториана!

– Благородный лорд Ториан лично заинтересован в налаживании отношений с Майеном, милорд Дракон, – уклончиво пояснил Мейлан.

– Он заинтересован в том, чтобы добиться женщины, которая на него и смотреть не хочет! – вскричал Ранд. – Я же сказал: зерно в обмен на суда! И никаких солдат. И уж всяко никакого Ториана! Вы уже говорили с Берелейн?

Оба лорда растерянно заморгали, словно не понимая его слов. Это было уж слишком. Ранд коснулся саидин, и свиток в руках Мейлана вспыхнул. Тот взвизгнул и, швырнув пергамент в пустой камин, принялся поспешно отряхивать искры со штанов и кафтана. Сунамон, разинув рот, тарасился на потрескивающий свиток.

– Немедленно отправляйтесь к Берелейн, – приказал Ранд, удивляясь тому, как спокойно звучит его голос, – и к завтрашнему полудню составьте такой договор, который меня устроит. В противном случае к завтрашнему же закату вас обоих вздернут на виселице. Если мне придется каждый день вешать по паре благородных лордов, то будьте уверены, за этим дело не станет. Если вы будете противиться моей воле, я всех вас спроважу на виселицу. А сейчас – прочь с моих глаз!

Похоже, спокойный тон действовал на них сильнее, чем крик. Даже Мейлан вроде бы поджал хвост. Оба лорда испуганно пятились, заверяя владыку в своей нерушимой верности. Тошно было глядеть на них.

– Прочь! – рявкнул Ранд, и лорды, позабыв о достоинстве, отталкивая друг друга, бросились к двери, а уж за порогом припустили со всех ног. Один из айильских стражников заглянул в комнату и, убедившись, что с Рандом все в порядке, прикрыл дверь.

Ранда трясло. Он испытывал к себе почти такое же отвращение, как и к этим болванам. Он угрожал людям виселицей только за то, что они не исполнили его приказа. Хуже того, он и вправду готов был их повесить. Право же, ему следует научиться держать себя в руках.

Ранд пересек комнату и подошел к Калландору. Хрустальный меч был острым как бритва. Ранд чувствовал, что был близок к тому, чтобы использовать его именно как меч, то есть попросту снести головы с плеч лордов. Это страшило его – не могло не страшить. «Я не безумен, я только разъярился. Свет, до чего же я разъярен!»

Все решится завтра. Завтра приспешниц Темного посадят на корабль и отошлют в Тар Валон. И завтра же уедет Илэйн, а с ней, конечно же, Найнив и Эгвейн. Уедут в Тар Валон, так он надеялся. Как бы ни обстояло дело с Черной Айя, Башня казалась ему безопасным местом. Если такие места вообще существуют. Завтра. Завтра он примет решение. Откладывать дольше он не вправе.

Ранд повернул руки ладонями вверх, вглядываясь в выжженную на каждой ладони цаплю. Он всматривался в них так часто, что мог воспроизвести по памяти каждую линию. Об этих знаках возвещали пророчества. Один из переводов гласил:

Дважды и дважды он будет отмечен,
Дважды – жить, и дважды – умереть.
Раз – цаплей, дабы на путь направить.
Два – цаплей, дабы верно назвать.
Раз – Дракон, за память утраченную.
Два – Дракон, за цену, что заплатить обязан.

Но если цапли «верно назовут», тогда зачем нужны Драконы? И вообще, что значит – Дракон? Единственным Драконом, о каком он слышал, был Льюс Тэрин Теламон. Льюс Тэрин, Убийца Родичей, и был Драконом; этот Дракон являлся Убийцей Родичей. Ну а теперь появился и он сам. Но сам Дракон не мог быть отмечен знаком Дракона. Возможно, речь шла о Драконовом знамени? Во всяком случае, живого Дракона никто не видел; скорее всего, даже Айз Седай не знали, что это за существо.

– Ты изменился с тех пор, как я видела тебя в последний раз. Окреп, возмужал.

Ранд обернулся и с изумлением воззрился на стоявшую в дверях бледную, темноволосую и темноглазую женщину. Она была высока ростом и одета в серебристо-белое платье. Незнакомка дугой выгнула брови, увидев оплавленные комки металла на каминной полке. Ранд оставил их там намеренно, дабы они напоминали ему о необходимости держать себя в руках.

– Селин! – охнул он, устремляясь ей навстречу. – Откуда ты взялась? Как ты сюда попала? Я думал, ты осталась в Кайриэне или... – Он осекся, не желая признаваться в том, что считал ее погибшей.

Тонкую талию женщины охватывал сверкающий серебряный пояс, а в волосах, падавших на плечи, поблескивали серебряные гребни, украшенные драгоценными камнями. Она была по-настоящему красива – рядом с ней и Илэйн, и Эгвейн показались бы простушками. Но как ни странно, она уже не привлекала его, как прежде, – возможно, оттого, что он расстался с ней давным-давно, в Кайриэне, еще не охваченном пожаром уособиц.

– Я появляюсь там, где мне угодно, – сурово ответила женщина, глядя ему в глаза. – Пусть ты отмечен, это не имеет значения. Ты был моим и все еще мой. Всякая другая женщина ничего не значит в твоей жизни. Я явилась, чтобы потребовать себе то, что принадлежит мне по праву.

Ранд с недоумением уставился на нее. Отмечен? Что она имела в виду? Его руки? И с чего это она вздумала утверждать, что он принадлежит ей?

– Селин, – обратился он к ней, стараясь, чтобы голос звучал помягче, – нам было хорошо вместе в те тяжелые дни. Я никогда не забуду, как ты помогла мне, но, в конце концов, мы были всего лишь попутчиками. Мы путешествовали вместе – только и всего. Раз уж ты здесь, можешь занять лучшие апартаменты в Твердыне и оставаться, сколько тебе заблагорассудится, пока не вернешься в Кайриэн. Я позабочусь о том, чтобы тебе вернули твои владения.

– Ты – отмечен, – сказала она с усмешкой. – Владения в Кайриэне, говоришь? Кажется, у меня и впрямь были там какие-то земли. Мир изменился, и нынче все обстоит не так, как прежде. И Селин – всего лишь одно из имен, которыми я порой пользуюсь. Но ты, Льюс Тэрин, должен знать: мое истинное имя – Ланфир.

Ранд недоверчиво хмыкнул.

– Глупая шутка, Селин. С таким же успехом, – заметил он, – я мог бы назвать себя одним из Отрекшихся, а то и самим Темным. Но мое имя – Ранд.

– Мы называем себя Избранными, – спокойно ответила женщина. – Мы избраны, дабы вечно править миром. Мы будем жить вечно. И ты тоже – если пожелаешь.

Ранд с тревогой смотрел на Селин. Неужто она и впрямь считает себя... Должно быть, тяготы, с которыми она столкнулась по дороге в Тир, помutilи ей рассудок. Но нет, она не выглядела безумной. Селин была холодна, спокойна и уверена в себе. Не раздумывая, Ранд потянулся к саидин и неожиданно уткнулся в невидимую стену, отделявшую его от Источника.

– Ничего у тебя не выйдет, – усмехнулась женщина.

– Свет, – выдохнул Ранд, – значит, ты и вправду одна из них.

Он медленно попятился к постаменту. Если он не сможет воспользоваться Калландором как са'ангриалом, то, возможно, сумеет использовать его как меч. Но как можно поднять меч против женщины, против Селин? Но она ведь Ланфир, одна из Отрекшихся.

Юноша уперся спиной в стену, но, обернувшись, ничего не увидел. Стена, невидимая, непреодолимая, отделяла его от Калландора. Меч поблескивал всего в паре шагов от него, но он был недостижим. В отчаянии Ранд ударил кулаком по невидимому барьеру – тот был тверд, как скала.

– Я не могу полностью доверять тебе, Льюс Тэрин. Пока не могу. – С этими словами женщина подошла совсем близко, и Ранд подумал, что мог бы, наверное, просто схватить ее. Он был куда выше и сильнее ее, но, пользуясь Силой, она могла скрутить его, как котенка. – Я не могу позволить тебе взять его, – добавила Ланфир, искоса поглядывая на Калландора. – Это слишком мощный са'ангриал. Из тех, какие может использовать мужчина, сильнее его есть только два. И насколько мне известно, один из них все еще существует. Нет, Льюс Тэрин, пока я не могу тебе доверять.

– Не называй меня так, – прорычал он. – Меня зовут Ранд. Ранд ал'Тор.

– Ты – Льюс Тэрин Теламон. О, внешне у тебя, конечно же, нет с ним ничего общего, кроме, пожалуй, роста, но я узнала бы, кому принадлежат эти глаза, даже если бы увидела тебя в колыбели. – Неожиданно женщина рассмеялась. – Насколько бы все упростилось, найди я тебя младенцем. Никто не помешал бы мне... – Смех оборвался, и взгляд ее посуровел. – Хочешь взглянуть на меня в истинном обличье? Ты ведь не помнишь его?

Ранд силился произнести «нет», но язык ему не повиновался. Как-то раз ему довелось увидеть сразу двух Отрекшихся – Агинора и Балтамела, первыми обретших свободу после трех тысяч лет заточения в узилище вместе с Темным. Агинор иссох настолько, что скорее напоминал скелет, а не живого человека, а Балтамел постоянно скрывал лицо под маской и, кажется, сам страшился собственного облика.

Воздух задрожал вокруг Ланфир, и она преобразилась. Несомненно, она была старше Ранда, но не в этом суть: сейчас она выглядела взрослее. Более зрелой. И пожалуй, еще прекрасней, если такое вообще возможно. Все равно что пышный цветок по сравнению с нераспустившимся бутонем. И хотя теперь юноша знал, кто она такая, у него пересохло во рту.

Ее темные уверенные глаза с интересом изучали лицо Ранда. Как видно, женщина осталась довольна тем, что он не сумел скрыть восхищения. Она улыбнулась:

– Я была погребена заживо, погружена в сон без сновидений там, где остановлен ход времени. Обращение Колеса не касалось меня. Но теперь я предстала перед тобой в истинном облике, и ты в моих руках. Время игр и уверток миновало, Льюс Тэрин. Давно миновало.

Сердце у него упало.

– Значит, ты собираешься убить меня? Сожги тебя Свет, я...

– Убить тебя? – удивилась Ланфир. – Нет, я просто намерена заполучить тебя – заполучить навсегда. Ты ведь и был моим задолго до того, как тебя похитила эта белобрысая размазня. Да что там, задолго до того, как ты вообще ее увидел. Ты любил меня!

– А ты любила власть! – вдруг слетело у него с языка. Похоже, он сказал правду, да, так оно и есть, только вот откуда взялись у него эти слова?

Услышав это, Селин – Ланфир – опешила, но быстро совладала собой.

– Ты многому научился, – сказала она, – трудно поверить, что это удалось тебе без посторонней помощи. Но ты по-прежнему блуждаешь в лабиринте, и твое неведение может стоить тебе жизни. Кое-кто из Избранных – Саммаэль, Равин, Могидин – не будет ждать, потому что слишком боится тебя. Возможно, найдутся и другие, но эти – точно. Они явятся за тобой, и не для того, чтобы переубеждать тебя, как я. Они подберутся к тебе тайком, во сне, чтобы взять твою жизнь. Ведь ими движет страх. Но есть и другие – те, кто мог бы научить тебя всему, что ты некогда знал, и тогда никто не осмелился бы противостоять тебе.

– Научить меня? Ты хочешь, чтобы я позволил кому-то из Отрекшихся учить меня?

Кому-то из Отрекшихся. Точнее, Отрекшемуся. Мужчине, который был Айз Седай в Эпоху легенд. Мужчине, не просто способному направлять Силу, но изучившему все пре-

мудрости обращения с Источником, знающему, как избегать ошибок и ловушек, знающему... Именно то, что ему предлагали раньше.

– Нет! – сказал Ранд. – Даже если бы мне и предложили такое, я бы отказался. Да и как иначе? Я враг им всем – и тебе тоже! Мне ненавистно все, за что ты выступаешь.

«Глупец! – тут же обругал себя Ранд. – Угодил в ловушку и, вместо того чтобы прикусить язык, разыгрываю героя из древних преданий, рискуя разозлить ее и подтолкнуть к действиям».

Но забрать обратно свои слова он уже не мог; юношу понесло, и ему было не остановиться:

– Я уничтожу тебя, если смогу! И тебя, и Темного, и всех Отрекшихся до последнего!

В глазах женщины промелькнул опасный блеск.

– Да ты хоть знаешь, почему они страшатся тебя? Имеешь хоть какое-нибудь понятие?

Они боятся, что Великий повелитель Тьмы возвысит тебя над ними.

Ранд сам удивился тому, что у него вырвался смех:

– Великий повелитель Тьмы? Выходит, и ты не смеешь назвать его по имени? Простые люди боятся накликать беду, поминая его имя, но ты вроде бы другое дело. Или ты тоже боишься?

– Назвать его по имени было бы святотатством, – сказала Ланфир. – Знай: им – Саммаэлю и прочим – есть чего бояться. Ты нужен Великому повелителю. Он намерен возвысить тебя над всеми. Он сам говорил мне об этом.

– Чушь! Темный все еще в заточении в Шайол Гул, иначе я бы уже сражался с ним в Тармон Гай’дон. А если он прознает о моем существовании, то, конечно, будет стремиться уничтожить меня. Ведь я собираюсь сразиться с ним.

– О, он знает. Великому повелителю ведомо куда больше, чем ты думаешь. И, несмотря на заточение, с ним *можно* поговорить. Надо прийти в Шайол Гул, к Бездне Рока, там ты можешь... услышать его... очиститься перед ним. – Лицо ее просветлело, оно выражало молитвенный экстаз. Взор ее был устремлен вдаль, словно она узрела нечто прекрасное и удивительное. – Слова бессильны описать это. Ты должен испытать все сам – только тогда ты сможешь это понять. Ты должен. – Она впиалась в него взглядом, и в ее огромных темных глазах светилась мольба. – Преклони колени перед Великим повелителем, и он возвысит тебя над всеми. Ты сможешь повелевать миром, как тебе угодно и сколько угодно, для этого нужно лишь один раз преклонить колени. Всего один раз. Признать его – и ничего больше. Он сам говорил мне это. И тогда Асмодиан научит тебя пользоваться Силой так, чтобы она не угрожала тебе, он научит тебя всему. Позволь мне помочь тебе. Потом мы сможем уничтожить их всех – Великому владыке нет до этого дела. Мы уничтожим всех – даже Асмодиана, как только он научит тебя всему тому, что знает. Мы с тобой сможем править миром вечно под покровительством Великого повелителя. Мало того, – голос ее упал до шепота, в котором слышались и воодушевление, и страх, – сохранилось два великих са’ангриала, изготовленных перед самым Разломом. Одним из них можешь воспользоваться ты, а другим – я. Своим могуществом они намного превосходят этот меч. С их помощью мы могли бы бросить вызов... даже Великому повелителю. Даже самому Создателю!

– Ты сошла с ума, – задыхаясь, вымолвил Ранд. – Отец Лжи обещает мне свое покровительство? Но ведь я рожден для того, чтобы сразиться с ним. Я здесь для того, чтобы исполнить пророчества! И я буду сражаться с ним и со всеми вами, сражаться до самой Последней битвы! До последнего моего вдоха!

– Но зачем? Тебе вовсе не нужно этого делать. Пойми, пророчества лишь сулят людям надежду. Следуя им, ты неизбежно вступишь на путь, ведущий к Тармон Гай’дон, а стало быть, к гибели. Могидин или Саммаэль уничтожат твоё тело, а Великий повелитель Тьмы – твою

душу. Ты проиграешь окончательно и бесповоротно. И не возродишься более, сколь бы долго ни обращалось Колесо Времени!

– Нет!

Ланфир устремила на него изучающий взгляд, показавшийся Ранду бесконечно долгим, – видно, прикидывала, чем бы еще пронять юношу.

– Я могла бы просто взять тебя с собой, – произнесла она наконец. – Могла бы доставить тебя к Великому повелителю, хочешь ты того или нет. Есть способы воздействовать на упрямцев. – Она умолкла, очевидно желая увериться в том, что ее слова подействовали.

По спине Ранда катился пот, но лицо юноши оставалось бесстрастным. Он чувствовал – необходимо что-то предпринять, пусть даже и без надежды на успех. Вторая попытка дотянуться до саидин тоже оказалась тщетной – он уперся в ту же непроницаемую стену. Он начал оглядываться по сторонам, делая вид, что размышляет. Калландор поблескивал позади него и был столь же недостижим, как если бы находился на другом берегу океана Арит. Его поясной нож лежал на столе рядом с кроватью, вместе с почти законченной фигуркой лисицы, которую он вырезал из дерева. С каминной полки Ранда поддразнивали бесформенные комки оплавленного металла, и в этот момент в дверь бесшумно скользнул человек в тускло-сером одеянии. В руке он держал нож. Встрепенувшись, Ранд обернулся к Ланфир.

– Ты всегда был упрямцем, – пробормотала она. – На сей раз я не стану забирать тебя с собой. Хочу, чтобы ты отправился со мной по доброй воле. И я добьюсь этого. В чем дело? Почему ты хмуришься?

«Кто это прокрался в комнату?» Взгляд Ранда не задержался на человеке с ножом. Повинуясь внезапному порыву, юноша оттолкнул Ланфир и потянулся к Источнику. Невидимый щит мгновенно исчез, и в руке Ранда вспыхнул пламенный клинок. Незнакомец бросился к юноше, нацеливая нож для смертельного удара снизу. Движения его были почти неуловимы для глаз. Но Ранд развернулся в позицию «Дуновение ветра над стеной» и отсек сжимающую нож руку, а затем вонзил меч в сердце противника. Ранд на миг заглянул в страшные глаза – безжизненные, хотя враг еще не испустил дух, – и вытащил меч.

– Серый Человек, – произнес юноша. Только сейчас он осмелился перевести дыхание.

Истекающий кровью труп валялся на ковре. Теперь можно было разглядеть его. Обычно же убийц на службе Тени удавалось заметить, когда было уже поздно.

– В этом не было смысла, – заявил юноша, обращаясь к Ланфир. – Ты и сама могла бы прикончить меня. Зачем же ты натравила на меня Серого Человека?

Ланфир встревоженно взглянула на него и сказала:

– Я не использую Бездушных. Я ведь говорила, что между нами, Избранными, существуют... разногласия. Теперь я вижу, что припозднилась, пожалуй, на день. Но у тебя еще осталась возможность пойти со мной. Пойти, чтобы учиться. Учиться, чтобы выжить. А то, знаешь ли... этот меч... – На лице ее появилась глумливая усмешка. – Ты не в состоянии использовать и десятой доли своей истинной мощи. Пойдем со мной, тебе необходимо учиться. Или ты решил убить меня? А ведь я освободила тебя, чтобы ты сумел защититься.

Судя по голосу и позе, Ланфир ожидала нападения или, во всяком случае, готова была его отразить. Но не это удержало Ранда. Она освободила его от пут – это правда, но и не это остановило юношу. Пусть она в стане Отрекшихся и служит злу так долго, что любая Черная сестра показалась бы рядом с ней невинным младенцем. Но Ранд видел перед собой женщину и, хотя сам проклинал себя за глупость, ничего не мог с собой поделать. Наверное, он смог бы поднять на нее руку, попытаться она убить его. Возможно. Но она просто стояла и ждала, что предпримет он. Очевидно, Ланфир была готова применить Силу, причем в таких формах, о каких он и понятия не имел. Скорее всего, она бы так и поступила, если бы он попробовал удержать ее. Правда, в свое время ему удалось оградить от Источника Илэйн и Эгвейн, но он сам не знал, как это у него получилось. Тогда это вышло само собой, и он сомневался,

что сумеет повторить нечто подобное. Хорошо еще, что он крепко держался за саидин, – ей не удастся снова застать его врасплох. Он терпеливо сносил горечь, от которой выворачивало желудок, ведь сейчас саидин была для него больше чем жизнь.

И в этот миг страшная мысль поразила Ранда. Айильцы. Что с ними? Даже Серый Человек не смог бы незамеченным проскользнуть мимо полудюжины айильцев.

– Что ты сделала с ними? – вскричал Ранд, отступая к двери и не отрывая взгляда от Ланфир. – Что ты сделала с моей охраной?

– Ничего, – невозмутимо отвечала Ланфир. – Не выходи отсюда. Возможно, это всего лишь проверка, для того чтобы выяснить, насколько ты уязвим. Однако и простая проверка может стоить тебе жизни, если ты не проявишь осмотрительности.

Но Ранд рывком распахнул левую створку двери, и перед ним предстала жуткая сцена.

Глава 10

Твердыня нерушима

Взгляд юноши упал на мертвые тела. Айильцы. Их тела лежали вперемежку с трупами ничем не примечательных людей в обычной одежде. Скорее всего, нападение застало стражников врасплох. Несмотря на это, каждый из нападавших был пронзен по меньшей мере двумя айильскими копьями, но и айильская стража полегла на месте.

Но этим делом не кончилось. Стоило Ранду открыть дверь, как на него обрушился шум сражения: крики, стоны и звон стали о сталь отдавались эхом под колоннами из краснокамня. Защитники Твердыни отбивались от нападавших на них могучих звероподобных существ с телами, напоминавшими человеческие, но с уродливыми звериными или птичьими мордами. У некоторых были рога, клювы или петушиные гребни. Передвигались они на звериных лапах, оканчивающихся когтями или копытами, однако попадались среди них и чудища, обутое в сапоги, как люди. Оружие этих существ было таким же чудным, как и они сами: причудливой формы топоры и выгнутые в обратную сторону мечи, смахивающие на огромные косы. Троллоки. И с ними был мурддраал в черной броне, гибкий и изворотливый, словно змея, с бескровным, мертвенно-бледным лицом.

Где-то в недрах Твердыни раздался звон гонга – сигнал тревоги. Неожиданно звон оборвался, но тут же был подхвачен другим гонгом, а вслед за ним и остальными. Бронзовый гул набатов наполнил Твердыню.

Защитники держались и пока превосходили нападавших числом, но люди несли большие потери, чем чудовища. На глазах у Ранда мурддраал, с легкостью уворачиваясь от копий Защитников, правой рукой вонзил смертоносный клинок в горло солдата, а левой страшным ударом снес пол-лица капитану. Защитники впервые столкнулись с врагом, рассказы о котором считали пустой болтовней заезжих торговцев. И теперь солдаты были близки к панике. Один воин, с которого сбили шлем, отбросил копье и пустился было наутек, но подскочивший троллок раскроил ему череп массивным топором. Другой солдат, бросив взгляд на мурддраала, с воплем кинулся бежать, но мурддраал преградил ему путь. Ранд понял: еще мгновение – и Защитники разбегутся кто куда.

– Эй, Исчезающий! – окликнул он мурддраала. – Померяйся силами со мной!

Мурддраал замер на месте и обратил к Ранду бледное, лишенное глаз лицо. Леденящий страх обуял Ранда, но страх не мог проникнуть сквозь кокон пустоты, окружавший юношу,

когда он касался Источника. Не зря в Порубежье говаривали: «Взор Безглазого – страх». В детстве Ранд слышал рассказы о том, что Исчезающие ездят на тенях и способны мгновенно пропадать из виду. Похоже, старые поверья не так уж далеки от истины.

Мурддраал двинулся на него, и Ранд, перепрыгивая через громоздившиеся у порога мертвые тела, направился навстречу противнику. Сапоги его скользили по окровавленному мраморному полу.

– Твердыня, к оружию! – вскричал юноша. – Твердыня нерушима! – Это был древний боевой клич Тира. Ранд слышал его в ту ночь, когда Твердыня впервые не устояла.

Ему показалось, что из комнаты донесся раздосадованный возглас: «Дурак!» – но размышлять о том, что задумала Ланфир, не было времени. Ранд отвлекся лишь на долю секунды, но и это едва не стоило ему жизни. Лишь в последний миг он успел отбить удар черного клинка мурддраала своим пламенеющим мечом.

– Твердыня, к оружию! – вновь закричал Ранд. – Твердыня нерушима! – Он обязан сплотить и воодушевить Защитников, не то придется в одиночку отбиваться от мурддраала и двух десятков троллоков.

– Твердыня нерушима! – поддержал его клич кто-то из Защитников, а следом его подхватили и другие.

Гибкостью движений своего как будто лишённого костей тела мурддраал напоминал змею, а поблескивающие, словно змеиная чешуя, пластины брони усиливали это сходство. Но и змеиное жало не способно разить столь стремительно. Некоторое время Ранду удавалось лишь отводить смертоносную сталь от своего незащищенного доспехами тела. Он знал, что черный клинок мурддраала наносит страшные, незаживающие и почти не поддающиеся исцелению раны, подобные той, что была у него на боку. Всякий раз, когда черная сталь, выплавленная в Такан’даре, у отрогов Шайол Гул, сталкивалась с порожденным Силой пламенеющим клинком, вспыхивал ослепительный свет.

– Пришел твой конец, – прошипел мурддраал. Голос его напоминал шорох опавших листьев. – Я скормлю твоё тело троллокам, а твоих женщин заберу себе.

Никогда ещё Ранд не сражался так отчаянно и в то же время столь хладнокровно. Исчезающий мастерски владел оружием. Поначалу Ранд только отводил меч мурддраала плоскостью своего клинка, однако, улучив момент, он наконец обрушил свой меч на оружие противника под прямым углом. Огненное лезвие с шипением рассекло черную сталь. Следующим ударом Ранд снес с плеч безглазую голову. Из обрубка шеи фонтаном забила черная кровь. Но и обезглавленный, мурддраал продолжал вертеться, размахивая обломком меча.

Как только голова Исчезающего слетела с плеч, троллоки с дикими воплями попадали на пол. Они бились в конвульсиях, раздирая морды грубыми волосатыми лапами. В этом таилась слабость мурддраала и его звероподобного воинства. Мурддраал не мог полагаться на троллоков, а потому привязывал их к себе каким-то неведомым Ранду способом – эта связь обеспечивала покорность троллоков, но она же не позволяла им надолго пережить своего предводителя.

В живых осталось не более двух дюжин Защитников, однако они не стали терять времени. Они пронзали копьями корчившихся на полу чудовищ, пока те не затихли. Солдатам удалось сбить с ног и мурддраала; поваленный, он продолжал наобум наносить удары. Когда смолкли вопли троллоков, стали слышны стоны раненых людей. Увы, Защитников погибло куда больше, чем отродий Тени. Мраморный пол был скользким от крови, хотя на темных каменных плитах она была почти не видна.

– Оставьте его, – приказал Ранд защитникам, пытавшимся добить мурддраала. – Он уже мертв. Просто Исчезающие долго не могут смириться с тем, что жизнь их покинула. – Об этом как-то раз рассказывал Ранду Лан, – казалось, это было давным-давно. В своё время юноша сам имел возможность убедиться в этом. – Позаботьтесь лучше о раненых, – добавил он.

Защитники попятились, со страхом взирая на обезглавленное, исколотое копьями тело, дрожащими голосами бормоча что-то о Таящемся. Так в легендах и преданиях Тира называли Исчезающего, мурддраала. Некоторые принялись осматривать павших – не подаст ли кто признаков жизни. Раненым помогали подняться на ноги, а остальных оттаскивали в сторону. В живых, увы, остались немногие. Да и раненым товарищам солдаты мало чем могли помочь – они лишь наскоро перевязывали их, разрывая собственные окровавленные рубахи.

Теперь вид у Защитников Твердыни был отнюдь не такой щеголеватый, как прежде. Их пробитые и покореженные во многих местах латы больше не сверкали, а некогда безупречные черные, с золотым шитьем мундиры были измазаны кровью. Многие воины лишились шлемов, а иные с трудом держались на ногах, опираясь на копья. Они тяжело дышали, а на их лицах застыло выражение ужаса и странного оцепенения. Солдаты бросали на Ранда неуверенные, опасливые взгляды – будто это он призвал этих тварей из Запустения.

– Оботрите наконечники копий, – распорядился Ранд. – Кровь Исчезающего разъедает металл, как кислота.

Многие из воинов не сразу сообразили, как исполнить этот приказ, – единственным подручным средством оказались рукава погибших соратников.

Но завершившаяся схватка была не единственной – из глубин Твердыни доносились приглушенные выкрики и звон клинков.

«Ну что ж, – решил Ранд, – мне уже удалось собрать воинов вокруг себя, попробую еще раз вдохновить их на бой».

Повернувшись спиной к Защитникам, он скомандовал:

– За мной! – И воздел над головой пламенный меч, чтобы напомнить солдатам, кто их ведет. Правда, Ранд не был уверен в том, что кто-нибудь не всадит ему в спину копье. Так что приходилось рисковать. – За мной! За Твердыню! Твердыня нерушима!

Юноша двинулся по коридору и некоторое время слышал лишь звук собственных шагов. Затем послышался топот сапог Защитников, а следом и возгласы:

– За Твердыню! За Твердыню и лорда Дракона! Твердыня нерушима! – Один голос, другой, третий...

Ускоряя шаг, Ранд повел свое израненное войско – всего двадцать три солдата – туда, откуда доносился шум боя.

Где сейчас Ланфир? И какая роль в случившемся принадлежит ей? Размышлять об этом Ранду было некогда. Коридоры Твердыни были усеяны мертвыми телами, лежавшими в лужах собственной крови, – Защитники, слуги, айильцы, дамы в одеяниях из тонкого полотна и служанки в грубошерстных платьях вперемежку валялись там, где их настигла смерть. Троллокам было все равно, кого убивать, – убийство доставляло им удовольствие. Однако жестокость этих тварей была ничем по сравнению с изуверством мурддраалов, упивавшихся болью и страхом своих жертв.

Ниже, в глубине Твердыни, кипели схватки. Троллоки – под предводительством мурддраалов или в одиночку – сеяли вокруг себя смерть; они рубились с Защитниками и айильцами, а заодно безжалостно истребляли безоружных. В жажде крови, рыская повсюду, они не знали удержу. Едва Ранд замечал кого-то из отродий Тени, он бросался на врага во главе своего маленького отряда; его меч с равной легкостью рассекал и черные кольчуги, и грубую плоть. Кроме айильцев, все в ужасе бежали от мурддраалов. Все, кроме айильцев и Ранда, – они встречали их без дрожи. Юноша пропускал троллоков, стараясь уничтожить Исчезающих. Случалось, что, испуская дух, мурддраал забирал с собой и дюжину-две троллоков, но так было не всегда.

Некоторые из сопровождающих Ранда защитников пали, но к его отряду присоединились айильцы, и он почти удвоился в числе. Порой вокруг Ранда собиралось немалое число воинов, порой они рассеивались – отставали, ввязавшись в схватку, и шум боя, криками и звоном стали

напоминающий какую-то безумную кузницу, затихал позади. Тех, кто последовал за Рандом вначале, теперь рядом с ним уже не осталось. Иногда юноша оказывался в одиночестве – сражался или бежал по коридору, где не было никого, кроме него и мертвых, на отдаленные звуки очередной схватки.

Был момент, когда, пробегая вдоль колоннады, Ранд, которого в это время сопровождала пара Защитников, бросил взгляд вниз, через балюстраду, и в находившемся этажом ниже зале со множеством дверей увидел Морейн и Лана, их окружали троллоки. Стоявшая с высоко поднятой головой Айз Седай напоминала воспетую в сказаниях повелительницу сражений. Пытавшиеся приблизиться к ней звероподобные чудовища вспыхивали, точно факелы, но их тут же сменяло шесть-восемь других тварей, выскакивающих из многочисленных коридоров. Троллоков, избегнувших испепеляющего огня Морейн, настигал меч Лана. Лицо Стража было залито кровью, но он проскальзывал между нападающими с таким хладнокровием, будто упражнялся в фехтовании перед зеркалом. Казалось, что у Лана глаза на затылке: когда троллок с волчьей мордой нацелил в спину Морейн тайренское копье, Страж мгновенно развернулся и отсек нападавшему ногу по колено. С жутким завыванием троллок повалился на пол, но и при этом пытался достать Лана копьем. И тут другой троллок обухом топора подсек Стражу колени.

Ранд не успел прийти на помощь друзьям, пятеро троллоков – звериные рыла, кабаньи клыки и бараньи рога – обрушились на него и двух его спутников и оттеснили от балюстрады. Пятерым исчадиям Тени ничего не стоило бы расправиться с тремя людьми, когда бы одним из них не был Ранд, чей меч рассекал кольчуги, словно холстину. Один из Защитников пал, а другой погнался за раненым троллоком, единственным, которого Ранд не успел уложить на месте. Когда юноша примчался обратно к колоннаде, снизу поднимался запах горелого мяса, пол был усеян огромными тушами троллоков, но Морейн и Лан бесследно исчезли.

Сражение шло за власть над Твердыней. Или – за жизнь Ранда. То здесь, то там вспыхивали короткие схватки и стихали, когда одной стороне удавалось одолеть другую. Люди сражались не только с троллоками и мурддраалами, им приходилось драться и с людьми, примкнувшими к отродам Тени. С виду эти приспешники Темного смахивали на бывших наемных головорезов или кабацких забулдыг. Похоже, эти вояки сами боялись троллоков и мурддраалов, однако это не мешало им ожесточенно набрасываться на людей. Дважды Ранд с удивлением видел, как троллоки схватывались с троллоками. Оставалось лишь предположить, что мурддраал утратил контроль над своими подручными и эти твари кромсают друг друга, повинаясь природной жажде крови. Ну что ж, в этом Ранд препятствовать им не собирался.

Пробегая по коридору, юноша свернул за угол и налетел на троих троллоков, каждый – вдвое шире его в плечах и раза в полтора выше. Один из них, с крючковатым орлиным клювом на человеческом лице, деловито отрезал руку у трупа тайренской дамы, остальные же, обливаясь, смотрели на него. Троллоки пожирали любое мясо, не гнушаясь и человеческой. И Ранд и чудовища замерли от неожиданности, но юноша оправился первым.

Миг – и гигант с орлиным клювом повалился на бок со вспоротым брюхом. Избранная позиция – «Ящерица в боярышнике» – помогла бы юноше расправиться и с остальными, но упавший троллок лягнул Ранда ногой. Юноша пошатнулся, и нацеленный во второго противника удар оказался неточным – он лишь отсек добрый кусок кольчуги. Правда, троллок с волчьей мордой тоже упал, но, падая, увлек за собой и Ранда. Юноша оказался на полу, массивная туша придавила и его самого, и руку с мечом. Враг, оставшийся на ногах, занес над ним свой шипастый топор, и на клыкастой кабаньей морде появилось нечто вроде улыбки. Ранд пытался высвободиться, но тщетно.

И тут меч-коса рассек скалившуюся кабанью морду.

Невесть откуда взявшийся рогатый, с козлиной мордой троллок вытащил из раны свой меч и, стуча копытами по каменным плитам, устремился прочь.

Наполовину оглушенный, Ранд с трудом выбрался из-под тела мертвого врага. «Троллок спас меня. Троллок?» Густая и темная троллочья кровь покрывала его с головы до ног. В дальнем конце коридора – не в том, куда умчался козломордый троллок, – вспыхнуло бледно-голубое сияние, и Ранд увидел двух мурддраалов. Нанося столь молниеносные удары, что те чуть не сливались в единое пятно, Исчезающие сражались друг с другом. Один из них оттеснил другого в боковой коридор, и бледные вспышки пропали из виду.

«Я сошел с ума, вот в чем дело. Я сошел с ума, и все это только безумный сон».

– Ты многим рискуешь, бегая как сумасшедший с этим твоим... мечом.

Услышав знакомый голос, Ранд обернулся. Ланфир вновь приняла облик юной девушки и выглядела сейчас не старше, а возможно, и моложе его самого. Небрежно приподняв подол белоснежного платья, Отрекшаяся невозмутимо, словно через бревно, переступила через труп растерзанной тайренской леди.

– Ты строишь шалаш, – продолжила Ланфир, – а мог бы мановением руки воздвигнуть мраморный дворец. С твоими способностями ты мог бы истребить этих троллоков – и тела их, и души – разом, а вместо того сам едва не лишился жизни. Тебе необходимо учиться. Присоединяйся ко мне.

– Это твоих рук дело? – требовательно спросил Ранд. – Спасший меня троллок? Дерущиеся друг с другом мурддраалы? Что все это значит?

Некоторое время она молча смотрела на него, затем с легким сожалением покачала головой:

– Если я доверюсь тебе, ты будешь без конца рассчитывать на мою помощь, а это может плохо кончиться. Никому из Избранных не известно, что у меня на уме, и это мне на руку. Так что не рассчитывай на мою открытую помощь.

– На твою помощь? – прорычал Ранд. – Да ты же хочешь вынудить меня служить Тени! Твои сладкие речи не заставят меня забыть о том, кто ты такая.

Ранд направил Силу – Ланфир взлетела, вскрикнула, ударившись о стену, и зависла в воздухе на фоне гобелена с изображением охотничьей сцены. Однако юноша не мог вспомнить, как ему удавалось ограждать от Источника Эгвейн и Илэйн.

Неожиданно он и сам взмыл в воздух, стукнулся о стену напротив Ланфир и завис там, словно бабочка, чем-то придавленная к камню. У него перехватило дыхание.

Между тем Ланфир, судя по голосу, затруднений с дыханием не испытывала.

– Все, что можешь делать ты, Льюс Тэрин, – промолвила она, – могу и я, причем гораздо лучше. – Она оставалась прижатой к стене, но, кажется, это ничуть ее не беспокоило. Слышно было, как неподалеку завязалась схватка, но вскоре звуки удалились. – Ты использовал ничтожную толику своих возможностей, – заявила Ланфир, – и отказываешься от того, что помогло бы тебе одолеть всех своих противников. Где Калландор, Льюс Тэрин? Остался в твоей спальне, точно никчемная безделушка? Неужто ты полагаешь, что если ты освободил Калландор, то только ты и можешь им воспользоваться? Ну нет, будь здесь Саммаэль, он бы забрал этот са'ангриал и использовал его против тебя. Да и Могидин непременно взяла бы его: во-первых, чтобы лишить тебя могучего оружия, а во-вторых, потому, что любой мужчина из числа Избранных дорого бы дал за возможность заполучить Калландор.

Ранд изо всех сил пытался освободиться от того, что его удерживало, но не мог даже пошевелиться, разве что голову повернуть. Мысль о том, что Калландор может оказаться в руках Отрекшегося, повергала его в ужас и отчаяние. Используя Силу, юноша старался сдвинуть невидимый барьер, но все его потуги были тщетны, хотя казалось, что и сдвигать-то нечего. А затем неожиданно то, что удерживало его, исчезло, и продолжавший бороться Ранд отлетел от стены, не успев даже понять, что он свободен. Правда, свободен не благодаря своим усилиям.

Он посмотрел на Ланфир. Она по-прежнему висела у стены с таким непринужденным видом, будто наслаждалась речной прохладой. Конечно же, это был хитрый ход с ее стороны – Ланфир хотела усыпить его бдительность, одурачить, заставить поверить в ее добрые намерения. «Но что же делать дальше? – размышлял юноша. – Замкнуть потоки Силы и оставить ее висеть?» Но Ланфир способна разнести половину Твердыни, стремясь вырваться на свободу. А что, если ее приметит пробегающий мимо троллок и прикончит, приняв за местную жительницу? Казалось бы, какое ему до этого дело? С какой стати он должен беспокоиться за жизнь Отрекшейся? Однако юноше претила мысль оставить беспомощную женщину, да и кого бы то ни было, на растерзание троллокам. Правда, глянув на невозмутимое лицо Ланфир, Ранд отказался от своих опасений. Пока эта женщина сохраняет способность направлять Силу, никто и ничто в Твердыне ей не угрожает. Вот если бы удалось разыскать Морейн, чтобы та отсекала Ланфир от Источника...

И снова решение за него приняла Ланфир. Ранд почувствовал толчок и ощутил, как разъединились державшие ее потоки. Отрекшаяся легко опустилась на пол и отошла от стены, небрежно оправляя платье.

– Ты не могла... – изумленно пролепетал Ранд. Это звучало глупо, и Ланфир усмехнулась:

– Чтобы распутать потоки, мне не нужно их видеть. Надеюсь, теперь ты понял, что тебе следует многому учиться. Сейчас ты в растерянности, и это мне нравится. Ты всегда был чересчур самоуверенным и упрямым, себе же во вред. Поумерить самомнение пошло бы тебе на пользу. Ну что, ты опять забыл о Калландоре?

Некоторое время Ранд медлил. Отрекшаяся стояла перед ним, а он ничего не мог поделать. Но и оставаться здесь не было смысла. Юноша повернулся и побежал за Калландором. Смех Ланфир звучал в его ушах.

Ранд стремительно мчался по коридорам Твердыни, стараясь не задерживаться и не отвлекаться на стычки с мурддраалами и троллоками, если те не преграждали ему дорогу. Когда же это случалось, он прокладывал себе путь пламенным мечом. В одном из боковых проходов он заметил Перрина и Фэйли. Юноша размахивал топором, а девушка с ножами в обеих руках прикрывала его со спины. Троллоки, наседавшие на них, как видно, страшились желтых глаз Перрина не меньше, чем его топора. Ранд пробежал мимо, даже не оглянувшись, ибо он знал: стоит одному из Отрекшихся завладеть Калландором – и никто из его друзей не доживет до рассвета.

Юноша мчался, не разбирая дороги, перепрыгивая через трупы Защитников и троллоков. Он пролетел через окруженную колоннами переднюю и, запыхавшись, распахнул двери в свои покои. Меч-Который-не-Меч покоился на своем вызолоченном и украшенном самоцветами постаменте, сияя в свете закатного солнца. Покоился, дожидаясь его.

Сейчас, когда Калландор находился перед ним, Ранд чувствовал чуть ли не отвращение при мысли, что придется взять его в руки. Лишь единожды ему довелось использовать Калландор по прямому назначению. Единожды, но этого с него хватило. Ранд знал, что ждет его, когда он вновь возьмет са'ангриал, чтобы почерпнуть из Истинного Источника невероятную для всякого человека силу. Ранд с трудом заставил себя выпустить ало-золотистый пламенный меч и, когда тот исчез, едва не вызвал его снова.

Едва волоча ноги, он прошел мимо трупа Серого Человека и взялся обеими руками за рукоять Калландора. На ощупь она была холодна, как кристалл, долго пробывший в темноте, но не скользила в ладони.

Что-то заставило Ранда оглянуться – в дверях, обратив безглазое лицо к Калландору, стоял Исчезающий.

Ранд окунулся в саидин. Он коснулся ее через Калландор, и Меч-Который-не-Меч засиял в его руке ярче полуденного светила. Порча пронеслась сквозь него половодьем мрака. Ранда переполняла Сила, она струилась по его жилам, жаркая, как расплавленная магма, и в то же

время столь холодная, что, казалось, могла бы заморозить и солнце. Он должен был использовать ее, иначе попросту лопнул бы, как перезрелый арбуз.

Мурддраал повернулся, намереваясь спастись бегством, но в тот же миг неожиданно растаял, превратившись в расплывающееся в воздухе маслянистое пятно. Его кольчуга и черное одеяние упали на пол.

Ранд даже не вспомнил, направлял ли он Силу, и не сумел бы объяснить произошедшее и ради спасения своей жизни. Но пока он держал в руках Калландор, его жизни ничто не угрожало. Наполнявшая его Сила билась, словно пульс мироздания. С Калландором в руках он мог совершить все, что угодно. Он ощущал мощь, способную сокрушить скалы. Направив тонкую нить, Ранд смахнул в переднюю одеяние и доспехи мурддраала, а потом слабой струйкой испепелил их. Решено – он идет на охоту за теми, кто охотился за ним.

Некоторые из них уже добрались до передней. Еще один Исчезающий и кучка троллоков палились на горстку пепла – все, что осталось от мурддраала. При виде Ранда с Калландором в руках троллоки завизжали, как звери. Исчезающий остолбенел, парализованный страхом. Возможности улизнуть Ранд им не оставил. Шагнув прямо к отродьям Тени, юноша направил Силу, и из черного мрамора пола под ногами чудовищ вырвались языки пламени, столь жаркого, что Ранду пришлось прикрыть лицо рукой. Затем огонь исчез, поглотив врагов, от которых остались лишь тусклые пятна на черных мраморных плитах.

Ранд снова бросился вниз, в недра Твердыни, и всякий попадавшийся на его пути мурддраал или троллок погибал в огне. Он сжигал чудовищ, наседавших на айильцев, Защитников и слуг, пытавшихся защититься копьями или мечами, подобранными у павших воинов. Ранд ускорил шаг, а потом и побежал – мимо мертвых тел, мимо оставленных без присмотра раненых. Надо было спешить, но бежать быстрее он уже не мог. Попадавшиеся ему на глаза троллоки гибли десятками, но остальные продолжали резню в многочисленных коридорах Твердыни.

Неожиданно юноша остановился посреди заваленного мертвыми телами широкого коридора. Он должен сделать нечто большее. Сила, чистейшая сущность пламени, пронизывала его до мозга костей, сжигая и леденя одновременно. Он должен уничтожить их всех до единого – и разом. Порча, словно поток нечистот, грозила затопить его душу. Воздев Калландор, Ранд потянул из источника Силу и вытягивал до тех пор, пока не почувствовал, что его вот-вот разорвет леденящее пламя. Он должен убить их всех.

Под потолком, прямо над его головой, воздух начал медленно вращаться, постепенно убыстряясь и превращаясь в некое подобие смерча с красными, черными и серебристыми прожилками. Втягиваясь в воронку, воздух мутнел и как будто густел. В центре смерча движение несколько замедлялось.

Ранд уставился вверх, пот градом струился по его лицу. Он не знал, что это, и лишь чувствовал, как восходящие потоки, которые он даже не брался исчислить, связывали его с вращающейся массой. Ибо смерч имел массу, и она возрастала по мере того, как это *нечто* втягивало в себя все новые потоки. Калландор сверкал все ярче и ярче – не в силах вынести слепящего блеска, Ранд закрыл глаза, но сияние, казалось, прожигало ему веки. Мчавшийся сквозь него поток Силы стремительно нарастал, грозя бросить в горловину смерча и его самого. Он должен что-то сделать. Должен. С усилием Ранд заставил себя открыть глаза – то, что он увидел, можно было сравнить лишь со всеми грозами мира, собранными воедино в шар величиной с троллокову голову. Он должен... должен... должен...

«Сейчас». Мысль появилась где-то на краю сознания, за коконом пустоты. Он отсек потоки, устремлявшиеся от него к смерчу, который продолжал вращаться, сжиматься и уплотняться сам по себе. «Сейчас».

Под потолком засверкали серебристые молнии. Из бокового коридора шагнул мурддраал, и в тот же миг с полдюжины ослепительных стрел буквально разорвали его в клочья. Теперь

смерч извергал светящиеся потоки, которые, змеясь, растекались по коридорам Твердыни. С каждым мгновением их становилось все больше.

Что он сделал и как – Ранд не имел понятия и стоял, содрогаясь под напором хлынувшей Силы. Он должен был использовать ее, хотя бы ценой жизни. Он чувствовал, как по всей Твердыне гибнут троллоки и мурддраалы, чувствовал, как молнии разят их насмерть. Он знал, что в его силах уничтожить отродья Тени во всем мире. С Калландором в руках он мог все. Но знал также, что такое усилие погубило бы и его самого.

С последним погибшим чудовищем исчезли молнии, а затем и смерч взорвался с громким хлопком. Но Калландор по-прежнему сиял как солнце; сам же Ранд дрожал от наполнявшей его Силы.

Всего в нескольких шагах от Ранда, изумленно взирая на юношу, стояла Морейн. Как всегда, ладно сидело на ней шелковое платье, каждая складочка на месте, и лишь пара локонов выбилась из аккуратной прически. Зато вид у Айз Седай был усталый и потрясенный.

– Как?.. Как тебе это удалось? Я и представить не могла, что такое возможно.

Из бокового коридора, тяжело ступая, вышел Лан с мечом в руке. Лицо Стража было окровавлено, кафтан разорван. Не сводя взгляда с Ранда, Морейн предостерегающе подняла руку, удерживая Лана возле себя, не позволяя ему даже приблизиться к Ранду. Как будто Ранд был опасен – опасен даже для Лана.

– С тобой все... в порядке, Ранд? – спросила она.

Юноша отвел глаза от Айз Седай, и взгляд его упал на темноволосую девочку, почти ребенка. Она лежала на спине, уставив в потолок невидящие глаза. Платье на ее груди потемнело от крови. Ранд наклонился и убрал прядь волос с ее лица.

«О Свет! Ведь она еще ребенок. Почему я не пришел раньше? Дитя!»

– Я прослежу, чтобы ею занялись, Ранд, – мягко произнесла Морейн. – Ты уже ничем ей не можешь.

Руки Ранда тряслись так, что он с трудом удерживал рукоять Калландора.

– С ним я могу совершить все. – Собственный голос звучал для слуха Ранда грубо и резко. – Все!

– Ранд! – настойчиво повторила Морейн.

Он не слушал. Сила переполняла его. Калландор сиял, и сам он воплощал собой эту Силу. Юноша устремил потоки в детское тельце, пытаясь вдохнуть в него жизнь. Тело затрепетало, дрогнули окостеневшие руки и ноги.

– Ранд, ты не сможешь сделать это. Не получится!

«Дышать. Она должна дышать!» Грудь девочки поднялась и опала. «Сердце. Должно биться сердце!» Кровь, уже загустевшая и темная, тоненькой струйкой медленно вытекала из раны на груди. «Живи! Живи, чтоб тебе сгореть! Я не хотел опоздать!» Глаза девочки были подернуты пленкой – в них не было признаков жизни. По щекам Ранда потекли слезы.

– Она должна жить! Морейн, Исцели ее. Я не умею. Исцели ее!

– Нельзя Исцелить от смерти, Ранд. Ты не Создатель.

Неотрывно глядя в мертвые глаза, юноша медленно отвел потоки. Мертвое тело глухо упало на пол. Ранд поднял голову и закричал – дико, истошно, как троллок. Выплеснутые его болью и отчаянием яркие всполохи огня ударили в стены и потолок.

Обмякнув, Ранд отпустил, оттолкнул от себя саидин. Это потребовало такого же усилия, как оттолкнуть скалу, как оттолкнуть саму жизнь. Вместе с Силой его покидала жизненная энергия. Осталась лишь горечь, вызванная порчей, отягощавшая его темным бременем. Чтобы устоять на ногах, Ранду пришлось опустить Калландор и опереться на него.

– Что с остальными? – с трудом произнес он. В горле саднило. – С Илэйн, с Перрином, с остальными? Неужто им я тоже не успел помочь?

– Успел, – успокаивающе проговорила Морейн, но не двинулась с места, да и Лан, казалось, готов был броситься между ней и Рандом. – Ранд, ты не должен...

– Они живы? – вскричал юноша.

– Живы, – заверила его Айз Седай.

В усталом облегчении Ранд кивнул. Он старался не смотреть на тело девочки. Три дня он провел, наслаждаясь тайными поцелуями. Если бы он начал действовать три дня назад... Но ведь эти три дня он старался научиться тому, что могло бы ему помочь, сумей он только свести все воедино. Если бы. По крайней мере, для его друзей еще не слишком поздно. Для них еще не слишком поздно.

– Как троллоки пробрались в Твердыню? – спросил он. – Вряд ли они вскарабкались по стенам, как айильцы, да еще среди бела дня. А сейчас день или вечер? – Ранд замотал головой, как будто разгоняя туман. – Впрочем, не важно. Как попали сюда троллоки?

Ответил ему Лан:

– Сегодня после полудня, ближе к вечеру, к причалам Твердыни пришвартовалось сразу восемь больших барж с зерном. Видно, никому не пришло в голову поинтересоваться, с чего это груженные зерном баржи плывут *вниз* по течению. – В голосе Стража звучало презрение. – Почему они причалили к Твердыне и почему команда оставила люки задраенными чуть ли не до самого заката. А потом, часа два назад, подоспел обоз. Тридцать крытых фургонов. Предполагалось, что это привезли из деревни имущество какого-то благородного лорда, но, когда сбросили холстину, оказалось, что они битком набиты Полулюдьми и троллоками. Может, они пробрались и каким-то другим путем, но этого я не знаю.

Ранд снова кивнул, и это стоило ему такого усилия, что у него подкосились ноги. Лан подскочил и, подставив плечо, помог Ранду удержаться на ногах. Морейн взяла лицо Ранда в ладони, и по телу юноши пробежал холодок. Не обжигающий мороз полного Исцеления, а холодок, который прогнал усталость. Большую ее часть. Осталось такое ощущение, словно он целый день мотыжил землю на посадках табака. Он уже не нуждался в опоре и отстранился от Лана. Страж посмотрел на юношу с тревогой – то ли не был уверен, обойдется ли Ранд без его помощи, то ли опасался, что тот уже не в своем уме.

– Я намеренно сняла твоё утомление не полностью, – пояснила Морейн. – Тебе необходимо поспать.

Поспать! Кажется, ничто на свете не заставило бы его заснуть. Но Ранд снова кивнул. Он вовсе не хотел, чтобы Айз Седай опекала его, но, вместо того чтобы возразить, сказал:

– Ланфир была здесь сегодня. Но все это – не ее рук дело. Так она сказала, и я ей верю. Морейн, похоже, это тебя не удивило? – Могло ли вообще что-либо смутить Айз Седай? – Повторяю, Ланфир была здесь, и я говорил с ней. Она не пыталась меня убить, и я не пытался убить ее. Тебя это и вправду не удивляет?

– Сомневаюсь, чтобы ты смог ее убить. Пока еще нет. – Взгляд Айз Седай скользнул по Калландору. – Во всяком случае, без него. И сомневаюсь, что она попытается убить тебя. Пока. Мы мало что знаем об Отрекшихся, а меньше всего о Ланфире. Известно, правда, что она любила Льюса Тэрина Теламона. Я бы не решилась утверждать, что ты в полной безопасности, – Ланфир способна изрядно навредить тебе. Но думаю, что она не будет пытаться убить тебя, пока надеется вернуть любовь Льюса Тэрина Теламона.

Ланфир добивалась его – вот оно что. Дочь Ночи, в существование которой едва ли верили мамыши, пугавшие ее именем детишек. А вот его самого она точно пугала. Ну не смешно ли это? Ранд всегда чувствовал себя виноватым, если заглядывался на любую девушку, кроме Эгвейн. Но оказывается, Эгвейн он не нужен, а нужен дочери-наследнице, – во всяком случае, ей нравится с ним целоваться. А теперь еще и одна из Отрекшихся заявляет, что любит его. Тут уж не до смеха. Похоже, Ланфир ревнует его к Илэйн, недаром обозвала ее белобрысой размазней. Безумие! Сплошное безумие!

– Завтра, – заявил Ранд и повернулся, чтобы уйти.

– Что завтра? – переспросила Морейн.

– Завтра я сообщу тебе, что собираюсь делать, – ответил Ранд, а про себя решил: кое-что, но не все.

Он представил себе лицо Морейн, если бы она узнала все, что он задумал, и чуть не рассмеялся. Однако пока и ему было не все ясно. Правда, Ланфир, сама того не подозревая, подсказала ему еще одну деталь. Остался последний шаг, сегодня ночью. Рука, державшая Калландор, дрожала. Но Калландор был с ним, а значит, все в его власти. «Я еще не сошел с ума, и на это меня хватит».

– Завтра. Да дарует Свет всем нам спокойную ночь, – сказал Ранд.

Завтра он выпустит на волю еще одну молнию. Молнию, которая, возможно, спасет его. Или уничтожит. Нет, он еще не сошел с ума.

Глава 11

Что же сокрыто?

Эгвейн в одной сорочке сидела на постели. Рядом на тумбочке лежали раскрытая книга и каменное кольцо. Глянув на кольцо, девушка тяжело вздохнула. Кольцо это было необычным – все в крапинках и полосках, красных, коричневых и синих. Оно было слишком велико, чтобы носить его на пальце, к тому же имело необычную форму. Если вести кончиком пальца по наружной стороне кольца, палец со временем оказывался в той же точке, но с внутренней стороны, а если продолжить движение, вновь возвращался на наружную. У кольца, хоть это и казалось невозможным, был только один край. Эгвейн не хотела оставлять кольцо на тумбочке, потому что без него ее могла подстеречь неудача. И этой неудачи она и ждала. Но рано или поздно ей надо было рискнуть и попробовать обойтись в этом деле без него. Иначе ей суждено вечно барахтаться, вместо того чтобы научиться плавать самостоятельно. И ничто не мешало ей попробовать именно сейчас. На то была своя причина. Весомая причина.

Толстая книга в кожаном переплете называлась «Путешествие в Тарабон». Судя по дате, автор, некий Эуриан Ромаври из Кандора, начал писать ее пятьдесят три года назад, но едва ли за это время в Танчико произошли сколь-нибудь заметные перемены. Кроме того, это был единственный том, снабженный гравюрами, из которых можно было почерпнуть что-нибудь полезное. Во всех остальных имелись только портреты королей или картины сражений, явно написанные людьми, ни разу в жизни не видевшими боя.

За окном стемнело, но благодаря лампам в комнате было достаточно света. На тумбочке горела свеча в позолоченном подсвечнике. Эгвейн пришлось сходить за свечой самой – после случившегося кошмара служанкам было не до того. Те, кто остался цел, ухаживали за ранеными или оплакивали близких. Многие в Твердыне нуждались в Исцелении, еще больше было тех, кому оно уже не требовалось.

Илэйн и Найнив ждали, устроившись на стульях с высокими спинками по обеим сторонам широкой кровати Эгвейн. Высокие столбики, поддерживающие балдахин над кроватью, украшала резьба в виде ласточек. Обе девушки старались скрыть беспокойство, но каждая по-своему. Илэйн ухитрялась сохранять непоколебимое спокойствие, но всякий раз, когда ей казалось, что Эгвейн на нее не смотрит, нервно покусывала нижнюю губу. У Найнив вид был уверенный и деловитый, как у хорошей сиделки, но по выражению ее глаз Эгвейн догадывалась, что и ей боязно.

У двери, скрестив ноги, сидела Авиенда. Ее серая в коричневых разводах одежда выделялась на фоне ярко-синего ковра. На сей раз Дева вооружилась до зубов: на поясе с одной стороны висел длинный кинжал, а с другой – оцетинившийся стрелами колчан, на коленях лежало четыре коротких копья, а под рукой, поверх рогового лука в узорчатом кожаном чехле с ремнями, позволявшими закидывать его за спину, – круглый кожаный щит. После случившегося сегодня вечером Эгвейн не могла упрекнуть Деву за то, что та явилась во всеоружии. Она и сама держалась начеку.

«Свет, что же такое сотворил Ранд? Чтоб ему сгореть, он напугал меня почище мурддрала. Подумать только, выделяет такие штуки, а я не могу даже увидеть потоки!» – сокрушалась девушка.

Она забралась на кровать и, положив на колени толстую книгу, принялась сосредоточенно разглядывать тисненную на коже переплета карту Танчику. По правде сказать, толку от того, что на ней указано, было немного. Дюжина фортов вокруг гавани оберегает город, расположенный на трех холмистых полуостровах. Самый восточный из них носит название Верана, тот, что находится в центре, именуется Масета, ближайшим к морю является Калпин. Беспольные сведения. Несколько больших площадей, какие-то незастроенные участки – скорее всего, парки и памятники правителям, властвовавшим в Танчику в незапамятные времена. Все это не годится. Было обозначено несколько дворцов и еще какие-то непонятные постройки. Вот, например, Великий Круг на Калпине. На карте он был помечен как кружок, но, судя по описанию Ромагни, представлял собой гигантское сооружение, где устраивались скачки, всевозможные представления и фейерверки иллюминаторов, собиравшие тысячи зрителей. На карте было еще два Круга – Королевский на Масете, побольше Великого, и Панарший на Веране, чуточку поменьше. Еще там был помечен квартал, принадлежавший гильдии иллюминаторов. Все это – и карта, и текст – ничем не могло ей помочь.

– Ты уверена, что действительно хочешь попробовать без кольца? – тихо спросила Найнив.

– Уверена, – отозвалась Эгвейн, стараясь не выдать волнения. На самом деле сердце ее сжималось точно так же, как сегодня вечером. Тогда она впервые увидела, как троллок схватил за волосы какую-то несчастную женщину и вцепился ей в горло зубами. Троллока убили, но женщине это уже не могло помочь. Ее душераздирающий крик до сих пор стоял у Эгвейн в ушах. – Ну, если не получится, я всегда смогу попробовать снова, уже с кольцом. – Эгвейн наклонилась и ногтем провела на свечке черту. – Разбудите меня, когда она догорит вот досюда. О Свет, до чего же жаль, что у нас нет часов!

Илэйн рассмеялась, но смех ее прозвучал невесело.

– Часы в спальне? Ишь чего придумала! У моей матушки их добрая дюжина, но я никогда не слышала, чтобы часы держали в спальне.

– А у моего отца только одни часы, – хмыкнула в ответ Эгвейн, – единственные на все наше селение. Вот было бы здорово, если бы сейчас они оказались здесь. Как вы думаете, догорит свеча досюда за час? Мне не хотелось бы проспять дольше. Разбудите меня, как только пламя достигнет этой отметки. Сразу же.

– Разбудим, – заверила ее Илэйн. – Обещаю.

– Это каменное кольцо, – неожиданно заговорила Авиенда, – раз уж ты, Эгвейн, решила им не пользоваться, то, может, кому-нибудь из нас взять его и пойти с тобой?

– Нет, – пробормотала Эгвейн. «Свет, как бы мне хотелось, чтобы все они отправились со мной!» – Но спасибо тебе за предложение.

– А что, разве только ты можешь им пользоваться? – спросила Авиенда.

– Им могла бы воспользоваться любая из вас, даже ты, – пояснила Найнив, – для этого нет надобности направлять Силу, достаточно лишь уснуть так, чтобы кольцо касалось кожи. Насколько мне известно, им мог бы воспользоваться и мужчина. Но ни одна из вас не знает *Тел'аран'риод*, как Эгвейн.

Авиенда кивнула:

– Понятно. Не зная места, можно наделать ошибок, да таких, что и себя, и других погубишь.

– Точно, – подтвердила Найнив. – Мир снов – опасное место, и это, пожалуй, все, что мы знаем о нем наверняка.

– Но Эгвейн будет осторожна, – сказала Илэйн, обращаясь к Авиенде, хотя на самом деле ее слова предназначались для самой Эгвейн. – Она обещала. Оглядится по сторонам – остороженько, – вот и все.

Эгвейн уставилась в карту. Легко сказать – остороженько. А ведь если бы она не оберегала столь ревностно свое кольцо – Эгвейн привыкла думать о тер'ангриале как о своем, хотя Совет Башни, узнай тот о нем, вряд ли бы с этим согласился, – если бы позволяла Илэйн или Найнив пользоваться им почаще, то подружки набрались бы опыта и их можно было бы взять с собой. Жаль, конечно, но вовсе не из-за этого Эгвейн старалась не смотреть на подруг – она боялась, что они заметят страх в ее глазах.

Тел'аран'риод. Незримый мир, Мир снов. Но не тех снов, какие снятся обычным людям, хотя изредка и они мимолетно соприкасаются с Тел'аран'риодом, и тогда сновидения кажутся им столь же реальными, как жизнь. Ибо таковы они и есть. Мир снов повторяет реальный, но причудливым, искаженным образом. Распахнутая в Незримом мире дверь в реальном остается закрытой, срубленное дерево продолжает расти. Но там человек может погибнуть или лишиться способности направлять Силу. В Мире снов творятся странные вещи; впрочем, «странные» – это еще слабо сказано. В Тел'аран'риоде перед тобой – весь мир. А может, открыты и иные миры. Попав туда, можно проникнуть куда угодно. По крайней мере, в отражение этого места в Мире снов. Там можно читать хитросплетения Узора – в прошлом, настоящем и будущем. Но это доступно лишь сновидицам. А сновидиц в Башне нет уже пять столетий. Последней была Корианин Недеал.

«Четыреста семьдесят три года, – уточнила про себя Эгвейн, – или четыреста семьдесят четыре? Когда же умерла Корианин?»

Если бы Эгвейн прослушала все уроки, положенные послушницам и принятым, то, наверное, знала бы это. Так же, как и многое другое.

В кожаном кошельке Эгвейн хранился список тер'ангриалов, по большей части таких маленьких, что их можно было унести в кармане. Все эти предметы были похищены из Башни Черной Айя. Копии этого списка имелись у Илэйн и Найнив. Напротив описаний тринадцати тер'ангриалов стояли пометки «назначение неизвестно» и «последней изучала Корианин Недеал». Но если Корианин Седай и впрямь не удалось выяснить, для чего они сделаны, то у Эгвейн назначение одного из них не вызывало сомнений. Эти тер'ангриалы открывали доступ в Тел'аран'риод. Пользоваться ими было не так просто, как каменным кольцом, для этого требовалось направлять Силу, но попасть с их помощью в Мир снов было возможно.

Два предмета из этого списка были отобраны у Амико и Джойи. Металлический диск трех дюймов в поперечнике с нанесенным с обеих сторон узором в виде плотной спирали и пластинка длиной примерно с ладонь, с виду изготовленная из чистого янтаря, но такая твер-

дая, что ею можно было царапать сталь. В центре пластинки было выгравировано изображение спящей женщины. Амиго сразу же выложила о них все, что знала. Джойя поначалу запиралась, но, после того как Мореин потолковала с ней наедине, и у этой приспешницы Темного развязался язык. Оказалось, что нужно направить в любой из тер'ангриалов поток Духа, и он погрузал в сон, а затем переносил в Тел'аран'риод. Илэйн наскоро опробовала их. Оба действовали, правда увидеть ей удалось только недра Твердыни и королевский дворец Моргейз в Кэймлине.

Эгвейн не хотелось, чтобы Илэйн пробовала хотя бы раз, и вовсе не из ревности. Однако и спорить особо не стала, опасаясь, что Илэйн и Найнив услышат страх в ее голосе.

Два тер'ангриала были возвращены, но это значило, что одиннадцать остались у Черной Айя. Одиннадцать тер'ангриалов, каждый из которых мог перенести Черную сестру в Тел'аран'риод. А значит, совершая свои краткие путешествия в Мир снов, Илэйн могла наткнуться там на кого-нибудь из них. При мысли об этом у Эгвейн мурашки пробегали по коже. И сейчас Черная Айя, возможно, дожидается ее там. Не намеренно, конечно, откуда им знать, что она туда собралась, но такую вероятность исключить нельзя. С одной из них Эгвейн бы сладила, если, конечно, та не застанет ее врасплох, но этого она постарается не допустить. Другое дело, если ей встретятся две, три, а то и больше. Если на нее накинута Лиандрин и Рианна, Чесмал Эмри и Джин Кайд или все сразу?

Напряженно вглядываясь в карту, Эгвейн разжала сжатые кулаки. Сегодняшние события заставляли действовать безотлагательно. Если отродья Тени смогли напасть на Твердыню, а одна из Отрекшихся – оказаться в самом ее сердце, Эгвейн не могла позволить себе поддаваться страху. Необходимо выяснить, что делать дальше. Маловразумительного рассказа Амиго для этого недостаточно. Вот если бы ей удалось удостовериться в том, что Мазрима Таима под стражей везут в Тар Валон, или проникнуть в сон Амерлин и поговорить с ней. Возможно, сновидицы и были на такое способны, но она – нет. Значит, остается одно – заняться Танчиго.

– Я должна идти одна, Авиенда. Одна. – Эгвейн казалось, что она говорит спокойно, но, видно, Илэйн догадалась, что подруга волнуется, и погладила ее по плечу.

Эгвейн сама не знала, зачем она столь пристально всматривается в карту. Она и так держала ее в голове – всю, до мельчайших подробностей. Все существовавшее в этом мире существовало и в Мире снов, хотя порой там встречалось и многое другое. Эгвейн уже решила, куда отправится. Перелистав книгу, она нашла ту единственную гравюру, на которой были изображены внутренние покои здания, именовавшегося на карте Панаршим дворцом. Стоило приглядеться еще разок, чтобы не попасть впросак, – ведь она даже не знала, где именно в городе находится этот дворец. Трудно сказать, почему девушка остановила свой выбор именно на этих палатах, – видимо, рассудила, что стоит положиться на случай.

Гравюра изображала просторный зал с высоким потолком. Предметы, выставленные на стендах и в открытых шкафчиках, что стояли вдоль стен, были ограждены веревкой, натянутой между столбиками по пояс высотой. Что это за предметы, было не разобрать. Единственное, что разглядела Эгвейн, – это массивный скелет какого-то животного в дальнем конце зала. Художник не пожалел усилий, расписывая диковину. Судя по костям, животное имело четыре толстенных лапы, но в остальном ничем не напоминало ни одного известного Эгвейн зверя. Если верить масштабу, скелет имел в высоту самое меньшее два спана, то есть был примерно вдвое выше самой девушки. Округлый, низко посаженный череп, смахивающий на бычий, был столь велик, что в нем мог поместиться ребенок, но что чуднее всего – в нем было четыре глазницы. Благодаря этому скелету зал невозможно было спутать ни с каким помещением. Может, Эуриан Ромавни и знал, что это за бестия, но нигде в книге не упомянул об этом.

– Кто вообще такие эти панархи? – спросила Эгвейн, откладывая в сторону увесистый том. – Похоже, авторы этих книг считали, что читателям известно.

– Это правительницы Танчико, обладающие той же властью, что и короли, – пояснила Илэйн. – Они отвечают за сбор податей, таможенных пошлин и прочих платежей, а короли следят за правильным расходованием этих средств. Той, что носит этот титул, подчиняется гражданская стража и все суды, кроме верховного, подотчетного королю. Король, разумеется, командует и всеми войсками, кроме особого, Панаршего легиона. Она...

– На самом деле это для меня не важно, – вздохнула Эгвейн. Она спросила лишь потому, что неосознанно хотела оттянуть предстоящий шаг. Свеча между тем горела, и драгоценное время уходило впустую. Эгвейн знала, как пробудиться и вернуться из сна, но в Тел'аран'риоде время течет по-другому, и за ним так трудно уследить. – Разбудите меня, как только огонь доберется до этой метки, – напомнила она подругам, и те согласно закивали.

Эгвейн откинулась на подушки и уставилась в потолок, расписанный под голубое небо с облаками и ласточками. Но она ничего не видела.

Последнее время ее донимали страшные сны. Снился ей и Ранд. Ранд, ростом с гору, попираля ногами города. Здания рассыпались, и люди, мелкие, как букашки, с криками разбегались в разные стороны. Ранд, закованный в цепи, сам заходился в отчаянном крике. Ранд воздвигал стену, отгораживаясь от нее. Рядом с нею стояла Илэйн и еще кто-то, Эгвейн не разобрала кто. «Я должен построить ее, – приговаривал он, громоздя камень на камень, – и ты меня не остановишь». Но не только Ранд являлся ей в кошмарах. Она видела, как айилыцы бьются друг с другом, убивают друг друга и бегут, побросав оружие, словно их охватило безумие. Мэт боролся с шончанкой, набросившей на него невидимые путы. Волк – хотя Эгвейн была уверена, что это Перрин, – вступал в схватку с человеком, лицо которого непрерывно менялось. Галад облачался в белый плащ, напоминавший саван. Снился ей и Гавин, в глазах которого застыли боль и ненависть, и мать, заливавшаяся слезами. Сны были очень яркими, и она понимала: они что-то означают. Но разгадать их значение не могла. И как могло ей прийти в голову, что она сумеет отыскать ключ ко всему в Тел'аран'риоде? Но другого выхода, кроме как отправиться в Мир снов, не было. Не оставаться же в неведении.

Несмотря на нервное возбуждение, погрузиться в сон оказалось не так уж сложно. Эгвейн была измотана до крайности. Всего-то и потребовалось, что закрыть глаза и начать ровно и глубоко дышать. Эгвейн мысленно представила себе тот зал в Панаршем дворце и гигантский скелет. Вдох-выдох, вдох-выдох. Она помнила, как проникала в Тел'аран'риод с помощью каменного кольца. Вдох – выдох, вдох – выдох...

Эгвейн ахнула и отшатнулась, прижав ладонь к горлу. Вблизи скелет оказался еще громаднее, чем она думала, а выбеленные кости – гладкими и сухими. Эгвейн стояла прямо перед ним, с внутренней стороны ограждения из натянутых между столбиками белых шелковистых канатов толщиной с запястье. Сомнений не было – она попала в Тел'аран'риод. Все, что она видела вокруг, было слишком явственным, четким, слишком... настоящим для обычного сна.

Эгвейн открыла себя саидар. Порежь она здесь палец, царапина останется и после пробуждения; но если ее здесь убьют – пользуясь Силой, а то и попросту мечом или дубинкой, – пробуждения не будет. А она не собиралась беспечно подставлять себя под возможный удар.

Вместо сорочки на Эгвейн был такой же наряд, какой носили сородичи Авиенды, только из расшитого золотом красного шелка, даже мягкие, зашнурованные до колен сапожки, отделанные золотой тесьмой, были из красной кожи – такой тонкой, что она сгодились бы на перчатки. Эгвейн тихонько рассмеялась. Попадавший в Тел'аран'риод оказывался одетым так, как ему хотелось. Возможно, где-то в подсознании она стремилась иметь одежду, не стесняющую движений, и вместе с тем была не прочь выглядеть понарядней. Но это не годится, решила Эгвейн, и тут же ее куртка, штаны и сапожки стали серыми в коричневых разводах – в точности как у Дев. Ну нет, для города это не подойдет, только и успела подумать девушка, как на ней

оказалось темное, с высоким корсажем и длинными рукавами платье, какое обычно носила Фэйли.

«Да какая разница, – рассудила Эгвейн, – глупо беспокоиться по этому поводу. Кто меня здесь увидит, будь я хоть голой!»

И в то же мгновение вся ее одежда *исчезла*. Девушка смущенно покраснела и, хотя тут никто ее голой увидеть не мог, вернула назад темное платье. Следовало бы помнить, что здесь все мысли вещественны, особенно если обнимаешь Силу. Илэйн с Найнив напрасно считали ее такой уж сведущей. О порядках, царящих в Незримом мире, она знала немного и понимала, что должна узнать в сотню, тысячу раз больше, если действительно хочет стать первой со времен Корианин сновидицей в Башне.

Эгвейн присмотрелась к массивному черепу. Она выросла в деревне, и кости животных были ей не в диковинку. Но то, что она принимала за вторую пару глазниц, оказалось отверстиями от клыков, располагавшихся по сторонам носа. Эгвейн предположила, что это, может быть, какой-то гигантский кабан, хотя нет, череп не похож на свиной. К тому же от скелета веяло глубокой древностью.

Здесь, в Мире снов, направляя Силу, она могла чувствовать подобные вещи. Все ее ощущения были невероятно обострены. Она видела тонкие трещины в позолоченной потолочной лепнине на высоте пятидесяти футов и тончайшие, разбегавшиеся, как паутинка, трещинки на белокаменных полированных плитах пола.

Зал был велик – шагов двести в длину и не менее ста в ширину, с рядами тонких белых колонн. Столбики, между которыми был натянут канат, окружали его по всему периметру, за исключением тех мест, где находились высокие двойные арочные двери. За ограждением располагались большие полированные шкафы, витрины или стеллажи с выставленными на них диковинами. Под самым потолком тянулся длинный ряд узорчатых окошек, пропускавших яркий солнечный свет. Очевидно, она оказалась в том Танчико, где в Мире снов был день.

«Величайшее собрание реликвий давно минувших времен, включая Эпоху легенд и даже века, предшествовавшие ей, открытое для обозрения всем, в том числе и черни, три дня в неделю, а также по праздникам», – писал Эуриан Ромавни.

В восторженных словах он описывал бесценную коллекцию шести статуэток из *квейнди-яра*, хранившуюся в застекленной витрине в центре зала. Когда зал открывали для доступа, у шкафа выставлялся караул из четырех солдат личной гвардии панарха. Целых две страницы Ромавни расписывал останки удивительных сказочных зверей, «коих живьем не выдывал глаз человеческий». Теперь Эгвейн выпал случай рассмотреть их. У одной стены стоял скелет животного, похожего на медведя, но из пасти у него торчали два клыка длиной с добрый фут, а напротив него располагался скелет четвероногого с такой длинной шеей, что голова его чуть ли не упиралась в потолок. Другие диковины, находившиеся в зале, поражали воображение не меньше. Судя по всему, многие из них были гораздо древнее Тирской Твердыни. Эгвейн пролезла под канатом и медленно, оглядываясь по сторонам, двинулась по залу.

Ее внимание привлекла каменная статуэтка, изображавшая обнаженную женщину с длинными, до пят, волосами. Внешне она была похожа на другие фигурки, стоявшие в том же шкафу, – по виду тоже очень старые, размером тоже не больше ладони, однако Эгвейн ощутила исходившее от нее мягкое тепло, которое девушка сразу узнала. Несомненно, это ангриал; удивительно только, как это Башня еще не заполучила его. Искусно соединенные между собой ошейник и два браслета из тусклого черного металла на соседнем стенде заставили Эгвейн поежиться: она чувствовала заключенную в них тьму и боль – древнюю-древнюю, мучительную боль. Серебристая штукавина из другого шкафа – трехлучевая звезда в круге – была изготовлена из неизвестного Эгвейн материала, более мягкого, чем любой металл. Исцарапанная и выщербленная, эта звезда была еще древнее, чем древние кости, и даже на расстоянии десяти шагов Эгвейн уловила витающую вокруг нее ауру тщеславия и гордыни.

Одна вещь показалась Эгвейн знакомой, хотя она сама не могла бы сказать почему. Вещица была запрятана в дальний угол одного из шкафов; видно, тот, кто засунул ее туда, не был уверен в том, что она заслуживает внимания. Верхняя половинка статуэтки, вырезанной из блестящего белого камня. Женщина с исполненным мудрости и достоинства лицом держала в поднятой руке хрустальную сферу. Будь статуэтка цела, она была бы в фут высотой. Но почему она кажется такой знакомой? Почему притягивает к себе?

Только обхватив обломанную статуэтку пальцами, Эгвейн поняла, что, сама того не заметив, перелезла через канат.

«Глупо, – подумала она, – ведь я даже не знаю, что это такое».

Однако было уже поздно.

Едва рука девушки коснулась фигурки, Сила хлынула из нее в статуэтку и устремилась обратно, и снова – туда и обратно. Хрустальная сфера зловеще вспыхивала, и с каждой вспышкой острые иглы пронзали мозг Эгвейн. Болезненно всхлипнув, девушка выронила статуэтку и схватилась руками за голову.

Фигурка упала на пол, хрустальная сфера разлетелась вдребезги, и боль мгновенно исчезла. От боли остались лишь смутные воспоминания, а еще тошнота и слабость, от которой кружилась голова и подкашивались ноги. Девушка зажмурилась, чтобы не видеть, как зал качается перед глазами. Статуэтка эта, безусловно, тер'ангриал. Но почему она так подействовала? Может быть, из-за того, что была сломана, а истинное ее предназначение заключалось в другом? Впрочем, лучше об этом не думать – опробовать тер'ангриалы всегда было рискованным делом. Но теперь, совершенно разбитая, она, наверное, уже не представляет опасности. Во всяком случае, здесь.

«И все-таки – почему мне показалось, что она зовет меня, так и просится в руки?»

Тошнота прошла, и Эгвейн открыла глаза. Статуэтка вновь очутилась в шкафу, на той самой полке, где девушка впервые ее увидела. Странные вещи творятся в Тел'аран'риоде, но это, пожалуй, слишком странно. Да и вообще, не за этим она сюда явилась. Перво-наперво надо выбраться из Панаршего дворца. Перебравшись через веревочное ограждение, девушка заторопилась к выходу из зала, стараясь не пуститься бегом.

Во дворце, разумеется, не было ни малейших признаков жизни. Людей здесь не было – это точно. В уютных двориках, окруженных портиками, колоннадами и балконами с резными, похожими на каменные кружева перилами, били фонтаны, а в бассейнах весело плескались разноцветные рыбки и плавали белоснежные кувшинки размером с тарелку. Все здесь повторяло реальный мир. За одним исключением – тут не было людей. В коридорах стояли высокие, искусно сработанные золоченые светильники. Фитили не были обуглены, но Эгвейн чуяла аромат душистого масла. Она ступала по ярким коврам, которые, конечно же, никто здесь не выбивал, но из-под ее ног не поднялось ни пылинки.

И вдруг она увидела человеческую фигуру: впереди нее шел мужчина в богато изукрашенных золоченых доспехах, под мышкой он держал золоченый же островерхий шлем с плюмажем из перьев белой цапли.

– Аэлдра! – кричал он с радостным смехом. – Аэлдра! Ну-ка взгляни на меня. Я назначен лорд-капитаном Панаршего легиона. Аэлдра?

Мужчина сделал еще один шаг и исчез так же внезапно, как и появился. Конечно, он не был сновидцем и даже не пользовался тер'ангриалом вроде ее каменного кольца или металлического диска Амико. Обычный человек, сон которого случайно соприкоснулся с Тел'аран'риодом. Он и не подозревал, какие опасности ему грозили. Многие люди, умершие во сне, нашли свою гибель, оказавшись в Тел'аран'риоде. Но этот человек благополучно вернулся в обычный сон.

А тем временем в Тире на тумбочке рядом с кроватью горела свеча. Время ее пребывания в Мире снов уходило.

Эгвейн ускорила шаг и подошла к высоким резным дверям, выходившим на широкую белую лестницу и большую пустынную площадь. Вокруг раскинулся Танчико. На крутых уступах бесчисленных холмов теснились, сверкая под солнцем, белоснежные дома и высились сотни изящных башен, увенчанных шпилями, нередко золочеными. Примерно в полумиле, на ровной площадке, расположенной чуть ниже дворца, находился окруженный высокой белой стеной Панарший Круг. Дворец же увенчивал один из самых высоких холмов. С вершины лестницы Эгвейн видела поблескивающую гладь океана на западе, фьорды, разделявшие холмистые, напоминающие растопыренные пальцы мысы, на которых расположился город. Танчико был больше Тира, а возможно, и Кэймлина.

Ей так много надо осмотреть, она даже не знает, что искать. Что-то способное указать на присутствие Черной Айя или на опасность, грозящую Ранду. Если нечто подобное здесь вообще есть. Будь она настоящей, умудренной опытом сновидицей, она бы, безусловно, знала, что искать и как истолковывать увиденное. Но научить ее было некому. Возможно, айильские Хранительницы Мудрости умели разгадывать сны, но Авиенда неохотно заводила речь о Хранительницах, и потому Эгвейн не решалась расспрашивать ни ее, ни других Дев. Возможно, Хранительница Мудрости и могла бы научить ее, если только разыскать таковую.

Эгвейн сделала шаг по направлению к площади и неожиданно оказалась в совсем другом месте.

Вокруг высились остроконечные каменные пики. Стояла такая нестерпимая жара, что, казалось, с каждым выдохом тело теряло влагу. Испепеляющие солнечные лучи прожигали насквозь, проникая сквозь платье, а легкий ветерок опалял лицо, словно веял из раскаленной печи. Растительности вокруг было немного: низкорослые корявые деревья, пожухлая трава да какие-то колючки, которых Эгвейн не признала. Зато льва она признала сразу, хотя никогда прежде живьем его не видела. Зверь лежал на уступе скалы, шагах в двадцати от нее, лениво помахивая хвостом с черной кисточкой на конце. Он смотрел не на девушку, а на что-то в сотне шагов от него. А у кромки кустов, фыркая, ковырялся здоровенный, покрытый щетиной кабан. Он не замечал, что к нему с копьем в руке подкрадывается айильская охотница, одетая так же, как и Девы в Твердыне. Шуфа ее была повязана вокруг головы, но лицо оставалось открытым.

«Пустыня? – удивилась Эгвейн. – Выходит, я перенеслась в Айильскую пустыню! Когда же я наконец научусь следить за своими мыслями?»

Айильская охотница замерла. Сейчас она смотрела не на кабана, а на Эгвейн. Правда, кабан, если это был кабан, выглядел как-то странно.

Эгвейн не сомневалась в том, что охотница не Хранительница Мудрости. Она была одета как Дева, а по рассказам Авиенды Эгвейн знала: чтобы стать Хранительницей, Дева должна «отречься от копья». Скорее всего, эта Дева случайно угодила во сне в Тел'аран'риод, подобно тому малому из дворца. Если бы он обернулся, то тоже мог увидеть Эгвейн. Девушка закрыла глаза и сосредоточилась на самом запоминающемся в Танчико – гигантском чудном костяке в огромном зале.

Открыв глаза, она вновь очутилась перед громадным скелетом. На сей раз Эгвейн заметила, что кости соединены проволокой, да так искусно, что крепления трудно углядеть. Обломанная статуэтка с хрустальной сферой покоилась на своей полке. Эгвейн не стала приближаться к ней, так же как и к черному ошейнику с браслетами, хранившему память о боли и страдании. Тот ангриал в виде женщины из камня, был само искушение.

«Свет, – сказала она себе, – зачем тебе это? Ты явилась сюда искать, и ничего больше. Оставь ее в покое!»

На этот раз она быстро нашла путь к площади. Следовало торопиться – время здесь текло по-иному. Илэйн и Найнив могут разбудить ее в любой момент, а она даже не приступила к поискам. Нельзя терять понапрасну ни минуты. Нужно быть осторожной в мыслях. Не думать о Хранительницах Мудрости. Не отвлекаться на пустяки.

«Сосредоточься на главном», – твердо приказала она себе.

Эгвейн быстрым шагом, чуть ли не бегом, шла по пустому городу. Извилистые мощеные улочки, то поднимавшиеся, то спускавшиеся по склонам холмов, были пустынными, если не считать голубей с зеленоватыми спинками и белесо-серых чаек, взлетающих у нее из-под ног, шумно хлопая крыльями. Интересно, почему птицы здесь есть, а людей нет? Жужжали мухи, в тени сновали тараканы и жуки. Разномастная стайка отощавших собак перебежала улицу. Почему здесь собаки?

Усилием воли Эгвейн заставила себя сосредоточиться на цели своих поисков. Как же узнать, где скрываются Черные сестры? Какие признаки указывают на опасность, грозящую Ранду, если она вообще существует?

Белая штукатурка, покрывавшая большую часть зданий, потрескалась и осыпалась, из-под нее проглядывали деревянные стены или светло-коричневая кирпичная кладка. Только башни и огромные здания, вероятно дворцы, были сложены из камня, коль скоро не утратили белизны. Но и сам камень был испещрен мельчайшими трещинками – глазу они были недоступны, но Сила позволяла Эгвейн чувствовать это. Обветшалые стены, облупившиеся купола – что это может означать? Что, жители Танчико не поддерживают свой город в порядке? Может, и так, а может, все, что угодно!

Эгвейн аж подскочила, когда прямо перед ней с неба свалился какой-то мужчина. Она успела заметить мешковатые белые штаны и пышные усы, прежде чем он, не переставая орать, растворился в воздухе в паре футов над мостовой. Если бы он грохнулся на мостовую здесь, в Тел'аран'риоде, дома его обнаружили бы в постели мертвым.

«К моему делу он имеет не большее отношение, чем тараканы», – сказала себе Эгвейн.

Может, стоит поискать внутри зданий? Надежды было мало, но девушка так отчаялась, что готова была попробовать все что угодно. Или почти все. Сейчас главное – время. Сколько его осталось? Эгвейн заторопилась и стала перебегать от двери к двери, заглядывая в лавки, дома и на постоянные дворы.

Трактиры выглядели так, как будто скамьи, столы и оловянная посуда, что поблескивала на полках, поджидали посетителей. В лавках царил безупречный порядок, однако на портновских столах лежали отрезки тканей, ножи и ножницы, в заведениях мясников подвешенные к потолкам крюки были пусты, а полки голы. При всем старании невозможно было обнаружить ни малейшего следа пыли – такая чистота удовлетворила бы даже ее матушку.

Узкие улочки были застроены одноэтажными жилыми домами – оштукатуренными, с плоскими крышами и выходившими во двор окнами. И эти скромные жилища имели вполне обжитой вид: казалось, вот-вот и семьи рассядутся по скамьям возле холодных каминов, за узкими столами с резными ножками, уставленными кубками и подносами – гордостью всякой хозяйки. В ожидании хозяев на крючках висела одежда, на скамейках лежали инструменты, горшки и котлы стояли наготове.

Что-то заставило Эгвейн остановиться и вернуться в один из осмотренных ею домов, который остался было в десятке жилищ позади и в котором в реальном мире вроде бы обитала какая-то женщина. Миска в красную полоску, красовавшаяся на столе, превратилась в высокую голубую вазу, а скамья, на которой валялись порченная упряжь и инструмент для ее ремонта, прежде стоявшая у камина, оказалась возле двери, и теперь на ней лежали корзинка для рукоделия и детское платьице с вышивкой.

«Почему все изменилось? – удивилась Эгвейн. – А с другой стороны, почему бы и нет? О Свет, ничегошеньки-то я не знаю!»

Заметив на другой стороне улицы обшарпанную конюшню – на ее стенах из-под осыпавшейся кусками штукатурки проглядывала кирпичная кладка, – Эгвейн поспешила туда и распахнула одну из створок больших дверей. Как и в любой конюшне, земляной пол здесь устилала солома, но стойла были пусты. Почему? В соломе послышался шорох, и девушка поняла,

что в конюшне кто-то есть. Там были крысы. Множество крыс бесстыдно пялились на нее, прихихиваясь. Разбежаться или хотя бы прятаться в укромном уголке ни одна крыса и не думала, они словно чувствовали себя здесь хозяевами. Эгвейн непроизвольно попятилась.

«Голуби, чайки, собаки, мухи и крысы. Наверное, только Хранительнице Мудрости под силу разобраться, что тут к чему».

Неожиданно Эгвейн вновь оказалась в Пустыне.

Тварь, похожая на кабана, но размером с низкорослую лошадку, кинулась напрямик к ней, и девушка с криком повалилась навзничь. Зверь перемахнул через нее, и Эгвейн заметила, что это вовсе не кабан. У него было узкое рыло, пасть, полная острых зубов, напоминающих волчьи, и четырехпалые лапы. Девушка даже не успела испугаться: страх пришел, когда зверь уже улепетывал, карабкаясь по скалам. Такая здоровенная тварь могла запросто переломать ей кости или растерзать своими клыками. И тогда она пробудилась бы израненной, а то и не пробудилась бы вовсе.

Скала под ее спиной раскалилась, точно сковородка. Эгвейн вскочила на ноги, отчаянно браня себя. Так она ничего не добьется. Ей надо быть в Танчико, и она должна сосредоточиться только на этом, выбросив из головы все посторонние мысли.

Эгвейн отряхнула песок с платья и неожиданно замерла: всего в десяти шагах от нее стояла айильская Дева, не сводившая с нее пристального взгляда больших голубых глаз. На вид воительница казалась ровесницей Авиенды. Она выглядела не старше самой Эгвейн, но выбивавшиеся из-под шуфы светлые пряди волос казались седыми. Копье было нацелено на Эгвейн, и было ясно, что с такого расстояния она не промахнется.

Поговаривали, что айильцы без снисхождения обходятся с теми, кто забредает в Пустыню, не испросив их дозволения. Эгвейн была уверена, что сумеет окутать женщину потоками Воздуха и та не сможет метнуть копье. Но дальше-то что? Не исчезнут ли путы в тот момент, когда она будет переноситься? А что, если Дева успеет-таки метнуть копье прежде, чем Эгвейн растворится в воздухе? Мало радости оказаться в Танчико, пронзенной айильским копьем. Можно, конечно, замкнуть потоки, но тогда после исчезновения Эгвейн Дева останется в Тел'аран'риоде связанной и беспомощной. А вдруг вернется лев или эта тварь, похожая на кабана?

Нет. Нужно что-то предпринять, постараться, чтобы Дева опустила копье хотя бы на миг. Тогда Эгвейн закроет глаза и перенесется обратно в Танчико, где ей и следует быть. А то глупые фантазии заносят ее невесть куда. По правде сказать, Эгвейн не была уверена в том, что женщина, случайно попавшая во сне в Тел'аран'риод, способна причинить реальный вред, но рисковать ей не хотелось. С айильскими копьями шутки плохи. Все равно эта Дева через несколько мгновений исчезнет. Нужно просто чем-то отвлечь ее ненадолго.

Может быть, изменить одежду? Как только эта мысль пришла ей в голову, платье Эгвейн сменило серое, с коричневыми разводами одеяние – точно такое же, как у айилки.

– Я не причиню тебе зла, – дружелюбно произнесла Эгвейн.

Однако воительница не опустила копья, а, сдвинув брови, сказала:

– Девочка, ты не имеешь права носить *кадин'сор*.

И в тот же миг Эгвейн поняла, что стоит посреди пустыни обнаженной. Солнце нещадно опалило кожу, а раскаленный песок жег босые ступни, вынуждая переступать с ноги на ногу.

Девушка была потрясена – она и понятия не имела, что в Море снов силой воображения можно менять не только свой, но и чужой облик. Сколько же здесь возможностей, сколько правил, о которых она даже и не подозревала? Эгвейн поспешно вернула себе темное платье для верховой езды и крепкие башмаки и одновременно лишила Деву ее одеяния. Для этого ей пришлось почерпнуть Силу из Источника, – очевидно, воительница сконцентрировалась на том, чтобы Эгвейн оставалась нагой. А Эгвейн тем временем удерживала поток саидар наготове, чтобы перехватить копье, если Дева все же метнет его.

Теперь оторопела воительница. Копье в ее руке дрогнуло, и Эгвейн, улучив момент, закрыла глаза и мгновенно перенеслась в Танчико, к подножию скелета гигантского кабана. Или кого бы там ни было. Сейчас она даже не взглянула на чудной костяк. Ее стало утомлять от созданий, похожих и не похожих на кабанов. «Как мне это удалось? Впрочем, хватит вопросов – из-за них меня все время заносит не туда. Но уж больше такого я не допущу».

И еще одно показалось Эгвейн странным. За миг до того, как она закрыла глаза, чтобы перенестись из Пустыни в Танчико, девушка отчетливо увидела позади айилки другую женщину, смотревшую на них обеих. Златокудрую женщину с серебряным луком в руках.

«Это уж и вовсе невероятно, – сказала себе Эгвейн. – Ты просто наслушалась баек Тома Меррилина».

Бергитте давным-давно мертва и не вернется в мир до тех пор, пока зов Рога Валир не поднимет ее из могилы. А мертвые – даже герои легенд – не видят снов и, значит, не могут оказаться в Тел'аран'риоде.

Заставив себя отбросить бесплодные размышления, Эгвейн бегом поспешила обратно на площадь. Сколько же времени потратила она впустую? Уходят драгоценные минуты, а она так ничего и не выяснила, и теперь, наверное, ей придется обшарить город целиком. Если бы только знать, что искать. И где. Бежать здесь, в Мире снов, было совсем нетрудно, но девушка понимала: как бы быстро она ни мчалась, ей не бежать весь город до того, как подруги ее разбудят. А возвращаться ни с чем ей не хотелось.

Неожиданно на площади, посреди стайки голубей, появилась женщина в бледно-зеленом платье, таком тонком и облегающем, что оно устроило бы и Берелейн. Темные волосы незнакомки были заплетены во множество тонких косичек, а лицо прикрыто полупрозрачной вуалью, похожей на ту, в какой был тот падавший мужчина. Голуби вспорхнули у нее из-под ног, и женщина взлетела вместе с ними. Она поднялась выше крыш, прежде чем растаяла в воздухе.

Эгвейн улыбнулась. Она ведь и сама нередко летала во сне, а это, в конце концов, Мир снов. Девушка подпрыгнула и полетела к крышам. Чудно, люди ведь не летают, подумала она, и все вокруг закачалось. Эгвейн заставила себя сосредоточиться, держаться уверенней – она летит, вот и весь сказ. Это Мир снов, и она летает во сне. Свежий ветерок дул ей в лицо, Эгвейн ощущала необыкновенную легкость, и ей хотелось смеяться.

Она пронеслась над Панаршим Кругом – гигантским каменным амфитеатром с рядами каменных скамей, огражденных высокой стеной, и с огромной ареной посередине – и представила себе, какая пропасть народу собирается здесь, чтобы полюбоваться фейерверками, да еще какими. Ведь их устраивает Гильдия иллюминаторов. В Эмондовом Лугу фейерверки были редким развлечением – по пальцам можно пересчитать, и всякий раз взрослые веселились как малые дети.

Словно ласточка, парила она над крышами дворцов и особняков, теснящихся домов и лавок, над складами и конюшнями. Скользила между куполами, островерхими золочеными шпилями, бронзовыми флюгерами и башнями, украшенными каменным кружевом балконов. На каретных дворах стояли, дожидаясь возниц, экипажи и фургоны. Большая гавань и фьорды были заполнены выстроившимися вдоль причалов судами. И все – от экипажей до судов – с виду изрядно обветшало и нуждалось в ремонте, но ничто не указывало на присутствие Черной Айя. Во всяком случае, так ей казалось.

«Может, представить себе Лиандрин?» – подумала Эгвейн. Это было нетрудно – она прекрасно помнила кукольное личико, множество светлых косичек, надменные карие глаза и розовые, словно бутон, губы, искривленные в самодовольной усмешке. Но если это сработает и приведет в Тел'аран'риоде к Лиандрин, она рискует столкнуться и с остальными Черными сестрами, а к этому она не готова.

Неожиданно девушка поняла, что сама выставила себя напоказ, – если Черная Айя здесь, в Танчико Мира Снов, они непременно ее заметят. Летящую женщину, которая к тому же не

пропадает из виду. Стоит только поднять глаза. Все вокруг снова задрожало. Эгвейн выправила полет, резко снизилась ниже крыш и полетела вдоль улиц. Летела она теперь не так стремительно, как прежде, но все же быстрее, чем могла бы скакать на коне. Возможно, она неслась им навстречу, но заставить себя остановиться и ждать девушка не могла.

«Дуреха! – выругала себя Эгвейн. – Дуреха бестолковая! Возможно, они уже прознали, что я здесь, и расставили западню».

Она подумывала даже покинуть Тел'аран'риод и вернуться в Тир, но ее останавливала мысль, что она так ничего и не нашла. Если здесь вообще можно было что-то найти.

Неожиданно она увидела женщину, стоящую на улице прямо перед ней. Мешковатая коричневая юбка и просторная белая блуза не скрывали стройной фигуры. Поверх плеч у нее лежала коричневая шаль, а ее белые волосы, ниспадающие до пояса, были перехвачены на лбу сложенной косынкой. Несмотря на скромное одеяние, шею и руки женщины украшало множество ожерелий и браслетов из резной кости и золота. Она стояла подбоченясь и сурово смотрела на Эгвейн.

«Еще одна глупая женщина, – подумала Эгвейн, – угодила во сне неведомо куда и теперь глазам своим не верит».

Она назубок помнила описания спутниц Лиандрин и была уверена, что эта женщина ни на одну из них не похожа. Эгвейн стремительно приближалась к незнакомке, но та не исчезала. «Почему? – встревожилась девушка. – Почему? О-о, Свет! Неужто она...» Эгвейн принялась торопливо свивать потоки Силы, чтобы опутать ими странную незнакомку.

– Ты бы лучше спустилась на землю, девица, – рявкнула женщина. – Порхаешь, как птица, а мне и без того стоило немалых хлопот отыскать тебя.

Неожиданно Эгвейн резко опустилась на мостовую и едва удержалась на ногах. Тот же голос она слышала в Айильской пустыне, но эта женщина была старше встреченной там Девы. Впрочем, приглядевшись, Эгвейн решила, что та не так стара, как показалось вначале, – она выглядела гораздо моложе, чем можно было судить по ее длинным белым волосам. Однако Эгвейн была уверена, что и голос, и пронизательные голубые глаза принадлежат той женщине из Пустыни.

– Ты... ты выглядела иначе, – промолвила она.

– Здесь можно позволить себе выглядеть как угодно, – произнесла незнакомка. Голос ее звучал несколько смущенно. – Временами я не прочь вспомнить, как... Ну да это не важно. Ты ведь из Белой Башни, верно? Там давно не было ходящей по снам. Очень давно. Я – Эмис из септа Девять Долин, из Таардад Айил.

– Так ты Хранительница Мудрости? Не может быть! Ты умеешь толковать сны и знаешь Тел'аран'риод! Ты можешь... Меня зовут Эгвейн, Эгвейн ал'Вир. Я... – Девушка запнулась. Похоже, эта женщина не из тех, кому стоит врать. – Я – Айз Седай. Из Зеленой Айя.

Выражение лица Эмис не изменилось, разве что в глазах промелькнул намек на сомнение. Эгвейн выглядела слишком молодо для полноправной Айз Седай. Но заговорила ходящая по снам вовсе не об этом:

– Я собиралась продержатъ тебя голой, пока ты не попросишь подходящее платье. Ты не имела права облачаться в кадин'сор... Признаться, ты удивила меня, я никак не ожидала, что ты так быстро освободишься, обратив против меня мое же копьё. Хотя ты очень сильна, но знаний у тебя явно маловато. Иначе ты не свалилась бы мне чуть ли не на голову во время охоты, сама того не желая. Понятно же, что тебя случайно занесло в Пустыню. И зачем тебе вздумалось летать? Ты явилась в Тел'аран'риод – в Тел'аран'риод! – чтобы этот город осмотреть? Как, кстати, он называется?

– Танчико, – изумленно отозвалась Эгвейн.

Эта женщина *не знала*, где она оказалась. Но как же тогда удалось ей последовать за Эгвейн и найти ее? Не приходилось сомневаться, что Эмис знает о Море снов неизмеримо больше, чем она.

– Эмис, ты могла бы помочь мне? Я разыскиваю Черных Айя, приспешниц Темного. Возможно, они здесь; и если это так, я должна их найти.

– Значит, они действительно существуют, – прошептала Эмис, – Айя служительниц Тени в Белой Башне. – Женщина покачала головой. – Ты напоминаешь мне девочку, только что обручившуюся с копьём. Каждая из них поначалу считает, что теперь-то ей ничего не стоит побороть любого мужчину и одолеть любую кручу. Но они-то рискуют лишь набить синяков и шишек и получить в итоге полезный урок. Для тебя же здесь это может кончиться плачевно. – Эмис окинула взглядом окружающие их строения и поморщилась. – Значит, Танчино. Это, кажется, в... Тарабоне. Город умирает, он пожирает сам себя. В нем царят тьма и зло. Зло большее, нежели то, на которое способен человек, будь то мужчина или женщина. – Хранительница пристально взглянула на Эгвейн. – Но ведь ты не чувствуешь этого, правда? А еще собралась отлавливать служительниц Тени в Тел'аран'риде.

– Зло? – быстро перебила ее Эгвейн. – Но ведь это зло может исходить от них. Верно ведь? А ты, наверное, сумела бы определить, так ли это, если я опишу каждую из них?..

– Ты как дитя, – пробормотала Эмис, – как девчушка, которая клянчит у отца серебряный браслет, желая получить его в сей же миг, понятия не имея, как ведется торговля или как мастерят браслеты. Тебе следует многому научиться, а я не могу научить тебя всему этому прямо сейчас. Приходи в Трехкратную землю. Я оповещу все айильские кланы о том, что Айз Седай по имени Эгвейн ал'Вир надлежит препроводить ко мне, в холд Холодные Скалы. Назовись и покажи кольцо Великого Змея – и тебе ничего не грозит. Сейчас я в Руидине, но успею вернуться в Холодные Скалы прежде, чем ты туда доберешься.

– Прошу тебя, помоги мне сейчас. Мне очень надо. Я должна узнать, здесь ли они.

– Но я не в силах помочь тебе – я не знаю ни их, ни этого города. Приходи ко мне. То, чем ты сейчас занимаешься, опасно, так опасно, что ты и представить себе не можешь. Ты должна... Постой, куда ты?

Какая-то сила неудержимо влекла Эгвейн прочь из Мира Снов.

Стихающий голос Эмис следовал за ней:

– Приходи ко мне и учись. Приходи и учись...

Глава 12

Танчико или Башня?

Когда Эгвейн наконец зашевелилась и открыла глаза, Илэйн облегченно вздохнула. С лица Авиенды, стоящей в ногах постели, сошла тень тревоги. На краткий миг оно озарилось улыбкой, и Эгвейн улыбнулась в ответ. Пламя свечи, судя по всему, лишь считанные минуты назад миновало оговоренную отметку, но для ожидавших время тянулось мучительно медленно.

– Ты никак не просыпалась, – запинаясь, проговорила Илэйн, – я тебя и трясла, и толкала, но ты ни в какую. – У нее вырвался нервный смешок. – Ох, Эгвейн, ты даже Авиенду перепугала.

Эгвейн успокаивающе пожала ей руку:

– Ну теперь я снова с вами. – Голос ее звучал устало, сорочка пропиталась потом. – У меня была причина для задержки. Но в следующий раз обещаю быть осторожней. Непременно.

Найнив со стуком поставила кувшин с водой обратно на умывальник. Часть воды расплескалась – дало знать о себе напряжение, с которым она ждала пробуждения Эгвейн, еще чуть-чуть – и Найнив плеснула бы ей воду в лицо. И теперь, несмотря на видимое спокойствие, Найнив даже не замечала, как вода капает на ковер.

– Так ты задержалась из-за того, что что-то нашла? Или... Эгвейн, по-моему, это очень опасно, тебе надо знать больше о Мире снов. Боюсь, что он может каким-то образом завладеть тобой. Чем чаще ты туда отправляешься, тем труднее возвращаться. Может быть... Не пред-

ставляю... Одно я знаю наверняка: мы не можем позволить тебе рисковать затеряться там. – Найнив скрестила руки на груди, приготовившись к спору.

– Ты права, – уступчиво проговорила Эгвейн. Илэйн удивленно подняла брови – такого не бывало, чтобы Эгвейн покорно, без спора согласилась с Найнив!

Эгвейн с трудом поднялась с постели и, отказавшись от помощи Илэйн, направилась к умывальнику, чтобы ополоснуть лицо и руки водой, пусть даже и тепловатой. Пока Эгвейн снимала с себя пропотевшее белье, Илэйн достала для нее свежую смену из шкафа.

– Я повстречалась с Хранительницей Мудрости, женщиной по имени Эмис, – проговорила Эгвейн, натягивая чистую сорочку. Голос ее звучал приглушенно, пока она не просунула голову в ворот рубашки. – И она сказала, что, если я желаю разузнать побольше о Тел'аран'ри-оде, мне надо будет снова встретиться с ней в Пустыне. В каком-то месте, именуемом холд Холодные Скалы.

От Илэйн не укрылось, что при упоминании имени Хранительницы в глазах Авиенды блеснул огонек.

– Ты знаешь ее? Эту Эмис?

Авиенда кивнула, но явно неохотно.

– Она Хранительница Мудрости и ходящая по снам. Прежде Эмис была *Фар Дарайз Май*, но потом отреклась от копья и отправилась в Руидин.

– Дева! – воскликнула Эгвейн. – Вот оно что... Тогда понятно, почему она... Она сказала, что сейчас в Руидине. Ты знаешь, где находятся эти Холодные Скалы, Авиенда?

– Конечно. Холодные Скалы – это холд Руарка. Руарк – муж Эмис. Я бываю там иногда. Точнее, раньше бывала. Моя сестра-мать Лиан приходится сестрой-женой Эмис.

Илэйн недоуменно переглянулась с Эгвейн и Найнив. Некогда Илэйн считала, что от своих наставников в Кэймлине узнала об айильцах немало, но, познакомившись с Авиендой, поняла, что это не так. В их обычаях, особенно родственных связях, разобраться было совсем непросто. Были у них, например, первые сестры – это значило, что у них одна и та же мать, но и подруги могли стать первыми сестрами, принеся обет перед Хранительницами Мудрости. Вторыми сестрами именовались те, чьи матери были сестрами, а те, у кого отцы являлись братьями, назывались отцовыми сестрами и считались менее близкой родней, чем вторые сестры. Ну а уж дальше голова вообще шла кругом.

– Что значит «сестра-жена»? – нерешительно спросила Илэйн.

– То, что у них один и тот же муж. – Авиенда нахмурилась, заметив, что Эгвейн ахнула, а у Найнив глаза полезли на лоб. Илэйн отчасти ждала такого ответа, но все равно упорно разглаживала свою и без того безупречную юбку. – А у вас нет такого обычая? – спросила Дева.

– Нет, – слабым голосом проронила Эгвейн, – такого нет.

– Но ведь вы с Илэйн заботитесь друг о друге, как первые сестры. Как бы вы поступили, если бы одна из вас не пожелала отступить от Ранда ал'Тора? Неужели стали бы драться? Позволили бы мужчине разрушить вашу дружбу? Разве не лучше было бы в таком случае вам обеим взять его в мужья?

Илэйн взглянула на Эгвейн. Вот так идея... Интересно, смогла бы она пойти на это? Пусть даже и с Эгвейн? Девушка почувствовала, что у нее багровеют щеки. Эгвейн тоже смутилась и, как бы оправдываясь, вымолвила:

– Но я сама решила отойти в сторону.

Илэйн поняла, что это было сказано не столько для Авиенды, сколько для нее, но одна мысль не давала ей покоя: было ли у Мин видение? И если было, то как ей поступить? «А если это Берелейн, то я задушу и ее, и его! Если уж суждено, чтобы у него был кто-то, кроме меня, то почему не Эгвейн? Свет, и о чем только я думаю?» Она почувствовала, что совсем растерялась, и, чтобы скрыть волнение, заговорила нарочито непринужденным тоном:

– Ты говоришь так, как будто в этом деле у мужчины вовсе нет выбора.

– Он может отказаться, – пояснила Авиенда как нечто само собой разумеющееся, – но если хочет жениться, то должен будет жениться на обеих сестрах, раз они того просят. Пожалуйста, не обижайтесь, но я была потрясена, когда узнала, что в ваших краях мужчина предлагает женщине выйти за него замуж. Мужчина должен дать знать о своих намерениях, а потом дожидаться, пока женщина не скажет свое слово. Разумеется, некоторые женщины всячески добиваются от мужчин знаков внимания, но окончательное решение остается за женщиной. Я, правда, не очень хорошо разбираюсь в этих вещах, поскольку с детских лет хотела стать Фар Дарайз Май. Единственное, что мне нужно, – это копье и сестры по копьё, – закончила она с жаром.

– Никто не собирается заставлять тебя выходить замуж, – успокаивающе промолвила Эгвейн. Авиенда бросила на нее озадаченный взгляд.

Найнив громко откашлялась, лицо у нее пошло пятнами.

«Небось опять вспомнила о Лане», – решила Илэйн.

– Сдается мне, Эгвейн, – энергично заговорила Найнив, – ты не нашла того, что искала, не то бы уже рассказала нам об этом.

– Я ничего не нашла, – с сожалением ответила Эгвейн, – только вот Эмис сказала... Авиенда, что она за женщина, эта Эмис?

Дева уставилась на ковер и, не поднимая глаз, сказала:

– Эмис тверда, как скала, и безжалостна, как солнце. Она – ходящая по снам. Она может научить тебя. Стоит ей возложить на человека руки, и она заставит его делать все, что ей угодно. Только один Руарк и осмеливается возражать ей. Другие Хранительницы Мудрости даже опасаются иметь с ней дело. Но научить тебя она может.

Эгвейн покачала головой:

– Я хотела спросить, может ли пребывание в чужом, незнакомом месте выбить ее из колеи? Заставить нервничать? К примеру, попади она в город? Может ей привидеться то, чего там нет?

В ответ Авиенда издала короткий резкий смешок:

– Чтобы Эмис стала нервничать? Этого не случилось бы, даже если бы, проснувшись, она обнаружила в своей постели льва. Эгвейн, она была Девой и с годами не стала мягче – в этом можешь быть уверена.

– Что видела эта женщина? – спросила Найнив.

– Строго говоря, дело не в том, что она видела, – медленно произнесла Эгвейн. – Она *почувствовала* и сказала мне, что в Танчико обитает зло. Причем зло большее, нежели то, на которое способны обычные люди. Может быть, это зло связано с Черной Айя. Не спорь со мной, Найнив, – добавила она твердо. – Сны необходимо истолковывать. И не исключено, что Эмис права.

Найнив начала хмуриться, как только Эгвейн упомянула о зле в Танчико, а уж когда девушка велела ей не спорить, глаза ее загорелись гневом. Порой Илэйн хотелось взять и встряхнуть их обеих хорошенько, поэтому она поспешила вмешаться, опасаясь, что Найнив вот-вот сорвется:

– Это вполне возможно, Эгвейн. Кажется, ты все же нашла что-то. Больше, чем мы с Найнив надеялись. Правда ведь, Найнив? Ты так не думаешь?

– Может быть, – неохотно отозвалась Найнив.

– Вполне возможно, – невесело проговорила Эгвейн и глубоко вздохнула. – Найнив права: мне нужно учиться тому, что я пытаюсь делать. Если бы я знала, что требуется, я бы и сама почуяла это зло и отыскала бы Лиандрин, где бы та ни укрывалась. А Эмис может меня научить. Вот почему... вот почему я должна отправиться к ней.

– Отправиться к ней? – с дрожью в голосе переспросила Найнив. – В Пустыню?

– Авиенда отведет меня прямо в этот холд Холодные Скалы. – Взгляд Эгвейн, наполовину вызывающий, наполовину тревожный, метался между Илэйн и Найнив. – Если бы я была уверена в том, что Черная Айя в Танчико, я бы вас одних ни за что не отпустила. Если вы решите отправиться туда. Но с помощью Эмис я, может быть, сумею вызнать, где они скрываются. Может быть, мне удастся... Ведь дело в том, что я даже не знаю, на что по-настоящему способна. Одно ясно – я могу научиться гораздо большему. И это не значит, что я собираюсь вас бросить. Вы можете взять с собой кольцо. Вы ведь неплохо знаете Твердыню и сумеете вернуться сюда в Тел'аран'риоде. А я смогу прийти к вам в Танчико. Всему, чему меня научит Эмис, я научу вас. Пожалуйста, скажите, что вы согласны со мной. Я многому могу научиться у Эмис, а потом сумею употребить свои познания, чтобы помочь вам. И получится, будто она научила всех нас, она, ходящая по снам, владеющая истинным знанием. Лиандрин со своими подручными будут детьми по сравнению с нами. Они не будут знать и четверти того, что нам станет известно. – Девушка задумчиво покусала губу. – Вы ведь не считаете, что я вас бросаю, правда? Если так, я никуда не пойду.

– Конечно, тебе надо идти, – сказала подруге Илэйн, – мне будет не хватать тебя, но, в конце концов, никто и не обещал, что мы останемся вместе до завершения всего дела.

– Это так, но как подумаю, что вы вдвоем... отправитесь без меня... Мне нужно пойти с вами. Если они и вправду в Танчико, я должна быть с вами.

– Вздор, – резко возразила Найнив. – Что тебе действительно нужно, так это знания. Это в конечном итоге всем нам обернется во благо и гораздо важнее для нас, чем твое присутствие в Танчико. Да мы и не знаем толком, что они в Танчико. Ну а если все же они там, что ж, мы с Илэйн и без тебя справимся. Вполне может статься, прибыв в Танчико, мы выясним, что зло, о котором шла речь, попросту война. Свету ведомо, всякая война сама по себе немалое зло. Как знать, может, мы вернемся в Башню раньше тебя. А вот тебе следует вести себя поосторожней, – добавила Найнив рассудительно. – Пустыня – место небезопасное. Авиенда, ты присмотришь за ней?

Не успела Дева открыть рот, как послышался стук в дверь и на пороге появилась Морейн. Айз Седай обвела присутствующих быстрым, изучающим и оценивающим взглядом, однако по выражению ее лица нельзя было догадаться, к каким выводам она пришла.

– Джойя и Амико мертвы, – объявила Морейн.

– Может быть, для того и было затеяно нападение? – предположила Найнив. – Чтобы убить их? Или их убили потому, что не успели освободить? Недаром Джойя вела себя так дерзко и вызывающе – небось рассчитывала, что ее вызволят. И скорее всего, она лгала. В ее раскаяние я никогда не верила.

– Похоже, нападение было предпринято вовсе не с этой целью, – возразила Морейн. – Как только на Твердыню напали, капитан весьма предусмотрительно усилил охрану у казематов. Так что они в глаза не видели ни троллоков, ни мурддраалов. А когда заваруха закончилась, оказалось, что обе узницы мертвы. Каждой из них раскромсали горло, предварительно прибив язык гвоздями к двери темницы. – Голос Айз Седай был спокоен, как будто она сообщила о починке платья.

А у Илэйн при этих жестоких словах, сказанных столь бесстрастным тоном, сжалось сердце.

– Я не желала им такой участи. Наказания – да, но не столь ужасного. Да снизойдет Свет на их души, – произнесла она.

– Души их давным-давно проданы Тени, – резко бросила Эгвейн, но и она прижала обе руки к животу. – Как... как это случилось? Серые Люди?

– Сомневаюсь, чтобы даже Серый Человек сумел такое устроить, – сухо заметила Морейн. – Похоже, Тень обладает возможностями, о которых мы даже не догадываемся.

– Да. – Эгвейн старалась привести в порядок платье и придать спокойствие голосу. – Раз не было попытки освободить их, выходит, обе говорили правду и были убиты за то, что проговорились.

– Или для того, чтобы не дать им проговориться, – мрачно добавила Найнив. – Есть надежда, что те, кто замыслил это убийство, не знали, успели ли Джойя и Амико что-нибудь рассказать. В конце концов, возможно, Джойя и впрямь раскаялась, хотя верится в это с трудом.

Илэйн сглотнула, представив себе страшную картину расправы в тюремной камере: каково это, когда твое лицо прижимают к двери, чтобы вытянуть язык и... Она содрогнулась, но заставила себя произнести:

– Возможно, их убили в наказание за то, что попали в плен. – Илэйн не сказала, что убийство могло быть устроено и затем, чтобы убедить их в правдивости рассказов пленниц; и так хватало сомнений в том, что предпринять дальше. – Итак, есть три причины, и только одна – подозрение в измене. А стало быть, Черная Айя может и не знать, что узницы выдали нам тайну.

Эгвейн и Найнив выглядели потрясенными.

– Просто в наказание? – недоверчиво переспросила Найнив.

Во многих отношениях подруги были крепче и тверже Илэйн и внушали девушке восхищение, зато уступали ей в другом: и Эгвейн, и Найнив выросли не в королевском дворце и с трудом представляли себе жестокость и коварство, сопутствующие борьбе за власть, и вряд ли им доводилось хоть краем уха слышать о вероломстве и безжалостности Игры Домов, Великой игры, в которой особо искусны тайренцы и кайриэнцы.

– Мне думается, Черная Айя не склонна прощать неудачу, – пояснила подругам Илэйн. – Я могу себе представить, как Лиандрин отдает подобный приказ. Джойя на ее месте наверняка поступила бы точно так же.

Мореин бросила на девушку быстрый оценивающий взгляд.

– Лиандрин, – спокойным голосом произнесла Эгвейн. – Да, пожалуй, ни Лиандрин, ни Джойя не поколебались бы отдать такой приказ.

– В любом случае, – заметила Мореин, – времени на дальнейшие допросы у вас почти не оставалось. Завтра к полудню их должны были посадить на судно. – В голосе Айз Седай послышались нотки гнева. Илэйн поняла: Мореин негодует из-за того, что, погибнув, Черные сестры избежали правосудия. – Надеюсь, что вы не будете тянуть с решением. Итак, Танчиго или Башня?

Илэйн встретила взглядом с Найнив и слегка кивнула.

Найнив кивнула в ответ с большей уверенностью и повернулась к Айз Седай:

– Мы с Илэйн отправимся в Танчиго, как только найдем подходящее судно, – нам нужно быстроходное. А Эгвейн с Авиендой отправятся в Айильскую пустыню, в холд Холодные Скалы.

Она никак не объяснила своего решения, и у Мореин удивленно приподнялись брови.

Воцарившееся молчание нарушила Авиенда.

– Джолиен может отвести ее, – произнесла Дева, стараясь не встречаться взглядом с Эгвейн, – или Сефела, или Байн с Чиад. А я... я хотела бы отправиться в Танчиго с Илэйн и Найнив. Если там идет война, им потребуется сестра, способная прикрыть им спины.

– Как хочешь, Авиенда, – медленно проговорила Эгвейн.

Решение Авиенды и удивило ее, и обидело. Но не меньше удивилась Илэйн, она-то думала, что Авиенда и Эгвейн успели подружиться.

– Я рада, что ты хочешь помочь нам, – обратилась она к айилке, – но ведь ты собиралась отвести Эгвейн в холд Холодные Скалы.

– Она не пойдет ни в Холодные Скалы, ни в Танчико, – заявила Морейн. Она достала из кармана письмо и развернула его. – Вот что передали мне около часа назад. Молодой айилец, что доставил его, рассказал, что это послание ему вручили месяц назад. Тогда никого из нас в Тире не было, и все же письмо адресовано мне и отправлено в Твердыню. – Морейн пробежала глазами последнюю страницу. – Авиенда, ты знаешь Эмис из септа Девять Долин, из Таардад Айил, Бэйр из септа Хайдо, из Шаарад Айил; Мелэйн из септа Джирад; из Гошиен Айил, и Сеану из септа Черный Утес; из Накай Айил? Письмо подписано ими.

– Знаю, Айз Седай. Все они – Хранительницы Мудрости, все – ходящие по снам. – Обычное спокойствие изменило Авиенде, сейчас, сама того не замечая, она говорила с опаской. Судя по виду, она готова была бороться или бежать.

– Ходящие по снам, – вслух размышляла Морейн. – Пожалуй, тогда понятно. Я слышала о них. – Она обратилась ко второй странице письма. – Здесь говорится о тебе – и писано было, видимо, до того, как ты решила отправиться в Тир. Слушай: «Среди Дев Копья в Тирской Твердыне находится своевольная девушка по имени Авиенда, из Таардад Айил, из септа Девять Долин. Ныне ей надлежит предстать перед нами. Проволочки и отговорки недопустимы. Мы будем ждать ее на склонах горы Чейндар, над Руидином». Тут о тебе еще кое-что сказано, но главное – они просят меня проследить, чтобы ты явилась без задержки. Отдают повеления, точно Амерлин, эти твои Хранительницы Мудрости.

Морейн недовольно хмыкнула, что навело Илэйн на мысль, уж не пытались ли Хранительницы заодно приказывать и Морейн? Впрочем, непохоже. А если и пытались, то маловероятно, чтобы подобные попытки увенчались успехом. И все же что-то в этом письме вызвало досаду Айз Седай.

– Я – Фар Дарайз Май, – сердито пробурчала Авиенда, – а не дитя малое и не собираюсь бежать ко всякому, кто меня позовет. И если пожелаю, то, несмотря ни на что, отправлюсь в Танчико.

Илэйн задумчиво поджала губы. Это было что-то новое, не похожее на ту Авиенду, к какой они привыкли. Не гнев – Илэйн и прежде случалось видеть Деву рассерженной, хотя и не до такой степени, – а скорее подавленность. Это было странно, столь же невероятно, как увидеть надувшегося от обиды Лана, но факт оставался фактом.

От Эгвейн тоже не укрылись эти странные нотки, и она погладила Авиенду по руке:

– Не волнуйся. Конечно, если хочешь, можешь идти в Танчико. Я рада, что ты будешь защищать Илэйн и Найнив.

Авиенда взглянула на девушку несчастными глазами.

Морейн покачала головой – слегка, но очень выразительно:

– Я показала это письмо Руарку. – Авиенда вспыхнула и открыла было рот, но Морейн возвысила голос и спокойно продолжала: – Так было сказано в этом послании. Показала не все, а только ту часть, которая касается тебя. Похоже, он не сомневается, что ты выполнишь то, о чем тебя просят в письме. Или приказывают. Полагаю, разумнее всего послушаться Руарка и Хранителей Мудрости. Ты не согласна?

Авиенда затравленно огляделась по сторонам и, пробормотав лишь:

– Я – Фар Дарайз Май, – направилась к двери.

Эгвейн сделала было шаг, желая задержать айилку, но за той уже захлопнулась дверь.

– Чего они хотят от нее? – требовательно спросила она у Морейн. – Вы всегда знаете больше, чем рассказываете. О чем же вы умолчали на сей раз?

– Чем бы ни руководствовались Хранительницы Мудрости, – холодно отозвалась Морейн, – это, безусловно, касается только их и Авиенды. И если бы та желала, то сама поделилась бы с тобой.

– Никак вам не оставить привычку манипулировать людьми, – с горечью заметила Найнив. – Теперь вы хотите посадить на поводок и Авиенду?

– Не я. Хранительницы Мудрости. И Руарк. – Морейн сложила письмо и демонстративно убрала его в поясной кошель. – К тому же она всегда может отказаться. Вождь клана – это все-таки не король, насколько я разбираюсь в айильских обычаях.

– Может ли? – с сомнением спросила Илэйн.

Руарк напоминал ей Гарета Брина. Капитан-генерал королевской гвардии редко когда говорил решительное «нет», но если он упрямо стоял на своем, то даже Моргейз не удалось бы переубедить его, разве только королевский приказ смог бы переломить его упорство. В нынешнем случае никакого монаршего повеления явно не будет – да и Моргейз ни разу, как теперь пришлось в голову Илэйн, не пыталась с помощью указа навязать свою волю Гарету Брину, твердо убежденному в собственной правоте, – однако девушка была уверена, что и без него Авиенда отправится к склонам Чейндара, что над Руидином.

– Нет худа без добра, Эгвейн, – заметила Илэйн, – теперь вы сможете отправиться туда вместе. Раз Эмис собралась дожидаться Авиенду в Руидине, ты не сможешь встретиться с ней в холде Холодные Скалы. Вот и пойдете к Эмис вместе с Авиендой.

– Но я не хочу, чтобы Авиенда шла против своей воли, – печально промолвила Эгвейн, – а она не хочет.

– Мало ли кто чего хочет, – вмешалась Найнив, – а дело делать надо. К странствию по Пустыне, Эгвейн, надо как следует подготовиться. Лан подскажет мне, что необходимо взять в дорогу. Ну а мы с Илэйн будем собираться в Танчико. Надеюсь, завтра нам удастся найти корабль, но это значит, что уложить вещи нужно уже сегодня.

– У причала в Мауле стоит судно Ата'ан Мизэйр, – сказала Морейн. – Гонщик. Нет кораблей быстрее них. Тебе же нужно быстроходное судно.

Найнив нехотя кивнула.

– Морейн, – спросила Илэйн, – а что теперь собирается делать Ранд? После этого нападения... Начнет ли он войну, которую вам угодно развязать?

– Я вовсе не хочу войны, – возразила Айз Седай. – Мне нужно лишь, чтобы он уцелел и смог сразиться в Тармон Гай'дон. А он обещал, что объявит свое решение завтра. – Айз Седай слегка нахмурилась. – Завтра и узнаем, утро вечера мудренее, – бросила она напоследок и, резко повернувшись, вышла из комнаты.

«Завтра, – думала Илэйн. – Как он отнесется к моим словам? Поймет ли меня? Должен понять».

И, решительно отказавшись гадать и размышлять о завтрашней встрече с Рандом, девушка вместе с Найнив и Эгвейн принялась обсуждать, что им нужно взять в дорогу.

Глава 13

Слухи

В тот вечер в таверне все шло своим чередом, как и заведено в портовых кабачках Мауле. Мимо, по склону, прогремела подвода, груженная корзинами с гусями и фаянсовой посудой. Гул голосов то и дело заглушала музыка, которую исполняли на трех барабанах, двух цимбалах и смахивающем на здоровенную луковицу семсире, издававшем визгливые трели. Служанки, в темных, доходящих до лодыжек платьях с высоким горлом, с повязанными поверх коротенькими белыми передниками, с трудом протискивались между столами, держа над головами по несколько глиняных кружек. Босоногие портовые грузчики в грубых кожаных жилетах сидели вперемежку с парнями в приталенных куртках-колетах и детишками в одних только мешковатых шароварах, подпоясанных широкими разноцветными кушаками. Порт был рядом, и потому в толпе то и дело мелькали чужеземные наряды. Высокие стоячие воротники северян и длинные отложные прибывших с запада. Серебряные цепочки на кафтанах, бубенчики на жилетах, кружева на рубахах. Сапоги до колена и высоченные ботфорты до бедра. На иных красовались ожерелья или серьги. У одного широкоплечего пузатого малого была раздвоенная рыжая борода, у другого, узколицего, — напомаженные и завитые усы, блестящие в свете лампы. В трех углах таверны и на нескольких столах стучали, перекатываясь, кости, серебро под выкрики и смех быстро переходило из рук в руки.

Мэт сидел один, спиной к стене, так, чтобы можно было видеть двери, хотя смотрел он главным образом на не тронутую еще кружку с темным вином. Он близко не подходил к столам, где играли в кости, и ни разу не взглянул на лодыжки служанок. Таверна была битком набита, и кое-кто из посетителей в поисках местечка подходил к его столу, но, взглянув на лицо Мэта, пятился и втискивался на какую-нибудь другую лавку.

Обмакнув палец в вино, Мэт бесцельно чертил что-то на столе. Эти дураки и не представляют, что случилось в Твердыне сегодня вечером. Он слышал, как кто-то из тайренцев вскользь шепотком упомянул о каком-то происшествии и нервно рассмеялся. Они ничего не знали, да и не желали знать. Впрочем, он и сам чуть не пожалел, что узнал. Но нет, он хотел знать. Знать больше о том, что случилось. Обрывочные воспоминания возникали на миг и тут же исчезали в провалах памяти, так и не сложившись в единую картину.

Отдаленный шум схватки, эхом прокатившийся по коридору, заглушили шпалеры, висевшие на стенах. Трясущейся рукой Мэт вытащил нож из трупа Серого Человека. Серый Человек охотился за ним – это точно. Серые Люди не набрасываются на кого попало – они нацелены на жертву, как стрела из лука. Мэт повернулся и хотел бежать, но увидел, что на него наступает невесть откуда взявшийся мурддраал – гибкий, словно черная змея. Взгляд его безглазого бледного лица пронизывал до костей леденящим ужасом. Мэт с тридцати шагов метнул нож, метя туда, где должен был находиться глаз. С такого расстояния он в четырех случаях из пяти попадал в дырку в доске от выпавшего сучка размером не больше человеческого глаза.

Почти небрежно, не замедлив шага, мурддраал отбил летящий клинок неуловимым взмахом черного меча.

«Пришла твоя смерть, Трубящий в Рог», – прошепестел Исчезающий. Голос его, напоминавший шипение гадюки, предвещал гибель.

Мэт понятился. В каждой руке он держал по ножу, хотя и сам не помнил, когда их вытащил. Не то чтобы ножи были надежной защитой против меча, но Мэт понимал: пусть он бежит – и черный клинок тут же вонзится ему в спину. Это так же верно, как и то, что пять шестерок бьют четыре тройки. Он пожалел, что под рукой нет хорошего боевого посоха. Или лука. Было бы любопытно посмотреть, удастся ли этой твари отбить стрелу, пуценную из доброго двуреченского длинного лука. Лучшие всего, конечно, было бы окатиться где-нибудь подальше. Потому как здесь ему не миновать смерти.

Неожиданно из бокового прохода с ревом вылетела дюжина троллоков. Неистово размахивая топорами и мечами, они обрушились на мурддраала. Мэт не поверил своим глазам. Получеловек отбивался, вертясь, как бешеный черный смерч. Большие половины нападавших полегло прежде, чем сам он рухнул на грудь трупов. Отсеченная рука Исчезающего дергалась, словно умирающая змея, в трех шагах от тела, по-прежнему сжимаемая рукоять черного меча.

Троллок с бараньими рогами поднял глаза на Мэту и, приняв за себя, зарычал, а потом, поскуливая, принялся вылизывать длинную глубокую рану на волосатой лапе под рассеченной черным мечом кольчугой. Остальные добились своих раненых, перерезав им горло, после чего один из уцелевших издал несколько хриплых, гортанных звуков. И троллоки, даже не взглянув на Мэту, повернулись и поспешили прочь, гулко стуча копытами и сапогами по каменному полу.

Мэту оставили в покое. Он поежился. Выходит, его спасли троллоки. И во что втравил его Ранд на этот раз? Мэт посмотрел на то, что начертил пальцем на столе, – открытую дверь – и с раздражением стер нарисованное. Надо убираться отсюда. Непременно. И в то же время в голове билась неотвязная мысль – что-то подталкивало его немедленно вернуться в Твердыню. Мэт сердито отмахнулся от нее, но мысль не уходила.

Из-за соседнего стола справа донесся обрывок разговора. Разглагольствовал какой-то тип с худощавым лицом, завитыми усами и явным лугардским акцентом.

– Спору нет, этот ваш Дракон – великий человек. Но до Логайна ему далеко. Тот поднял на войну весь Гэалдан, а заодно половину Амадиции и Алтары. А враждебные ему городки провалились сквозь землю. Люди, дома – все разом. Ну а взять того, что появился в Салдэе, – Мазим, что ли? Говорят, он заставил солнце остановиться и ждать, пока не сокрушил войско лорда Башира. И это не пустые рассказы.

Мэт покачал головой. Твердыня пала, Калландор в руках Ранда, но для этого идиота он все равно остается одним из Лжедраконов. Мэт снова начертил дверь, стер рисунок, зацепил кружку с вином и поднес было ее ко рту, но тут рука его замерла. Сквозь гул голосов он слышал, как за соседним столом прозвучало знакомое название. Со скрежетом отодвинув скамью, Мэт встал и с кружкой направился к тому столу.

Как и за другими столами этой заурядной таверны в Мауле, здесь собралась разношерстная публика. Пара босоногих матросов в промасленных фуфайках на голое тело, причем у одного на груди висела толстая золотая цепь. Какой-то человек со впалыми щеками – видать, исхудал в последнее время – был одет в темный кайриэнский кафтан с красными, золотистыми и зелеными прорезями на груди. Судя по этому одеянию, его владелец принадлежал к благородному сословию, правда кафтан был изрядно поношен, а один рукав порван у плеча. Впрочем, сейчас повсюду можно было встретить беженцев из Кайриэна. Седая женщина в темно-синем платье, с суровым лицом и проницательным взглядом, пальцы ее были унизаны массивными золотыми перстнями. Говорившим оказался мужчина с раздвоенной бородой, в ухе которого болталась серьга с рубином величиной с голубиное яйцо. Поперек его груди на рыжеватом кафтане тянулись три витые серебряные цепочки, ясно говорившие о том, что бородастый – старшина купеческой гильдии Кандора.

Мэт остановился возле стола. Разговор прервался, и все взоры обратились к нему.

– Я слышал, ты поминал Двуречье.

Бородастый окинул Мэта взглядом – с головы до пят: растрепанная шевелюра, задиристое выражение лица, кружка с вином, зажата в кулаке, распахнутый зеленый кафтан с золотым шитьем, из-под которого виднелась белая полотняная рубаша, блестящие черные сапоги. Хотя кафтан и рубаша были измяты, все указывало на то, что это сынок какого-нибудь вельможи, вздумавший покутить среди простонародья.

– Это верно, достойный лорд, – охотно отозвался купец. – Я говорил, что в нынешнем году табачку отсюда не дождаться. Готов биться об заклад. Правда, у меня в запасе осталось двадцать бочонков отборного двуреченского листа, такого, что лучше не сыщешь. Я рассчитываю попозже взять за него хорошую цену. Если милорд пожелает взять бочонок для себя... – купец подергал за кончик рыжеватой бороды и почесал нос, – я, наверное, мог бы...

– Стало быть, ты за это ручаешься, – тихонько оборвал его Мэт. – А почему? Почему в Двуречье не будет табаку?

– Как почему? Белоплащники, милорд. Чада Света!

– Белоплащники? Ну и что?

Купец оглядел стол, ожидая поддержки у собеседников. Что-то в голосе незнакомца насторожило его. У матросов был такой вид, будто они не прочь унести ноги, да не решаются. Кайриэнец зло уставился на Мэта. Он старался держать голову прямо, но при этом покачивался и все время разглаживал свой поношенный кафтан. Судя по всему, стоявшая перед ним кружка была далеко не первой. Седая женщина поднесла кружку ко рту, но глаза ее поверх кружки пристально следили за Мэтом.

Ухитрившись поклониться, не вставая с лавки, купец заговорил вкрадчивым тоном:

– Ходят слухи, милорд, что в Двуречье появились белоплащники. Говорят, ищут Возрожденного Дракона. Но это полнейшая чепуха, ведь лорд Дракон пребывает здесь, в Тире. – Он взглянул Мэту в глаза, пытаясь понять, как тот воспринял услышанное, но лицо юноши оставалось непроницаемым. – Слухи бывают самые нелепые, милорд, что с них взять. Собака лает – ветер носит. Поговаривают еще, что белоплащники высматривают какого-то приспешника Темного с желтыми глазами. Достойному лорду никогда не доводилось слышать о людях с желтыми глазами? Ну вот, и я не слышал. Чешет народ языками, да и только.

Мэт поставил кружку на стол и наклонился поближе к купцу:

– Ну а еще кого они ищут? Что говорят слухи? Ищут Возрожденного Дракона, желтоглазого человека. А еще кого?

На лице купца выступили бусинки пота.

– Больше никого, милорд. Во всяком случае, это все, что я слышал. Но это же только слухи. А слух, он что – колечко дыма; дунул – и его как не бывало. Может, достойный лорд окажет мне честь и примет в подарок бочонок с двуреченским табаком... Я был бы весьма... ну, в знак...

Мэт швырнул на стол золотую андорскую крону:

– Купи себе выпивки, а то небось в горле пересохло.

Поворачиваясь, он услышал бормотание за столом:

– Я уж думал, сейчас он мне глотку перережет. От этих молодых лордов, особенно ежели наберутся, только и жди беды. – Это говорил давешний купец.

– Чудной парень, – слышался женский голос. – И опасный. С такими, Пэтрам, шутки плохи.

– А мне сдается, – раздраженно произнес другой мужчина, – что никакой он не лорд. – Скорее всего, сказал это кайриэнец.

Мэт усмехнулся. Лорд – да он не стал бы лордом ни за какие коврижки.

«Значит, белоплашники появились в Двуречье. О Свет! Свет, помоги нам!»

С трудом протолкавшись к выходу, он выбрал из валявшейся у двери кучи пару деревянных колодок. Он не был уверен, что это его обувка, да и какая разница – выглядят-то они все одинаково. И на сапоги налезли.

На улице уже накрапывал дождь и изрядно стемнело. Подняв воротник, Мэт, шлепая по лужам, затрусил по грязным переулкам портового предместья, мимо шумных таверн, ярко освещенных гостиниц, домов с темными окнами. Когда кончилась непролазная грязь Мауле и Мэт ступил на мощеную городскую улицу, он сбросил ненужные больше колодки и припустил бегом. Защитники, охранявшие ближайшие ворота в Твердыню, знали его в лицо и пропустили, не задавая вопросов. Мэт бежал до самой комнаты Перрина и влетел в нее, распахнув дверь и почти не обратив внимания на расщепленное дерево створки. Седельные сумы Перрина лежали на постели, а сам он запихивал в них носки и рубахи. В комнате горела всего одна свеча, но Перрин как будто не замечал темноты.

– Значит, ты уже все знаешь, – заметил Мэт.

Перрин продолжал укладывать сумы.

– Насчет дома? – отозвался он. – Да, знаю. Я ходил по тавернам, рассчитывая подцепить подходящий слухок, чтобы спровадить отсюда Фэйли. После того, что стряслось сегодня, я просто обязан ее... – У него вырвался горловой рык – такой, что у Мэта мурашки пробежали по коже, ну суший волк! – Вот там и услышал. Может, хоть это ее выманит.

«Вот как?» – удивился Мэт, а вслух спросил:

– А ты этим слухам веришь?

Перрин поднял глаза – они вобрали в себя свет свечи и горели золотистым пламенем:

– Все это слишком похоже на правду. У меня почти не осталось сомнений.

Переминаясь с ноги на ногу, Мэт спросил:

– А Ранд знает?

Перрин лишь кивнул и снова занялся своими выюками.

– Ну и что он говорит?

Некоторое время Перрин молчал, уставясь на свернутый кафтан, который держал в руках, потом ответил:

– Несет какую-то околесицу. Он сказал, что сделает это. Сказал, что сможет. И почему, мол, я ему не поверил... И все в таком роде. Ничего не понять. А потом ухватил меня за ворот и заявил, что, дескать, вынужден сделать то, чего они от него не ждут. Хотел, чтобы я его понял,

но, сдается мне, он и сам-то себя не понимает. И похоже, ему все равно, ухожу я или остаюсь. Нет, тут я, пожалуй, не то ляпнул. Он вроде бы почувствовал облегчение оттого, что я ухожу.

– Кровь и пепел! – вскричал Мэт. – Он не собирается ничего делать, а ведь с Калландором в руках он мог бы испепелить тысячу белоплащников! Ты же видел, что он проделал с этими проклятыми троллоками! Ты и правда уходишь? Домой, в Двуречье? Один?

– Один, если только ты со мной не пойдешь. – Перрин затолкал наконец кафтан в седельную суму. – Что скажешь?

Мэт, не ответив, молча расхаживал по комнате. Лицо его попеременно оказывалось то на свету, то в тени. И мать, и отец, и сестры его остались в Эмондовом Лугу. Но у белоплащников нет никаких причин трогать его родню. А если он вернется домой, ему больше оттуда не выбраться – было у него такое чувство. Матушка его женит, не успеет он и глазом моргнуть. А если не вернется, а если белоплащники не пощадят его родню... Все это слухи насчет белоплащников – так тот купец говорил. Но с чего они пошли, эти слухи? Даже Коплины, известные врази и смутьяны, ничего не имели против его отца. Абелла Коутона все любили.

– Тебе уходить необязательно, – негромко произнес Перрин. – Во всех этих слухах нет ничего о тебе. Ищут меня и Ранда.

– Чтоб мне сгореть, я пой... – Он не сумел договорить. Легко думать о том, что уедешь, но как это сказать? Слова застревали у него в горле. – Послушай, Перрин, а тебе это дается легко? Я имею в виду, разве тебе ничего не стоит уехать? Ты не чувствуешь, как... что-то удерживает тебя? Как все время находятся причины, чтобы остаться здесь?

– Конечно чувствую. Можно назвать сотню причин, Мэт, но в конечном счете все они сводятся к Ранду и к тому, что я та'верен. Ты-то никак не хочешь признать это, верно? Добрая сотня причин, чтобы остаться, и одна – чтобы уйти, но она перевешивает эту сотню. Белоплащники в Двуречье, они ищут меня и, пока не найдут, могут принести людям много горя. Я в силах этому помешать.

– Перрин, да с чего это ты так белоплащникам понадобился, что они из-за тебя будут мстить ни в чем не повинным людям? Свет, да если они начнут расспрашивать о человеке с желтыми глазами, никто в Эмондовом Лугу и не сообразит, о ком речь. И как ты собираешься им помешать? Разве одна пара рук может что-то решить? Эти белоплащники, видать, белены объелись, коли считают, что чего-то добьются от двуреченского народа.

– Им известно мое имя, – тихо произнес Перрин и посмотрел на висевший на стене топор. Вокруг рукояти топора и стеного крюка был обмотан ремень. А может, он смотрел на молот, прислоненный к стене под топором; наверняка Мэт не сказал бы. – С чего я им понадобился? Думаю, Мэт, есть у них на то свои причины. Так же как и у меня – чтобы вернуться. И кто знает, чьи причины важнее?

– Чтоб мне сгореть, Перрин! Чтоб мне сгореть! Я хочу уе... Видал? Мне этого слова даже не выговорить! Как будто если я его вымолвлю, то уж точно уеду. Ну что тут поделаешь...

– У нас с тобой разные пути.

– Пропади они пропадом, все эти пути, – пробурчал Мэт. – Я сыт по горло и Рандом, и Айз Седай, которые затянули меня на этот проклятый путь. С меня хватит, я поеду, куда хочу, и буду делать то, что хочу!

Он повернулся к выходу, но его остановил голос Перрина:

– Доброго тебе пути, Мэт. Да пошлет тебе Свет кучу хорошеньких девчонок и простофиль, которых ты сможешь облапошить.

– Ох, чтоб мне сгореть, Перрин! Да ниспошлет и тебе Свет то, чего ты хочешь.

– Я рассчитываю на это, – отозвался Перрин, но голос его звучал невесело.

– Ты передашь моему па, что у меня все в порядке? И маме. Она вечно переживала из-за меня. И пригляди за сестренками. Они раньше все шпионили за мной и без конца ябедничали матери, но я не хочу, чтобы с ними что-то случилось.

– Я обещаю, Мэт.

Закрыв за собой дверь, Мэт бесцельно поплелся вниз по коридору. Он вспоминал сестер: Элдрин и Бодевин. В ушах его стояли визгливые девчоночьи голоса: «Мама, мама, Мэт опять напроказил! Глянь, что он наделал!» Такие уж они были, особенно Боде. А сейчас им шестнадцать и семнадцать. Небось подумывают о замужестве, а может, какая и приглядела себе простоватого фермерского сынка, который ни сном ни духом о том не ведает. Неужто он так давно расстался с родным домом? Иногда Мэту казалось, что он ушел из Эмондова Луга неделю, ну от силы две недели назад. А порой – что прошли годы и все воспоминания как в тумане. Он помнил, как ехидно ухмылялись Элдрин и Боде, когда ему доставалось розгой, но черты девочек расплывались. Он забыл лица собственных сестер. Проклятые провалы в памяти – как много выпало из его жизни.

Мэт увидел идущую навстречу Берелейн и невольно ухмыльнулся. Что бы там ни говорили о ее повадках, она была красивой женщиной. И платье – облегающий тончайший белый шелк, а вырез такой низкий, что обнажена большая часть великолепной груди.

Мэт отвесил лучший поклон, на какой был способен, – элегантный и церемонный:

– Добрый вам вечер, миледи.

Берелейн скользнула мимо, не удостоив его и взглядом, и Мэт сердито выпрямился:

– Женщина, ты что, ослепла или оглохла? Я не ковер, чтобы попирать меня ногами, и говорил я достаточно громко. Вздумай я ущипнуть тебя пониже спины, ты могла бы закатить мне оплеуху, но я вправе ожидать учтивости в ответ на учтивость!

Первенствующая застыла на месте и окинула его таким взглядом, на какой способна только женщина: разок посмотрит на тебя – и без обмеров рубашку тебе сошьет, и вдобавок скажет, сколько ты весишь, не говоря уже о том, когда ты ванну в последний раз принимал. Затем она отвернулась и пошла, что-то бормоча под нос. Мэт разобрал лишь одно: «Слишком уж похож на меня».

В изумлении он уставился ей вслед. Надо же, ни словечка ему не сказала! А лицо какое? А походка? Нос задирает чуть ли не до неба, удивительно, что она еще ступает ногами по полу! Вот и все, что можно получить, имея дело с такими, как Берелейн или Илэйн. Эти аристократки считают тебя грязью, если у тебя нет дворца и родословной, восходящей к Артуру Ястребиное Крыло. Ну что ж, он знаком с одной пухленькой кухарочкой, такой милашкой, которая вовсе не считает его грязью. К тому же Дара имеет приятное обыкновение покусывать его за уши, так...

И тут Мэт замер. Совсем недавно он размышлял о том, проснулась ли Дара и не заглянуть ли к ней. А потом еще вздумал приволокнуться за Берелейн. Берелейн! А что он сказал Перрину? О чем его попросил? «Пригляди за сестренками». Как будто уже сделал выбор. Но это не так. Нет, он не позволит тянуть себя, как барана на бойню. Должен же быть какой-то выход.

Нашарив в кармане монету, Мэт подбросил ее в воздух и поймал на тыльную сторону ладони другой руки. Только сейчас юноша разглядел, что это золотая тарвалонская марка. Он уставился на эмблему Тар Валона – Белое Пламя, стилизованное под слезинку.

– Свет, – вскричал он во весь голос, – испепели всех Айз Седай! А заодно и Ранда ал'Тора за то, что втравил меня в эту историю!

Проходивший мимо слуга в черной с золотым шитьем ливрее замер на месте и с беспокойством взглянул на юношу. На серебряном подносе слуга нес баночки с мазями и бинты. Поняв, что и Мэт его заметил, слуга вздрогнул.

Мэт кинул золотую монету на поднос:

– Прими от самого большого дурака в мире. Потрать ее как следует – на вино и женщин.

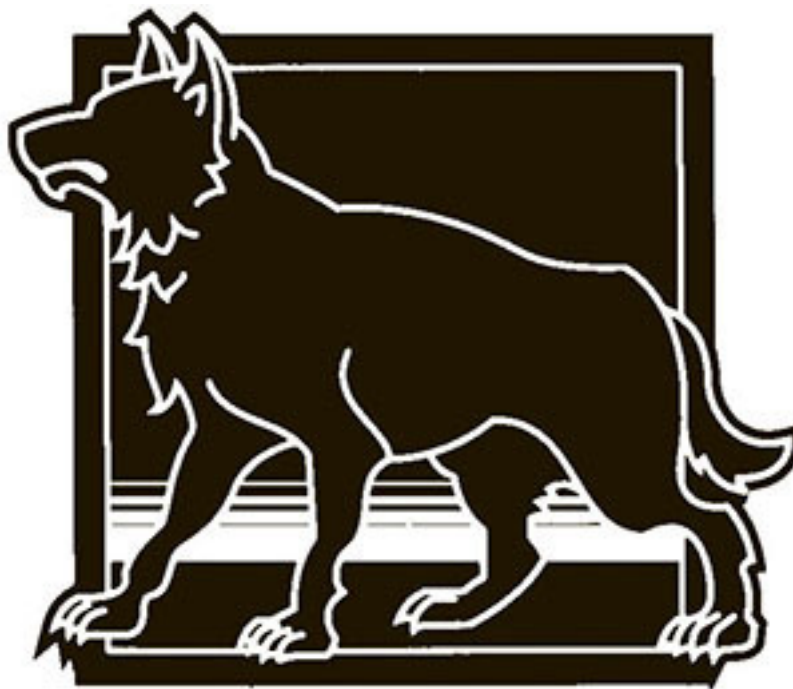
– Бла...годарю, милорд, – запинаясь, пробормотал ошарашенный слуга.

Он так и остался стоять столбом, когда Мэт двинулся дальше. «Самый большой дурак в мире. Точнее не скажешь!»

Глава 14

Обычаи Майена

Когда за Мэтом закрылась дверь, Перрин покачал головой: да, этот скорее сам себя по голове молотом треснет, чем в Двуречье вернется. Разве что по крайней необходимости. Перрину и самому хотелось бы найти такое решение, которое позволило бы ему не возвращаться. Только вот не было такого решения, и с этим неумолимым, как железо, фактом приходилось смириться. Кажется, вся разница между ним и Мэтом состоит лишь в том, что он, Перрин, готов признать неизбежное.

Он расстегнул ворот рубахи и невольно застонал, хотя старался делать это как можно осторожнее. Все левое плечо представляло собой огромный, уже потемневший кровоподтек. Троллок увернулся от его топора, и только сноровка Фэйли, умело обращавшейся с ножом, уберегла Перрина от куда более страшной раны. Плечо ныло, и умывание доставляло боль, хорошо еще, что холодной воды в Тире хоть залейся.

Перрин уже собрался в дорогу. В седельные сумы он не положил лишь то платье, которое наденет завтра утром. Как только взойдет солнце, он отправится к Лойалу. Нет никакого смысла беспокоить огира сегодня вечером – тот, скорее всего, уже улегся спать. Единственной загвоздкой оставалась Фэйли – он никак не мог решить, что сказать ей. Ведь для нее даже остаться в Тире было бы безопаснее, чем уехать с ним.

Неожиданно со скрипом отворилась дверь, и на Перрина повеяло ароматом духов. Цветочным ароматом – так мог бы пахнуть вьюнок в жаркую летнюю ночь. Этот томный запах не был сильным; возможно, никто, кроме Перрина, его бы не учуял, но он знал, что Фэйли не стала бы пользоваться такими духами. Однако юноша удивился еще больше, когда в комнату вошла Берелейн.

Она заморгала, ухватившись за дверной косяк, и Перрин понял, что для нее в комнате слишком темно.

– Ты что, собрался куда-то ехать? – неуверенно спросила она.

Свет ламп из коридора падал на фигуру молодой женщины, и трудно было отвести взгляд от такой красавицы.

– Да, миледи. – Он поклонился, пусть неловко и неумело, но так галантно, как сумел. Фэйли может фыркать по этому поводу сколько ей угодно, но Перрин не видел причины, почему бы ему не проявить учтивость. – Завтра утром.

– И я тоже. – Она закрыла за собой дверь и скрестила руки на груди. Перрин отвел взгляд и только посматривал на нее краешком глаза, надеясь, что она этого не заметит.

Берелейн, как ни в чем не бывало, прошла в комнату. Свет единственной свечи отражался в ее темных глазах.

– После того, что случилось сегодня... Завтра же я отбываю. Поеду экипажем до Годана, а оттуда отплыву в Майен. Мне следовало бы отбыть несколькими днями раньше, но я задержалась, надеясь найти верное решение. Только его, разумеется, не было, о чем я могла бы догадаться и раньше. Случившееся сегодня вечером убедило меня в этом окончательно. То, как он расправился с ними... Все эти молнии, пронесившиеся по коридорам. С меня довольно, я уезжаю завтра.

– Миледи, – смущенно произнес Перрин, – а почему вы говорите об этом мне?

Берелейн вскинула голову. Это движение напомнило Перрину одну кобылку, которую ему доводилось подковыывать в Эмондовом Лугу. Та, помнится, все норовила ухватить его зубами.

– Чтобы ты передал это лорду Дракону, конечно.

Однако было по-прежнему непонятно, почему она обращается к нему.

– Вы и сами можете сообщить ему, – сказал Перрин не без раздражения, – а у меня на это времени нет, ведь завтра в дорогу.

– Я... Мне кажется, он не захочет меня видеть.

Берелейн была прекрасна, и любому мужчине было бы приятно увидеть ее лишний раз, и она очень хорошо это понимала. Перрину показалось, что вначале она собиралась сказать что-то другое.

«Что же ее так беспокоит? – размышлял юноша. – То, что приключилось вечером в покоях Ранда? Или то, как он расправился с нападшими отродьями Тени?»

Может, и так, но, судя по надменному взгляду, Берелейн не из тех, кого легко напугать.

– Передайте свое послание со служанкой. Вряд ли я увижу Ранда до своего отъезда. Любая служанка отнесет ему записку.

– Лучше, чтобы это сделал ты, друг лорда Дракона...

– Отдайте свое письмо служанке. Или кому-нибудь из айилыцев.

– Ты не выполнишь мою просьбу? – недоверчиво спросила она.

– Нет, – отрезал Перрин, – разве вы меня не расслышали?

Берелейн вновь вздернула голову, но уже не так, как в первый раз; правда, Перрин так и не понял, в чем разница. Пристально глядя на юношу, она пробормотала чуть ли не про себя:

– Какие поразительные глаза...

– Что? – машинально отозвался Перрин и вдруг спохватился, что стоит перед ней обнаженный по пояс. Пристальный изучающий взгляд Берелейн вдруг напомнил ему то, как покупатели осматривают заинтересовавшую их лошадь, – еще немного – и она приметется ощупывать его лодыжки и проверять зубы. Юноша торопливо схватил лежавшую на кровати приготовленную на утро рубаху и натянул ее. – Отдайте свое послание слуге. А я ложусь спать. Завтра мне подыматься ни свет ни заря.

– А куда ты отправишься завтра?

– К себе на родину, в Двуречье. Час поздний, и коли вы тоже собираетесь завтра в дорогу, то и вам не помешает выспаться. А я очень устал. – Перрин демонстративно зевнул.

Но Берелейн и не подумала уходить.

– Ты ведь кузнец? – спросила она. – Мне в Майене как раз нужен кузнец. Хочу заказать фигурные железные решетки. Может, задержишься у меня, прежде чем отправишься в Двуречье? Думаю, в Майене тебе будет... нескучно.

– Я еду домой, – твердо заявил он, – а вам лучше вернуться в свои покои.

Она слегка пожала плечами, и юноша поспешно отвел глаза.

– Ну что ж, – пробормотала она, – не сегодня, так завтра. Я всегда добиваюсь, чего хочу. А хочу я, – Берелейн помедлила, оглядывая Перрина с головы до ног, – заполучить фигурную железную решетку. На окно моей спальни. – Она улыбнулась так невинно, что у Перрина кровь застучала в висках.

Дверь снова открылась, и в комнату вошла Фэйли.

– Перрин, – произнесла девушка, – сегодня я была в городе, искала тебя, и до меня дошел слух... – Она осеклась, увидев Берелейн.

Первенствующая не обратила на Фэйли никакого внимания. Подойдя к Перрину вплотную, она игриво пробежала пальцами вверх по его руке к плечу. На миг юноше показалось, что она хочет пригнуть к себе его голову и поцеловать. Берелейн и впрямь подняла лицо, но в то же мгновение отступила, ласково погладив Перрина по шее. Все произошло так быстро, что он даже пальцем шевельнуть не успел, чтобы остановить ее.

– Помни, – тихим голосом промолвила Берелейн, как будто они были одни в комнате, – я всегда добиваюсь своего. – С этими словами она повернулась и, пройдя мимо Фэйли, вышла из комнаты.

Перрин ждал, что сейчас Фэйли задаст ему жару, но она лишь глянула на набитые седельные сумы на кровати и сказала:

– Видно, и до тебя дошел этот слухок. Но, Перрин, это ведь только слух.

– Коли толкуют о желтых глазах, это уже не просто слухи, – отозвался юноша.

«Почему она так спокойна? – недоумевал он. – Я-то думал, она вспыхнет, как сухая солома, брошенная в костер».

– Ладно, – промолвила Фэйли. – Но как ты собираешься отделаться от Морейн? А что, если она попытается остановить тебя?

– Не попытается, если не узнает. Но даже если попробует, я все равно уйду. Фэйли, у меня в Двуречье друзья и родные, и я не могу оставить их на милость белоплащников. Ну а Морейн... Надеюсь, она не прознает о моем уходе, пока я не окажусь далеко от города.

Даже глаза у Фэйли были спокойны, как темная гладь лесного озера. От ее невозмутимости у Перрина зашевелились волосы на затылке.

– Но подумай, сколько времени потребовалось на то, чтобы эти слухи дошли до Тира, – не одна неделя. А ты будешь добираться до дома куда дольше. Может, к тому времени белоплащники уже уберутся из Двуречья. Пойми, я сама хочу, чтобы ты ушел отсюда, и не мне тебя отговаривать. Просто ты должен как следует все обдумать.

– Я доберусь туда быстро, если пойду Пути, – сказал Перрин, – это займет дня два, от силы три. – Он надеялся, что поспеет за два дня, хотелось бы побыстрее, но, увы, это невозможно.

Фэйли уставилась на него, будто не веря своим ушам.

– Ты такой же сумасшедший, как Ранд ал'Тор, – выпалила она, а затем уселась на кровать, положив ногу на ногу, и принялась поучать его, точно несмышлениша: – Зайди в Пути – и выйдешь оттуда, потеряв рассудок. Если, конечно, вообще выйдешь, на что мало надежды. Пути поражены порчей, Перрин! Там уже три, а то и четыре сотни лет царит непроглядная тьма. Спроси у Лойала – он тебе все расскажет. Это ведь огиры создали Пути – то ли построили их, то ли вырастили. Но теперь и они носу туда не кажут. И наконец, если тебе все же каким-то чудом удастся проскочить через Пути невредимым, одному Свету ведомо, где ты выберешься наружу.

– Я уже бывал в Путях, Фэйли. – От этого путешествия у Перрина сохранились не лучшие воспоминания. – Лойал проведет меня, как в прошлый раз. Он умеет читать указатели и отыщет для меня верную дорогу. Когда узнает, как это важно, он поможет мне снова. – Перрину казалось, что Лойал сам не прочь убраться из Тира; видимо, он опасался, что его разыщет мать. Юноша был уверен, что огир не откажет ему в помощи.

– Ну ладно, – сказала Фэйли, нервно потирая руки, – я ведь искала приключений, а это, пожалуй, как раз то, что мне нужно. Уехать из Тира, прочь от Дракона Возрожденного, пройти Путями и сразиться с белоплащниками. Как думаешь, сумеем мы убедить Тома Меррилина отправиться с нами? Раз уж нет барда, сгодится и менестрель. Он мог бы сочинить песню, героями которой станем мы – ты и я, а не Дракон Возрожденный или Айз Седай. Когда выступаем? Утром?

Перрин глубоко вздохнул и сказал, стараясь придать голосу твердость:

– Фэйли, я пойду один. Со мной будет только Лойал.

– Нам потребуется выючная лошадь, – сказала Фэйли, будто не расслышав его слов, – нет, пожалуй, две. В Путях темно, значит надо захватить с собой фонари и побольше лампового масла. А как твои земляки, Перрин? Они ведь фермеры. Станут ли они драться с белоплащниками?

– Фэйли, ты слышала, что я сказал?..

– Да слышала, слышала, – отрезала девушка. Набегавшие тени придавали ей суровый вид. – Ты, как всегда, сморозил глупость. А если твои фермеры не захотят идти на бой? Разве они умеют сражаться? Кто станет обучать их? Ты? В одиночку?

– Я сделаю то, что должен, – терпеливо ответил Перрин, – и обойдусь без твоей помощи.

Фэйли порывисто вскочила с места, будто собираясь вцепиться ему в горло:

– Может, ты думаешь, Берелейн пойдет с тобой? Станет она защищать тебя со спины? Или ты предпочитаешь, чтобы она мурлыкала, сидя у тебя на коленях? Заправь рубаху, ты, олух волосатый! Почему это у тебя такая темень? Может, оттого, что Берелейн нравится полумрак? Как же, дождешься ты от нее помощи против Чад Света!

Перрин открыл было рот, чтобы оправдаться, но сказал вовсе не то, что собирался:

– А она совсем недурна собой, эта Берелейн. Какому мужчине не понравится, коли такая крошка усядется ему на колени. – Боль в глазах Фэйли пронзила его сердце, но он заставил себя продолжить: – Я подумываю, не отправиться ли мне в Майен, после того как покончу с делами дома. Она, знаешь ли, меня приглашала.

Лицо Фэйли окаменело. Некоторое время она смотрела на него, не произнося ни слова, затем резко повернулась и выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

Перрин бросился было ей вдогонку, но замер, вцепившись руками в дверной косяк. Глядя на след, оставленный на двери его топором, юноша в отчаянии заговорил; говорил он то, чего не мог сказать ей:

– Я убивал белоплащников. Убивал, защищаясь, но в их глазах я преступник. Фэйли, я возвращаюсь домой, чтобы умереть. Это единственный способ спасти моих земляков. Пусть белоплащники повесят меня и оставят в покое Двуречье. Поэтому я не могу взять тебя с собой. Не могу. Ты бы попыталась помешать им, и тогда...

Перрин уперся лбом в дверь. Теперь, во всяком случае, она не будет жалеть о нем. Это самое главное. Пусть найдет себе другое приключение, подальше от белоплащников, тавернов и пузырей зла. Только это имеет значение. Беда не должна коснуться ее. Но как же ему хотелось завывать от тоски и душевной боли.

Фэйли стремительным шагом неслась по коридорам, не замечая шарахавшихся в стороны встречных. Перрин. Берелейн. Перрин. Берелейн.

«Неужто ему нужна эта белолицая потаскуха, которая вечно болтается повсюду чуть не голышом? Да он и сам не знает, что ему нужно. Болван волосатый! Шут тупоголовый! Одно слово – кузнец! А уж эта змея подколодная, Берелейн. Еще и нос задирает, коза безрогая!»

Фэйли сама не понимала, куда идет, пока неожиданно не заметила в отдалении Берелейн, шествовавшую скользкой походкой, в одеянии, открывавшем куда больше, чем скрывавшем. Все ее движения были рассчитаны на то, чтобы привлекать взгляды мужчин. Не успев понять, что делает, Фэйли обогнала Берелейн и на пересечении коридоров преградила ей путь.

– Перрин Айбара – мой, – выпалила она. – Держись от него подальше со своими улыбочками!

Произнеся это, Фэйли покраснела до корней волос. Надо же было такое ляпнуть. Не хватало еще, чтобы она, словно обычная деревенская девчонка, ввязалась в драку из-за этого олуха.

Берелейн холодно приподняла бровь:

– Твой, говоришь? Что-то я не заметила на нем ошейника. У вас, служанок, или кто ты там – фермерская дочка? – вечно что-то странное на уме...

– Служанка?! Кто служанка?.. Я?!..

Фэйли прикусила язык, сдерживая рвавшуюся с него брань. Тоже мне важная птица – Первенствующая в Майене! Да весь ее Майен меньше иного салдэйского поместья. При салдэйском дворе она бы и недели не протянула. Хотелось бы посмотреть, как бы она стала читать стихи во время соколиной охоты. А смогла бы она, весь день проведя в седле, за полночь играть на цитре, обсуждая заодно, как отражать набеги троллоков? Она думает, что знает, как обходиться с мужчинами, да? А известен ей язык вееров? Известно ли ей, как дать мужчине знать о своих мыслях и чувствах, желаниях, о том, подойти ли тому или остаться рядом, да и о многом еще, одним лишь движением запястья, легким взмахом кружевного веера... «Осияй меня Свет! – опомнилась Фэйли. – О чем это я? Сама же поклялась никогда в жизни больше не брать в руки веера!» Но в Салдэе умели обращаться не только с веерами. Неожиданно Фэйли поняла, что в руке у нее нож, а по салдэйским обычаям нож стоит вытаскивать лишь в том случае, если собираешься им воспользоваться.

– Мы, салдэйские простолюдинки, умеем окорачивать распутниц, сманивающих чужих парней. Если ты сейчас же не поклянешься оставить Перрина Айбара в покое, я обрею тебя наголо, голова будет как яйцо. Может, тогда ты и приглянешься какому-нибудь птичнику!

Неуловимым движением Берелейн схватила Фэйли за запястье. Не успев понять, что случилось, девушка взлетела в воздух и грохнулась на пол с такой силой, что и вздохнуть не могла.

– Такой обычай у нас в Майене, – сказала Берелейн, с улыбкой похлопывая по ладони клинком выхваченного из руки Фэйли ножа. – Тир частенько подсылает к нам наемных убийц, а стража не всегда оказывается рядом. Я презираю твои потуги, деревенщина, а потому поступлю вот так. Твоего кузнеца я заберу себе, и он останется у меня вместо собачонки до тех пор, пока не надоест. Даю тебе в том огирскую клятву. Он ведь и впрямь недурен. Такие плечи, ручищи, не говоря уж о глазах. Малость неотесанный, конечно, но, думаю, это можно исправить. Мои придворные научат его одеваться и посоветуют сбрить эту дурацкую бороду. Куда бы он ни отправился, я найду его и заполучу. Ну а когда он мне наскучит, можешь забрать его себе. Если, конечно, ты к тому времени еще будешь его интересоваться.

Фэйли удалось наконец набрать в легкие воздуха; поднявшись на ноги, она выхватила второй нож.

– Сейчас я сдеру с тебя то, что ты считаешь одеждой, отволоку к нему и заставлю в его присутствии признаться в своем бесстыдстве!

Выкрикивая эти слова, Фэйли думала: «Свет! Что же я делаю, ведь я и впрямь говорю и веду себя как последняя деревенщина!» Хуже всего было то, что она действительно собиралась претворить свою угрозу в жизнь.

Берелейн была настороже и сложила ладони веером, приготовившись отразить нападение. Судя по всему, она намеревалась драться голыми руками, а не отобранным у Фэйли ножом. Осторожно, мягко ступая, Фэйли на цыпочках двинулась ей навстречу.

И в этот момент между девушками неожиданно вырос Руарк и вырвал ножи у обеих – те и опомниться не успели.

– Вам что, мало той крови, что пролилась сегодня вечером? – сурово спросил он. – Вот уж от кого я не ждал драки, так это от вас.

Фэйли оторопела, но только на миг. Развернувшись всем корпусом, она нанесла удар кулаком, метя Руарку под ребра. Такой удар сбил бы с ног и самого сильного мужчину.

Однако айилец, даже не взглянув в ее сторону, перехватил руку Фэйли и, вывернув, прижал к ее же бедру. Неожиданно для себя Фэйли обнаружила, что не в силах пошевелиться. Оставалось лишь надеяться, что Руарк не повредил ей в руке сустав.

Как будто ничего не случилось, айилец обратился к Берелейн:

– Сейчас ты отправишься в свои покои и не высунешь оттуда носа, пока солнце не поднимется над горизонтом. А я прослежу, чтобы тебе не приносили никакой снеди. Авось, малость поголодав, ты смекнешь, что сейчас не время и не место для свар.

Берелейн гордо подняла голову:

– Я – Первенствующая Майена. Ты не смеешь мною помыкать, как...

– Ступай в свои покои. И сейчас же, – спокойно повторил Руарк.

Фэйли тем временем решила, что, пожалуй, сумеет пнуть его ногой, но, видимо, даже мысль об этом заставила ее слегка напрячься, что не укрылось от Руарка. Он чуть-чуть повернул ей запястье, и девушке пришлось привстать на цыпочки.

Айилец между тем продолжал говорить с Берелейн:

– А если откажешься, придется повторить наш предыдущий разговор. Прямо здесь.

Берелейн то краснела, то бледнела.

– Ладно, – проговорила она наконец дрожащими губами, – если ты настаиваешь, я, возможно...

– Не собираюсь с тобой спорить, – отрезал Руарк. – Считаю до трех – и чтоб я тебя больше не видел, не то... Раз...

Охнув, Берелейн подхватила юбку и пустилась наутек. Но, даже удирая, она ухитрилась покачивать бедрами.

Фэйли с изумлением воззрилась ей вслед. Такое зрелище стоило вывернутой руки. Руарк тоже следил за Первенствующей. На губах его играла легкая усмешка.

– Ты что, собираешься держать меня всю ночь? – спросила Фэйли.

Руарк отпустил ее руку, а оба отобранных ножа заткнул себе за пояс.

– Это мои ножи! – протестовала девушка.

– Я забираю их. Такова расплата, – пояснил айилец. – Наказанием для Берелейн, которой придется сидеть взаперти, как нашкодившей девчонке, стало то, что ты стала тому свидетелем. Ты же лишишься ножей, которые так ценишь. Считай, легко отделалась, я ведь знаю, что у тебя и другие есть. А станешь спорить, я и те заберу. Мир и порядок нарушены не будут, я этого не допущу.

Фэйли возмущенно уставилась на него, но промолчала. Она поняла, что Руарк слов на ветер не бросает. Остаться вовсе без ножей ей не хотелось – они были сделаны настоящим мастером, специально для нее, как раз по руке.

– А что ты имел в виду, когда напомнил ей о предыдущем разговоре? – спросила Фэйли. – То-то я удивилась, когда она припустила во всю прыть.

– Это касается только ее и меня. А тебе я вот что скажу: не задирай ее больше, Фэйли. Сдается мне, не она затеяла эту стычку. Ее оружие – вовсе не ножи. А вздумаете еще чего учинить – обе отправитесь вывозить отбросы. Здесь, в Тире, кое-какие задиры вздумали было

не считаться с тем, что я провозгласил мир в этом месте, и продолжили сходить в поединках, но запах нечистот живо их образумил. Надеюсь, тебя не придется учить уму-разуму таким же образом.

Фэйли дождалась его ухода и лишь тогда ощупала ноющее плечо. Руарк напомнил ей отца. Тот, конечно, не выворачивал ей рук, но, как и Руарк, не давал спуску задирам и забиякам, независимо от их положения. И никому не удавалось заставить его врасплох. Может, стоит подначить Берелейн на новую ссору – ради того, чтобы посмотреть, как Первенствующая Майена, обливаясь потом, катит тачку с отбросами. Но Руарк обещал, что такое развлечение достанется обоим. И похоже, не передумает; ее отец тоже всегда держал свое слово. А вот Берелейн... Что-то из сказанного ею тревожило Фэйли. Огирская клятва. Так говорили, когда хотели подчеркнуть нерушимость данного обещания. Огиры никогда не нарушали своих обетов. «Огир-клятвопреступник» звучало бы так же нелепо, как «отважный трус» и «мудрый глупец».

– Так ты задумала отобрать его у меня, курица безмозглая? – произнесла Фэйли вслух и громко рассмеялась. – Да к тому времени, когда ты увидишь его снова, если вообще увидишь, он станет моим навсегда.

Посмеиваясь и время от времени потирая плечо, Фэйли направилась к себе. На душе у нее полегчало.

Глава 15

За порогом

Высоко подняв стеклянную масляную лампу, Мэт всматривался вглубь коридора, проложенного в недрах Твердыни.

«Я обещал, что не сунусь туда, пока от этого не будет зависеть моя жизнь, – твердил он себе. – Но сожги меня Свет, если этот час не настал!»

Чтобы прогнать сомнения, Мэт поспешил вперед мимо полусгнивших, болтающихся на проржавевших петлях дверей. Пол, как видно, подмели совсем недавно, но в воздухе стоял застарелый запах пыли и плесени. Что-то зашуршало в темноте, и Мэт выхватил нож, прежде чем сообразил, что это просто крыса, поспешившая сбежать от него. Та моментально скрылась – видать, знала здесь все ходы и выходы.

– Указала бы ты выход мне, – прошептал он вдогонку крысе, – я бы пошел за тобой.

«И чего это я шепчу? – подумал Мэт. – Здесь же ни души».

Но само подземелье казалось созданным для тишины. Юноша словно чувствовал над головой гнетущую тяжесть Твердыни.

Последняя дверь – так говорила Эгвейн. Эта дверь тоже висела наперекосяк. Мэт пнул ее, и от удара она развалилась на части. Перед ним предстал темный подвал, загроможденный всевозможной рухлядью. В тусклом свете лампы вырисовывались неясные очертания сундуков и бочек, сложенных штабелями у стен или груды высившихся посреди подвала. Все это было покрыто толстым слоем пыли. «Надо же, и это они называют Великим хранилищем! Да у любого захудалого хуторянина в погребе больше порядка!» Странно, что Эгвейн с Найнив не прибрались здесь, когда спускались в подземелье в прошлый раз. Женщин, как известно, хлебом не корми, а дай навести порядок, особенно там, где это вовсе не требуется. Кое-где в

пыли виднелись следы, в том числе и от мужских сапог. Найнив и Эгвейн наверняка привели с собой слуг, чтобы те ворочали для них тяжести. Найнив вообще любила заставлять мужчин работать – вид праздного мужчины вызывал у нее раздражение.

Разглядывая кучу хлама, Мэт сразу обнаружил то, что искал. Высокую дверную раму из краснокамня. В колеблющемся свете лампы она выглядела как-то странно. Мэт подошел поближе и вгляделся – и впрямь чудная дверь. Вроде как перекошенная. Глаз подмечал, что углы соединены неверно. Высокий каменный прямоугольник казался хрупким: дунь – и развалится, но, когда Мэт для пробы слегка пихнул раму, оказалось, что она стоит прочно. Он толкнул посильнее, и мурашки пробежали у него по коже. Нижняя часть рамы качнулась, разворошив пыль. Может, эта штукавина подвешена к потолку? Он поднял лампу и присмотрелся, однако ни проволоки, ни веревки не обнаружил. «Ну что ж, во всяком случае, ничто не оборвется и она не грохнется, когда я в нее полезу. Свет, неужто я и вправду собрался пройти туда?»

На днище высокой перевернутой бочки громоздилась куча каких-то статуэток и прочих мелких предметов, завернутых в полусгнившее тряпье. Мэт сгреб весь этот хлам в сторону и поставил на бочку лампу, чтобы получше разглядеть дверную раму. Точнее, тер'ангриал, если, конечно, Эгвейн знала, что говорит. Хотя, скорее всего, она знала: небось насмотрелась в Башне всяких диковин, хоть и делает вид, будто ничего в них не смыслит. «Просто так отнекиваться она не станет, уж теперь-то. Недаром ведь собирается стать Айз Седай. От этой-то мысли она не отказалась? Или уже выбросила ее из головы? Про эту штуковину она все-таки мне рассказала, только правду ли?» Если посмотреть искоса, тер'ангриал походил на дверную раму – каменную, слегка отполированную и потускневшую от пыли. Обычную дверную раму. Впрочем, на гладком камне были четко выгравированы три волнистые линии, идущие сверху вниз. Однако и в захолустных деревушках двери порой украшают резьбой позатейливее. А не получится ли так, что, пройдя сквозь эту раму, он окажется все в том же пыльном подвале?

«Ну, пока не попробуешь, все одно ничего не узнаешь. Так где моя удача?»

Юноша глубоко вздохнул, закашлявшись от пыли, и ступил в дверной проем.

Ступил и словно прошел сквозь густую завесу ослепительного белого света – бесконечно яркую и бесконечно густую. На миг он ослеп; уши его заполнил невероятный гул – как будто все звуки мира слились воедино. Всего лишь шаг – и всего лишь миг, но Мэту показалось, что он длился целую вечность.

Когда все кончилось, юноша огляделся по сторонам и с изумлением увидел, что находится в совершенно незнакомом месте. Тер'ангриал – скособоченная дверная рама – стоял теперь посреди круглого зала с таким высоким потолком, что его невозможно было разглядеть: он терялся где-то в тенях. Зал окружала причудливая колоннада – вверх вздымались желтого цвета спирали, напоминавшие обвившиеся вокруг невидимых шестов виноградные лозы. На верхушках спиральных столбов мягко светились шары из неизвестного металла, чем-то похожего на серебро, но более тусклого. Непонятно было, почему они светились, – огонь внутри этих шаров не горел, – они излучали свет сами по себе. Пол был выложен белыми и желтыми плитками, складывающимися в расходящиеся от тер'ангриала спирали. Воздух был пропитан тяжелым запахом – острым, сухим и не особенно приятным. Мэт обернулся и чуть было не шагнул обратно.

– Долго... – послышался тихий голос.

Мэт подскочил, мгновенно выхватил нож и огляделся в поисках того, кто это произнес.

– Долго приходится ждать взыскующих, ищущих ответов, но они являются вновь и вновь. – (Между колоннами показалась неясная фигура. Вроде бы человек, решил Мэт.) – Итак, ты явился. Хорошо. Надеюсь, согласно договору, действие которого непреложно, ты не принес с собой ни ламп, ни факелов, ни железа, ни музыкальных инструментов.

Говоривший подступил ближе. Он был высок, бос и облачен в желтое одеяние, слоями обмотанное вокруг тела, рук и ног. Приглядевшись, Мэт уже не был уверен в том, что это мужчина, и даже в том, что это человек. Правда, с виду незнакомец напоминал человека, но казался слишком изящным, слишком тонким для своего роста. И лицо у него было узкое и вытянутое. Прямые черные волосы и кожа поблескивали в бледном свете, будто змеиная чешуя. Нет, это не человек, решил Мэт, глядя в его глаза с узенькими вертикальными щелочками зрачков.

– Железо? Музыкальные инструменты? У тебя их нет? – повторил вопрос незнакомец.

Мэт удивился: похоже, его нож вовсе не волновал это существо. Может, оттого что он выкован не из железа, а из доброй стали.

– Нет. Ни железа, ни инструментов... Почему... – Юноша вовремя прикусил язык. Предупреждала же Эгвейн, что можно задать только три вопроса, – так стоит ли тратить их, выясняя, при чем тут железо и музыкальные инструменты.

«Некогда ломать голову, почему этого типа тревожит, не рассовал ли я по карманам с десяток барабанов и не тащу ли на спине целую кузницу».

– Я явился сюда в поисках правдивых ответов, – заявил Мэт. – Если ты не в состоянии дать их, отведи меня к тем, кто может.

Мэт решил, что незнакомец все-таки является существом мужского пола. Тот слегка улыбнулся Мэту – зубов у него юноша не увидел – и произнес:

– Все – согласно договору. Идем. – И он поманил юношу длинным тонким пальцем. – Ступай за мной.

– Иди первым, я пойду за тобой, – сказал Мэт и спрятал нож в рукаве.

«Только все время держись на виду, а то мне что-то не по себе здесь».

Место, как и тот странный незнакомец, за которым шагал Мэт, и впрямь было чудным – те, кто строил эти покои, ухитрились спланировать их так, что нигде не было ни одной прямой линии, не считая пола, выложенного плитами, складывавшимися в спиральные, змеившиеся узоры. Стены все время изгибающихся переходов клонились наружу, потолки были сводчатыми, с замысловатыми и по виду бронзовыми переплетениями, двери имели арочные проемы, а завершали картину совершенно круглые окна. Нигде не было видно ни картин, ни фресок, ни гобеленов – и повсюду причудливый извилистый орнамент.

И вокруг ни души, если не принимать в расчет его молчаливого провожатого. Все это время Мэта не оставляло неведомое откуда взявшееся ощущение, что некогда он бывал здесь – здесь, где столетиями не ступала нога человека, – и что тогда он ощущал то же самое. Порой краем глаза он улавливал за колоннами какое-то движение, но как бы стремительно ни оборачивался, так и не смог никого увидеть. Ему стало не по себе, и, сделав вид, что потирает запястье, он проверил, на месте ли спрятанный в рукаве нож.

Еще более странным казалось то, что он видел сквозь круглые окна. Там росли необычные деревья – одни были украшены лишь зонтиком ветвей на верхушке, другие походили на огромные веера из листьев, напоминавших кружева, и росли они так плотно, что наводили на мысль о густых зарослях дикого шиповника. И хотя в небе не было ни облачка, все терялось в дымке. Бесчисленные окна тянулись вдоль одной стены изгибающегося коридора; порой окна шли вдоль другой стены. Но вид не менялся – никаких внутренних двориков или покоев, все тот же лес. И, поглядывая в эти окна, Мэт не уловил и намека на другие части дворца, по которому шагал, не заметил никакого здания, кроме...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.